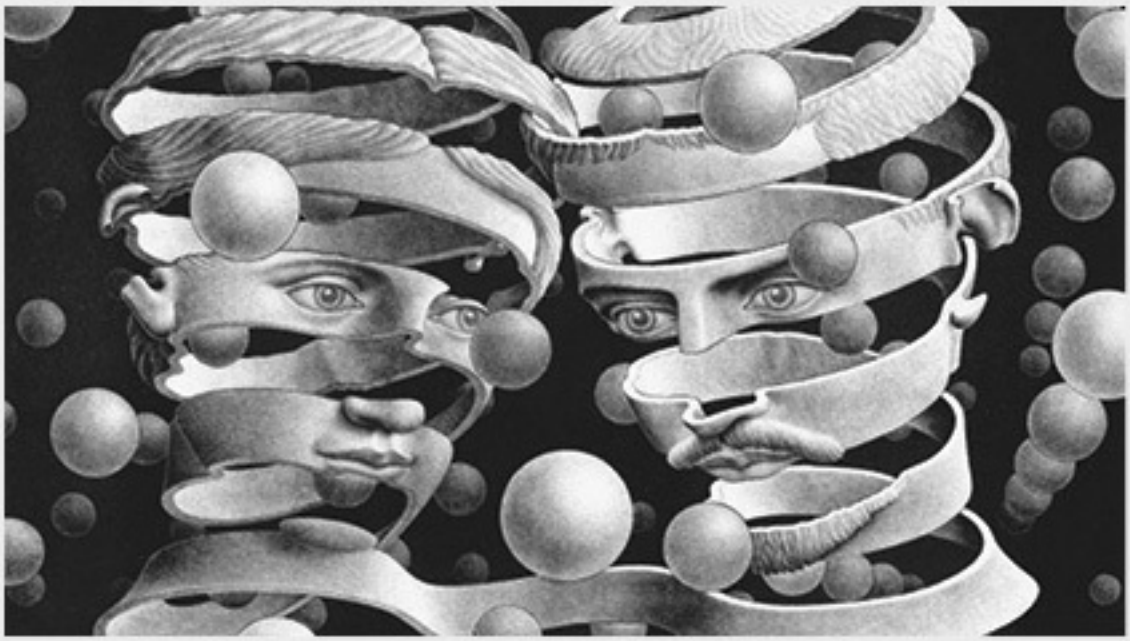
Ян Стивенсон

Реинкарнация

Исследование европейских случаев, указывающих на перевоплощение

Возможно, наиболее убедительное доказательство реальности феномена перерождения

Самадхи (Ганга – Ориенталия)

Ян Стивенсон

Реинкарнация. Исследование европейских случаев, указывающих на перевоплощение

«ИД Ганга»
2003

УДК 294.3
ББК 86.35

Стивенсон Я.

Реинкарнация. Исследование европейских случаев, указывающих на перевоплощение / Я. Стивенсон — «ИД Ганга», 2003 — (Самадхи (Ганга – Ориенталия))

ISBN 978-5-907059-09-2

Многие мировые культуры верят в то, что умерший человек может вновь вернуться в этот мир, перевоплотившись, или приняв рождение в новом теле, тогда как на Западе подобные идеи традиционно отрицались.Эта книга посвящена изучению обширной подборки случаев, имевших место в Европе и указывающих на возможность подобного перевоплощения, или реинкарнации. Как и другие работы доктора профессора Стивенсона, она является ярким образцом тщательности и академичности его исследований.

УДК 294.3
ББК 86.35

ISBN 978-5-907059-09-2

© Стивенсон Я., 2003
© ИД Ганга, 2003

Содержание

Благодарности 7
Предисловие 9
На заметку читателям 10
I. Верования европейцев в перевоплощение 11
II. Неисследованные случаи, начиная с первой трети XX века 17
Сообщения о случаях 19
Джузеппе Коста 19
Бьянка Баттиста 25
Алессандрина Самона 26
Бланш Куртен 30
Лаура Рейно 31
Георг Нейдхарт 34
Кристоф Альбре 44
Джеймс Фрейзер 47
Итоговые замечания о более давних случаях 51
III. Исследованные случаи, начиная со второй половины XX века 52
Сообщения о случаях с детьми 55
Глэдис Декон 55
Дженни Маклеод 58
Кэтрин Уоллис 62
Карл Эдон 70
Уилфред Робертсон 75
Джиллиан Каннингем 79
Дэвид Льювелин 81
Грэхем Ле-Грос 86
Джиллиан и Дженнифер Поллок 89
Надеж Жегу 92
Вольфганг Нойрат 98
Гельмут Крауз 103
Альфонсо Лопес 105
Гедеон Хэйч 111
Эйнар Йонссон 123
Дитта Ларусдоттир 129
Марья-Лииса Каартинен 134
Тару Ярви 138
Пааво Сорса 143
Самуил Хеландер 146
Теуво Койвисто 152
Сообщения о случаях: повторяющиеся или ясные сны 158
Дженни Маклеод 158
Томас Эванс 161
Уильям Хенс 165
Уинифред Уайли 168
Джон Ист 178
Трауде фон Хуттен 188
Луиджи Джоберти 195

Сообщения о случаях: разное 200
Рупрехт Шульц 200
Эдвард Райалл 212
Питер Эйвери 220
Генриетта Рус 223
IV. Общее обсуждение 238
Об авторе 243
Приложение 245
Библиография 249

Ян Стивенсон
Реинкарнация. Исследование европейских случаев, указывающих на перевоплощение

Ian Stevenson
European Cases of the Reincarnation Type

© Ian Stevenson, 2003
© И. Лапшин, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление ООО ИД «Ганга», 2018

* * *

Благодарности

Первым делом я должен выразить свою благодарность как непосредственным участникам этих событий, так и их свидетелям за то, что они открыто поделились со мной тем, что знали, и разрешили мне опубликовать свои рассказы на страницах книги.

Помимо них я также признателен тем, кто писал мне о таких случаях. Особенно мне хотелось бы упомянуть недавно умершую Зою Алацевич, Риту Кастрен, Франциско Коэльо, доктора Эрлендура Харальдссона, покойного доктора Карла Мюллера и также ушедшего от нас доктора Уинфреда Рашфорта.

Доктор Николас Макклин-Райс провёл первые опросы по трём случаям. Доктор Эрлендур Харальдссон в Исландии, Рита Кастрен в Финляндии и Бернадет Мартинс в Португалии помогали мне как переводчики.

Несколько историков поделились со мной своими мнениями и соображениями касательно отдельных нюансов случая Эдварда Райалла. За эту помощь я благодарен Патриции Крут, Роберту Даннингу, Питеру Эрлу, Джону Фаулзу, Дереку Шорроксу и У. М. Уигфилду.

В случае Джона Иста мне помогал доктор Алан Голд, покойный Гай Ламберт и полковник У. Л. Вейл.

За такую же помощь в моей работе со случаем Трауде фон Хуттен я хочу поблагодарить доктора Гюнтера Штайна и доктора Генриха Вендта.

Эдит Тернер снабдила меня полезными сведениями для случая Гедеона Хейча. Помимо неё за помощь в этой моей работе я благодарю издательство Эдуарда Фанкхаузера, за его разрешение цитировать отрывки из книги *Einweihung* авторства Элизабет Хейч.

Анжелика Нейдхарт позволила цитировать отрывки из тетради её отца, Георга Нейдхарта, в которой он описал свой опыт. Я также благодарю её за разрешение опубликовать рисунок замка, сыгравшего свою роль в том, что случилось с её отцом.

Полковник И. К. Тейлор прислал мне подробное описание солдат обеих армий в сражении при Каллодене, что было немаловажно в случае Дженни Маклеода.

Работники Австрийского военного архива, отдела Национального архива в Вене, любезно ответили на мои вопросы о деле Гельмута Крауза.

Дон Хант выказала необычайное знание дела, обнаружив в библиотеках целый ряд малоизученных источников информации, а нередко и забирая бумаги на дом. Кроме того, она помогала выявлять некоторые особенности европейских случаев.

Громадную помощь мне оказали работники многих библиотек. Особенно я благодарен сотрудникам Британской библиотеки, библиотеки Кембриджского университета, библиотеки имени Альдермана Виргинского университета, Баварской государственной библиотеки в Мюнхене, Муниципальной библиотеки Хадли в Эссексе и библиотеки Бодзано де Бони в Болонье. У меня не было возможности побывать в последней из упомянутых библиотек, поэтому я премного благодарен за помощь Сильвио Равальдини и Орфео Фиоччи за присланный ими материал.

Доктор Марио Варвоглис, директор Международного института сознания (Institut Métapsychique International), дал разрешение на перевод сообщения о случае, которое впервые было опубликовано в *Revue metapsychique.*

Я благодарю Эрлендура Харальдссона, Даниэлу Мейсснер, Международное агентство печати *Mirror* и национальные музеи Шотландии за разрешение публиковать фотоснимки, сделанные ими или имеющиеся у них по праву обладания.

Доктор Жан-Пьер Шнецлер и Мадлен Роуз помогали мне в поисках источников информации о вере в перевоплощение у современных европейцев.

Джеймс Мэтлок и доктор Эмили Уильямс Келли старательно проштудировали всю книгу и сделали массу ценных замечаний. Внесла свой вклад и Патриция Эстес, которая также совершенствовала книгу, внося в неё многочисленные изменения.

Предисловие

Работая над этой книгой, я преследовал три цели. Во-первых, я хотел показать, что в Европе бывают случаи, заставляющие задуматься о перевоплощении. Опубликовав сообщения о ряде гораздо более ранних случаев (сам я их не исследовал), я также получил возможность показать, что подобные случаи возникали в первой половине XX века. Почти все случаи, которые я изучил и осветил в предыдущих публикациях, имели место в Азии, Западной Африке и в племенах северо-западной части Северной Америки; почти все жители этих мест верят в перевоплощение. И лишь немногие европейцы верят в возможность реинкарнации. И хотя я могу показать, что такие случаи встречаются и в Европе, они тем не менее представляются более редкими, чем случаи в других вышеупомянутых регионах, где я обнаружил их в изобилии сразу, как только начал исследовательскую работу. На самом деле мы не знаем, происходят эти случаи в Европе реже, чем в Азии, или же в Европе о них просто реже сообщают; не исключены оба этих варианта.

Во-вторых, на мой взгляд, некоторые из приведённых здесь случаев обнаруживают сходство с теми случаями, которые я ранее исследовал в Азии. Чаще всего это: первое свидетельство маленького ребёнка о его предыдущей жизни; стирание этих воспоминаний ребёнка, когда он становится старше; высокая распространённость насильственной смерти в тех жизнях, о которых, как предполагается, вспомнили; частое присутствие в показаниях человека описания того, как именно он умер. Помимо этого, европейские исследуемые часто демонстрируют поведение, необычное в их семьях, что лишний раз подтверждает их рассказы об их предыдущей жизни.

В-третьих, я полагаю, что по крайней мере некоторые случаи, описанные в моём труде, доказывают существование сверхъестественных явлений. Тем самым я хочу сказать, что мы не можем объяснить некоторые утверждения исследуемых или их странное поведение обычными средствами общения. По этой причине перевоплощение становится правдоподобным объяснением, хотя (о чём я не перестаю говорить) и не единственным.

Даты в записях о некоторых из этих случаев показывают, что я работал над этой книгой, с перерывами, приблизительно тридцать лет. На протяжении многих лет я пренебрегал такими случаями в Европе, направляя все свои силы на то, чтобы увериться в истинности как можно большего количества случаев, сосредоточиваясь главным образом на Азии, где у исследуемых были характерные родимые пятна и врождённые дефекты. В настоящее время я вместе со своими помощниками снова активно принимаюсь за поиски европейских случаев реинкарнационного типа, чему, как я надеюсь, поспособствует публикация этой книги.

На заметку читателям

Личные имена, упомянутые в этой книге, представляют собой смесь имён подлинных и вымышленных. В некоторых случаях я изменил названия мест, чтобы гарантировать сохранение конфиденциальности упомянутых лиц.

Во многих местах я не писал уточняющие слова – например, «*заявленный», «очевидный», «кажущийся»* – перед такими существительными, как «*воспоминания»,* описывающими особенности случаев. Я сделал это для удобства чтения, а не для того, чтобы выставить уже решённым главный вопрос этих случаев: указывают ли их характерные черты на сверхъестественность данных явлений. Говоря об их сверхъестественности, я подразумеваю их необъяснимость посредством общепринятых знаний о чувственном опыте.

Для того чтобы читателям было ещё легче, в некоторых случаях я называл исследуемого (исследуемую) только по имени. Эта мера помогает мне поддерживать дружеские отношения с исследуемыми и членами их семей. С некоторыми семьями я и в самом деле подружился, но не во всех случаях, когда я использовал столь фамильярный стиль.

Я хочу показать, когда это можно, сходства между характерными чертами случаев в Европе и в других частях света, поэтому иногда я упоминаю сходные особенности случаев, произошедших за пределами Европы.

Я объясню или поясню некоторые термины, принятые мной и моими коллегами. Прежде всего мы используем термин «предшествующая личность» для умершего (признанно или предположительно) человека, к которому относятся сообщения исследуемого. В отдельных случаях рассказчики распознают предшествующую личность на основе предсказаний, сновидений или родимых пятен прежде, чем исследуемый успел сделать какие-то соответствующие утверждения о своей предыдущей жизни. Когда мы убеждаемся в том, что показания ребёнка и, возможно, другие особенности данного случая в точности характеризуют жизнь изучаемого человека, то мы описываем такой случай как *решённый*. Те же случаи, в которых нам не удалось распознать такого человека, мы называем *нерешёнными*. Случаи, в которых исследуемый и предшествующая личность являются членами одной семьи (иногда семейства в более широком смысле), мы обозначаем как *случаи одной семьи.* И мы определяем случаи, в которых исследуемый утверждает, что в своей предыдущей жизни он был противоположного пола, как *случаи смены пола.*

В Приложении вы увидите ссылки на сообщения обо всех случаях, упомянутых в этой книге.

I. Верования европейцев в перевоплощение

Эта книга описывает случаи, заставляющие задуматься о перевоплощении людей, имевшие место в Европе. Данные случаи представляют собой свидетельства различной степени достоверности. Укоренившиеся верования влияют на оценки подобных рассказов; и даже в ещё большей степени они влияют на исходные наблюдения, в результате которых были добыты эти свидетельства. Поэтому для оценки этих случаев так важно знать о вере тех или иных культур в перевоплощение. А посему я начну свою книгу с краткого обзора верований в перевоплощение у европейцев.

Некоторые древнегреческие философы верили в перевоплощение и рассказывали о нём своим ученикам. Самым древним из них был Пифагор (ок. 582–500 гг. до н. э.) (Diogenes Laertius, c. 250/1925; Dodds, 1951; Iamblichus c. 310/1965). (Как утверждается, Пифагор вспомнил свою прошлую жизнь [Burkert, 1972, Digenes Laertius c. 250/1925], но я не считаю эти сведения актуальными для данной книги). Платон, самый известный из древнегреческих сторонников идеи перевоплощения, разъяснил эту концепцию в своих многочисленных трудах – например, в сочинениях «Федон», «Федр», «Менон», (Plato, 1936) и «Республика» (Plato, 1935). Ещё один грек, Аполлоний Тианский, мудрец и философ I века н. э., сделал перевоплощение центральным принципом своего учения (Philostratus, 1912). Двумя столетиями позже Плотин (ок. 205–270 гг.) и последующие неоплатоники учили о перевоплощении (Inge, 1941; Wallis, 1972). Сам Плотин придерживался моральной концепции перевоплощения, не отличающейся от той, которая впоследствии получила развитие в Индии и явно подверглась влиянию индийской философии. Он писал: «Такие вещи <…> незаслуженно постигающие праведников, – например, кары или бедность, или болезни, можно считать происходящими вследствие проступков, совершённых ими в их прежней жизни» (Plotinus, 1909, p. 229).

Мы могли бы расширить список европейских философов, учивших о перевоплощении на территориях, подвластных Римской империи, до распространения официально признаваемого христианства, но это мало что поведало бы нам об их влиянии на обычных людей. Я думаю, что оно было незначительным. Юлий Цезарь указывал на это, когда он счёл веру в перевоплощение, обнаруженную им у друидов Галлии и Британии, достойной упоминания в своём сочинении «Галльская война» (Caesar, 1917)[1]. Повсюду, где заканчивалось римское владычество, это верование получило определённое распространение. Ряд документов северных европейцев (древних скандинавов) до христианизации этих стран указывает на то, что вера в перевоплощение встречалась и у них (Davidson, 1964; Ker, 1904), но мы не знаем, насколько распространённой она была в то время.

Новый завет описывает случаи из жизни Иисуса, благодаря которым мы можем сделать вывод не о том, что Иисус учил о перевоплощении[2], а о том, что эти представления были известны окружавшим его людям и не считались запретной темой. Однако это не означает, что все ранние христиане верили в перевоплощение; скорее всего это не так. Некоторые из тех, кто в годы раннего христианства верил в перевоплощение, называли себя или назывались дру-

[1] Вера в перевоплощение сохранялась у кельтов ещё долго после того, как они официально приняли христианство. В начале XX века Эванс-Венц (1911) писал об этом веровании жителей Шотландии, Уэльса и Ирландии.

[2] Большинство переводчиков вплоть до XIX века, а иногда и позднее, использовали слово «метемпсихоз», но некоторые упоминали эту концепцию как палингенезис; были и такие, которые применяли слово «переселение». Инге (1941) отверг метемпсихоз, предпочтя вместо него пользоваться словом «метемсоматоз», поскольку при перерождении меняются не души, а тела. В наши дни очень распространённым стало слово «перевоплощение», или «реинкарнация», его я и буду использовать в моём труде. Буддисты предпочитают слово «перерождение», которое помогает им отграничивать их концепцию анатты (недуши) от представлений индуизма и большинства других верований в перевоплощение, включающих в себя понятие о неумирающей душе, привязанной к череде сменяющих друг друга физических тел. В современных работах слово «метемпсихоз» подчёркивает возможность людей перерождаться в тела нечеловеческие, принадлежащие животным.

гими «гностиками». Они образовали свою религиозную философию прежде, чем их течение официально оформилось. Некоторые их документы поддерживают идею земных перерождений (Mead, 1921). Христианские гностики почти наверняка переняли идеи, похожие на представления греческих и, возможно, индийских философов (Eliade, 1982).

Христианские теологи, жившие в первые столетия после Иисуса, часто увлекались учениями Пифагора и Платона, которые, как я уже упоминал, тогда ещё толковали неоплатоники (Scheffczyk, 1985). Один христианский апологет, Тертуллиан (ок. 160–ок. 225), с необычайным жаром противостоял неоплатоникам (Tertullian, 1950; Scheffczyk, 1985). В нижеследующем отрывке он высмеял представление о том, что старик может умереть и позднее переродиться как младенец.

Рождаясь, каждый человек наделён душой младенца; но разве может быть, чтобы человек, умерший в старости, возвратился к жизни как младенец? Душа должна, по крайней мере вернуться в тот возраст, в котором она находилась в момент ухода, чтобы возобновить жизненный путь оттуда, откуда она сошла с него.

Если бы люди возвращались как неизменно те же самые души, пусть даже при этом они могли приобретать различные тела и абсолютно разные судьбы, то они всё же должны были бы приносить с собой назад те же самые характеры, желания и чувства, которые у них были прежде, поскольку мы едва ли имеем право признать их теми же самыми, если они не обладают именно теми характеристиками, которые могли бы доказать их тождественность [Tertullian, 1959, p. 251].

Христианам, которые поначалу были преследуемым меньшинством, пришлось зашифровывать свои верования, в результате чего появились формальные наставления как о том, во что верить, так и о том, во что не верить. Что касается перевоплощения, то развивающееся христианское вероучение сосредоточилось на учении Оригена (ок. 185 – ок. 254), учёного-святого, который попытался объединить христианские учения в своей книге «О началах». Как Плотина (бывшего практически его современником), Оригена волновал вопрос о незаслуженных страданиях, проблема теодицеи, или оправдания Бога. Он предположил, что поведение человека в жизни или в жизнях, предшествующих рождению, могло бы объяснить несправедливости в этой его жизни (Origen, 1973). Поначалу считавшиеся безобидными, представления Оригена о предсуществовании постепенно начали вызывать всё возрастающее противодействие Церкви. Некоторые историки утверждали, что Второй Константинопольский собор в 553 году предал анафеме учения Оригена, но это кажется сомнительным. Этот собор осудил другие ереси помимо ересей Оригена; его имя едва упоминается в постановлениях (Murphy and Sherwood, 1973). Тем не менее некоторые учёные пришли к выводу о том, что этот собор имел решающее значение в том, что церковь отклонила идею перевоплощения. Поэтому кажется важным отметить, что Папа Римский Вигилий отказался прибыть на собор, который, собранный императором Юстинианом, под его давлением смиренно принял все нужные ему решения (Browning, 1971). Кроме того, постановления собора в Константинополе не сразу погасили веру христиан в перевоплощение. Этот вопрос оставался нерешённым до времён Григория Великого (ок. 540–604 гг.), то есть ещё полвека (Bigg, 1913).

Серьёзные учёные разделились во мнениях относительно того, верил ли Ориген в перевоплощение и учил он ли тому, что оно происходит (Butterworth, 1973; Danielou, 1955; Kruger, 1996; Mac-Gregor, 1978; Prat, 1907). Перевоплощение подразумевает предсуществование, но предсуществование не обязательно подразумевает перевоплощение. И всё же, богословы, пёкшиеся об ортодоксии, смешивали эти две вещи. Они считали проповедование любой из этих идей опасным регрессом к учениям Пифагора и Платона и, следовательно, недозволительным отступничеством.

В последующие века о перевоплощении в Европе думали немного и ещё меньше говорили. Появлявшиеся исключения осуждались и подавлялись. Во времена Византийского возрождения ученик Михаила Пселла «в 1082 году был отлучён от церкви за проповедование языческих учений, включающих в себя, как утверждалось, переселение душ» (Wallis, 1972, p. 162)[3]. Святой Фома Аквинский (1225–1274) находил идеи Платона несовместимыми с христианством и открыто противостоял идее перевоплощения (George, 1996; Thomas Aquinas, c. 1269/1984). Однако тем временем еретические верования, в том числе и в перевоплощение, распространялись в Европе, особенно во Франции и Италии. В XIII веке катары (они же альбигойцы) на юго-западе Франции полностью отпали от римско-католической церкви. Церковь вернула себе эту территорию, только когда папа Иннокентий III разрешил солдатам из Северной Франции завоевать и покорить мятежный край на юго-западе. Северяне с крайней жестокостью выкорчевали катаризм со всеми его учениями (Johnson, 1976; *Le Roy Ladurie,* 1975; Madaule, 1961; Runciman, 1969).

Искоренение катаризма как активной религии не смогло предостеречь некоторых философов от вольнодумного одобрения представлений о перевоплощении. В конце XV века римско-католическая церковь осудила учения флорентийского платоника Пико делла Мирандолы (1463–1494), включавшие в себя идею перевоплощения. Прошло чуть больше века, и в 1600 году инквизиция приговорила Джордано Бруно к сожжению на костре за ереси, среди которых было и учение о перевоплощении (Singer, 1950).

В течение нескольких столетий, последовавших за узаконенным убийством Бруно, идея перевоплощения не доставляла неприятностей христианским церквям: ни римско-католической, ни православной, ни протестантским. А между тем эта идея крепко засела в умах многих европейцев. На неё ссылались бесчисленные поэты, эссеисты и философы. Скажем лишь для примера, что Шекспир мог надеяться на то, что театралы конца XVI века поймут его аллюзии на Пифагора в пьесах «Двенадцатая ночь», «Как вам это понравится» и «Венецианский купец»[4].

В конце XVIII века европейцы получили доступ к переводам текстов азиатских религий. Они стали лучше, чем прежде, понимать Азию и её вероучения. Однако в XIX веке немецкий философ Шопенгауэр отметил, так сказать, отчуждённость Европы от веры в перевоплощение, которой в те времена придерживалось большинство населения мира. В 1851 году он писал:

> Если бы азиат спросил меня о том, что такое Европа, то я был бы принуждён ответить ему, что это часть мира, всецело находящаяся во власти возмутительного и невероятного заблуждения о том, что рождение человека есть начало его существования и что он сотворён из ничего. [Стр. 395; перевод мой (прим. Яна Стивенсона – ред.)]

Огромным успехом у читателей пользовалась поэма сэра Эдвина Арнольда «Свет Азии», впервые опубликованная в 1879 году; эта поэма обстоятельно изложила принципы буддизма, тем самым вызвав к нему ещё больший интерес у европейцев[5]. То же самое можно сказать о теософии и о её сводной сестре, антропософии. Обе они разъясняли широкой публике индуизм и буддизм, в том числе и идею перевоплощения, в доступной для неё форме; но они пере-

---

[3] Учения отдельных людей и общин, обвинённых в ересях, от Пселла до Джордано Бруно, содержали помимо перевоплощения и другие недопустимые для церкви идеи. Иногда они предлагали смесь представлений, полученных не только от Платона, но также от манихейства или вообще благодаря свободомыслию.

[4] Хэд и Крэнстон (1977) и Макгрегор (1978) цитировали многочисленные ссылки на перевоплощение или одобрение верования в него у европейских писателей.

[5] В предисловии к своей поэме Арнольд писал: «Поколение назад в Европе было известно мало или вообще ничего, о великой вере Азии, которая тем не менее существовала к тому времени уже двадцать четыре века, а в наши дни превосходит числом своих последователей и распространённостью любое другое вероучение» (Arnold, 1879 / 1911, p. vii).

рабатывали и развивали, причём не всегда мудро, работы таких учёных-переводчиков, как Т. У. Райс Дейвидс, основавший в 1881 году Общество палийских текстов, и Макс Мюллер. К тому моменту эти учёные уже помогли Томасу Генри Гексли (биологу, а не ориенталисту) со знанием дела представить на Роменсовской лекции в 1893 году краткий обзор индуизма и буддизма, в котором он не скрывал своей симпатии к этим религиям и коснулся темы перевоплощения (Huxley, 1905).

Бергундер (1994), изучая верования в перевоплощение предков по всему миру, отмечал, что современные европейские родители иногда верят, что умерший ребёнок может вновь родиться в этой же семье в облике ребёнка, появившегося на свет уже после умершего. В качестве примера он приводит случай Бьянки Баттисты (1911), сообщение о котором я включил в эту книгу, и случай испанского художника-сюрреалиста Сальвадора Дали. Первенец родителей этого художника, получивший имя Сальвадор, умер в возрасте 21 месяца 1 августа 1903 года. Их второй сын, художник, родился чуть больше чем через 9 месяцев после этого, 11 мая 1904 года; ему дали имя его умершего брата (Secrest, 1986). Сальвадор Дали, по-видимому, никогда не говорил о том, что он помнит о жизни своего умершего брата. Однако его родители, особенно отец, верили, что их умерший сын переродился.

В середине XIX века римско-католическая церковь отказалась признать вновь объединившееся государство Италию. Антиклерикализм, развившийся позднее в том же столетии, привёл в 1905 году во Франции к юридическому разделению римско-католической церкви и государства. Некоторые сожалели о таком исходе, поскольку он открывал дорогу материализму, но свободомыслие может привести и к другим верованиям – например, в перевоплощение. Как бы то ни было, столетие спустя после того, как Шопенгауэр дал определение Европе, его высказывание уже не было столь же справедливым, как и прежде. С тем мы и приступаем к обзору верований современных европейцев.

Первый известный мне обзор появился в 1947 году. Количество опрошенных людей тогда было крайне низким, всего лишь 500 человек, и все они проживали в маленьком округе (административном районе Лондона, в Англии). Лишь около 4 % опрошенных людей легко согласились с тем, что перевоплощение существует. Однако эти люди составили 10 % от всех, кто признался в том, что он верит в сохранение нашего существования в той или иной форме после смерти (Mass-Observation, 1947).

В 1960-е годы опросы на тему религиозных верований проводились и в других (европейских) странах. В 1968 году был проведён опрос в восьми странах Западной Европы. К тому времени в перевоплощение верили в среднем 18 % опрошенных. Доля ответивших положительно колебалась в диапазоне от 10 % в Голландии до 25 % в (Западной) Германии. Во Франции в перевоплощение верили 23 % опрошенных; в Великобритании такого же мнения придерживались 18 % опрошенных (Gallup-Opinion Index, 1969).

Последующие опросы показали дальнейшее увеличение доли западноевропейцев, верящих в перевоплощение. По данным опросов, проведённых в десяти европейских странах в 1986 году, в среднем доля опрошенных, верящих в перевоплощение, увеличилась до 21 %, но это увеличение произошло, по-видимому, главным образом за счёт большого количества положительных ответов в Великобритании. В (Западной) Германии и во Франции их число осталось без изменений (Harding, Philips, and Fogarty, 1986). Опросы, проводившиеся в начале 1990-х годов, показали дальнейший рост числа тех, кто верит в перевоплощение. На этот раз в перевоплощение верили 26 % опрошенных в Германии, 28 % – во Франции и по 29 % в Великобритании и Австрии (Inglehart, Basanez, and Moreno, 1998)[6]. Опросы во Франции показали ослабление связей с римско-католической церковью. В 1966 году 80 % опрошенных причислили себя к католикам, а во время опроса 1990 года только 58 % опрошенных дали такой же

[6] На основе данных, полученных в начале 1990-х гг., невозможно рассчитать общие коэффициенты для Западной Европы.

ответ (Lambert, 1994). В том же опросе 38 % опрошенных заявили, что они не относят себя ни к какой религии, а 39 % из этой же группы верили в перевоплощение. Но не все французы, заявившие о своей вере в перевоплощение, были людьми нерелигиозными. Напротив, 34 % из тех, кто считал себя добрым католиком, верили в перевоплощение. Тем не менее складывается впечатление, что по крайней мере во Франции рост веры в перевоплощение сопровождается, с одной стороны, снижением приверженности главной религии страны, а с другой стороны, отмежеванием от всех религий как таковых.

По-видимому, процессы, похожие на те, что имели место во Франции, происходили и в Англии, где государственной религией считается англиканская церковь. Многие люди по-прежнему относят себя к христианской церкви, будь то англиканская или какая-то другая, хотя при этом они верят не всему, что в них проповедуют (Davie, 1990). Многие из них поверили в перевоплощение, однако такие люди не обязательно вступают в какую-то группу течения нью-эйдж (Waterhouse, 1999). Проще говоря, они денационализировали свою религию (Walter and Waterhouse, 1999).

Европейцы, верящие в перевоплощение, редко объединяются в общины. (Исключением стали спириты, последователи Аллана Кардека (1804–1869 гг.), учившего о перевоплощении во Франции.) В лексиконе популярных произведений о перевоплощении в Европе часто появляются очевидные заимствования из индуизма и буддизма – например, получившие широкое распространение слова и словосочетания «карма», «астральное тело» и «записи Акаши». И нет ни одного сугубо европейского священного писания, признающего веру в перевоплощение (Bochinger, 1996).

Рост числа европейцев, верящих в перевоплощение, не остался незамеченным у тех, кто ответствен за сохранение христианской ортодоксии. Они не потерпят синкретического допущения идеи перевоплощения в рамках христианства, которая между тем пришлась по душе некоторым набожным католикам (Stanley, 1989). Влиятельные французские богословы встретили в штыки веру в перевоплощение (Stanley, 1998). Официальный катехизис римско-католической церкви во Франции категорично заявляет: «После смерти перевоплощение не происходит» (*Catechisme de l'eglise Catholique,* 1992, p. 217)[7]. Главы римско-католической церкви в Англии должны озаботиться тем обстоятельством, что столь значительная часть католической паствы верит в перевоплощение. Опрос католиков в Англии и Уэльсе, проведённый в 1978 году, выявил, что в перевоплощение верят 27 % опрошенных (Hornsby-Smith and Lee, 1979). Преподобный Джозеф С. Дж. Крехан счёл своим долгом издать памфлет, в котором он яростно обрушился на веру в перевоплощение (Crehan, 1978).

В Германии римско-католические богословы столь же воинственно встретили набирающую силу веру в перевоплощение у европейцев (Kaspar, 1990; Schonborn, 1990).

Несмотря на то, что упомянутые опросы показывают существенный рост веры в перевоплощение, они (хотя их проводили в течение нескольких десятилетий) всё же не объясняют, почему в Европе это верование приняли так много людей. Я полагаю, что эти опросы не могут дать ответ на этот вопрос, сводя всё к такому явлению, как широкое освещение учения о перевоплощениях в СМИ. Как будет показано во второй части книги, в течение первой половины XX века писали о немногочисленных случаях перевоплощения в Европе, но немногие люди стали бы читать эти сообщения, не будь у них особого интереса к данной теме. Более подробная информация о большем числе случаев стала доступной только в последней трети XX века и не могла стать причиной более раннего роста верования в перевоплощения, выявленного опросами.

---

[7] Катехизис действителен для католиков в любой точке мира, где бы они ни находились. Я сравнил французский текст с отрицательным высказыванием о перевоплощении с таким же английским текстом издания катехизиса католической церкви, опубликованного в 1994 году. Тексты совпадают слово в слово. Цитируется авторитетный источник, отрывок из послания святого Павла к евреям: «И подобно тому, как умирают только один раз и предстают перед судом» (К евреям, 9:27).

В отсутствие других исчерпывающих ответов я позволю себе сделать следующее предположение о причине снижения посещаемости церкви и роста верования в перевоплощение на протяжении последних ста или более лет. Наука, развивающаяся последние четыре столетия, сделала два важных опровержения утвердившегося христианского вероучения; я подразумеваю космологию до Коперника, Кеплера и Галилея и биологию до Ламарка и Дарвина. Уменьшение численности прихожан в христианских церквях отражает повсеместную утрату доверия к обоснованности утверждений представителей церквей.

«Бойся человека с одной книгой», – гласит арабская пословица. Странно слышать такие слова от арабов. Вместе с тем арабы – не единственный народ, уповающий только на одну книгу. Некоторые христиане продемонстрировали такой же недостаток. Однако в наши дни растёт число христиан, полагающих, что Библия верна в большей части, но не во всём. В XX веке некоторые философы благожелательно и даже с теплотой отзывались об идее перевоплощения (Almeder, 1992, 1997; Broad, 1962; Ducasse, 1961; Lund, 1985; McTaggart, 1906; Paterson, 1995), как делали это и некоторые учёные.

Труды большинства современных учёных не предлагают никакого решения проблемы очевидной несправедливости врождённых пороков, заболеваний и иных случаев явного неравенства стартовых возможностей у младенцев. Вместо этого они рисуют картину исключительно материального существования человека, завершающегося в момент смерти нашим исчезновением. Многие люди, неудовлетворённые такими представлениями (похоже, что это особенно верно для современной Европы), продолжают искать какой-то смысл жизни за пределами их нынешнего существования. Перевоплощение предлагает нам надежду на жизнь после смерти; оно обещает нам возможность в конце концов постичь причины наших страданий. Подобные предложения и обещания ещё не делают перевоплощение реалией; лишь достоверные подтверждающие данные способны показать, является оно истинным или нет. Однако то, что оно сулит нам, может объяснить увеличивающуюся привлекательность веры в перевоплощение.

II. Неисследованные случаи, начиная с первой трети XX века

В этой части я описываю восемь ранних случаев. Все они имели место в первой трети XX века. В ряде из них мы не знаем в точности, когда именно происходили эти события, тем не менее я, как мне кажется, расположил их в моей книге в верном хронологическом порядке.

Ни один из приведённых в этой главе случаев не имел стороннего наблюдения: я хочу сказать, не предполагающего личного участия наблюдателя в изучаемом случае. Мы могли бы спросить себя, какой вклад исследователь вносит в сообщение о том или ином случае. Во-первых, он (или она) должен стараться как можно точнее записать все подробности случая. А это невозможно сделать, не сотрудничая с непосредственными свидетелями. У нас есть такие свидетели в восьми случаях, включённых в этот раздел. Первые сообщения о них были записаны, за одним исключением, либо самим рассматриваемым человеком, либо его отцом, другим родственником, работодателем или просто знакомым. Исключением стал случай (впервые опубликованный), в котором человек рассказал о своем опыте одному местному уважаемому землевладельцу.

Во-вторых, исследователь расспрашивает людей, предоставивших сведения, о подробностях, о которых те, не вникая в суть происходившего, прежде не упоминали. Среди прочих подробностей немалое значение могут иметь даты. Случаи в этой части показывают, насколько широко разнообразие этих подробностей. В случае Алессандрины Самоны отец исследуемой назвал точные даты некоторых событий, имевших место в то время, когда всё это происходило, и приблизительные даты других событий. Джузеппе Коста, описавший свой опыт в автобиографии, напротив, не сопровождает ход событий, происходивших в его случае, никакими датами.

В-третьих, мы ожидаем, что исследователь оценит надёжность лиц, сообщающих сведения о таких случаях. Делать это исследователь должен, по возможности, когда он опрашивает рассказчиков. В этих восьми случаях у меня не было такой возможности, если не считать Георга Нейдхарта, с которым я встречался дважды. Если исследователь не может опросить рассказчиков, то он может проверить их надёжность некоторыми другими способами. Сообщения, содержащие разного рода ошибки, внушают меньше доверия, чем сообщения, не имеющие подобных изъянов. Малозначимы и сообщения, из которых видно, что рассказчик горячо убеждает читателей, добиваясь, чтобы те согласились с его выводами. Сообщения, содержательные во всех смыслах (а таковых в этой главе, по моему мнению, большинство), позволяют читателям самим дать оценку случаю, даже если они не могут пристрастно расспросить рассказчика.

Немногие более ранние случаи, представленные в этой главе, не идут ни в какое сравнение со случаями, не столь отдалёнными от нас во времени. Тем не менее в некоторых из старых случаев обращает на себя внимание одна характерная черта, которую мы не находим в случаях наших дней. Например, в трёх ранних случаях наблюдались привидения, чего не было ни в одном из более поздних случаев. Помимо этого, в трёх старых случаях и только в одном из поздних случаев участники событий сообщили о медиумическом общении с умершими людьми. В прочих характерных чертах старые случаи сходны с более поздними.

Некоторые авторы сообщают только инициалы исследуемого или других лиц, имеющих отношение к делу, а не их полное имя. Ради удобства чтения их рассказов я заменил инициалы полными именами, которые представляют собой псевдонимы.

Сообщения о трёх случаях содержат ссылки на происходившие ранее события, подлинность которых можно проверить, обратившись к записям тех времён или к высказываниям о них историков. Я включил в книгу ссылки на эти источники.

Читатели, считающие, что сила свидетельств иссякает с течением времени[8], и те, кому кажется, будто наблюдатели в прошлом были менее вдумчивыми и критичными, чем мы, найдут эти старые случаи неубедительными. Я не принадлежу к их числу. А если читатель спросит меня, почему мы должны считать эти случаи заслуживающими доверия, то я в свою очередь спрошу его, почему мы не должны считать их таковыми.

[8] Читателям, сомневающимся в адекватности воспоминаний об этих переживаниях по причине их давности (проходили годы, прежде чем они были записаны), я рекомендую почитать об изучении этого вопроса и всестороннем его обсуждении в книгах, изданных мной и моими коллегами (Cook, Greyson, and Stevenson, 1998; Stevenson and Keil, 2000).

Сообщения о случаях

Джузеппе Коста

Об этом случае сообщил сам его главный участник в своей книге под заглавием *Di la dalla vita,* которое можно прочесть как «Жизнь в ином измерении», хотя эта книга никогда не переводилась на английский язык (Costa, 1923). Её написал Джузеппе Коста, потративший примерно 50 страниц, почти четверть книги, на описание личных переживаний, убедивших его в том, что он уже жил когда-то прежде. В остальной части книги изложен краткий обзор исследований парапсихических явлений.

Этому сообщению недостаёт датировки событий. Книга Косты была опубликована в 1923 году. Спустя несколько лет Эрнесто Бодзано, который в то время в Италии был ведущим исследователем парапсихических явлений, встретился с Костой и заинтересовался его случаем. В 1940 году в своей опубликованной книге Бодзано посвятил Косте главу, являвшую собой отчасти его беседу с Костой, отчасти компендиум того раздела книги Косты, в котором тот описал воспоминания о своей предыдущей жизни (Bozzano, 1940). Позднее эта глава была переиздана в *Luce e Ombra* (Bozzano, 1994). Бодзано не сообщил дату своей встречи с Костой. Он заявил, что книга Косты была издана «очень много лет назад», поэтому мы можем предположить, что он встретился с Костой примерно в 1935 году. В своей книге Коста не упомянул о том, когда он родился. Бодзано утверждал, что, когда они встретились, на вид ему можно было дать «лет пятьдесят». Опираясь на это шаткое свидетельство, мы можем предположить, что Коста родился около 1880 года. В 1923 году, когда он опубликовал свою книгу, ему было уже за сорок. В своей книге он отмечает, что знаменательные события его опыта произошли за «много лет» до того, как была написана эта книга. Одно важное событие в череде его переживаний (его я ещё опишу) случилось прямо перед выпускными экзаменами в колледже, то есть, по всей вероятности, около 1904 года. Коста учился на инженера, а затем и трудился по полученной специальности. Его последующие переживания, подтвердившие истинность его опыта, имели место, как мы можем полагать, до того, как ему исполнилось 30 лет, иначе говоря, – около 1910 года.

Я делаю расчёты для этого случая, доверяя Бодзано (1940/1994), но я справлялся и в книге Косты, текст которой местами отличается от текста Бодзано, пусть и в незначительной степени. Доктор Карл Мюллер, от которого я впервые узнал об этом случае, кратко описал мне его по-английски, сделав выписки из Бразини (1952), который, впрочем, ещё до того сделал выжимку из доклада Бодзано.

По моим оценкам, переживания Косты начались в раннем детстве и продолжались до возраста 30 лет с небольшим. Мы можем выделить в его опыте несколько отчётливых периодов.

Первый период начался в раннем детстве, но Коста не сказал чётко, сколько лет ему тогда было. В его семье на стене одной из комнат висела картина, на которой был изображен восточный город, башни и золотые купола которого виднелись там и тут на берегах акватории. (Позже он узнал, что на той картине были изображены Константинополь и Босфор.) Эта картина пробудила в нём череду образов, теснящихся в его уме: сцены с большим количеством вооружённых людей, плывущих кораблей, реющих знамён, шума битвы, гор, уходящего за горизонт моря, покрытых цветами холмов. Когда юный Коста пытался упорядочить эти образы в некую логичную последовательность, он счёл это трудновыполнимой задачей. И всё же яркие краски этих образов оставили в нём неизгладимый след, поэтому даже в столь раннем возрасте он уже верил в то, что когда-то он жил в этих сценах, оживавших в его уме.

Коста не сказал, где он родился, но его младенчество и детство прошли в городке Гонзага, близ Мантуи. В Мантуе он посещал читальню. Он жил в долине реки По, где местность равнинная, а до моря было около 100 километров. Коста утверждал, что, где бы ни брали начало эти образы его детства, они никак не могли быть навеяны окружавшими его видами в те годы его жизни.

Следующий период его опыта наступил у него в возрасте 10 лет, когда отец впервые взял его с собой в Венецию. Едва попав туда, он сразу испытал чувство родства с этим городом, словно он уже бывал в нём прежде, давным-давно. Той же ночью он увидел ясный сон, в котором весь пёстрый ералаш явно не связанных между собой образов, виденных им прежде, впервые выстроился в хронологическую последовательность, о чём он пишет так:

После долгого путешествия на лодках по рекам и каналам мы прибыли в Венецию. Мы плыли на барках, заполненных вооружёнными солдатами в средневековой одежде. Мне было, кажется, лет 30, и я обладал какими-то властными полномочиями. Прибыв в Венецию, мы пересели на галеры, на которых развевались два знамени: одно синее, с образом Девы Марии в окружении золотых звёзд, а другое знамя Савойи, красное с белым крестом[9]. На большей галере[10], которая была богаче расписана и разукрашена [чем другая], был тот, кому все выказывали особое почтение и кто разговаривал со мной совершенно по-дружески. Потом показалось море, казавшееся безбрежным, уходящим за горизонт. Затем мы высадились на залитый солнечным светом берег под ясным лазурным небом. Затем солдаты вновь поднялись на борт и высадилась уже в другом месте. Там отряды развели по своим местам; палатки, полные солдат, стояли рядом с городом, старые башни которого ощетинились копьями и пиками. Потом мы пошли на штурм, перешедший в яростную сечу, когда мы ворвались в город. Затем наша великолепная армия наконец-то прошла маршем по городу с его золотыми куполами, окаймлявшими славную бухту. Это был величественный город Константинополь, изображённый на картине [в нашем доме] в Гонзаге, что я выяснил позднее [Bozzano, 1940, стр. 317–18; перевод мой (прим. автора)].

Коста особо подчёркивал, что образы из его сна в точности повторяли сны его раннего детства, однако этот сон расставил их в логическом порядке, что укрепило его в вере в то, что прежде он действительно жил в сценах из его более ранних образов и этого сна[11].

Коста с юных лет живо интересовался оружием, фехтованием, гимнастикой и верховой ездой. Он так страстно увлекался этими занятиями, что забросил обязательную для него учёбу в классической школе латинской и греческой грамматики. Он записался добровольцем в армию и получил чин младшего лейтенанта в королевской кавалерии Пьемонта. Затем он поселился в Верчелли, что примерно на полпути между Миланом и Турином. Жизнь военных приводила его в восторг. Всё это казалось ему естественным, словно он вернулся к своему оставленному ранее занятию.

В Верчелли у него снова возникли необычные переживания. Однажды, когда он проходил мимо церкви Святого Андрея, звуки духовной музыки побудили его зайти в церковь. Однако, переступив её порог, он сразу испытал неприятное чувство, похожее на вину, принесённое из

[9] Здесь мы вправе задаться вопросом о том, мог ли школьник 1890-х годов, каковым, я полагаю, тогда был Коста, опознать флаг средневекового графства Савойя. Это кажется уже не столь неправдоподобным, если мы вспомним о том, что Италия объединилась в 1860-х годах под главенством савойской династии, управлявшей до того времени Пьемонтом и Сардинией. Синий флаг, изображающий Деву в окружении золотых звёзд, был менее доступной подробностью.

[10] Коста использовал итальянское слово «maggiore» (большая), тем самым подразумевая, что галер было всего две.

[11] В случае Георга Нейдхарта (о чём будет сказано ещё в этой части) главному участнику событий в детстве также являлись бессвязные образы, которые пришли в гармоничное единство в пору его молодости.

прошлого. Он не знал, что с ним делать, но предположил, что в этой церкви он, возможно, когда-то уже участвовал в каком-то ритуале, тяготившем его ум.

После этого случая Коста погрузился в свои семейные дела. Яркие воспоминания о его прошлой жизни потеряли для него значение. На самом деле он был материалистом и мог бы забыть обо всех своих ранних необычных переживаниях, если бы не случилось ещё одно, перевернувшее его убеждения.

Это переживание возникло у него, когда он готовился к аттестационным экзаменам[12]. Своими долгими и интенсивными занятиями он довёл себя почти до состояния изнеможения и, не в силах продолжать бодрствовать, рухнул на кровать. Провалившись в сон, он начал метаться и в результате задел и опрокинул масляную лампу, горевшую в изголовье. Из лампы повалил едкий дым, который быстро заполнил всю комнату. Проснувшись, он обнаружил, что висит над своим физическим телом и смотрит на него сверху вниз. Он почувствовал, что его жизнь в опасности, и в этой отчаянной ситуации каким-то образом позвал на помощь мать, спавшую в соседней комнате. Он отдавал себе отчёт в том, что способен заглянуть сквозь стену в спальню матери. Он видел, как она, мгновенно пробудившись, сначала подошла к окну своей комнаты и открыла его, а затем побежала в его комнату, где распахнула окно, чтобы проветрить её и выпустить едкий дым. Позже он вспоминал, что своими действиями она спасла ему жизнь. Особенно сильно Косту поразило то, что, когда он, осознавая физическую невозможность для себя видеть сквозь стену спальню матери, спросил её, успела ли она открыть окно в своей комнате перед тем, как прийти к нему на помощь, мать ответила ему, что она уже сделала это. Он почувствовал, что этот опыт принёс ему освобождение, и больше никогда не сомневался в том, что тело и ум обособлены друг от друга[13].

Последние необычные переживания Косты, в том числе и самое грандиозное из них, возникли, когда он с двумя друзьями совершал поездку по долине Аоста[14] и посетил несколько её замков. Коста описал свои чувства во время посещения трёх из них: Усселя, Фениса и Верреса. В Усселе он испытал чувство печали и подавленности. Как я объясню далее, впоследствии он связал это недомогание с событиями из своей прошлой жизни, чему позже получил некоторое подтверждение. В Фенисе у него не было необычных переживаний.

В Верресе он, напротив, был глубоко взволнован. Свои чувства он описал как сильные эмоции смешанного свойства: любви и сожаления. (На этой стадии он не описал никаких повторяющихся образов.) Этот разрушенный замок показался ему настолько волнующим, что он решил вернуться к нему на закате. Когда он снова пришёл к замку, разразилась сильная буря, вынудившая его остаться и провести ночь в замке. По-видимому, в то время замок был необитаемым, но он нашёл старую кровать, на которой можно было выспаться. Несмотря на разыгравшуюся бурю, он ощутил полное умиротворение и вскоре заснул. Спустя какое-то время он проснулся и заметил свечение, которое он описал как фосфоресцирующее. Этот свет разрастался до тех пор, пока не принял очертания человеческой фигуры, в которых затем стала угадываться женщина. Фигура приглашала Косту последовать за ней, что он и сделал. Кратковременная боязнь призрака сменилась очарованием; и как только он приблизился к фигуре, его охватило чувство глубочайшей любви. Тогда он услышал, как фигура произнесла: «Иблето! Я хотела увидеть тебя ещё раз прежде, чем уготованная нам небом смерть вновь соединит нас…

---

[12] По-видимому, он претендовал на получение диплома инженера. Он не говорит об этом прямо, но можно предполагать, что он уволился из армии и учился на инженера. Возможен и другой вариант: он мог продолжать службу в кавалерии неполное время, что практикуется в национальной гвардии США.

[13] Сообщение Косты несёт три характерные черты переживаний предсмертного состояния, которые, когда они возникают одновременно, по мнению моих коллег и по моему собственному разумению, указывают на продолжение существования человеческой личности после смерти. Вот эти особенности: необыкновенная ясность сознания, созерцание физического тела из другой точки в пространстве и сверхъестественное восприятие (Cook, Greyson and Stevenson, 1998).

[14] Аоста расположена в 80 километрах севернее и немного западнее Турина. Это главный город в длинной и (в Средневековье) стратегически важной долине близ нынешней границы между Италией и Францией.

Прочти недалеко от башни Альбенги запись об одной из твоих прошлых жизней… Помни обо мне и о том, что я жду тебя, пока не придёт срок».

Во время своего посещения замка Веррес Коста узнал о том, что он был построен в 1380 году человеком по имени Иблето ди Каллант. Возможно, он также узнал о том, что Иблето ди Каллант был доверенным советником Амадея VI, графа Савойского. Однако он решил постараться разузнать обо всём, что было «рядом с башней Альбенги»[15]. Вскоре он узнал о существовании нескольких башен Альбенги, по крайней мере они были в ту историческую эпоху. Какая из них была той, которую он искал? Расспросив местных жителей, он выяснил, что владельцем одной из них был потомок семьи ди Каллант. Тогда он познакомился с её владельцем, маркизом Дель Карретто ди Балестрина и, под предлогом изучения средневековой истории, попросил у него разрешение поискать какие-нибудь сохранившиеся записи об Иблето ди Калланте. Маркиз любезно предоставил Косте ряд семейных документов о семье ди Каллант, которые достались ему по наследству. Среди них Коста нашёл биографию Иблето ди Калланта, написанную Бонифацием II, владельцем Фениса, одного из замков, посещённых Костой. Эта работа представляла собой неопубликованную рукопись на французском языке[16].

Составленный Костой краткий обзор биографической книги Бонифация об Иблето ди Калланте

Иблето ди Каллант родился в 1330 году, его отцом был Джованни ди Каллант. Он унаследовал, в общей сложности, полдюжины крупных имений, в том числе Веррес и Монтджовет. С юности он был придворным графа Савойского Амадея VI (1334–1383 гг.), которого прозвали Зелёным графом за то, что он носил одежду этого цвета во время проведения турниров. Иблето ди Каллант стал советником и адъютантом Амадея VI.

Во время службы при дворе Амадея VI Иблето влюбился в сестру графа, Бланш Савойскую. Он хотел жениться на ней, но Амадей намеревался выдать её, в интересах государства, за Галиаццо Висконти, владетеля Милана. В результате Иблето, пусть и не горя желанием, женился на другой женщине, Джакометте ди Катиллон, которую подыскал для него отец.

В 1366 году Иблето сопровождал Амадея VI в довольно запоздалом крестовом походе против турок в район Константинополя. Экспедиция, отправившаяся из Венеции, остановилась где-то в Морее (в южной Греции) для перегруппировки и двинулась к Галлиполи (к тому времени турки успели отнять его у дряхлеющей Византийской империи, в 1354 году). Захватив Галлиполи, итальянцы пошли на Константинополь. Амадей понял, что император Иоанн беспомощен и не способен противостоять туркам. Разуверившись в успешности своей операции, Амадей вернулся в Италию и с тех пор играл важную роль в делах своей страны вплоть до самой своей смерти в 1383 году. Иблето ди Каллант стал советником его сына, Амадея VII, прозванного Красным графом за его пристрастие к этому цвету. Амадей VII умер в возрасте 29 лет при довольно загадочных обстоятельствах. Упав с лошади, он повредил ногу, которая не желала заживать. Возможно, он умер от столбняка. Бонифаций утверждал, что он умер на руках Иблето ди Калланта. После безвременной кончины Амадея VII в 1391 году Иблето ди Каллант какое-то время продолжал службу у Боны ди Бурбон, которая была регентом своего сына Амадея VIII, тогда ещё восьмилетнего мальчика. К концу столетия, утомлённый интригами и войнами, он удалился в замок Веррес, где и умер в 1409 году.

---

[15] Альбенга находится на итальянском побережье Лигурийского моря, примерно в 70 километрах к юго-западу от Генуи.

[16] Коста предположил, что Бонифаций написал биографию Иблето ди Калланта около 1450 года. Это был период среднефранцузского языка. Коста описал этот язык как «витиеватый, ломаный… и почти непонятный». Я удивляюсь тому, что он вообще смог читать на нём, и спрашиваю себя, не была ли эта работа написана позднее.

В 1377 году Амадей VI избавил город Бьелла (к северо-востоку от Турина) от власти епископа Верчелли. Он пленил этого епископа и почти год продержал его в заточении в замке Иблето ди Калланта Монтджовет. За этот проступок папа Григорий XI отлучил Иблето от церкви. В 1378 году Григорий XI умер, и его преемник в Риме (это было время Великой схизмы в папстве) Урбан VI отменил постановление об отлучении Иблето от церкви на том условии, что тот торжественно покается перед епископом Верчелли в церкви Святого Андрея. Иблето выполнил условие. Коста верил, что отголоски воспоминаний об этом унижении объясняет то чувство подавленности, которое он испытал, когда ещё юношей вошёл в церковь Святого Андрея в Верчелли.

Коста также нашёл объяснение неприятному чувству, которое он испытал в Усселе, когда узнал (из документов в Альбенге) о том, что два члена семьи ди Каллант, владевших замком Уссель, грабили и разоряли жителей долины. Граф Савойский наложил на них штраф, который всё равно не возместил ущерб, причинённый ими доброму имени своей семьи.

Сведения о Иблето ди Калланте, добытые из других источников

Я счёл немаловажным разузнать о жизни Иблето ди Калланта из других источников помимо (по-видимому, всё ещё не опубликованной) рукописной биографии, написанной Бонифацием.

История графов Савойских в XIV веке не очень интересовала англосаксонских историков. В достаточно подробной истории Венеции экспедиции графа Савойского против турок в 1366 году отведено две строки (Norwich, 1982). В этой работе упоминается, что Венеция неохотно предоставила для нужд экспедиции две галеры. В истории Венеции эпохи позднего Средневековья (Hodson, 1910) я нашёл следующее подстрочное примечание:

> Граф Савойский (Амадей VI, по прозвищу Зелёный) отправился в плавание из Венеции в 1366 году, взял Галлиполи и вошёл в Константинополь, где обнаружил, что император Иоанн V пленён королем Болгарии и удерживается в Видине. Он оказал на него давление, освободил императора и препроводил его обратно в его столицу… [стр. 489].

То, что мне в начале XXI века представляется тёмным пятном истории, в конце XIX века, возможно, знал каждый итальянский школьник. Я нашёл некоторые сведения о Иблето ди Калланте в биографии графа Амадея VI Савойского (Cognasso, 1926). Несколько страниц этой работы отведено описанию крестового похода Амадея против турок в 1366 году. Книга рассказывает о его отбытии из Венеции, высадке в Морее, взятии Галлиполи и вхождении в Константинополь. Описание этого крестового похода не содержит никаких упоминаний об участии в нём Иблето ди Калланта. Коньяссо не упоминает о нём до того, как он начинает описывать события 1374 года, когда Иблето ди Каллант был «главнокомандующим армии Пьемонта». В 1378 году, пишет Коньяссо, Иблето ди Каллант подавил мятеж в Бьелле (к северо-востоку от Верчелли) и держал тамошнего епископа в заключении в своём (ди Калланта) замке Монтджовет; но Коньяссо не упоминает о том, что Папа Римский отлучил Иблето ди Калланта от церкви за его проступок. Имя Иблето ди Калланта время от времени появляется в рассказах Коньяссо о поздних годах правления Амадея и о периоде гораздо менее долгого правления его сына, Амадея VII (Cognasso, 1926, 1931). Карбонелли (1912 г.) упоминает о службе Иблето ди Калланта у регента юного Амадея VIII после смерти Амадея VII.

Две более поздние биографии Амадея VI неоднократно упоминают Иблето ди Калланта (Cox, 1967; Savoia, 1956), но ни одна из них не говорит об участии Иблето ди Калланта в крестовом походе Амадея в 1366 году. Более ранняя работа, обстоятельное жизнеописание семейства ди Каллант, упомянула участие Иблето ди Калланта в том крестовом походе (Vaccarone,

1893). В этой работе также отражено отлучение Иблето ди Калланта от церкви Папой Римским за то, что он держал в плену епископа Верчелли в своем замке Монтджовет; но в ней не говорится о том, что Иблето ди Каллант отбыл епитимью в церкви Святого Андрея в Верчелли.

Ни один из изученных мной источников не подтвердил, что Амадей VII скончался «на руках» у Иблето ди Калланта. Однако он, возможно, присутствовал у смертного одра Амадея и был среди тех, кого несправедливо подозревали в отравлении Амадея.

В трёх моментах отчёт Косты (основанный исключительно на биографии Бонифация) отличается от сведений, имеющихся в других источниках. Он пишет, что в свой поход на Константинополь в 1366 году Амадей взял десять тысяч солдат, но, по оценкам Коньяссо, он мог взять с собой не больше двух тысяч человек, кавалерии и пехоты, вместе взятых. Это несоответствие, вероятно, вызвано ошибкой, допущенной Бонифацием. Второе несоответствие выявилось в описании Костой битвы в Турции. Он полагал, что эта битва произошла у Константинополя. В действительности единственное сражение той кампании произошло у Галлиполи. Тогда турки сдали этот город, и уже оттуда савойцы стремительным маршем достигли Константинополя. Третье несоответствие кажется самым важным. Как я уже упоминал, Коста узнал от Бонифация о том, что Иблето ди Каллант хотел жениться на Бланш, сестре Амадея VI. Но Амадей велел ей выйти замуж за Галиаццо Висконти Миланского, что она и сделала 28 сентября 1350 года (Mesquita, 1941). Коста предполагал, что горькое чувство от отвергнутой любви к Бланш толкнуло Иблето ди Калланта присоединиться к крестовому походу Амадея. Однако экспедиция в Константинополь началась лишь в 1366 году, поэтому кажется маловероятным, хотя и нельзя исключить этого полностью, что несчастная любовь Иблето ди Калланта к Бланш по прошествии более чем 15 лет могла быть причиной его присоединения к крестовому походу.

Кого Коста узнал в призрачной фигуре в Верресе

Коста не вполне ясно назвал личность тени, обратившейся к нему в ту ночь, которую он провёл в замке Веррес. Он предположил, что этой тенью могла быть Бланш Савойская, в которую Иблето ди Каллант был влюблён. Он также считал, что призраком могла быть Джакометта ди Катиллон, на которой Иблето был женат.

Должно быть, Джакометта умерла раньше Иблето ди Калланта, поскольку он женился во второй раз, на Джованне ди Нюс (Vaccarone, 1893). О ней Коста не упоминал.

Физическое сходство между Костой и Иблето ди Каллантом

Коста нашёл (возможно, в Альбенге) портрет Иблето ди Калланта, который он поместил в свою книгу. Бодзано был уверен в том, что лицо Иблето (как оно изображено на портрете) и лицо Косты были настолько похожи, что этих людей можно было перепутать. Иблето был крупным мужчиной, почти гигантом среди своих современников. Коста сам был весьма представительным, своей внушительной фигурой и военной выправкой он произвёл на Бодзано сильное впечатление.

Убеждённость Косты в сверхъестественных свойствах его переживаний

Коста верил, что документы (в том числе биография Иблето), найденные им в Альбенге, подтверждают истинность всего, что происходило в его сне, который он увидел в десятилетнем возрасте, когда впервые приехал в Венецию. Особенно впечатляющим он считал то направление, которое тень указала ему для изучения нужных ему документов в Альбенге. Эти доку-

менты, как он узнал, наследовались в семье на протяжении столетий. Но они могли бы, подобно шару, катящемуся по полю пинбол-машины, уйти к другим потомкам. Фамилия ди Каллант не была частью фамилии маркиза Дель Каретто ди Балестрины. Коста думал, что немногие из тех, кто не являлся близким родственником маркиза, знали о том, что он (маркиз) потомок ди Калланта.

Комментарий

Коста не сказал, когда была написана картина с видом Константинополя, висевшая у него дома в гостиной и пробудившая в его детстве первые образы предыдущей жизни. Однако на ней, по всей вероятности, был изображён Константинополь, каким он был в XIX веке. Этот городской ландшафт должен был сильно измениться за всё время, которое прошло с XIV века. И тем не менее, должно быть, изменилось не всё. При императоре Юстиниане в городе стояло здание нынешней Айя-Софии, или собор святой Софии, воздвигнутый в 532 году. (Турки превратили его в мечеть после того, как захватили Константинополь в 1453 году; в наше время это музей.) На обложке сочинения Рансимана об осаде Константинополя в 1453 году можно увидеть миниатюру с этой батальной сценой, сделанную в 1499 году (Runciman, 1965). На ней изображены стены и многочисленные башни, но не золотые купола. Если учесть эти особенности и расположение города у крупной акватории Босфора, то картина на стене в доме Косты в Гонзаге вполне могла пробудить в нём воспоминания о Константинополе той исторической эпохи.

Косте было 10 лет, когда он впервые приехал в Венецию с отцом. В таком возрасте мальчик почти наверняка уже что-нибудь знал бы об истории графов и герцогов Савойи. Королём Италии в 1890 году был Гумберт I, потомок Амадея VI. Однако резонно спросить, мог ли малолетний мальчик узнать о бесславном крестовом походе, организованном Амадеем в 1366 году. Если он знал о нём, то вполне мог знать и о том, что человек по имени Иблето ди Каллант сыграл важную роль в той экспедиции.

Вместе с тем обычные доводы рассудка, позволяющие нам делать подобные умозаключения, кажутся не способными объяснить то, как Коста узнал о подтверждающих документах, найденных им в Альбенге. Бодзано явно задумался об этом случае, выслушав Косту. Пытаясь истолковать это обстоятельство как-то иначе, он пришёл к убеждению, что у Косты были все основания считать, что он вспомнил предыдущую жизнь.

Бьянка Баттиста

Сообщение об этом случае впервые появилось в итальянском журнале *Ultra* в 1911 году (Battista, 1911). Данное сообщение представляло собой письмо, написанное отцом исследуемой, Флориндой Баттистой, который был капитаном итальянской армии. Делан (1924 г.) перепечатал это письмо на французском языке. А я сделал нижеследующий перевод на английский язык.

Сообщение

В августе 1905 года моя жена, находившаяся на четвёртом месяце беременности, лёжа в кровати в состоянии ясного сознания, пережила видение, глубоко поразившее её. Наша маленькая дочь, умершая тремя годами ранее, неожиданно появилась перед ней, светясь простодушной радостью, и тихо произнесла следующие слова: «Мама, я возвращаюсь!» И ещё прежде, чем жена успела отойти от изумления, эта фигура исчезла.

Когда я вернулся домой и моя жена, всё ещё глубоко взволнованная своим переживанием, рассказала мне о нём, я сначала решил, что всё это ей померещилось. В то же время я не хотел лишать её убеждения в том, что она получила своего рода послание с небес, поэтому я сразу согласился с её предложением дать малышке, которая должна была родиться, имя её умершей старшей сестры, Бьянки. Тогда я разбирался в теософии ещё не так хорошо, как позднее, когда изучил её, и счёл бы сумасшедшим любого, кто заговорил бы со мной о перевоплощении. Я был глубоко убеждён в том, что человек умирает один раз и уже не возвращается.

Прошло шесть месяцев, и в феврале 1906 года моя жена родила девочку, которая во всём походила на свою старшую сестру. У неё были те же большие тёмные глаза и густые вьющиеся волосы. Сходства эти не поколебали мои материалистические установки, но моя жена, восхищённая обретённым покровительством небес, уверовала в то, что произошло чудо и что она повторно родила того же самого ребёнка. Сейчас нашей дочери около шести лет, и она, как и её умершая сестра, не по годам эмоционально и интеллектуально развита. Обе девочки могли чётко выговорить слово «мама» в семь месяцев, в отличие от других наших дочерей, которые, хотя они и не уступали им в интеллектуальном развитии, тем не менее смогли произнести это слово только в двенадцать месяцев.

Для лучшего понимания того, что я собираюсь описать далее, я должен упомянуть о том, что при жизни первой Бьянки у нас была служанка-швейцарка по имени Мари, которая говорила только по-французски. Из своего родного горного края она принесла так называемую кантилену, своего рода колыбельную песню. Она действовала так, словно слетала с уст самого Морфея, настолько сильным было её усыпляющее воздействие, когда она пела её нашей маленькой дочери. После смерти нашего ребёнка Мари вернулась в свою страну, и мы не хотели вспоминать ту колыбельную песню, которая могла направить наши мысли к дочери, которую мы потеряли. Прошло девять лет, и мы полностью забыли об этой колыбельной песне, а затем один странный случай напомнил нам о ней. Неделю назад мы с женой находились в моём рабочем кабинете, соседствующем со спальней, как вдруг оба мы отчётливо услышали ту самую колыбельную песню, звучавшую как отдалённое эхо. Звук исходил из расположенной рядом спальни. В первый момент мы, оба потрясённые и озадаченные, не поняли, что эту песню поёт наш ребёнок. Однако, заглянув в спальню, мы увидели, что наша дочь, вторая Бьянка, сидит на кровати и поёт эту колыбельную песню на французском языке без акцента. Разумеется, мы никогда не учили её этой песне. Моя жена, стараясь не выказать своего удивления, спросила её, что она пела. Бьянка ответила, что она пела французскую песню. Она не знала ничего по-французски, если не считать несколько слов, которым научили её сёстры. Тогда я спросил её: «Кто научил тебя этой песне?» Бьянка ответила: «Никто. Я просто знаю её». Затем она продолжила петь так, как будто ничего другого в своей жизни не пела.

Тому, что я здесь скрупулёзно изложил, читатели могут подобрать любое объяснение, которое их устроит. Но что касается меня, то я пришёл к следующему выводу: мёртвые возвращаются.

Алессандрина Самона

Первое сообщение об этом случае опубликовал отец исследуемой (Samona, 1911). Он также был отцом старшей дочери, которая, по его мнению, переродилась в его младшую дочь. Его отчёт стал предметом дискуссий у тех, кто прочёл его, из-за короткого промежутка времени, около восьми месяцев, между смертью старшей дочери и рождением младшей, исследуемой. Кармело Самона обнародовал дополнительные сведения об этом случае, когда исследуемой было около двух лет (Samona, 1913a). Он также ответил на критические замечания о коротком отрезке времени между смертью и предполагаемым перерождением (Samona, 1913b, 1914). Позднее он послал отчёт о дальнейшем развитии исследуемой Чарльзу Ланселину, кото-

рый впоследствии включил эти сведения в свою книгу (Lancelin, 1922). Эта книга лишь информация о том, что было запечатлено в памяти исследуемой и рассказано ею.

Сообщение

Оба ребёнка, главные действующие лица в этой истории, получили имя Алессандрина. Для того чтобы нам было удобно различать их, я буду называть их Алессандрина I и Алессандрина II. Их родителями были Кармело Самона, врач из Палермо, в Италии, и его жена Адель. Помимо дочерей у них было ещё трое сыновей.

Алессандрина I умерла от менингита примерно в 5 лет, 15 марта 1910 года. Через три дня после смерти ребёнка её убитая горем мать увидела свою умершую дочь во сне, в котором та сказала ей: «Мама, не плачь. Я покинула тебя не навсегда, а лишь на время. Гляди! Скоро я буду вот такой маленькой». Говоря это, она развела руки, показывая размер малыша. Потом она добавила: «Вы снова будете страдать из-за меня». Через три дня Адель Самона увидела тот же самый сон[17]. Одна из её подруг предположила, что этот сон предвещает перевоплощение Алессандрины I. В то время Адель ничего не знала о перевоплощении, и даже после того, как она прочла книгу на эту тему, принесённую ей подругой, в ней оставалось ещё довольно скепсиса в отношении такой возможности. В 1909 году у неё случился выкидыш, за которым последовало хирургическое вмешательство, вследствие чего у неё всё ещё сохранялось небольшое маточное кровотечение. Эти события заставили её усомниться в том, что ей когда-либо удастся снова забеременеть.

После тех двух снов прошло уже несколько дней, в течение которых Кармело Самона пытался осушить слезы своей безутешной жены. Вдруг они услышали три громких стука, как будто кто-то стоял за парадной дверью. Трое их сыновей, бывших в тот момент с ними, также слышали эти удары. Они подумали, что пришла тётя Катерина (сестра Кармело Самоны), часто навещавшая их в этот час, и открыли дверь, ожидая увидеть её, однако за дверью никого не было.

Этот эпизод со стуком в дверь побудил всех в семье устроить любительский спиритический сеанс[18]. В сообщении Самоны не говорится о том, как прошёл их сеанс и кто из участвовавших в нём родственников был избран главным медиумом. Они получили сообщения, пришедшие, как они решили, от Алессандрины I, а также от покойной сестры Кармело Самоны Джианнины, умершей много лет назад в возрасте 15 лет. В этих сообщениях условная Алессандрина I сказала, что именно она издавала стук, услышанный её семьёй в тот день, чтобы привлечь к себе внимание. Она ещё раз заверила мать в том, что собирается вернуться, и сообщила, что произойдёт это перед Рождеством. Она хотела, чтобы все в её семье и друзья узнали о её возвращении. Она так часто повторяла это, что Кармело Самону начали утомлять спиритические сеансы. На его взгляд, Алессандрина, установившая с ними связь, была одержима идеей донести до всех весть о своём скором возвращении.

10 апреля Адель Самона узнала о том, что она беременна. (В сообщении не говорится о том, как она узнала об этом.) Во время спиритического сеанса 4 мая душа Алессандрины I несколько растерянно заметила, что рядом с её матерью есть кто-то. В её семье смогли понять, о чём идёт речь, только когда другая душа, Джианнины, объяснила, что есть и другая сущность, пожелавшая переродиться их ребёнком. Во время дальнейших сеансов душа Алессандрины I

[17] Я назвал сновидения такого типа «извещающими». Они часто встречаются в азиатских случаях, особенно в Мьянме (Бирме) и в Турции. Столь же часто они имеют место в случаях у тлинкитов из юго-восточной Аляски (Stevenson, 1987/2001).

[18] Кармело Самона ранее опубликовал книгу об исследовании экстрасенсорных способностей, которую, по словам Ланселина (1922 г.), очень хвалили опытные исследователи. Сам я эту книгу не видел.

сказала, что ей предстоит родиться вместе с сестрой, а душа Джианнины рассказала семье о том, что переродившаяся Алессандрина будет очень похожа на Алессандрину I.

По прошествии некоторого времени эти медиумические сообщения перестали приходить, но душа Алессандрины I предварительно предупредила, что на четвёртом месяце беременности она не сможет отправлять сообщения, потому что с этого времени она (душа Алессандрины I) будет «всё сильнее тяготеть к “материи”, погружаясь в сон».

В августе акушерка осмотрела Адель и обнаружила, что она беременна двойней. В оставшееся время беременности не обошлось без тревожных сигналов, но потом они исчезли, и 22 ноября 1910 года она родила двух девочек. Всем сразу стало очевидно, что одна из малышек имела значительное и очевидное сходство с Алессандриной I, и ей дали это же имя; так она стала Алессандриной II. Её сестру назвали Марией Паче. Кармело Самона завершил свой первый отчёт об этом случае описанием трёх физических особенностей, которые Алессандрина II разделяла с Алессандриной I и не разделяла с Марией Паче: покраснение белка левого глаза, шелушение правого уха и небольшая асимметрия лица.

В подтверждение своих слов Самона опубликовал (в качестве приложения к отчёту) несколько писем от членов своей семьи и друзей, которые показали, что ещё до рождения двойняшек они узнали о снах Адель, трёх стуках и последующих спиритических сеансах, на которых было получено предсказание о рождении двойняшек перед Рождеством. Из всех подтверждений наиболее ценно то, которое пришло от сестры Самоны Катерины, поскольку она навещала брата и невестку почти ежедневно и быстро узнавала обо всех перипетиях этого случая.

Летом 1913 года Алессандрине II и Марии Паче было два с половиной года. В то время Кармело Самона опубликовал второй отчёт, в котором он особо подчёркивал сходства в поведении двух Алессандрин (Samona, 1913a). Обе Алессандрины были по большому счету детьми смирными и с удовольствием сидели на коленях у матери, тогда как Мария Паче, пусть и не менее их привязанная к матери, всё же была непоседливой и часто подбегала к матери лишь для того, чтобы в следующую минуту уже снова бежать играть со своими игрушками. Алессандрин мало интересовали игрушки, зато они любили играть с другими детьми. Обе Алессандрины не выносили шума и боялись парикмахеров, и обе они питали отвращение ко всем видам сыра. В характере Марии Паче не было таких черт. Обе Алессандрины с удовольствием складывали и разглаживали одежду или другую ткань – например, простыни и полотенца. Они также любили играть с обувью и иногда из баловства надевали обувь, которая была явно слишком велика для них. Мария Паче не участвовала в подобных играх.

Обе Алессандрины иногда говорили о себе в третьем лице. Например, они говорили: «Алессандрина боится». А ещё у них была привычка забавно коверкать имена – скажем, свою тётю Катерину они называли Катераной. У Марии Паче не замечали игру со словами.

В 1913 году физические сходства у двух Алессандрин стали ещё более очевидными, чем прежде, когда двойняшки только родились. В своём втором отчёте Кармело Самона опубликовал фотографии Алессандрины I в возрасте 3 лет и 8 месяцев и двойняшек в двухлетнем возрасте (Samona, 1913a). На фотографиях у Алессандрин видна лицевая асимметрия. У них обеих левый глаз располагается заметно ближе к средней линии лица, чем правый, а левый уголок губы короче правого. У Марии Паче не было такой асимметрии лица[19]. По оценкам Кармело Самоны, Алессандрина II была «точной копией» Алессандрины I, за исключением того, что она была немного более миловидной, чем её умершая старшая сестра. Обе Алессандрины были левшами, тогда как Мария Паче и остальные члены семьи были правшами.

[19] Лицевая асимметрия у двух Алессандрин впечатлила и меня, поэтому я опубликовал фотографии Самоны, на которых изображены две Алессандрины, в кратком докладе об этом случае (Stevenson, 1997).

Отчёты об этом случае привлекли к себе некоторое внимание европейцев, по крайней мере тех из них, кто читал спиритуалистическую литературу. Среди них был и Чарльз Ланселин, который переписывался с Кармело Самоной о случае с его двойняшками. Ланселин воспроизвёл в книге текст письма, полученного им от Кармело Самоны и датированного 20 марта 1921 года (Lancelin, 1922). В этом письме говорилось о том, что двойняшки всё менее походят друг на друга, хотя сходство между Алессандринами остаётся неизменным. В то время у Алессандрины II появился интерес к «духовным вопросам», и временами она погружалась в созерцание; домашними делами она интересовалась мало. Мария Паче, напротив, любила играть с куклами и интересовалась домашним хозяйством.

Кармело Самона включил в своё письмо сообщение о единственном случае, когда Алессандрина II упомянула о том, что было в её предыдущей жизни. Я привожу соответствующие абзацы из этого письма, которое я перевёл с французского языка:

Два года назад [когда двойняшкам было восемь или девять лет] мы обсуждали с девочками предстоящую поездку с ними в Монреаль [город в 10 километрах к юго-западу от Палермо] на экскурсию. Как вы знаете, в Монреале находится красивейшая в мире норманнская церковь. Моя жена сказала нашим девочкам: «Там, в Монреале, вы увидите то, что вам ещё не доводилось видеть». Алессандрина [II] ответила: «Мама, я же знаю Монреаль, я в нём бывала». Моя жена тогда заметила ей, что она ещё не была в Монреале, на что Алессандрина [II] ответила: «Нет, была! Я туда ездила. Помните? Там есть большая церковь со стоящим на её крыше гигантским человеком с разведёнными руками». (И она изобразила руками распростёртые объятия.) «Неужели вы не помните, как мы ездили туда с одной дамой, у которой были рожки, и ещё встретили каких-то маленьких священников, одетых в красное?»

Мы не могли вспомнить, чтобы мы когда-либо говорили с двойняшками о Монреале; Мария Паче ничего не знала о том городе. И всё же мы полагали, что кто-то другой в нашей семье мог рассказывать о тамошней большой церкви со статуей Иисуса над главным входом; но поначалу мы не могли взять в толк, о каких «даме с рожками» и «священниках в красном» идёт речь. Затем моя жена вдруг вспомнила, что мы когда-то ездили в Монреаль, взяв с собой Алессандрину [I]. Это было за несколько месяцев до смерти нашей дочери. Мы также захватили с собой одну из наших знакомых, которая жила в другом месте и приехала в Палермо, чтобы обратиться здесь к врачам по поводу каких-то шишек у неё на лбу. Помимо этого, когда мы заходили в церковь, на нашем пути встретились какие-то православные священники, облачённые в синие рясы с отделкой красного цвета. И тут мы вспомнили, что это зрелище произвело на Алессандрину [I] сильное впечатление.

Даже если предположить, что кто-то из нас и говорил Алессандрине [II] о той церкви в Монреале, то всё равно остаётся сомнительным, что мы стали бы упоминать о «даме с рожками» или о «священниках, одетых в красное», поскольку такие подробности не представляли для нас интерес.

Комментарий

Как я уже говорил, комментаторы, жившие в период, когда произошёл этот случай, относились к нему скептически из-за слишком короткого промежутка времени (восемь месяцев) между смертью Алессандрины I и рождением Алессандрины II. Критики отмечали, что Адель Самона узнала о своей беременности только 10 апреля 1910 года, если предположить, что она забеременела примерно за неделю до того – таким образом, её беременность могла продолжаться, по всей видимости, немногим более 7 месяцев. Это, впрочем, ещё не означает, что двойня, родившаяся на таком сроке беременности, нежизнеспособна. В одном из своих ответов критикам, утверждавшим, что для двойни такая беременность была слишком непродолжи-

тельной, Самона процитировал несколько акушерских книг, в которых говорилось о том, что преждевременные роды – обычное дело при вынашивании двойни (Samona, 1914). Недавно изданная монография подтвердила это (Segal, 1999).

Комментаторы этого случая также предположили, что всё это могло брать начало в материнских впечатлениях[20] у Адель Самоны, воздействовавших на её дочь, когда та находилась во внутриутробном состоянии, которую она, желая избыть свою глубокую скорбь, признала перевоплощённой Алессандриной I[21]. Такое толкование могло бы в какой-то мере удовлетворить нас, но представляется недостаточным для того, чтобы объяснить столь детальную осведомлённость Алессандрины II о поездке Алессандрины I в Монреаль[22].

Бланш Куртен

Впервые этот случай был опубликован в 1911 году в спиритуалистическом издании *Le Messager de Liege.* Автор статьи разузнал о нём от отца исследуемой, П. Куртена, бывшего механика, ранее работавшего в Национальном обществе железнодорожных дорог Бельгии. Его семья жила в Пон-а-Сельсе, деревне у Шарлеруа, примерно в 40 километрах к югу от Брюсселя.

Делан (1924 г.) перепечатал это сообщение, а я перевёл нижеследующий отрывок из его работы:

Сообщение

Семья, имеющая непосредственное отношение к этому делу, не имела никакого понятия о спиритуализме, когда происходило то, о чём я сейчас расскажу. Эти люди убедились в его истинности благодаря событиям, которые будут описаны ниже. Члены этой семьи, без сомнения, являются людьми надёжными. Среди их детей были две дочери, семь и пять лет. Младшую дочь звали Бланш. У неё было слабое здоровье. Время от времени она говорила родителям о том, что видит «духов». Она описывала своих бабушек и дедушек по материнской и отцовской линиям, умерших примерно за 15 лет до её рождения. Родители Бланш, рассудившие, что её видения могут оказаться симптомами какой-то болезни, повели её на приём к врачу в Гойи-ле-Пьетоне. Врач расспросил и осмотрел Бланш, а затем выписал её родителям какое-то лекарство, наказав давать его дочери. Визит и лекарство обошлись им в 7,5 франка.

Прошёл день… и Бланш заявила родителям с полной решительностью: «Я не стану принимать лекарство, выписанное мне этим врачом». «Но почему? – удивился отец. – Ты хочешь сказать, что мы выбросили на ветер семь с половиной франков? Ты должна принимать это лекарство!» «Нет, не буду, – упёрлась Бланш. – Рядом со мной стоит кто-то. Он говорит мне, что вылечит меня и без этого лекарства. Да я и сама знаю, что делать, ведь я была аптекарем». «Аптекарем?» – изумились родители. Они были ошеломлены и подумали, не сошла ли Бланш с ума. «Именно так, – подтвердила Бланш. – Аптекарем в Брюсселе». И она назвала улицу и номер аптеки: «Если вы не верите мне, то сходите и посмотрите сами. Эта аптека и сейчас существует, а входная дверь у неё белоснежная».

Родители Бланш не знали, какими словами и действиями реагировать на такие заявления дочери, и какое-то время они не обсуждали это происшествие. Однажды, примерно два года

---

[20] Я обнародовал в другом месте дополнительные сведения, сообщения о показательных случаях и много ссылок на другие публикации о воздействии на плод материнских внушений.

[21] В части I я уже ссылался на верования некоторых европейцев в то, что дети, родившиеся после смерти своих братьев и сестёр, являются их перевоплощениями.

[22] В других, более близких к нам по времени, случаях перевоплощения промежуток между смертью предыдущей личности и рождением исследуемого составлял меньше 9 месяцев, примером чему могут послужить случаи Рави Шанкара Гупты, Суджита Лакмала Джаяратна и Кемиля Фахриси.

спустя, старшей сестре Бланш нужно было съездить в Брюссель, и родители предложили Бланш поехать с ней. «Ладно, – согласилась Бланш. – Я поеду с ней и отведу её в то место, о котором говорила вам». «Но ты не бывала в Брюсселе», – заметили ей родители, на что Бланш ответила: «Не беда. Там я сразу пойму, куда вести сестру».

Поездка прошла удачно. Когда сёстры приехали на вокзал Брюсселя, старшая сказала: «Бланш, веди меня». «Хорошо, – ответила Бланш. – Пойдём. Нам сюда». Какое-то время они шли, а потом Бланш сказала: «Вот эта улица. Гляди! Перед нами дом, и ты сама видишь, что это аптека». Сестра была поражена, когда поняла, что всё, о чём говорила Бланш, то есть улица, номер дома и даже цвет двери, точно соответствовало её описаниям: всё было на своём месте.

Комментарий

В XIX и XX веках спиритуалисты континентальной Европы чаще всего верили в перевоплощение (в отличие от своих коллег из Великобритании). Рассказчик, осветивший этот случай, не счёл нужным включать в свой отчёт дополнительные подробности и, возможно, даже не наводил справки о них.

Люди, читавшие об этом случае, находили неправдоподобным то обстоятельство, что детям, которым было только девять и семь лет, разрешили поехать поездом до Брюсселя без сопровождающих. Рассказчик никак не оговорил этот момент. Такая поездка должна была продлиться примерно час, и я могу предположить, что их отец попросил проводника оказать его детям помощь, если они будут в таковой нуждаться. Похоже, что помощь им не потребовалась.

Лаура Рейно

Сообщение об этом случае впервые было опубликовано в журнале *Psychic Magazine* в январском выпуске 1914 года. Автором был доктор Гастон Дюрвилль, врач из Парижа. (Я не видел это первое сообщение.)

Впоследствии Ланселин (1922) и Делан (1924) опубликовали выдержки из сообщения Дюрвилля. Сравнив два более поздних описания, цитирующих большие отрывки из более раннего сообщения Дюрвилля, я установил, что, несмотря на их согласие по существу дела, в каждом из них присутствуют подробности, отсутствующие в другом. Поэтому я черпал сведения из обоих источников, и вот что в итоге получилось:

Сообщение

Лаура Рейно родилась в деревне Омонт, близ Амьена, во Франции в 1868 году. Её мать позже говорила Дюрвиллю, что Лаура ещё в раннем детстве восставала против учений римско-католической церкви. Она отвергала представления о рае, преисподней и чистилище и говорила, что после смерти человек возвращается на землю в другом теле. Родителям пришлось заставлять её посещать мессы. Местный священник регулярно навещал семью Рейно и зачарованно слушал Лауру, но, покидая их дом, испытывал замешательство и раздражение. Потом она сообразила, что для неё будет разумнее больше не критиковать общепринятую веру.

В возрасте 17 лет она решила стать целителем и какое-то время лечила людей в Амьене. Позже она перебралась в Париж, где впервые услышала о «магнетизме» (предшественнике гипноза) в школе Гектора Дюрвилля. (Я полагаю, что Гектор был каким-то родственником, может быть, братом Гастона Дюрвилля.) Там она продолжила работать целителем. Последние два года своей жизни (1911–1913) она работала в клинике Гастона Дюрвилля в Париже. В 1904 году она вышла замуж. В сообщении Дюрвилля не сказано, что в детстве Лаура Рейно говорила о каких-то особенных воспоминаниях о своей предыдущей жизни. Её муж сказал Дюрвиллю,

что с самого начала их знакомства Лаура рассказывала ему о таких воспоминаниях. К тому времени, как она начала работать у Дюрвилля, она уже запросто рассказывала о своих воспоминаниях любому, кто был готов выслушать её. Дюрвилль тоже слушал, хотя и недоверчиво.

Лаура Рейно изложила нижеследующие подробности того, что, по её заявлениям, было воспоминанием о её предыдущей жизни.

1. Она жила в солнечной стране, где-то на юге, возможно, в Египте или Италии. (Она склонялась к тому, что этой страной была Италия.)
2. Она жила в большом доме, который был больше обычных домов.
3. В её доме было много больших окон.
4. Верхняя часть этих окон была арочной формы.
5. К дому примыкала большая терраса.
6. Дом был двухэтажным.
7. На крыше дома была ещё одна терраса.
8. Дом располагался в большом парке со старыми деревьями.
9. Перед домом был откос, а за домом – возвышение.
10. У неё была серьёзная «грудная болезнь», и она сильно кашляла.
11. К этому большому дому жались несколько домишек, в которых жили рабочие.
12. Ей было примерно 25 лет.
13. Тогда она жила около столетия назад.

Образы той жизни казались Лауре Рейно совершенно ясными. Особенно её занимали сцены прогулок по большой террасе и блужданий по парку, во время которых она неизменно чувствовала себя нездоровой. Она осознавала в себе уныние и раздражительность, и настроение это, вероятно, усугублялось её болезнью, а также страхом перед приближающейся смертью.

Лаура Рейно не помнила, как её звали в предыдущей жизни, как не помнила она и имена людей и названия мест. Однако Лаура была уверена в том, что она смогла бы узнать дом, в котором тогда жила, если бы когда-нибудь увидела его.

В марте 1913 года одна богатая пациентка Дюрвилля, проживавшая в Генуе, попросила его приехать к ней, чтобы осмотреть и лечить её. Сам он в ту пору был слишком занят для того, чтобы уехать из Парижа, поэтому попросил Лауру Рейно поехать вместо него в Геную и сделать всё возможное для этой пациентки. Лаура Рейно согласилась и уехала поездом в Италию. Приехав в Турин, она почувствовала, что ей хорошо знакома сельская местность, по которой проезжал поезд, и это ощущение усилилось, когда она приехала в Геную; там, в доме, в котором она остановилась, она обмолвилась о том, что верит, будто в своей предыдущей жизни жила где-то здесь. Она призналась и в том, что хочет найти тот дом, который описывала. Один из тех, у кого она гостила, Пьеро Карлотти, сказал ей, что он знает в предместье Генуи дом, который, как ему кажется, соответствует её описаниям, и предложил отвезти её туда. Она согласилась, и они поехали туда на машине. Лаура Рейно сказала, что этот дом был не тем, который она вспомнила, но нужный дом был, как она думала, где-то поблизости. Тогда они поехали дальше и увидели большой особняк, в котором Лаура Рейно узнала «свой» дом. Он принадлежал известной генуэзской семье Спонтини. Дом хорошо соответствовал описаниям Лауры Рейно. Его главной особенностью было большое количество необычайно высоких окон, верхняя часть которых была арочной формы. Нижний этаж дома опоясывала широкая терраса, и на крыше также имелась маленькая терраса. На рисунке 1 вы можете увидеть фотографию этого дома, первоначально её опубликовал Ланселин (1922). На ней видны эти особенности. А один пункт описания, по-видимому, не соответствует действительности.

На этой фотографии дома видно, что у него три этажа, хотя может статься, что, с учётом уклона почвы, один из них – часть цоколя. На фотографии мы не увидим парк с деревьями,

откос перед домом и возвышение позади него. Ланселин, однако, описал этот склон как соответствующий описаниям Лауры Рейно[23].

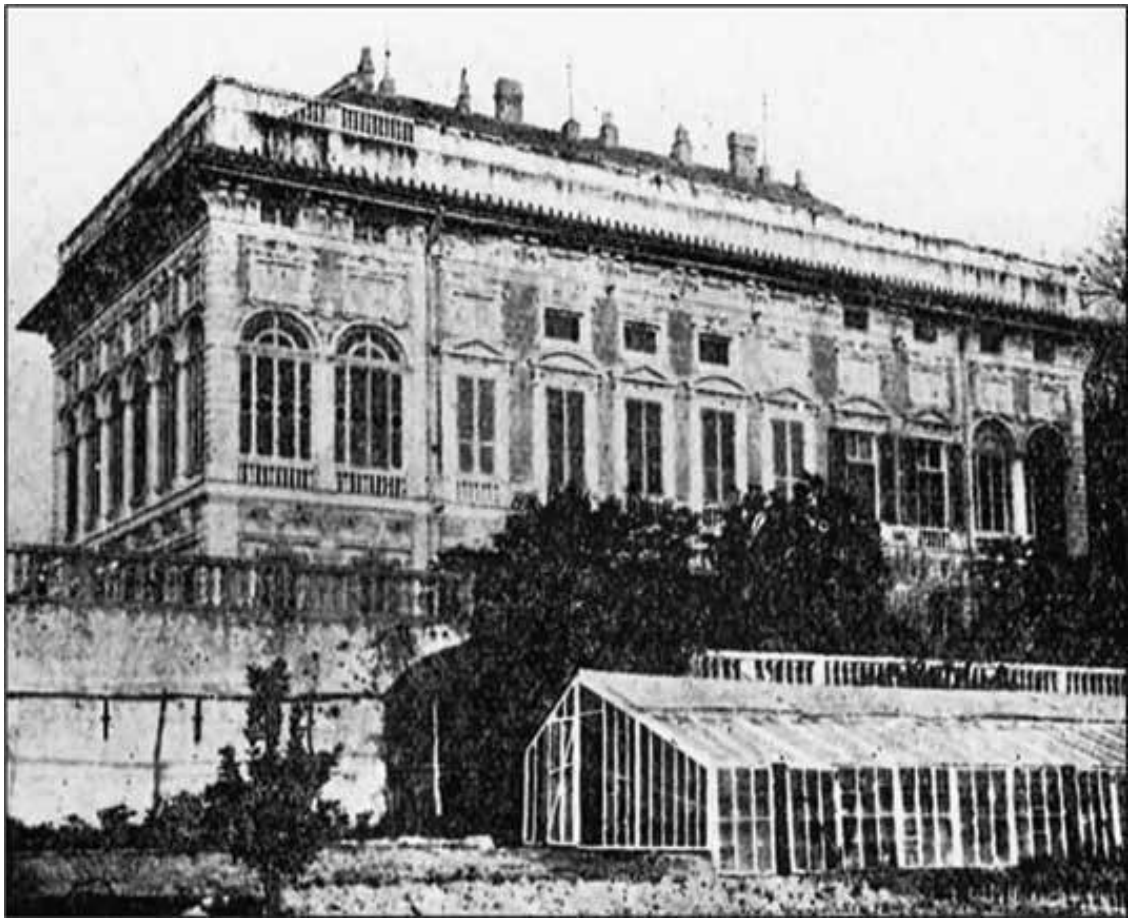

Иллюстрация 1. Дом Джованны Спонтини недалеко от Генуи, Италия, который узнала Лаура Рейно (Lancelin, 1922)

Довольные тем, что им удалось установить месторасположение дома Лауры Рейно в её предыдущей жизни, они с Пьеро Карлотти вернулись в Геную. Там у Лауры Рейно, по-видимому, появились и другие воспоминания, которых прежде у неё не было. Она сказала, что уверена в том, что в предыдущей жизни её тело похоронили не на кладбище, а в самой церкви. Пьеро Карлотти сообщил эту подробность Гастону Дюрвиллю, который начал искать книги прихода, к которому принадлежала семья Спонтини. Один генуэзец, которому он писал, нашёл следующую запись и послал её Дюрвиллю:

23 октября 1809 года. Джованна Спонтини, вдова Бенджамино Спонтини, которая несколько лет прожила в своём доме, постоянно болея, и здоровье которой в последние дни серьёзно пошатнулось после того, как она сильно простудилась, скончалась 21-го числа сего месяца. Её отпели по всем правилам церкви, и сегодня, с нашего и мэрского письменных разрешений, на закрытой церемонии её тело было доставлено в церковь Нотр-Дам-дю-Мон.

Лаура Рейно умерла через несколько месяцев после возвращения из Генуи в Париж, в конце 1913 года.

[23] Текст Делана отличается от текста Ланселина этой подробностью. Делан упомянул только один склон, позади дома, который, как он сказал, вопреки уверениям Лауры Рейно, был нисходящим.

Гастон Дюрвилль завершил свой рассказ о том, что Лаура Рейно, по её мнению, вспомнила, следующим замечанием: «Итак, видим ли мы случай перевоплощения? Должен сказать, что я ничего не смыслю в этом предмете, но полагаю, что гипотеза перевоплощения безрассудна не в большей степени, чем любая другая» (Lancelin, 1922, p. 373; Delanne, 1924, p. 297).

Комментарий

То, что Лауре Рейно не удалось назвать никаких конкретных имён, обязывает нас учесть вероятность случайного совпадения её утверждений и выясненных подробностей о жизни Джованны Спонтини и о доме, в котором она жила недалеко от Генуи. Все пункты в описании дома, названные Лаурой Рейно, соответствуют дому, который она узнала. Вместе с тем они не являются независимыми друг от друга и могли быть в полном составе обнаружены в других итальянских особняках в стиле эпохи Возрождения. Однако, если мы добавим к этому описанию ещё и описание хронически больной хозяйки дома, бездыханное тело которой было упокоено в церкви, а не на кладбище, то вероятность случайного совпадения существенно уменьшится.

Георг Нейдхарт

В 1924 году главное действующее лицо данного случая, которому тогда было 26 лет, впал в депрессию и в этом состоянии увидел ряд образов, которые, как он верил, пришли к нему из прошлой жизни в Баварском лесу в XII веке. Он потратил на них несколько лет, сначала пытаясь установить место, в котором он тогда жил, а затем проверяя, происходило ли в действительности что-то из того, что ему привиделось. Он полагал, что преуспел в этом, и решил, что та его жизнь прошла в замке Вайсенштайн, близ Регена, в Баварии. Некоторое время он никому не рассказывал о своём опыте и своих соображениях касательно него; но в конечном итоге начал рассказывать об этом другим людям. Позже он издал брошюру о перевоплощении, в которой подробно рассказал как о своих переживаниях, так и о своей работе ради установления того, что стояло за ними (Neidhart,1957).

К тому времени он уже был хорошо начитан в областях экстрасенсорных исследований и спиритуализма. Он нашёл небольшое общество, в котором обсуждались переживания сверхъестественного и духовного характера, и принимал участие в сессиях с медиумами. Время от времени он читал лекции о своём опыте.

В 1927 году он женился во второй раз, на Аннелизе, и в 1936 году у них родился единственный ребёнок по имени Анжелика.

Об этом случае я узнал в начале 1960-х годов и встречался с Георгом Нейдхартом, его женой Аннелизой и их дочерью Анжеликой у них дома в Мюнхене, сначала в мае 1964 года, а затем ещё раз в октябре 1965. Георг Нейдхарт умер в 1966 году.

Впоследствии я иногда посещал Аннелизу и Анжелику Нейдхард, когда приезжал в Мюнхен, в котором для своей работы, помимо прочих мест, посещал и Баварскую государственную библиотеку, чтобы изучить источники сведений, полезные для данного случая.

В апреле 1971 года я ездил в Реген вместе с Аннелизой Нейдхарт. В тамошней мэрии к нам любезно прикомандировали знатока Регена, замка Вайсенштайн и всей окружающей местности Альфонса Шуберта, чтобы он устроил для нас увлекательную экскурсию. Как я ещё отмечу позже, этот замок, за исключением башни, представлял собой одни руины, и я не могу сказать, что, посетив его, узнал что-то новое для себя.

Сообщение

Ниже я представлю мой перевод отчёта самого Георга Нейдхарта о его опыте и воспоминаниях о предыдущей жизни.

Я появился на свет в мае 1898 года и, в принципе, ничем особым не выделялся из миллионов других людей. Всё в моей жизни определялось обстоятельствами, в которых я родился, и главным образом материальным благополучием моих родителей и общей политической ситуацией того времени. Мои родители были католиками, поэтому я воспитывался в этой вере. Но когда я учился в средней школе, моё религиозное просвещение стало более насыщенным и содержательным благодаря одному талантливому и незабвенному учителю богословия. И пока моя добрая мать пеклась о спасении моей души, мой довольно строгий отец прививал мне чувство ответственности и учил крепко держать данное слово. В целом в детстве я почти ни в чём не нуждался.

Окончив среднюю школу, я начал изучать отцовское дело [он был медником]. Когда же разразилась Первая мировая война, я был вынужден оставить своё ученичество. Мне ещё не было 19 лет, когда меня призвали на службу в [германский] императорский флот. С этой переменой внешних обстоятельств моя духовная жизнь также претерпела изменения, оставившие след в моей душе.

На флоте я учился на радиста, после чего назначался на рыболовецкие пароходы и в разного рода «патрули смертников» в Балтийском море. После почти двух лет военной службы, полной злоключений и опасностей, 1 января 1919 года я был демобилизован.

Возвратившись в Мюнхен, мой родной город, я увидел, что жизнь там сильно изменилась. Политический барометр показывал бурю. Шла революция, и в воздухе свистели пули. Мёртвые тела, среди которых иногда были и детские, по большей части невинных жертв, валялись на улицах и представляли собой ужасное зрелище. А потом гиперинфляция разрушила все планы. В результате мне пришлось отказаться от мысли стать инженером. За этим последовали мои экзамены на подмастерье, мой [первый] брак, рождение дочери и смерть жены – всё это в течение менее двух лет. На исходе этих событий мне не исполнилось ещё и 25 лет[24]. Тяжелы были удары судьбы, обрушившиеся на меня в столь краткий промежуток времени. Радость и страдание – эти вечно сменяющие друг друга крайности человеческого бытия, казалось, слились воедино в те годы, судьбоносные события которых, конечно, не остались без последствий. Вера в безличного, непостижимого, но справедливого Творца разрушилась до основания. Сомнения крепли, вытесняя прежнюю веру. Я не видел, как можно постичь совершенную любовь и милосердие Бога. Моё противление Богу возросло до такой степени, что мои молитвы были скорее борьбой с вопросом об основополагающей справедливости Бога, чем смиренной просьбой к нему.

В этом состоянии духовного борения я не оставлял попыток забыть удары моей собственной судьбы, которые я тем не менее продолжал считать несправедливыми. И всё же, несмотря на мои усилия, вопрос о божественной любви и правосудии всякий раз с прежней силой возвращался ко мне. Он не желал отступать и полностью поглотил меня. Священник, которому я тогда исповедовался, вникал в природу моих терзаний и своими своевременными замечаниями и общей поддержкой направлял меня на прежний путь, чтобы я снова усердно молил и чуть ли не заклинал всемогущего Бога.

[24] Георг Нейдхарт, по-видимому, здесь не совсем точно указывает хронологию событий. 25 лет ему исполнилось в мае 1923 года. А гиперинфляция, которую он упоминает, продолжалась с последних месяцев 1922 года до декабря 1923-го.

Пока во мне продолжалась эта борьба, я решительно изменил свой жизненный путь. У меня не было своей крыши над головой, и друг позволил мне пожить у него. Мой образ жизни больше подходил отшельнику, чем коммерсанту или ремесленнику. В кругу друзей, с которыми я начал видеться, мы говорили о христианском мистицизме и других религиозных вопросах. Мы также с жаром пели религиозные гимны. Очень редкие встречи проходили без того, чтобы мы не исполнили одну или несколько религиозных песен. А ещё мы собрали собственную библиотеку. Правда, состояла она главным образом из Библии, книг о христианском мистицизме и других религиозных писаний и песенников.

В то время я пережил одно событие, потрясшее меня до глубины души и перевернувшее моё мировоззрение. Я совершенно забыл все свои тяготы и перестал корить судьбу. Я переродился в другого человека, не имевшего ничего общего с прежним, – в человека, который начал понимать, почему судьба так сурово обошлась с ним.

Это случилось одним весенним утром. Тот тихий, ясный день навсегда останется в моей памяти. Тогда у меня случилось духовное переживание, совершенно незнакомое для меня. Причудливым образом похожие переживания бывали у меня в разные моменты моей жизни в последующие годы и даже десятилетия.

Я до сих пор всё это прекрасно помню и затрудняюсь только назвать имена. С того весеннего утра я знаю, что подобные вещи можно вспомнить и что можно переступить порог рождения и воспринять зрительные и даже слуховые образы событий, произошедших в другие времена, столетия назад. Я уверен в том, что не грезил. Сплю я хорошо, крепко и снов не вижу. В ночь именно перед этим моим первым опытом я также не видел снов. Тот день начался так же, как и все остальные. Я позавтракал, никаких гнетущих мыслей у меня не было. Моё мышление и ощущения были ясными. Ничто не предвещало ничего необычного, того, что последовало в ближайшие часы.

В таком абсолютно неподготовленном состоянии в моём уме возникла восхитительная смесь образов событий минувших веков. Весь этот опыт был настолько исключительным и ошеломляющим, что я решил изложить его на бумаге. Однако я не предполагал, что это решение [сделать записи] повлечёт за собой столь необычайные последствия. Прошло десять суток, часть которых, замечу, я проводил без сна, прежде чем я всё изложил и тем самым покончил [с этими образами].

Записи, сделанные мной к тому времени, отражали главные события прежней жизни (в различных сценах и образах), в которых принимали участие главные и второстепенные действующие лица. А такие составляющие записей, как даты, имена и названия мест, придавали всем моим видениям известную степень правдоподобия. Я чувствовал, что имею непосредственное отношение ко всему, что видел. Я жил, плакал и смеялся, сражался в роли героя этого сериала. Это было не веяние из внешнего мира, как-то затронувшее или изменившее меня, – нет, моё переживание поднялось из глубин моего внутреннего мира. Думая теперь обо всём этом опыте, я могу дать ему только такую оценку.

Позже я прочёл и хорошо изучил всё, что мог почерпнуть из книг и статей по парапсихологии, мистицизму, научному изучению религии и похожим философским вопросам. И я до сих пор читаю все печатные материалы на эти темы.

Интенсивное изучение таких книг и статей навело меня на мысль о возможности не только убедиться в достоверности моего опыта, но и расширить мои познания на эту тему, касающиеся вещей, ещё не испытанных мною. Эта мысль помогла мне ещё и потому, что только таким образом [стараясь проверить свой опыт] я уяснил для себя, что в те дни, когда испытывал эти необычные переживания, я не бредил.

Мои неудачи научили меня тому, что всё всегда нужно доводить до конца самому. И потому я решил для себя, что должен самостоятельно выяснить всю правду о моём опыте.

Как я уже сказал, у меня было ясное ощущение того, что эти картины в моей голове относились к предыдущему существованию моей личности. И, принимая во внимание ту жизнь, вопрос о божественной справедливости показался мне решённым, и я рассудил, что человек, всякий раз рождаясь на земле, по-видимому, отбывает наказание за свои прегрешения, на что требуется несколько земных рождений. Я полагаю даже, что можно пойти и ещё дальше. По моему разумению, в настоящее время я связан с людьми, жившими тогда [когда происходили события, охваченные моим внутренним взором] и вновь живущими теперь, каким-то роковым образом связанными с моей нынешней жизнью. Эта убеждённость, однако, ещё не ведёт к прочному и исчерпывающему пониманию. Поэтому сейчас я, руководствуясь научным принципом, продолжу анализировать эту проблему. На основе замечаний, сделанных мною во время моих переживаний, я представлю отчёт о тех элементах [моего опыта], которые показались мне наиболее достоверными и поддающимися проверке.

Мы должны начать с 1150 года [от рождества Христова], потому что именно эта дата значится в моих заметках, и я уверен в том, что этот год определяет начальную точку моих исследований. Рассматриваемый промежуток времени, конечно, не назовёшь маленьким, ведь это 775 лет[25]. Мы должны принять во внимание и то, что лиц исторической значимости, действующих в представленных событиях [в видениях], почти нет, или же их очень мало. Точно так же весь район [в котором происходили эти события] в те времена был малоизвестен [за его пределами], что серьёзно затрудняет исследование.

Мои воспоминания начинаются с описания замка примерно в 1150 году в том виде, в каком он показан на моём рисунке[26]. Замок стоит на вершине горы, среди зубчатых скал; у него трапециевидная форма, обусловленная формой горы. Войти в замок можно только по деревянному подъёмному мосту, лежащему над невероятно глубоким рвом, окружающим гору. Миновав ворота с решёткой, оказываешься во внутреннем дворе замка. Там, на правой и на малой стороне территории замка над крутым скалистым утёсом возвышается мощная четырёхугольная башня. С его плоской площадки верхнего уровня, в венце из зубцов башенных стен, открывается широкий вид на окружающую местность. По двум длинным сторонам отвесного и почти вертикального утёса поднимаются жилые помещения [замка]. Это крупные многоэтажные строения, надёжно встроенные вглубь [скалы] и возвышающиеся над ней. К верхним частям этих строений ведёт внешняя двусторонняя лестница. Напротив этой внешней лестницы находится деревянный колодец с каменным бордюром. В том, как замок спланирован и построен, видна большая смелость, бесспорно, создающая впечатление чего-то очень необычного, если не уникального.

Мои умозрительные странствия уносят меня из Мюнхена, в котором я жил, в северо-восточном направлении, через Дунай, в местность безлюдную, дикую и гористую, покрытую девственными лесами. Я вижу, что эти горы поросли густым лесом. Недалеко от замка через весь этот край вьётся речка и в конце своего пути, описав большую дугу, впадает в Дунай. На северной стороне Дуная над замком высится цепь высоких холмов. Если подходить к замку с запада, то увидеть его будет не так просто.

Оглядев «духовным оком» замок, я так и не узнал его название. У меня лишь создалось впечатление, что он стоял у большой дороги, весьма оживлённой в 1150 году. Там были и две другие дороги, пересекавшиеся вблизи замка. Но они были незначительными и скорее заслуживали называться тропами.

В своём парапсихическом видении я стою на вершине четырёхугольной башни и оглядываю открывающийся передо мной вид этого края. А видны там только горы и леса. Башня

---

[25] Здесь Георг Нейдхарт подразумевает промежуток между 1150 годом н. э. и 1924 годом, в который он получал свой опыт и делал записи, а не 1957 год, когда его отчёт был впервые полностью описан и опубликован.

[26] В своей брошюре Георг Нейдхарт воспроизвёл зарисовку замка, который он, видимо, наблюдал в ходе своих переживаний. Этот рисунок подписан инициалами GN и датирован 1924 годом. Зарисовку замка вы увидите на иллюстрации 2.

возвышается на пике зубчатой скалы, поросшей папоротником. Склон горы был покрыт огромными елями и пихтами, закрывавшими обзор. В отдалении, на другой стороне тёмной поблёскивающей реки, я вижу ещё одну такую же башню. Больше там ничего не видно. Нет ни домов, ни чего-либо ещё, указывающего на присутствие человеческого жилья. Глядя с башни на внутренний двор, я вижу справа от деревянного моста вход, ведущий в прорубленный в скале потайной лаз.

Дальше в том переживании произошли следующие события. На внутреннем дворе замка, в кольце из мужчин и женщин, ссорились двое, одетые в костюмы раннего Средневековья и имевшие при себе оружие. Они поспорили о свободе и справедливости и уже обменивались резкими и оскорбительными замечаниями. Их всё более угрожающие выпады, очевидно, свидетельствовали о том, что эти два ссорящихся человека в действительности враждовали очень давно. Одного из этих возмутителей спокойствия, который был, по-видимому, в той стычке задирой, звали Кунебергом, а другого – фон Фалькенштайном. Сам я, живущий в наши дни, воспринимаю всё, что случилось тогда, в 1150 году, с позиции Кунеберга. Я ощущаю нутром то, что происходит с ним и что вызвало его гнев.

Кунеберг – борец за свободу и справедливость. В этой ссоре, которая принимает опасный оборот, он называет фон Фалькенштайна чужеземцем и вассалом. Он упрекает его в том, что тот являет собой не более чем угодливую «скамеечку для ног» церковных верхов, и обвиняет его в злонамеренной попытке добиться расположения женщины, которую он выбрал себе в жёны. Свидетелям их ссоры не удаётся умерить пыл этих двух «бойцовских петухов» и образумить их. В конце концов эти двое выхватили мечи. За этим следует яростный поединок, в котором фон Фалькенштайн повержен и оставлен умирать от ран там, где он упал. Смерть чиновника фон Фалькенштайна определяет всю следующую жизнь Кунеберга. В дальнейших сериях моих путешествий в духе я видел, что Кунеберг – решительный противник высокомерия и притязаний епископских вассалов, продолжающий свою борьбу любыми средствами, имеющимися в его распоряжении.

Посредством удачной женитьбы и хитроумных манёвров против своего тестя, который был пьяницей, он сумел значительно усилить свои позиции. Верховный правитель [т. е. тесть Кунеберга], отныне союзный с ним через этот брак, тем не менее осудил грубость Кунеберга и его неразборчивость в средствах. Ненависть Кунеберга не знала границ. Набиравшие в силу «гражданские правила», множащиеся монастыри и города, а также несправедливые налоги, возмущающие его, он ненавидел всё сильнее, до глубины души.

Поэтому он решает сделать немногие дороги, ведущие к окрестным селениям, небезопасными, нападая на путников. Таким образом он надеется толкнуть своего врага [епископа] пойти на него войной, поскольку он знает, что в своём замке он будет недосягаем для него и сможет легко выдержать любую осаду. Проще говоря, Кунеберг со своими последователями встаёт на путь беззакония и разбоя. Для того чтобы сплотить вокруг себя своих последователей, он обещает им по-братски делить с ними добычу. Его жена и некоторые благоразумные люди в его окружении пытаются сдерживать Кунеберга в его всё более безудержных излияниях гнева. Но их усилия тщетны. Он считает, что правилен только его путь. Постепенно поведение обитателей замка становится всё более невоздержанным и жестоким. Это в особенности относится к его близким сторонникам. Наконец в стенах самого замка вспыхивает восстание. Даже его жена присоединяется к его противникам. Небольшая группа её доверенных сторонников, под предводительством [некоего] Арнета, пытается низвергнуть её мужа. Кунеберг подавляет этот мятеж. При этом он склоняет на свою сторону пользующуюся доверием его жены её наперсницу, страстно влюбившуюся в него.

Иллюстрация 2. Набросок замка, сделанный Георгом Нейдхартом в 1924 году. Из Werden Wir Wiedergeboren? (с любезного разрешения Анжелики Нейдхарт)

В тот год случилась засуха, и в замке стало не хватать воды. Неприятель подходит и осаждает замок. Жена Кунеберга [Вульфхильда] умирает при загадочных обстоятельствах. В рядах осаждённых растут недовольство и разногласия. Необъяснимая смерть Вульфхильды, жены Кунеберга, ещё больше усиливает разброд среди его последователей. Раскол [между группами] неуклонно растёт и наконец начинает угрожать самому их выживанию. Отчаявшись в столь критических обстоятельствах, Кунеберг решается на вылазку из замка. Он бросается на врагов и в жестоком бою встречает свою смерть.

В этих духовных видениях в моём сознании оживали имена людей, жизнь которых переплелась с судьбой жестокого владетеля того замка. Основными героями, как я уже сказал, были фон Фалькенштайн и Кунеберг. Тестя Кунеберга звали Хёхтингом, а его дочь – Вульфхильдой. Наперсницей Вульфхильды была Ева, а Арнет возглавлял тех, кто присоединился к Кунебергу благодаря его браку.

Персонажи этих сцен проводили значительную часть своей жизни в седле. И, как я уже сказал, леса вокруг замка были всё ещё не тронуты человеком, являя собой по большей части непроходимую чащу, населённую медведями и волками. Кроме того, обычаи и поведение людей того времени, как и предметы и другие подробности сцен, включённых мной в мои

заметки, согласуются с упомянутой датой [1150 г.] и позволяют добиться надёжного установления истины.

В течение тех нескольких недель, когда я писал заметки о моём опыте, я посещал Баварский лес. Тогда я впервые оказался в тех местах и провёл там шесть недель. Однако этого времени оказалось недостаточно, и мне пришлось ещё несколько раз возвращаться в этот лес. Изучать события, произошедшие почти 800 лет назад, как я вскоре обнаружил, дело непростое. Всякий раз передо мной неожиданно возникали всё новые трудности.

В то время [в 1924 году] Баварский лес был ещё малоизученным, в основном бездорожным и потому малопосещаемым. Путешественник вполне мог попасть в такую ситуацию, когда дорога, по которой он двигался, внезапно обрывалась, превращаясь в едва приметную тропу. А могло случиться и так, что эта тропа уводила его в абсолютно непроходимые дебри или упиралась в болото.

Я рассуждал так: если эти «воспоминания» не были иллюзорными и отчасти содержали подлинные переживания, тогда я, прислушавшись к интуиции, возможно, смог бы найти то место из своей предыдущей жизни. Наведя справки, я узнал о том, что в окрестностях Регена[27] были руины сильно разрушенного замка. Тогда я решил в одиночку, никого не расспросив о том, где находятся руины этого замка, начать свой путь от железнодорожной станции Регена. Я подумал, что так я смогу проверить, насколько точны мои предполагаемые воспоминания.

Когда я вышел из Регена в свой поход, лило как из ведра. Я не держался какой-либо дороги, но выбирал направление по наитию. Вскоре я уже взбирался вверх по узкой тропе, которая вела на крутую гору через густые, почти непролазные дебри. Это путешествие весьма утомило меня. Со всех сторон меня окружали стволы гигантских деревьев. Мне пришлось идти кружным путём или карабкаться на огромные скалы, а папоротники высотой в человеческий рост хлестали меня по лицу. Наконец я вышел на открытую вершину горы. Я стоял перед руинами некогда величественного замка, возведённого на высокой, сильно растрескавшейся кварцевой скале, горделиво возвышаясь над окружающей местностью. От всего замка устояла только башня, но и она была в значительной степени восстановлена. По довольно шаткой деревянной лестнице я взошёл на вершину башни, чтобы увидеть оттуда округу. Из двух высоких главных зданий замка [явленных мне моим видением; см. илл. 2] я мог с уверенностью опознать только те их части, которые примыкали к башне. Однако из-за своеобразной формы чрезвычайно твёрдого скального утёса любая другая конфигурация всего комплекса зданий, кроме трапециевидного, была здесь попросту невозможна, что я и показал в своём наброске, сделанном мной, когда во мне оживали эти воспоминания. И если это был тот самый случай, значит, тайный проход (о котором я также сделал запись) должен был располагаться вблизи главных ворот[28]. Я быстро нашёл его и сумел, пригнувшись, пройти по нему метров 80 или 100. Затем продвижение было невозможно, поскольку далее тоннель был закрыт обвалом. (Когда в 1957 году я ещё раз посетил эти руины, то даже та часть тоннеля, которая прежде была открыта, на этот раз также была заполнена породой.)

По словам нескольких постоянных жителей Регена, с которыми я разговаривал, этот тайный проход круто спускался из замка, затем несколько километров тянулся под землёй, то есть под речным дном реки[29], пока не достигал поросшей густым лесом вершины горы на другом берегу реки. В прежние времена местные жители, давно умершие, возможно, знали расположение тайного тоннеля. Но из-за обрушения этого тоннеля ходить по нему было запрещено.

---

[27] Реген – небольшой город в северо-восточной Баварии у границы с Чешской республикой (бывшей Богемией), примерно в 140 километрах северо-восточнее Мюнхена.

[28] Ранее Георг Нейдхарт упоминал этот проход в своём сообщении.

[29] Если Георг Нейдхарт подразумевал, что этот тоннель шёл под рекой Реген, то его протяженность составляла бы немногим более 2 километров. Однако в районе Вайсенштайна есть и другие, более мелкие реки.

Когда я оглядывал окрестности с вершины башни, моё внимание всецело захватил современный город Реген. В особенности меня поразила необычная массивная четырёхугольная башня главной церкви, поскольку по всему было видно, что эта башня не гармонирует с остальными частями строения церкви. В записях, которые я вёл, как я уже говорил ранее, была упомянута башня, похожая на башню замка, стоявшая на противоположной от него стороне реки. Понятное дело, эта необычайная и поистине небывало высокая церковная башня разожгла во мне желание побольше разузнать о ней. Однако никто из местных жителей не смог ничего рассказать мне о происхождении той церковной башни[30]. Ни священники, ни преподаватели не располагали никакой информацией о ней. Мне посоветовали обратиться в канцелярию архиепископа в Пассау [ближайший крупный город с резиденцией архиепископа].

В канцелярии архиепископа меня приняли вежливо, мой рассказ любезно выслушали. Но и здесь я также не смог ничего узнать об интересующем меня периоде истории: поближе к 1150 году. Мне сказали, что все старые записи и документы, а с ними и другие источники, которые могли пролить свет о тех годах, были утрачены во время пожара. И всё же мне посоветовали наведаться в архив замка Траусниц [Траусниц расположен примерно в 60 километрах к северу и немного к западу от Регена].

Руководитель архива в замке Траусниц оказался чиновником дружелюбным и услужливым; он с готовностью выслушал мою исповедь о человеке, которому пришло в голову, что он жил в замке Вайсенштайн примерно в 1150 году. Он молча и бесстрастно выслушал мой рассказ, не смеясь надо мной и не уверяя меня в обратном. Я заметил, что он даже с интересом слушает меня. На его лице застыло выражение озадаченности и даже изумления. Я никогда не забуду слова, произнесённые им мне в ответ: «Вы не можете знать обо всём этом, потому что исследование этого района ещё только началось». Затем он сказал мне, сколько кропотливого труда требовалось для того, чтобы собрать из скудных семейных документов пусть даже общую картину середины двенадцатого столетия. Особое впечатление на него произвела моя осведомлённость о политической ситуации того исторического периода.

Дополнительные сведения, полученные из бесед с Георгом Нейдхартом

Когда мы с Георгом Нейдхартом обсуждали его переживания, он особо подчёркивал, что приходившие к нему воспоминания имели вид живых впечатлений, со всеми присущими им эмоциями. Он переживал эти события не так, как если бы смотрел какой-то кинофильм.

Эпизоды из жизни Кунеберга наблюдались в сценах «внутренних видений» в хронологической последовательности, без каких-либо повторений.

В раннем детстве, в период между пятью и семью годами, у Георга Нейдхарта было то, что позднее он счёл воспоминаниями о прошлых жизнях. Они имели довольно путаный вид, и он принял их за калейдоскоп воспоминаний из его разных жизней. У этих сцен не было строгой последовательности, появившейся у них, когда ему было 25 лет, что наблюдалось в течение 10 дней, когда у него были зрительные воспоминания[31]. В этих детских воспоминаниях особенно выделялись сцены с большой кроватью с балдахином в старинном стиле и его обезглавливания. Последняя сцена показывала его предыдущую жизнь во Франции, которую, по его мнению, позднее он вспомнил ещё лучше. Он изумлял отца, рассказывая ему о том, как ему отрубили голову.

В приведённом выше сообщении Георг Нейдхарт упомянул о том, что ещё прежде он усматривал некоторые связи между людьми, принимавшими участие в событиях, оживших в

[30] Эта башня в Регене, позднее присоединённая к церкви, датируется, самое раннее, XII веком.

[31] Случай Джузеппе Косты даёт ещё один пример того, как разрозненные образы в сознании ребёнка, очевидно, из прошлой жизни, позже упорядочились в логичную последовательность.

его памяти, и его знакомыми в этой жизни. Вместе с тем он не сделал никаких чётких умозаключений касательно каузальных связей между событиями XII века и его нынешней жизнью. В частности, он не утверждал, что смерть его первой жены, предшествовавшая его пронизанному депрессией и скептицизмом состоянию, в котором к нему стали приходить эти воспоминания, каким-то образом связана с той жизнью в XII веке. (Его сдержанность по части выводов о таких связях произвела на меня благоприятное впечатление.) Однако он вынес из этого опыта иное представление о жизни и смерти; и мне думается, что именно это новое представление, а не какие-то точные истолкования смысла его воспоминаний в нынешней жизни, позволили ему говорить о себе как о человеке, преобразившемся благодаря этому опыту.

Несмотря на свою твёрдую убеждённость в том, что он уже рождался и жил прежде нынешнего рождения, до конца своих дней он оставался набожным католиком.

Независимая экспертиза отдельных составляющих опыта Георга Нейдхарта

Я обратился к нескольким источникам, повествующим об истории восточной Баварии, где расположен замок Вайсенштайн, но узнал не так много из того, что могло бы подтвердить реальность всего, что было в умозрительных картинах Георга Нейдхарта.

Средневековые записи о тех местах, которые в наши дни называются Баварским лесом, скудны. Как писал Георг Нейдхарт, эта область была малозаселённой и всё ещё покрытой лесами весь XII век. Тогда она по большей части находилась под властью епархии Пассау. В начале XII века в Ринхнахе был основан монастырь. Название Реген впервые упоминается в записях в 1149 году (Oswald, 1952).

Замок Вайсенштайн (в 2 километрах от Регена) почти наверняка был построен в XII веке, но никто не знает, кем именно. На торговом пути между Баварией и Богемией – по сути, просто наезженной в просеке дороге, проходившей близ Вайсенштайна, – движение было оживлённым, что, по-видимому, и послужило основанием для возведения там замка ради защиты проезжающих. Таким образом, мы можем сделать допустимое предположение о том, что владелец замка Вайсенштайн, если бы он встал на путь беззакония, мог бы добыть много добра грабежом тех, кто пользовался этим торговым путём.

Большая укреплённая башня была возведена на северной стороне реки Реген, возможно, в XII веке или даже ранее (Oswald, 1952). Сейчас эта река протекает через город Реген. Укреплённая башня не имела никакой связи с первой церковью, построенной в Регене. В конце XV века эта башня была включена в построенную тогда приходскую церковь.

Из нескольких имён, открывшихся Георгу Нейдхарту во время его «внутренних видений», только одно можно найти в современных записях. Фон Мюллер процитировал документ, в соответствии с которым Конрад фон Фалькенштайн, нарушив закон, стал единовластным правителем нескольких общин епархии Пассау (von Muller, 1924). Эта епархия включала в себя крупную область, и означенный документ больше не даёт никаких существенных подробностей. Одно примечание к нему добавляет, что, возможно, этот Конрад фон Фалькенштайн жил в XIII, а не в XII веке, как правильно полагал Георг Нейдхарт. Ещё один источник из числа современных записей сообщает, что имя Кинберх появляется в 1130 году, а позже, в XIII веке, оно было записано – вероятно, уже в изменённом виде – как «Кинбергер» (Monumenta Boica, 1765). Я далёк от того, чтобы считать эти имена подтверждающими существование имени Кунеберг из опыта Георга Нейдхарта, хотя такая возможность не исключена.

Иллюстрация 3. Руины замка Вайсенштайн, какими их видели в 2001 году (фото Даниэлы Майсснер)

Когда я заканчивал эту книгу, то подумал, что исследования, проведённые после 1920-х годов, когда Георг Нейдхарт делал свои изыскания, могли бы пролить больше света на раннюю историю замка Вайсенштайн. Моё предположение не подтвердилось. В апреле 2001 года я написал в государственный архив Ландсхута при замке Траусниц, где Георг Нейдхарт искал доказательства почти 60 лет назад. Старший архивариус ответил мне так: принято считать, что этот замок был построен графами Богена, которые были наследственными управляющими того района, хотя это была только догадка. Когда в 1242 году род графов Богена пресёкся, прямое управление замком перешло к герцогам Баварии. Эти предположения – о непререкаемой истине здесь вряд ли можно вести речь – говорят о сомнительности того, что этот замок мог служить укрытием для «баронов-разбойников» в XII столетии. Архивариус писал мне, что такая ситуация была более вероятной в период позднего Средневековья.

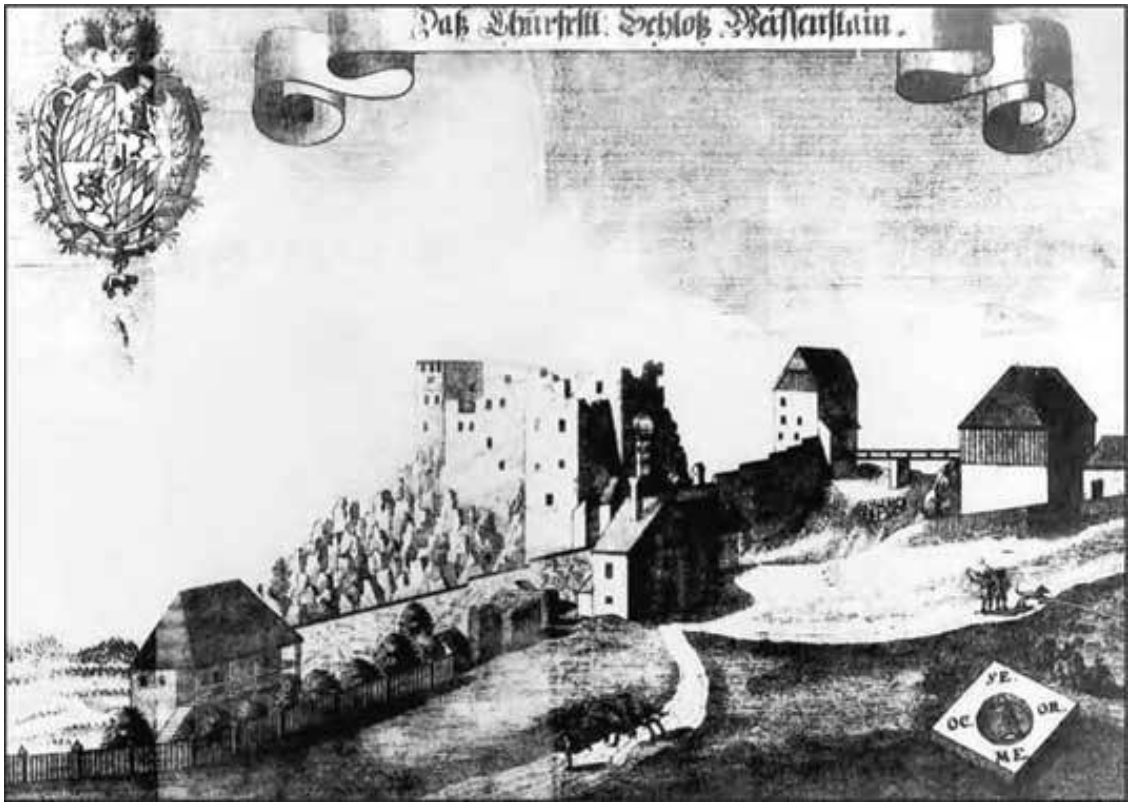

Иллюстрация 4. Замок Вайсенштайн, каким его видели в 1726 году. У зданий трапециевидная форма. (Любезно предоставлено муниципалитетом Регена)

Руины замка Вайсенштайн и в 1920-е, и в более поздние годы не могут дать дополнительных аргументов. Из-за запрета на археологические раскопки в настоящее время у нас нет возможности восстановить план первоначального устройства зданий. Четырёхсторонняя башня стала исключением (см. илл. 3). Вместе с тем гравюра с замком, сделанная в 1726 году, без сомнения, указывает на его трапециевидную форму (Hackl, 1950); см. илл. 4.

Почти в каждом замке в тот период, когда был построен Вайсенштайн, были многие из особенностей, о которых упоминает Георг Нейдхарт, – например, деревянный подъёмный мост, ров, опускная решётка и колодец. Посетитель замка в 1633 году, по словам Освальда (1952), чтобы попасть в замок, переходил деревянный мост, опасно раскачивающийся надо рвом. Этот мост мог заменить более ранний подъёмный мост, но нам об этом не известно. Надо полагать, что одним важным фактом, получившим подтверждение, было существование в XII веке четырёхсторонней башни, похожей на ту, что находилась в Вайсенштайне, на противоположной стороне реки Реген.

В общем, хотя источники, к которым обращался Георг Нейдхарт (а позднее и я), не смогли в полной мере подтвердить истинность всего его опыта, однако они не дали и никаких оснований для её опровержения. Его описание жизни в замке Баварского леса в Средневековье кажется правдоподобным. Если он действительно жил в замке Вайсенштайн, то события, которые он, предположительно, вспомнил с такой ясностью, могли происходить позже, чем он думал.

Кристоф Альбре

В сообщении об этом случае (Delarrey, 1955) не было ни полного имени, ни даже псевдонима главного действующего лица, поэтому я сам дал ему полное имя. Этот случай состоит из медиумического предсказания о перевоплощении человека, известного жене автора, которого

предстояло опознать по дефекту правого уха, похожему на то, которое было когда-то у того, кто сделал данное предсказание.

При переводе этого отчёта я на свой лад называл имена, обозначенные Делларре одними только инициалами.

Этот случай произошёл в 1924 году и был впервые освещён в 1948 году в спиритуалистическом журнале *La revue spirite.* В примечаниях издателя *Revue metapsychique* объясняется, что доктор Морис Делларре, автор данного сообщения, отсрочил его публикацию, поскольку этот случай произошёл в семье, решительно настроенной против любых попыток устанавливать связь с умершими людьми.

Сообщение

В те времена, когда я ещё был настроен несколько скептически в отношении идеи перевоплощения, мы с женой принимали участие в экспериментах с так называемой говорящей доской, или планшеткой. Постепенно я убедился в объективной реальности получаемых нами сообщений.

Однажды планшетка в руке моей жены медленно и не без труда вывела буквы имени Феликс. На той сессии мы больше не смогли добиться от вышедшего с нами на связь духа ответа ни на один наш вопрос. Но на следующий день то же самое имя было написано вновь, и на этот раз была добавлена ещё и фамилия: Фреснель.

Я не мог припомнить никого с таким именем, кто был бы когда-либо известен мне, но моя жена вспомнила, что у её отца когда-то был слуга, которого звали именно так; тот человек работал у него примерно десять лет. Тогда я спросил нашего предполагаемого собеседника: «Вы когда-нибудь работали в семье Буалё, в деревне Ренаж?» – и получил ясный утвердительный ответ.

В этот момент моя жена, силившаяся оживить в памяти события давно минувших дней, припомнила одну необычную подробность: у Феликса Фреснеля был дефект правого уха, а точнее его ухо выпирало в сторону и стояло торчком, что придавало ему вид уха летучей мыши. В его левом ухе аномалии не наблюдались.

Только на нашей четвёртой сессии этот условный дух сумел с большей лёгкостью передавать сообщения, в результате чего у нас с ним состоялась своего рода беседа. Должно быть, по прошествии 20 лет после своей смерти этот человек впервые попытался установить связь с живыми людьми… Во всяком случае с каждой сессией его ответы становились всё более быстрыми и чёткими.

На шестой сессии после того, как Феликс назвал своё имя, между нами и ним состоялся следующий диалог.

Вопрос: О чём вы сообщите нам сегодня?

Ответ: Я хочу сообщить вам о том, что скоро я вернусь к вам.

Вопрос: Повторите, пожалуйста. *К нам*?

Ответ: Да, наконец-то. В вашу семью.

Вопрос: Но наша семья большая, её члены живут в разных местах. Не могли бы вы уточнить, в каком районе вы родитесь?

Ответ: Я появлюсь на свет в Пейроне. (И он подробно описал то место; позже читатели поймут, почему я не привожу настоящие имена.)

Вопрос: Вы хотите сказать, что родитесь в семье нашего молодого родственника Ива?

Ответ: Да, у него уже есть две дочери.

Вопрос: Можете ли вы назвать их имена и возраст?

Ответ: Могу (и он правильно назвал их имена и точный возраст).

Вопрос: А вы уже знаете дату своего рождения?

Ответ: Это случится утром 24 сентября.

Вопрос: Довольно! Если рождение произойдёт в указанный вами день, мы поверим вам, потому что вы смогли заранее предсказать его. Но что укажет нам на то, что младенец, родившийся в тот день, и есть наш Феликс?

Ответ: Мисс Жанна легко узнает меня, по уху.

Здесь я должен отметить, что мою жену зовут Жанна, но в то время, когда Феликс Фреснель умер, мы ещё не были женаты; на самом деле тогда мы не были даже знакомы.

После состоявшегося диалога эта личность больше не выходила с нами на связь. Однако я старательно записал указанную духом дату. Это было в мае, и мы тогда ещё не знали о том, что наша молодая родственница беременна.

24 сентября 1924 года в 8 часов утра зазвонил телефон, и я поднял трубку. Звонил муж нашей родственницы, он сообщил нам о рождении у них сына. Я не собирался рассказывать ему о том, что об этой новости мы были извещены четыре месяца назад. С учётом его мировоззрения, он решил бы, что я общаюсь с адскими, дьявольскими силами. У меня также не было намерения делать что-либо, способное подорвать его искреннюю веру в учение римско-католической церкви.

Так случилось, что через три месяца после рождения этого мальчика мы с женой были приглашены на торжество в большом семейном кругу в тот дом, где наш Феликс родился с новым именем. В доме толпились гости, и молодая мать (наша родственница) с гордостью показывала всем своего сынишку. Она уже родила двух девочек и немного опасалась, что и на этот раз у неё будет очередная девочка. Поздоровавшись с нами, она сказала: «Полюбуйтесь на нашего малютку. Правда, он не привык к такой суете и сегодня немного не в духе, обычно он не такой беспокойный. А сегодня увидит нового гостя и кричит, как оглашенный; и успокоить его нет никакой возможности».

Мы пошли в ту комнату, где лежал младенец. Как только моя жена подошла к колыбели, младенец сразу заулыбался, хотя по его щекам всё ещё текли слёзы; он протянул свои крошечные ручки к моей жене, и она взяла его на руки. Вид у него был радостный, и он пытался, насколько это вообще по силам такой крохе, что-то лепетать. Молодая мама, наблюдавшая эту сцену, воскликнула: «Вы только посмотрите! Можно подумать, что он знает вас!»

После традиционных для данного случая комплиментов я спросил нашу молодую родственницу: «А почему у него на голове платок? Разве он поранился?» «Не в этом дело, – ответила она. – Просто бедняжка, должно быть, не лучшим образом расположился внутри меня, вот и родился с выступающим правым ушком. Доктор сказал, что с этой накладкой его ухо будет развиваться нормально, и через несколько месяцев уже ничего не будет видно».

Дополнительная информация

Во избежание нарушения хронологической последовательности отчёта Деларре об этом случае, ранее я опустил его слова о том, каким образом его жена пользовалась «говорящей доской». Он писал:

Здесь я должен заметить, что, когда моя жена пользуется «говорящей доской», она совсем не отдаёт себе отчёт в том, что именно она пишет, хотя при взгляде на неё не скажешь, что она хотя бы отчасти находится в трансе. Пока её рука двигается с планшеткой, она может продолжать вести беседу с другими присутствующими людьми на любую тему. (Delarrey, 1955, p. 41).

Комментарий

Предсказания о врождённых аномалиях, сделанные медиумами, предположительно общающимися с утратившей тело личностью, которой предстоит переродиться, встречаются нечасто. Сейчас я могу вспомнить только ещё один такой случай, произошедший с Юрайей Бугай (Stevenson, 1997).

Джеймс Фрейзер

Этот случай характерен периодически повторяющимся ясным сном. Впервые я узнал о нём из краткого отчёта, включённого в книгу о кланах шотландского нагорья (Moncreiffe and Hicks, 1967). Я написал главному автору этой книги, сэру Иэну Монкрифу, из одноимённого клана, и попросил его прислать мне что-нибудь полезное по этому случаю. Он любезно прислал мне копии писем из своей давней переписки с майором Чарльзом Яном Фрейзером, которому сновидец, Джеймс Фрейзер, рассказал о своём сновидении в конце 1920-х годов. Чарльз Ян Фрейзер был крупным землевладельцем в тех краях, местным помещиком. Это сновидение он впервые записал, только когда стал описывать его в письме к Иэну Монкрифу, датированном 14 августа 1962 года. Иэн Монкриф выслал мне копии четырёх писем Чарльза Яна Фрейзера, в которых тот писал ему о вышеупомянутом сновидении. Помимо этого, в последующей переписке со мной он рассказал ещё кое-что о предыстории этого случая. Чарльз Ян Фрейзер умер в 1963 году, то есть до того, как я узнал об этом случае.

Сообщение

Джеймс Фрейзер родился в 1870 году, скорее всего в местечке Бьюли, в графстве Инвернесс, Шотландия. Всё его образование ограничилось начальной школой. В зрелые годы он работал колёсным мастером. Чарльз Ян Фрейзер охарактеризовал Джеймса Фрейзера как умеющего только читать и считать. Тем не менее он питал некоторый интерес к истории Шотландии, в том числе и своего края. Он читал запоем, особенно книги о шотландском нагорье. Он посещал в своём городе собрания Общества взаимного совершенствования, на которых лекторы время от времени рассказывали о местной истории. Чарльз Ян Фрейзер читал такую лекцию, в которой ссылался на знаменитую битву XVI века между двумя шотландскими кланами. Эта битва произошла 3 июля 1544 года близ озера Лох-Локи, в месте, известном (на гаэльском, или шотландском языке) как Блар-на-Лейн, что по-английски значит болотистое место. Кланранальды (одна из ветвей МакДональдов) и их союзники сражались против Фрейзеров из Ловата и убили, среди прочих, третьего лорда Ловата и его сына. Немногие воины обеих сторон выжили в том бою. Говорили, что уцелели только четверо Фрейзеров (Fraser, 1905). Этот клан мог и вовсе исчезнуть, но многие жёны Фрейзеров были беременны и родили сыновей[32].

Примерно через неделю после лекции Джеймс Фрейзер пришёл к Чарльзу Яну Фрейзеру и сказал, что он хочет наедине рассказать ему о своём сновидении. Он сказал, что над ним будут смеяться, если он расскажет о своём сне другим людям.

Джеймс Фрейзер описывал свой сон в довольно взволнованном состоянии и выказывал нетерпение, когда Чарльз Ян Фрейзер перебивал его, чтобы уточнить те или иные моменты в нём.

---

[32] Этот случай взрывного роста рождения мальчиков не единичен. Смещение пропорции в пользу рождений детей мужского пола отмечалось в ходе нескольких войн, а также и после них, включая обе мировые войны. Я привёл источники этих данных в другом месте (Stevenson, 1974 a).

Содержание сновидения

Сначала Джеймс Фрейзер описал[33] то, что он вынес из своего сновидения:

Он понимал, что рядом с ним находятся его отец, родственники и друзья, хотя это и не скажешь, взглянув на их внешность и комплекцию: просто что-то подсказывало ему, что это именно они… Одежда на них была совсем другой, годящейся скорее для обитателей равнин (а не холмов Бьюли). Однако он понимал, что находится в стане МакШими[34] [т. е. в стане Фрейзеров из Ловата] и что его родственники и соседи мобилизованы для войны… Большинство из них носили грубую холстину, и лишь на некоторых была одежда из кожи или овчины. Те, что познатнее, ехали на лошадях с густой шерстью, в кольчужной рубахе и коническом шлеме, вооруженные двуручным мечом. У большинства же были луки и стрелы, у многих ещё и алебарды. И у каждого был при себе кинжал или кортик.

Его товарищи, а с ними и он, шли по Глен-Мор [узкой долине в графстве Инвернесс, где находятся озёра Лох-Несс и Лох-Локи], пока [не достигли] Форта Августа [тогда ещё не известного под этим названием]. По дороге к ним примыкали во множестве другие воины из клана МакШими, из Страферрика [на юге озера Лох-Несс]. Эти люди были одеты и вооружены точно так же… Им предстояло сразиться с Кланранальдами из МакДональдов; и уже очень скоро на берегах озера Лох-Локи они вступили в битву, которая началась с ливня стрел… Все верховые спешились и повели за собой головной отряд, идя вперёд со своими двуручными мечами. Неожиданно [он] услышал крик о помощи: рядом с ним, катаясь по земле, дрался его отец, сцепившись с тем, кто не был из числа МакДональдов, но в тот день сражался на их стороне. Он увидел алебарду, лежавшую на земле рядом с отцом, поднял её, ударил ею по голове того, с кем бился его отец, и убил этого человека.

Потом он увидел плотного высокого человека в кольчужных рубахе и штанах, оборонявшего несколько раненых Фрейзеров, уползавших в угол, образованный двумя оградами из дёрна или же сухой кладки; этот дородный человек вращал вокруг себя свой двуручный меч. То был шотландский помещик из Фойерса. Он сражался, пока не упал, раненный стрелой.

Особенности сновидения

Джеймс Фрейзер сказал, что это снилось ему «многократно, и всякий раз без изменений». Эти образы казались несколько бессвязными, как если бы он «лишь выхватывал проблески событий прошлого».

Чарльз Ян Фрейзер не спрашивал Джеймса Фрейзера о том, приметил ли он какое-нибудь обстоятельство, которые могло бы спровоцировать такое сновидение. И он не узнал, в каком возрасте Джеймс Фрейзер впервые увидел этот сон.

Когда Чарльз Ян Фрейзер спросил Джеймса Фрейзера, как он определил, что это было сражение при Блар-на-Лейне, и почему он решил, что тот человек из его сна был помещиком из Фойерса, Джеймс ответил: «Я просто знал».

Джеймс Фрейзер явно сильно волновался, рассказывая о своём сновидении. Описывая начало сражения, он, по всей видимости, вновь пережил ужас от низвергающегося на него града стрел.

---

[33] В выдержку из отчёта Чарльза Яна Фрейзера я внёс несколько вставок для облегчения чтения или пояснения особенностей той местности.

[34] МакШими на гаэльском языке означает сын Саймона. Вожди Фрейзеров из Ловата являются потомками своего прославленного предка, сэра Саймона Фрейзера, гнавшего англичан после битвы при Баннокбёрне в 1314 году.

Отношение Чарльза Яна Фрейзера к этому сновидению

Особое впечатление на Чарльза Яна Фрейзера произвело то, с какой точностью Джеймс Фрейзер описал одежду и вооружение противоборствующих сторон. Он лишь вскользь коснулся того, что вписывалось в рамки общепринятых романтических представлений о войнах в горной местности Шотландии: клетчатые пледы и килты, одноручные мечи с эфесами с чашкой и маленькие круглые щиты.

Чарльз Ян Фрейзер, прежде общавшийся с Джеймсом Фрейзером, но не сближавшийся с ним до того, как тот пришёл к нему и рассказал о своём сновидении, теперь узнал, что в общине Джеймс был на хорошем счету, пусть его и считали несколько чудаковатым, особенно когда он был навеселе. Репутацию чудака он мог заработать, рассказывая окружающим о своём сновидении[35]. Джеймс Фрейзер умер 9 июля 1942 года, в возрасте 72 лет.

Чарльз Ян Фрейзер нисколько не сомневался в том, что Джеймс Фрейзер читал по крайней мере некоторые из опубликованных отчётов о сражении при Блар-на-Лейне, однако он не думал, что подобные заметки или сведения, приобретённые каким-то иным традиционным способом, могли дать исчерпывающее объяснение этому сновидению. Он заметил, что Джеймс Фрейзер не приукрашивает сновидение в ответ на его вопросы. Например, когда он спросил его, были ли он и его отец убиты в том бою, Джеймс Фрейзер ответил: «Не знаю». Чарльз Ян Фрейзер приложил одно из его писем к Иэну Монкрифу (датированное 19 августа 1962 года) следующего содержания: «Я по-прежнему убеждён, что вне зависимости от того, что Джеймс Фрейзер прочитал или не прочитал, в значительной части то, о чём он рассказал мне, имело к нему прямое отношение и произошло в действительности». Он считал перевоплощение возможным объяснением этого сновидения.

Общедоступные источники сведений о сражении при Блар-на-Лейне

Описаний сражения при Блар-на-Лейне не найдёшь в популярном курсе об истории Шотландии. Однако оно не осталось безвестным для тех, кто питает глубокий интерес к истории Шотландского нагорья. Напротив, в административном центре Инвернесс и вокруг него можно легко найти несколько книг, описывающих это сражение. В них названы воюющие кланы и рассказано о том, какие кольчуги тогда носили и каким оружием воевали, то есть о луках со стрелами и о двуручных мечах (Fraser, 1905; Keltie, 1875; Macdonald, 1934). В главе о Фрейзерах из Фойерса Маккензи (1896) описывает смерть шотландского помещика из Фойерса от ран, полученных в бою.

Комментарий

И в первоначальной записи об этом сновидении, и в своей последующей переписке с Иэном Монкрифом Чарльз Ян Фрейзер внимательно рассмотрел возможность того, что содержание повторяющегося сновидения Джеймса Фрейзера обусловлено сведениями, почерпнутыми из их общедоступных источников. Конечно, Джеймс Фрейзер мог обратиться к некоторым опубликованным сведениям о битве при Блар-на-Лейне. Однако Чарльз Ян Фрейзер склонялся к мнению, к которому присоединяюсь и я, о том, что аналогия между тем, что

[35] В части I я приводил цитату из Эванса-Венца (1911), нашедшего следы верований в перевоплощение на Шотландском нагорье в первом десятилетии XX века. Среди случаев, исследованных мной и позднее описанных в этой работе (в части III), случай Дженни Маклеод произошёл в одной общине графства Инвернесс в пределах 25 километров от Бьюли, в котором жил Джеймс Фрейзер.

содержало это сновидение, и тем, что было общеизвестно о том сражении, не объясняет накал чувств, испытанный Джеймсом Фрейзером в его повторяющемся сновидении. Складывалось впечатление, будто он именно проживал события этого сна.

Монкриф, подводя краткие итоги этого дела и предлагая ещё одну версию, замечает, что у Фрейзеров были нередки случаи кровосмешения, поэтому Джеймс Фрейзер вполне мог быть потомком какого-то участника сражения при Блар-на-Лейне. Он полагал, что вероятным объяснением этого сновидения могла бы послужить «родовая память». В одной из моих работ я, рассмотрев случай другой исследуемой, американки Мэри Магрюдер, с детства страдавшей кошмарами, отметил, что их можно объяснить «родовой памятью», которую она, в её случае, унаследовала от одного предка XVIII века. Однако наши нынешние познания в генетике не оставляют места мысли о духовной передаче ярких образов, подобных тем, которые проявляются в снах о прошлых жизнях, по цепочке поколений.

Итоговые замечания о более давних случаях

В завершение моего рассказа об этих восьми более давних случаях я отмечу, что они доказали своё правдоподобие. Я надеюсь, что мои выкладки, сопровождающие их, показали, почему я так решил. Далее я проведу обзор некоторых особенностей этих случаев, которые нашёл убедительными.

Никто из тех, кто имел отношение к этим случаям, не пытался извлечь из них выгоду или даже просто предать их огласке. Один исследуемый написал о своём опыте книгу, другой – брошюру, но продавались их труды плохо, и всё дело, по-видимому, ограничилось одним или двумя тиражами. Вопреки расхожему мифу о людях, вспомнивших свои прошлые жизни, никто из тех, чья жизнь была восстановлена в памяти (или чьё перерождение было предсказано), не были знаменитыми персонами. Джузеппе Коста вспомнил жизнь человека, пользовавшегося некоторой известностью в своё время и немного позже, но слава Иблето ди Калланта для последующих поколений померкла, если не считать специалистов по итальянскому Средневековью.

За одним исключением философские и религиозные взгляды заинтересованных лиц не влияли на их оценки того случая, о котором они свидетельствовали. Двое из исследуемых (Коста и Нейдхарт) на момент их переживаний были общепризнанными материалистами. Рассказчики в двух других случаях (Баттиста и Альбре) подчёркивали своё недоверие к таким случаям до того, как получили развитие описанные ими случаи. В семье, имеющей отношение к пятому случаю (Куртен), прежде ничего не знали о спиритуализме (благодаря которому континентальная Европа того времени узнала перевоплощение). В шестом случае (Фрейзер) исследуемого поставил в тупик опыт, и он, судя по всему, отвергнутый в своем круге, стал искать сочувствующего или хотя бы непредубеждённого слушателя.

В двух оставшихся случаях (Самона и Рейно) главный герой (или несколько действующих лиц) был уже наслышан о спиритуализме и представлениях о перевоплощении. Однако в случае Алессандрины Самоны её родители никак не ожидали, что Адель Самона сможет ещё раз забеременеть, не говоря уже о том, что их умершая дочь повторно родится в их семье. Случай Лауры Рейно даёт единственный пример того, как исследуемая с самого начала – в её случае, должно быть, с детства – твёрдо верила в перевоплощение и в то, что её воспоминания о предыдущей жизни не вызывают сомнений.

Неподготовленность исследуемых (или рассказчиков) в семи случаях из восьми, получивших развитие, вовсе не указывает на то, что перевоплощение для них является наилучшим объяснением. Зато она указывает на их правдивость[36] – необходимое условие для того, чтобы мы сочли перевоплощение возможным объяснением.

[36] Под правдивостью я разумею точность сообщений о случае, о котором мы узнаём либо от тех, кто рассказал о нём, либо от тех, кто его исследовал. Данные сообщения должны чётко отражать процесс развития реальных событий. На деле мы редко можем узнать о том, что же действительно случилось, поэтому наши суждения о правдивости зависят от того, ловим ли мы сообщившего о них на небрежности, непоследовательности или стремлении заретушировать либо приукрасить какие-то моменты. Правдивость не предполагает в суждении никакой сверхъестественности, под которой мы понимаем средства общения, необъяснимые в рамках общепринятых знаний о средствах общения или физическом движении.

III. Исследованные случаи, начиная со второй половины XX века

В течение ряда лет, с 1961 до 1988 года, я часто совершал поездки в Азию для изучения случаев, в которых можно было говорить об имевшем место перевоплощении. Иногда я останавливался в Европе и исследовал там случаи, привлёкшие моё внимание. В 1963–1964 годах я проводил свой творческий отпуск в Цюрихе, где у меня была хорошая возможность изучить европейские случаи без длительных путешествий. В общей сложности я разузнал там о более чем 250 таких случаях в Европе. Из них я отобрал 32 случая, чтобы включить их в этот труд.

Тем читателям, которые задались вопросом, почему я остановил свой выбор именно на этих случаях, я выскажу несколько своих соображений. Для тех случаев, отправной точкой в которых было детство, я поставил условием мою возможность опросить хотя бы одного старшего родственника – обычно кого-то из родителей или братьев и сестёр, который мог бы подтвердить то, что исследуемый сказал и сделал в раннем детстве. Это условие исключило многочисленные случаи тех людей, которые говорили и верили, что в детстве они вспомнили предыдущую жизнь, однако у меня не было возможности встретиться с их более взрослыми родственниками, которые могли бы подтвердить эти заявления. Ещё мне было нужно, чтобы взрослые вспомнили хотя бы отдельные подробности того, о чём рассказал исследуемый. В одном случае исследуемая, подававшая большие надежды, отправила меня к своей матери; оказалось, что её мать записала всё, что отложилось в её памяти из детских рассказов дочери о своей предыдущей жизни, но она не смогла привести подробности, поэтому я прекратил исследовать этот случай. Ещё одно моё условие предписывало мне в каждом случае встретиться с исследуемым; я придерживался этого правила, но пять исключений всё же было.

Помимо этого, я отклонил многочисленные случаи сновидений, действие в которых, по словам сновидца, разворачивалось в прошедшие времена и в других местах. Тем не менее семь случаев таких сновидений я включил в книгу: в них имеется достаточно свидетельств, указывающих как на возможность того, что по крайней мере некоторые из них действительно берут начало в прошлых жизнях, так и на такую же, если не более вероятную, возможность ошибочного приписывания их таким жизням.

Я опустил некоторые случаи ввиду недостаточного количества подробностей в них; однако я включил иные случаи со скудными сведениями, поскольку в них были какие-то необычные особенности. Мне также пришлось опустить некоторые случаи, которые вначале казались ценными, но подвергнуть их скрупулёзному исследованию не представлялось возможным из-за того, что семьи, имевшие отношение к делу, либо отказывались сотрудничать, либо они покинули своё последнее место жительства, о котором мне было известно.

Если принять во внимание вполне объяснимую нехватку людей старшего поколения, которые могли бы что-то подтвердить (если исследуемый уже достиг зрелого возраста, когда мы впервые узнаём о его случае), то мы могли бы, возможно, найти и изучить больше случаев, будь у нас возможность проявить сноровку и разузнать о них раньше, то есть когда исследуемому ещё не исполнилось пять или шесть лет. Я лишний раз убедился в этом, когда ретроспективно оценивал то, как собирал случаи, вошедшие в эту книгу, о чём я ещё напишу.

Три человека поведали мне в общей сложности о девяти историях (почти треть от общего числа случаев). Ими были: покойный доктор Карл Мюллер из Цюриха, доктор Эрлендур Харальдссон из Рейкьявика и Рита Састрен из Хельсинки. Европейские психиатры, ознакомившиеся с моими исследованиями, рассказали мне два случая. Другие люди, осведомлённые о моих исследованиях, сообщили мне ещё о пяти случаях. В семи случаях сами исследуемые или их родители написали мне о своих историях. Об остальных 10 случаях я узнавал из сооб-

щений о них в газетах и журналах, после чего писал автору статьи, чтобы начать тщательное исследование. Шесть из этих 10 случаев появились из писем читателей, присланных в ответ на предложение газеты присылать в редакцию свои рассказы о воспоминаниях о прежних жизнях. Бывало и так, что газеты публиковали рассказы «победителей», то есть тех, чью исповедь в редакции расценили как достойную быть принятой всерьёз.

На основе вышеприведённого анализа я делаю вывод о том, что можно узнать и о большем числе таких случаев в Европе, если предложить тем, кто готов рассказать о них, предоставить свои записи (пусть даже анонимно) для публикации, или если оповестить читателей об именах и адресах опытных исследователей. Но и при этом условии, как я полагаю, в Европе подобные случаи будут более редкими, чем во многих частях Азии, Западной Африки и на северо-западе Северной Америки[37].

Беседы были основным и, по правде говоря, почти единственным средством, которое я использовал, исследуя случаи в Европе. Языковой барьер возникал нечасто. Остановившись в Цюрихе, я отточил своё знание французского языка и начал осваивать немецкий. Эти языки были полезны во Франции, Германии и Австрии. Талантливые переводчики помогали мне в Финляндии, Исландии и Португалии.

Мои беседы, как правило, носили довольно развёрнутый и обстоятельный характер; перед ними и после них я обычно слал письма с вопросами о подробностях. О том, что происходило с исследуемым в зрелые годы, мне удавалось узнать более чем в половине случаев, начавшихся в раннем детстве. Это получалось у меня потому, что я либо договаривался о продолжении бесед, когда дети вырастут, либо впервые встречался с исследуемым, когда он (или она) был уже взрослым.

Мой рассказ о случаях в Европе оставался бы неполным, если бы я не упомянул случаи, связанные с гипнозом. Я не могу забыть о том, что два случая спонтанно возникшей способности говорить на незнакомом языке, исследованные мной, проявились во время гипноза (Stevenson, 1974b; 1984); это навсегда отучило меня скептически отзываться об исследованиях с применением гипноза. К этим словам, однако, я должен добавить, что, по моему мнению, все случаи с заявлениями о прежних жизнях, сделанные под гипнозом, за исключением очень немногих, не имеют никакой ценности. Даже когда человека возвращают к более ранним событиям его нынешней жизни, он перемешивает выдуманные подробности с точными воспоминаниями (Orne, 1951). При предполагаемом возвращении человека в прежние жизни в нём почти всегда проявляются «прежние личности», установить существование которых нет никакой возможности[38]. Иногда исследования показывали точное или вероятное происхождение подробностей предполагаемой предыдущей жизни в публикации или другом публичном источнике, доступном загипнотизированному человеку (Bjorkhem, 1961; Harris, 1986; Kampman, 1973, 1975; Kampman and Hirvenoja, 1978; Venn, 1986; and Wilson, 1981.)

Как бы то ни было, сложно доказать, что этой предыдущей жизни, столь ярко ожившей в памяти, в действительности не могло быть, особенно если речь идёт о каком-то неизвестном человеке, жившем в далёкие времена. Ривас (1991) преуспел в одном случае, и я включил два примера в эту работу. Трудностям опровержения таких историй обязаны своим успехом

[37] Я не могу доказать это утверждение, поскольку был проведён только один серьёзный обзор распространённости таких случаев. Он показал, что приблизительно 1 человек из 500 в Северной Индии заявлял о том, что он помнит свою предыдущую жизнь (Barker and Pasricha, 1979). Мы знаем, что в Ливане, Нигерии и Британской Колумбии такие вещи случаются с той же частотой, что и в Индии. Если бы в Европе эти случаи были столь же частыми, как и в упомянутых странах, мы, надо полагать, узнали бы о большем числе подобных случаев.

[38] Несмотря на то, что нынешний интерес к гипнотическим возвращениям в прошлые жизни возник с публикацией книги «В поисках Брайди Мёрфи» (Bernstein, 1956/1965), эксперименты в области гипнотических возвращений в прежние жизни впервые начались в Европе в середине XIX века (Ianne, 1924). Они снискали некоторую популярность благодаря трудам и публикациям Роха (1911/1924 гг.) в начале XX века.

многочисленные романы, сюжет которых якобы основан на воспоминаниях о прежних жизнях (Grant, 1939; Hawkes, 1981).

Сообщения о случаях с детьми

Глэдис Декон

Краткий обзор случая и его исследование

Глэдис Декон родилась в Маркет Харборо, Лестершир, Англия, 25 января 1900 года. Её родителями были Бенджамин Декон и его жена Эмма. Бенджамин Декон был плотником. Семья принадлежала к католической вере. Глэдис жила с сестрой, которая была на два года младше её, и с братом.

В раннем детстве у Глэдис Декон была боязнь упасть, позже переросшая в фобию. Она также до странности оживлённо реагировала на имя Маргарет. Позже она узнала о том, что родители сначала хотели назвать её Маргарет, но затем передумали, потому что её матери не нравились имена, у которых есть сокращённая форма. Яркие воспоминания о предыдущей жизни стали появляться у неё только в 11 лет.

Когда Глэдис Декон было 11 лет, её взяли в поездку в Дорсет, во время которой она испытала сильное чувство родства с местечком близ Йовила, мимо которого они с матерью проезжали на поезде. В тот же миг воспоминания о прошлой жизни, как следует полагать, хлынули у неё рекой: маленькая девочка, сбегая с холма, упала и поранила ногу. Она решила, что тогда её звали Маргарет.

Мать отчитала её за такие россказни, и она, по-видимому, почти не задумывалась об этом случае до того момента, как в возрасте 28 лет (до 1928 года) снова побывала в Дорсете и неожиданно убедилась в том, что её воспоминания небезосновательны, потому что они были напрямую связаны с событиями жизни и смерти ребёнка по имени Маргарет Кемпторн.

Через несколько лет лондонская газета *Sunday Express* предложила своим читателям присылать невыдуманные рассказы о явных воспоминаниях о прежних жизнях. Глэдис Декон написала в газету письмо о своём опыте, и оно было опубликовано 2 июня 1935 года вместе с несколькими другими. Тогда эта история привлекла моё внимание, хотя и не на долгие годы. Сейчас я уже не могу вспомнить, когда я впервые узнал об этом случае, но в начале 1960-х годов я решил попытаться встретиться с Глэдис Декон, если она, конечно, ещё была жива.

В конце своего письма в *Sunday Express* Глэдис Декон назвала своё имя и некий адрес – как я думал, её собственный – в городе Латтеруорт, южнее Лестершира. Когда я пришёл по этому адресу, то узнал, что дом принадлежит сестре Глэдис Декон. (Глэдис Декон жила в нём в то время, когда она писала в газету *Sunday Express,* поэтому и указала этот адрес.) Её сестра направила меня в близлежащий город Стоук Албани, неподалёку от Маркет Харборо, где в то время жила Глэдис. 9 августа 1963 года я позвонил ей, и она сказала мне, что с удовольствием побеседует со мной о своём опыте. Когда мы встретились, я узнал ещё несколько подробностей её опыта и других событий её жизни. Впоследствии в нашей переписке она ответила ещё на несколько дополнительных вопросов.

Позднее, в 1970-е годы, я пытался найти записи о Маргарет Кемпторн, но, как вы поймёте сами, не преуспел в этом деле.

Мать Глэдис Декон умерла, когда ей было 18 лет. Женщина, с которой Глэдис Декон путешествовала в 1928 году (свидетель, способный подтвердить правдивость её рассказа), умерла за несколько лет до того, как я начал наводить справки об этом случае. Таким образом, рассказ о данном случае ограничивается только версией самой Глэдис Декон.

Рассказ Глэдис Декон о её опыте, озвученный в 1935 году, и аргументы в пользу его правдивости

Встретившись с Глэдис Декон в 1963 году, я показал ей копию сообщения о её опыте, опубликованного в *Sunday Express* (она прочла его). Она сказала, что её рассказ был напечатан без изменений, его я приведу целиком:

Когда мне было одиннадцать лет, меня и моего брата повезли из Нортантса [сокр. форма для графства Нортгемптоншир], где мы жили, в Уэймаус [Дорсет], чтобы провести там Рождество с нашими родственниками.

Наш поезд, выехавший из Йовила, ненадолго остановился; к своему удивлению, я поняла, что окружающая местность мне очень хорошо знакома, в особенности холмистое поле прямо за окном.

Я сказала брату: «Когда я была очень маленькой, то жила в доме поблизости. Я помню, как сбегала с холма на этом поле, держась за руки с двумя взрослыми, как все мы упали и как я сильно поранила ногу».

Тут мать принялась бранить меня за мои «явные россказни», ведь прежде я там никогда не была и, стало быть, никогда не жила. Я же настаивала на том, что всё это было и что, когда я сбегала с холма, на мне было белое детское платье до лодыжек с зелёными листочками, а на тех, кто держал меня за руки, были сине-белые клетчатые платья.

Я сказала: «Тогда меня звали Маргарет».

Терпение моей матери закончилось, и мне запретили открывать рот до самого Уэймауса. Впоследствии я усвоила, что никак не могла сбегать с того холма, но воспоминания об этом оставались столь же ясными, как и любые другие подлинные воспоминания детства.

Продолжение этой истории последовало через семнадцать лет. Мы с моим тогдашним работодателем ехали на машине [в 1928 году] через Дорсет. Пока нам меняли колесо, мы пошли в какой-то коттедж недалеко от Пула, где одна молодая женщина угостила нас чаем.

Пока накрывали на стол, я увидела старый гравированный портрет и, к своему изумлению, узнала в нём себя в тот момент, когда я сбегала с холма, – пятилетнюю девочку с открытым бесхитростным лицом, в длинном белом платье, украшенном узором в виде зелёных веточек.

Я воскликнула: «Это же я!», чем, конечно же, очень насмешила как моего работодателя, так и ту женщину. Она сказала: «Ну что вы, этот ребёнок умер много лет назад. Наверно, в её детском возрасте вы были очень похожи на неё». Мой работодатель согласился с ней.

Увидев мой интерес к этой истории, женщина позвала свою мать, чтобы та рассказала мне об этом ребёнке.

Она сказала, что эту девочку звали Маргарет Кемпторн и была она единственным ребёнком фермера. Мать женщины, рассказывавшей мне обо всём этом, тогда работала дояркой на той ферме.

Когда Маргарет было лет пять, она сбегала вниз с холма с этой дояркой и ещё какой-то женщиной; нога одной из женщин угодила в кроличью нору – они упали, подмяв под собой ребёнка.

У неё случился серьёзный перелом ноги. Девочка так и не поправилась, спустя два месяца она умерла. «Но моя мать рассказывала, – заметила мне эта пожилая дама с неуместным для неё ехидством, – что эта пигалица отчаянно боролась за свою жизнь и отошла со словами “я не хочу умирать”».

Она не знала, где находилась эта ферма, но городом с рынком был Йовил. Я спросила, когда это произошло; вместо ответа она сняла портрет, к оборотной стороне которого была приклеен листок бумаги.

На нём я прочла: «Маргарет Кемпторн, родилась 25-го января 1830 года, умерла 11 октября 1835 года»; в тот день, когда умерла Маргарет, за много миль отсюда, в Нортантсе, родилась мать моего отца. Сама я также родилась 25 января».

Дополнительные сведения, полученные в 1963 году

Когда я беседовал с Глэдис Декон, умозрительные картины холма в Йовиле, на котором, по её воспоминаниям, она упала, сохраняли у неё такую же ясность, как и в дни её детства, а вот память о сцене в коттедже, когда она нашла гравированный потрет Маргарет Кемпторн, оставляла желать лучшего.

Мать Глэдис Декон приехала из Уэймауса, но покинула Дорсет восемнадцатилетней девушкой и уже не возвращалась туда, если не считать каникул. Глэдис Декон была уверена в том, что её мать ничего не знала о девочке, упавшей с того холма. Если бы она признала, что рассказ её дочери связан с известными ей событиями, то, разумеется, сказала бы дочери, что она приписала себе то, что случилось с другим ребёнком. Вместо этого Эмма Декон вела себя так, как если бы она думала, что Глэдис выдумала всю эту историю от начала и до конца.

Я узнал о том, что Глэдис Декон уже посещала Уэймаус в возрасте двух лет. Почти наверняка в то время она ехала по железной дороге между Йовилом и Уэймаусом. Память о той поездке могла вызвать у неё состояние дежавю в местности недалеко от Йовила, когда она снова побывала там уже в одиннадцатилетнем возрасте.

Как я уже упоминал, родители Глэдис Декон поначалу хотели назвать её Маргарет, но затем передумали. Глэдис Декон нравилось имя Маргарет. (Однако она не сказала, что просила родителей изменить её имя.) Она полагала, что её родители скорее всего говорили ей, когда она была ещё ребёнком, о том, что у них была мысль назвать её Маргарет.

Глэдис Декон не помнила предыдущую жизнь (согласно её воспоминаниям в 1963 году) до своей второй поездки в Йовил в одиннадцатилетнем возрасте. В то время её ощущение близкого знакомства с тем холмом у Йовила сразу сменилось воспоминанием о том, как она сбегала с холма, упала и повредила ногу. После этого опыта внезапно нахлынувших воспоминаний никаких дополнительных подробностей в её сознании не появилось. Она ничего не добавила к ранее написанному ею рассказу о первоначальном опыте и не внесла никаких поправок в описание.

Она сожалела о том, что не предложила тогда продать ей гравированный портрет Маргарет Кемпторн, но в тот день она постеснялась сделать такое предложение его владелице.

Глэдис Декон была католичкой с регламентированным списком предписанных верований касательно перевоплощения, пока она придерживается основ своей религии. Вместе с тем она призналась, что не смогла ни забыть, ни отвергнуть свой первоначальный опыт столь ясных воспоминаний.

Безуспешные попытки независимой оценки жизни и смерти Маргарет Кемпторн

Государственная регистрация рождений и смертей в Англии началась только в 1837 году. Даты рождения и смерти Маргарет Кемпторн предшествуют началу регистрации, а это означает, что записи в приходской книге о крещениях и похоронах могли бы дать уникальные сведения, относящиеся к этому делу, особенно если учесть, что Маргарет Кемпторн умерла в юном возрасте.

Глэдис Декон не узнала название деревни, в которой жила Маргарет Кемпторн. Число вариантов было ограниченным благодаря знанию о том, что эта деревня находилась где-то у

железнодорожной ветки между Йовилом и Уэймаусом, однако Глэдис Декон не указала, какое расстояние от Йовила успел проехать поезд прежде, чем он сделал остановку, во время которой у неё внезапно возникли воспоминания о предыдущей жизни.

Йетминстер, деревня примерно в 10 километрах южнее Йовила, находящаяся на железнодорожной ветке, ведущей до Уэймауса, показалась мне отвечающей этим условиям. Поэтому я написал письмо священнику местной церкви. Он переправил моё письмо в регистрационную канцелярию графства в Дорчестере, где хранились такие записи. (Записи о крещениях и похоронах в Йетминстере за 1830-е годы хранились в центральных архивах графства в Дорчестере.) Помощница архивариуса в регистрационной канцелярии проштудировала записи о крещении и похоронах в Йетминстере, но не обнаружила никаких следов Маргарет Кемпторн. Фамилию Кемпторн она искала и в некоторых других записях, таких как каталог завещаний и журнал бракосочетаний, но не нашла упоминаний об этом имени.

Мне было уже неудобно просить эту любезную архивистку изучать записи множества прочих возможных приходов. Из мэрии Йовила мне написали, что в радиусе 10 миль от Йовила существуют 100 приходских церквей. И мне не хотелось платить профессиональному архивисту за копание во всех записях, которые только можно изучить, прежде чем будет найдена нужная мне, если она вообще существует.

Боязнь падений у Глэдис Декон

Глэдис Декон рассказала мне о том, что она всегда панически боялась падать. В детстве она не каталась на коньках, как другие дети, и принимала особые меры предосторожности от падений. Ребёнком она не знала серьёзных падений, которые случались у неё в зрелые годы.

Я коротко переговорил с младшей сестрой Глэдис Декон, которая не смогла припомнить, чтобы Глэдис боялась падений.

Комментарий

Поездка двухлетней Глэдис с её матерью в Дорсет, для которой они могли воспользоваться поездом, курсирующим между Йовилом и Уэймаусом, могла бы объяснить, почему Глэдис в одиннадцатилетнем возрасте испытала ощущение близкого знакомства с местностью вокруг Йовила. Этим, однако, нельзя объяснить все прочие подробности условных воспоминаний, осознанных ею во время второй поездки.

Этот случай включает в себя и некоторые другие особенности, свойственные другим случаям, касающимся перевоплощения. Повышенный интерес родителей Глэдис Декон к имени Маргарет и её собственное трепетное отношение к нему напоминает другие случаи, в которых родителям хотелось дать ребёнку какое-то особенное имя, а позже обнаруживалось, что его уже носила предыдущая личность, о своём тождестве с которой уверял этот ребёнок.

Эта внезапная вспышка воспоминаний, спровоцированных какой-то сценой из предыдущей жизни, напоминает сходные проблески воспоминаний в случаях Нормана Десперса на Аляске и Маллика Арумугама в Индии. Как я поясню позже, перевоплощение может объяснить некоторые случаи переживания дежавю.

Дженни Маклеод

В этом случае у исследуемой были два относящихся к делу переживания различного типа. Двухлетним ребёнком Дженни Маклеод сделала приблизительно шесть точных утверждений, касающихся жизни её прабабушки, умершей в 1948 году. Несколькими годами позже, когда Дженни было лет семь или восемь, ей стали часто сниться часто повторяющиеся снови-

дения, сюжетом которых она считала сражение при Каллодене в 1746 году. Сейчас я расскажу о её переживаниях раннего детства, а о её повторяющихся сновидениях – в другом разделе, вместе с прочими примерами таких сновидений.

Краткий обзор случая и его исследование

Дженни Маклеод родилась в Абердине, Шотландия, 7 ноября 1949 года. Её родителями были Хамиш Маклеод и его жена Маргарет. Дженни была третьим из их четырёх детей (все дочери). Когда родилась Дженни, её семья жила в Кингасси, а когда ей было примерно пять лет, они переехали (в 1954 году) в маленький городок Тор, расположенный в 25 километрах к северо-западу от Инвернесса. Они всё ещё проживали там, когда я впервые исследовал этот случай в 1967 году.

Дженни начала осмысленно говорить, когда ей было около года. Когда ей было примерно два года, она сделала полдюжины заявлений о предыдущей жизни, отражавших отдельные моменты жизни её прабабушки Бесси Гордон, умершей в феврале 1948 года.

Этот случай привлёк внимание духовника Маклеодов, преподобного Г. У. С. Мюра. В мае 1967 года он написал короткое изложение этого случая, которое послал одной моей знакомой, психиатру из Эдинбурга, а она переправила его письмо ко мне. Я переписывался с преподобным Мюром, а потом, в конце 1967 года, приехал в Тор, где 11 октября провёл беседу с матерью Дженни Маргарет. На следующий день я побеседовал и с самой Дженни, в Университете Святого Андрея. Отца Дженни не было дома, когда я находился в Торе, я так и не познакомился с ним. Бабушка Дженни, которой непосредственно были адресованы её заявления (в возрасте двух лет), умерла в 1961 году. Правда, Маргарет Маклеод выступила гарантом того, что Дженни действительно изложила всё это своей бабушке.

В последующие годы после моей встречи с Дженни в 1967 году мы с ней переписывались время от времени, и я надеялся при случае, когда буду в Великобритании, снова встретиться с ней. К сожалению, такой случай представился лишь в сентябре 1992 года. В том месяце я ещё раз встретился с ней и долго разговаривал о её нынешней жизни. На тот момент ей было почти 43 года.

В 1992 году я поехал в Портри и посетил там район, известный как дорога у Бугра на Бейфилд, где жила бабушка Дженни. Мне посоветовали расспросить Роджера Микета, работника музея Портри и местного историка. Его не оказалось в Портри, когда я туда приехал, но он ответил на некоторые мои вопросы в письмах.

Заявления Дженни о предыдущей жизни, сделанные в раннем возрасте

Дженни было около двух лет, когда она сделала несколько замечаний о своей предыдущей жизни. Однажды утром она сидела на коленях у бабушки, которая кормила её. Её мать находилась в той же комнате. Неожиданно Дженни спросила: «Бабуль, а ты помнишь, как я тебя когда-то кормила?» Явно увлёкшись этой темой, Дженни тогда упомянула холм, прозванный Бугром в Портри. Она рассказала о стоявшем там доме, у которого был собственный маленький пирс. Упомянула она и какие-то ступени, сокращавшие путь к дому, поскольку не нужно было идти кругом по дороге у Бугра. А ещё она рассказала о «милых собачках», которые у неё тогда были. (Маклеоды не держали у себя собак, ни больших, ни маленьких.)

Преподобный Г. У. С. Мюр в своём лаконичном рассказе об этом случае сказал, что потом Дженни ещё делала заявления, называя другие места и улицы в Портри. Маргрет Маклеод, с которой мы разговаривали через пять месяцев, сказала, что Дженни не сообщила ничего особенного сверх того, что я уже отметил выше. Она сказала, что после завтрака

Дженни стала сонной, отчего их разговор о Портри пресёкся. Больше она никогда об этом не говорила.

Точность и своеобразие заявлений Дженни касательно предыдущей жизни

Мать Дженни рассказала мне о том, что в своих утверждениях Дженни правильно описала уклад жизни своей прабабушки по материнской линии Бесси Гордон, которая родилась в Портри, на острове Скай, в 1865 году, и всю свою жизнь провела там. Её дом стоял у самого моря, примыкая к холму, прозванному Бугром. Только у этого дома во всей округе был собственный пирс. Дженни также правильно представляла себе ступени, ведущие к этому дому.

Когда я был в Портри, то сходил к Бугру, а также прошёл по дороге вблизи этого холма, название которого, как и обсуждаемого дома, дала мне Маргарет Маклеод. Эта дорога шла берегом залива. Перед домами больше не было никаких пирсов. Однако Роджер Микет сообщил мне в письме от 28 октября 1992 года о некоторых подробностях и подтвердил, что они были. Дом, узнанный Маргарет Маклеод, действительно принадлежал Бесси Гордон и на той дороге единственный был снабжён со своей парадной стороны пирсом, или пристанью. (На самом деле этот пирс принадлежал не дому, а соседней рыболовецкой артели, добывающей лосося.) Помимо этого, около дома и пирса имелись «ступени – или, скорее, цепочка из камней, – ведущие к Сифилду на противоположной стороне залива».

Бесси Гордон вышла замуж и родила девять детей: троих сыновей и шесть дочерей, из которых одна, Мэри Гордон, была бабушкой Дженни; к ней-то и были обращены первые заявления Дженни о Портри. Она разводила терьеров Западного нагорья и даже после 80 лет сохраняла бодрость и остроту ума, вплоть до самой своей смерти в Портри в 1948 году, в возрасте 83 лет. Причиной её смерти называли «старость», перед смертью она провела в постели только два дня.

Маргарет Маклеод с теплотой вспоминала свою бабушку; та запомнилась ей своим жизнелюбием, приятным голосом и большой любовью к книгам и вообще к чтению.

Бесси Гордон, судя по всему, души не чаяла в Маргарет Маклеод. Однажды она дала сыну кольцо, которым особенно дорожила, но позже забрала его обратно и отдала Маргарет Маклеод.

У Дженни практически не было возможностей разузнать о Портри обычными способами

До двухлетнего возраста, когда Дженни заговорила о предыдущей жизни, мать не отпускала её от себя – Дженни даже спала в её постели. Сама Маргарет Маклеод была знакома с Портри, но она была уверена в том, что никто никогда не упоминал Портри, ни обращаясь к Дженни, ни просто в её присутствии, пока она сама не заговорила о нём.

Сходства в физическом облике Дженни и Бесси Гордон

Маргарет Маклеод сказала, что «стать» Дженни напоминала её прабабушку. Она полагала, что особенности их телосложения были нетипичными в их семье. Эта характерная черта, очевидно, произвела большое впечатление на Маргарет Маклеод, поскольку она ранее упомянула о ней в разговоре с преподобным Г. У. С. Мюром, который вставил этот момент в своё краткое описание данного случая.

Комментарий

В 1967 году я ещё только учился обращать внимание на родинки и врождённые дефекты в этих случаях, и тогда до меня ещё не дошло, что исследуемый того или иного случая мог бы походить телосложением на человека, жизнь которого он, предположительно, вспомнил. Таким образом, я упустил много возможностей, как в этом случае, получить дополнительные важные данные, которые могли бы очень пригодиться; глава о телосложении – одна из самых коротких в моём труде, посвящённом случаям, в которых у исследуемых имелись родимые пятна, родинки или врождённые дефекты (Stevenson, 1997).

Сходства в поведении Дженни и Бесси Гордон

Преподобный Г. У. С. Мюр в своём конспекте по этому случаю заметил, что Маргарет Маклеод была уверена в том, что Дженни похожа на свою прабабушку не только статью, но и тем, как она «движется, разговаривает и вообще манерой поведения».

Мне Маргарет Маклеод упомянула несколько черт, которыми Дженни походила на свою прабабушку, – например, пристрастием к супам домашнего приготовления и к горским танцам. Однако она добавила, что другие её дочери разделяют эти вкусы. А впрочем, были и две черты, которыми Дженни отличалась от своих сестёр и напоминала свою прабабушку. Обе они необыкновенно любили читать и обладали красивым певческим голосом.

Дополнительная информация

Маргарет Маклеод верила в перевоплощение. Более того, она верила и в переселение душ (метемпсихоз), то есть в то, что иные, не-человеческие формы жизни могут перерождаться в людей, и наоборот. Она сказала мне, что верит в то, что её огромный рыжий кот, спавший на своей личной подушке почти всё время, пока я гостил у Маклеодов, был перевоплощением какого-нибудь человека, в личности которого она не была уверена. Этот кот был сильно привязан к Маргарет Маклеод.

Я не узнал, почему Маргарет Маклеод поверила в перевоплощение. Её родным языком был гаэльский, он же был её первым языком. В части I я упоминал о том, что Эванс-Венц (1911) нашёл свидетельства того, что вера в перевоплощение сохранялась у горцев Шотландии до второго десятилетия XX века; возможно, в отдельных семьях она сохранялась и дольше. Маргарет Маклеод родилась в 1922 году, то есть не более десяти лет спустя после выхода в свет книги Эванса-Венца.

Дальнейшее развитие Дженни

Когда я встретился с Дженни в сентябре 1992 года, ей удалось получить хорошую работу в одной компании. Её мать умерла в 1991 году, а отец – несколькими годами раньше. Маргарет Маклеод не обсуждала с Дженни её детский опыт, возможно, из-за позиции её мужа, который никогда не проявлял к нему интерес.

Дженни верила, что ещё помнит о том дне, когда она, сидя на коленях у бабушки, спросила её, помнит ли та, как сама Дженни когда-то кормила её.

Было видно, что Дженни живо интересуется перевоплощением; она задала мне много вопросов о других случаях с детьми, которые заявляли о том, что помнят прошлые жизни. Она выразила желание прочесть давние письма преподобного Мюра о её случае, и я показал их ей.

Кэтрин Уоллис

Этот случай я включил в книгу с некоторым сомнением, но не потому, что мне не удалось проверить, соответствуют ли истине заявления исследуемой, поскольку я публиковал и другие непроверенные случаи, и в эту книгу включены несколько таких случаев, и не потому, что я, к сожалению, так и не встретился с исследуемой, поскольку в четырёх других случаях из этого труда я также не встречался с исследуемыми. Нет, причина моих сомнений отчасти заключалась в том, что исследуемая, когда она впервые заявила о своей предыдущей жизни, была старше (примерно на пять лет) большинства детей, которые заговаривают о своих прошлых жизнях. Моя неуверенность вызвана главным образом признанным мастерством этой исследуемой по части выдумывания разных баек, фантастическую природу которых она осознавала, но рассказывать их её поощрял отец. Однако уверения исследуемой в том, что она умеет проводить различие между своими выдумками и тем, что было, по её словам, подлинными воспоминаниями о её предыдущей жизни, склонили меня к тому, чтобы оставить в стороне возникшие сомнения. Кроме того, хотя в её рассказе о прошлой жизни был ряд преувеличений (причиной которых, как я полагаю, было недоверие взрослых), сюжетная линия в её повествованиях оставалась на удивление неизменной спустя несколько лет, прошедших между тем моментом, когда у неё впервые возникли яркие воспоминания, и тем моментом, когда она уже не могла ничего вспомнить.

Краткое изложение этого случая и его исследование

Кэтрин Уоллис родилась в Портсмуте, Англия, 27 марта 1975 года. Её родителями были Кристофер Уоллис и его жена Кристел. Думаю, Кэтрин была их единственным ребёнком. Они развелись, когда Кэтрин было три года. С тех пор Кэтрин жила с отцом. Он был скульптором и преподавателем.

Осмысленно говорить Кэтрин начала примерно в два года. В её раннем детстве я не увидел ничего необычного, если не считать развод родителей. В то время она переехала с отцом в Эдинбург. И уже позже, когда они вернулись на юг Англии и поселились на ферме его матери в Уилтшире, Кэтрин заговорила о прошлой жизни.

Из-за своей уединённой жизни Кэтрин и её отец очень сблизились; они завели привычку ради развлечения сочинять и рассказывать друг другу разные истории. Однажды вечером они именно так и развлекались в ванной, где Кристофер Уоллис купал Кэтрин перед тем, как отправить её спать, как вдруг ему пришло в голову спросить её: «А кем ты, по-твоему, была до того, как стала нынешней собой?» За этим последовал рассказ Кэтрин о её предыдущей жизни, в истинности которой она не сомневалась ни тогда, ни после. Кэтрин в то время было приблизительно пять лет; таким образом, она впервые заговорила о предыдущей жизни около 1980-го года.

Кристофер Уоллис завёл привычку записывать истории Кэтрин; вместе со всеми прочими он записал и этот её рассказ о том, что она считала своей предыдущей жизнью. Он сохранил свои записи и, как выяснится, использовал их, когда писал мне первое письмо.

В начале 1982 года у меня взяли интервью в Лондоне о случаях, заставляющих задуматься о перевоплощении, для радиопередачи BBC (Би-би-си), из которой мне переслали письма, приходившие к ним для меня. Кристофер Уоллис решил написать мне в письме о том, что Кэтрин сообщила о предыдущей жизни, и об обстоятельствах, при которых она рассказала об этом. На конверте стоял почтовый штемпель: 21 июля 1982 года. Ниже я приведу цитаты из этого письма.

Впоследствии я переписывался с Кристофером Уоллисом на предмет возникавших у меня вопросов в связи с заявлениями Кэтрин. В течение следующих 10 лет я хотел и надеялся встретиться с ним и с Кэтрин, но не нашёл возможности для этого. Однако я рассказал о них в своём ответном письме на BBC, планировавшем взять интервью у таких детей, как Кэтрин; и в своё время у неё взяла интервью Джун Нокс-Мауэр для фильма BBC, который был показан 21 февраля 1983 года. Двумя месяцами позже один коллега, работавший в то время со мной, доктор Николас Макклин-Райс, был в Англии; он наведался к Кристоферу и Кэтрин Уоллис в их доме в Уилтшире. Оба этих интервью, для BBC и взятое доктором Макклина-Райса, были записаны на плёнку и транскрибированы. Я использовал их в этом рассказе. Кэтрин ещё не было восьми лет во время её интервью с Джун Нокс-Мауэр; и ей было чуть за восемь во время её интервью с доктором Макклином-Райсом. Кристофер Уоллис присутствовал при обоих этих интервью, и я буду при необходимости по ходу дела ссылаться на его заявления.

После более чем 10 лет переписки мне удалось встретиться с Кристофером Уоллисом. Наша встреча состоялась в Лондонской национальной галерее 11 июня 1993 года. И хотя мы проговорили больше двух часов, я не узнал ничего нового, что могло бы помочь понять, по какой причине Кэтрин заявила о прошлой жизни. А встреча с Кэтрин, жившей в то время со своей матерью в Эйре, сорвалась.

В следующем году я переписывался с Кристофером Уоллисом на тему готовности Кэтрин подвергнуться гипнозу. Он писал, что Кэтрин согласна пойти на это, но лондонский психолог, выразивший свою заинтересованность в этом проекте, так и не связался ни с Кэтрин, ни с её отцом.

Заявления, сделанные Кэтрин

О чём рассказала Кэтрин в возрасте примерно пяти лет. Нижеследующие сведения о том, что тогда сказала Кэтрин, я взял из письма Кристофера Уоллиса ко мне от 21 июля 1982 года.

Я её [Кэтрин] отец. Когда ей было примерно пять с половиной лет, к тому времени мы прожили с ней вместе и уединённо около двух лет и успели построить доверительные отношения. Как и многие родители, я сочинял для неё истории, а она – для меня. Мы часто устраивали игры на сообразительность: что-нибудь придумывали, а потом искали аргументы в поддержку своих слов. Однажды мы засиделись вместе в ванной, сильно увлёкшись одной игрой: нужно представить, что находишься в какой-то комнате, и описать её. Всякий раз ты стоишь перед какой-то дверью, но что же за нею? Мои комнаты чаще всего были довольно обычными, полными таких вещей, как столы, стулья, ножи и вилки и т. п., тогда как её комнаты были сказочно красивыми, полными драгоценностей, золота, ковров, со светлыми окнами. В этой игре можно было бесконечно бродить по коридорам и лестницам.

Наконец мы вылезли из ванны. Пока мы обсыхали, я спросил её: «А кем ты, по-твоему, была до того, как стала нынешней собой?»

Она сразу начала говорить, очень спокойно и уверенно. Прошло, должно быть, от пятнадцати минут до получаса прежде, чем она закончила свой рассказ. После этого я отправился записывать как можно точнее её слова. Боюсь, что многие нюансы её рассказа выпали, потому что говорила она безостановочно, но, как мне кажется, самые важные моменты мне всё же удалось записать.

Далее пишу прямо из моего блокнота.

Пока мы обсыхали, я спросил её: «А кем ты, по-твоему, была до того, как стала нынешней собой?»

«Рози», – сказала она так, как будто я должен был знать об этом, словно бы напоминая мне то, о чём она мне уже говорила.

«Значит Роуз. А фамилия?» – уточнил я.

«Рози Абелиск (то ли Abelisk, то ли Abelisque)».

«А как звали твою мать?»

«Мэри Энн Абелиск». И её понесло: «Мы жили в небольшом белом деревянном доме у пешеходного перехода, это был сельский дом. С одной стороны дороги были цыплята, по утрам она возила меня в тележке [имелась в виду детская коляска] кормить кур, и те громко кудахтали. Когда мне было два года, мне это наскучило, потому что я не могла вылезти из этой тележки. Но когда мне было три года, я часто помогала мамочке собирать яйца, а однажды я уронила одно, но оно не разбилось, потому что упало на сено».

«А как выглядела эта тележка?» – спросил я, стараясь узнать что-нибудь, способное навести на дату или момент времени, когда это могло происходить.

«У неё был кузов, – сказала она, – и гнутые ручки».

«Опиши свою мамочку».

«У неё были золотистые волосы, очень длинные, но она всегда завязывала их узлом на голове».

«А папочка у тебя был?»

«Нет, там не было. Он был далеко; наверно, в Англии. Помню, когда мне было шесть лет, мы собирались съездить в Англию, чтобы повидаться с ним, но я тогда не говорила по-английски».

«На каком же языке ты говорила?»

«На французском, скорее всего. Мы жили в Америке, но говорила я всё-таки по-французски. Это была лучшая пора в моей жизни, потому что мне было очень весело. Нам пришлось долго добираться до места; а когда мы приехали, я бросилась из поезда прямо в его объятия. Потом мы вернулись, и с той поры всё шло как обычно. Мы были очень бедны. В нашем доме жил дровосек. Он продавал дрова, тем и жил».

«Можешь припомнить, как примерно называлась твоя школа?»

Она ответила что-то вроде «экко мисси», хотя было больше похоже на «эккоо миссре». Я повторил это словосочетание раз или два. *Ecole missive,* наконец дошло до меня. Миссионерская школа? Такой вариант хорошо подходил её истории. Была ли *Ecole missive* французской миссионерской школой? Она вспомнила название школы, но больше ничего не смогла вспомнить об ней.

Далее мы обменялись взглядами на смерть или умирание. Я записал: «Как же ты всё-таки погибла?»

«Однажды я пошла через дорогу за яйцами по пешеходному переходу, поэтому не стала смотреть по сторонам. Как только я вышла на дорогу, меня сразу сбил грузовик [грузовой автомобиль] завода Кока-Колы, и я долго катилась по асфальту. Так я попала в больницу; у меня были сломаны две ноги, а шея превратилась в месиво».

«Можешь вспомнить, было ли тебе больно?»

«Нет, боли не было. Помню только чувство досады».

«Сколько ты пролежала в больнице?»

«Десять недель. Потом я просто умерла».

«Спасибо за сказку, Рози», – сказал я, укрывая её в постели.

«Это не сказка, а быль», – ответила она.

О чём рассказала Кэтрин в возрасте семи с половиной лет. Получив письмо Кристофера Уоллиса от 21 июля 1982 года, я ответил ему в сентябре 1982, предложив со своей стороны некоторые соображения и попросив его снова написать, если Кэтрин вдруг ещё обмол-

вится о чём-то, имеющем отношение к её предполагаемой предыдущей жизни. Выдержав небольшую паузу, он ответил мне письмом, датированным 8 февраля 1983 года. В нём он упомянул о том, что «очень деликатно пытался» разузнать у Кэтрин побольше подробностей вскоре после того, как в прошлом сентябре получил моё письмо. Ниже привожу цитату из его ответа от 8 февраля 1983 года.

Получив ваше предыдущее письмо, я попытался очень деликатно снова навести её на разговор о жизни Рози, чтобы проверить, сможет ли она вспомнить название города.

Она описывала здания, людей и даже доску с надписью во дворе школы, но о названии города не сказала ни слова; и она также рассказала о близлежащем городе с его «торговыми центрами», как их там называли, что не свойственно англичанам: нам привычнее даже большие магазины называть просто магазинами.

Был и один занимательный момент, который она потом не раз вспоминала: её мать была страстной собирательницей обрезков материи и сшила ей много вещей из лоскутов; когда она ходила в школу, все смеялись над ней из-за её лоскутной одежды.

Она описывает школьных учителей как очень строгих, по большей части мужчин, носивших чёрные костюмы с жилетами и синие рубашки, а здание называет белым или каменным, со шпилем на крыше.

Больше я не давил на неё; и говорим мы с ней об этом только мимоходом, потому что я немного опасаюсь, что её занесёт: вот тогда она действительно начнёт фантазировать. Но пока что она, как мне кажется, способна вспоминать то, что было с ней, не придумывая ничего лишнего.

Я спросил её, была ли она тогда в том же настроении, в каком придумывала сказки, и она ответила, что чувствовала себя в тот момент иначе и видела себя как бы со стороны.

О чём рассказала Кэтрин в возрасте примерно восьми лет. Во время интервью, которые у Кэтрин брали Джун Нокс-Мауэр и доктор Макклин-Райс (в начале 1983 г.), они задали ей много вопросов в надежде прояснить картину её предполагаемой предыдущей жизни.

В некоторых случаях Кэтрин, судя по всему, удалось дополнить некоторые подробности, упомянутые ею тремя годами ранее, когда она впервые заговорила об этом с отцом. Например, на вопрос о том, как Рози носила дрова, которые она нарубила, в дом, Кэтрин сказала: «У нас была корзина с приделанными к ней колёсами. На ней я и возила обычно дрова, словно на тачке, только с плетёным кузовом».

У Джун Нокс-Мауэр Кэтрин также дополнила подробностями свой рассказ о том, как её сбил и покалечил грузовик завода Кока-Колы. Обычно, сказала она, по той дороге, которую она переходила, когда шла в школу или собирать яйца, машины проезжали крайне редко. Она преодолела почти половину ширины дороги, когда неожиданно перед ней вырос этот грузовик, – увернуться она не успела. Она сказала, что ей было 10 лет, когда она получила травмы и умерла.

В других случаях Кэтрин называла совершенно новые подробности, которых вовсе не было в её ранних заявлениях. Например, она довольно долго рассказывала доктору Макклину-Райсу о жившем по соседству фермере по фамилии Нокс. Прежде она ничего не говорила о нём. Впервые она упомянула о нём отцу за день до прихода доктора Макклина-Райса во время разговора с отцом о жизни Рози. Она также описала других людей, которых прежде не упоминала, – например, миссис Нокс (жену мистера Нокса) и лучшую школьную подругу Рози. Мало того, что Кэтрин назвала новые действующие лица и предметы, так она ещё изменила показания о волосах матери Рози: в первом разговоре с отцом Кэтрин она описала волосы матери как золотые, а в беседе с доктором Макклином-Райсом сказала, что они были тёмными.

И Джун Нокс-Мауэр, и доктору Макклину-Райсу Кэтрин с несомненной уверенностью говорила, что она умеет различать выдуманные ею истории и сцены из её жизни в личности Рози. В пример приведу следующий диалог между Кэтрин и Джун Нокс-Мауэр:

Нокс-Мауэр: Кэтрин, когда ты рассказываешь отцу о прошлой жизни, то проживаешь все её сцены или просто пересказываешь их?

Кэтрин: Как вам сказать… Я чувствую, что всё ещё там… и рассказываю кому-то о моей собственной жизни.

Нокс-Мауэр: Ты с трудом подбираешь слова… Наверно, такие вещи действительно трудно… объяснить.

Кэтрин: Всё это я могла услышать в своей голове; и у меня было такое чувство, будто я там и рассказываю кому-то именно о моей жизни.

Во время интервью у доктора Макклина-Райса Кристофер Уоллис и Кэтрин говорили о том, что для Кэтрин её предполагаемые воспоминания о предыдущей жизни отражают реальность; следующий диалог взят из расшифровки этого интервью:

К. Уоллис: Чем различаются твои ощущения, когда ты сочиняешь историю о миссис Чёрчвилл и когда…

Кэтрин: Они сильно различаются.

К. Уоллис: Ты по-разному чувствуешь эти вещи? Опиши свои ощущения. Что меняется, когда ты сочиняешь историю и… Можешь объяснить?

Кэтрин: Понимаете, это совсем разные вещи.

Джун Нокс-Мауэр спросила Кэтрин, бывали ли у неё какие-нибудь воспоминания о предыдущей жизни до того, как она впервые заговорила о них с отцом примерно в возрасте пяти лет. Кэтрин ответила, что в ночь перед тем, как это случилось, она увидела во сне, как она встретилась с отцом Рози и прыгнула в его объятия. Позже она описала этот сон доктору Макклину-Райсу как «слишком реалистичный». Она сказала: «Это был не просто сон. Всё это и вправду было». Она сказала, что другие моменты в этих воспоминаниях пришли к ней на следующий день, когда она сидела в ванне с отцом.

Во время разговора с Джун Нокс-Мауэр Кэтрин осознавала, что ей полных семь (почти восемь) лет; и она утверждала, что помнит жизнь девочки, умершей в возрасте 10 лет. Касательно этих чувств процитирую следующий диалог:

Кэтрин: Иногда мне кажется… Бывает так, что, лёжа в постели, я испытываю желание вернуться назад в то время, когда мне было десять лет, а затем пойти вперёд к тому времени, когда мне семь.

Нокс-Мауэр: Потому что сейчас тебе семь лет.

Кэтрин: Это разные жизни…

Нокс-Мауэр: Повтори ещё раз. Разные… что?

Кэтрин: Когда… Иногда, когда я лежу в постели, мне вдруг так хочется… Понимаете… Я хочу двигаться, постоянно путешествовать то в ту мою жизнь, то в эту самую жизнь.

Нокс-Мауэр: Тебя это сбивает с толку?

Кэтрин: Очень смущает.

Джун Нокс-Мауэр взяла интервью для фильма BBC и у матери Кэтрин, Кристал; я читал расшифровку этого интервью. Кристал не присутствовала, когда Кэтрин впервые заговорила о предыдущей жизни с отцом, и она не могла ничего добавить к тому, что он написал и рассказал

о нюансах воспоминаний Кэтрин. Она описала Кэтрин как необычайно чувствительного и не по годам зрелого ребёнка.

Последовательность ключевых утверждений, сделанных Кэтрин

Хотя я обратил внимание на дополнительные подробности, сообщённые Кэтрин в ответ на расспросы её отца и тех, кто брал у неё интервью, когда ей было семь и восемь лет, всё же эти дополнительные подробности не согласовывались с тем, что она говорила ранее. Все её утверждения не доступны для проверки, каждое из них может оказаться выдумкой. Или же первое сообщение, сделанное ею примерно в пятилетнем возрасте, берёт начало в её подлинной прошлой жизни, а более поздние дополнения могут оказаться выдумками. И тем не менее мы можем сказать, что Кэтрин никогда не меняла сути своих заявлений (за исключением её слов о цвете волос матери Рози).

Сравнивая магнитофонную запись более поздних бесед с первым сообщением Кристофера Уоллиса об утверждениях Кэтрин, я соглашаюсь с его заявлением, сделанным у Джун Нокс-Мауэр. Объясняя своё нежелание докучать Кэтрин расспросами, он сказал:

Не по душе мне было ворошить их [воспоминания о прошлой жизни], потому что дети, которые всё время сочиняют истории, могут запросто войти во вкус, поэтому я оставил эту историю в том виде, в каком записал её, и она вообще не обсуждалась. Но когда она сама продолжала рассказ, его продолжение никогда не входило в противоречие с тем, что она уже успела… сообщить.

Предположения о возможном месте предыдущей жизни

Заявления Кэтрин не дают почти никаких оснований для предположений о том, где могла проходить прошлая жизнь, которая, как она верит, у неё была. То обстоятельство, что она говорила по-французски в Америке, указывает на Квебек или на франкоговорящий анклав в Новой Англии. Каменное здание со шпилем указывает на типичную римско-католическую церковь в деревне французской Канады. Ещё один вариант – место во франкоговорящих частях Луизианы, в особенности Акадианы, региона проживания кажунов, вокруг города Лафайет.

Кока-колу впервые начали производить в 1886 году, а вскоре после этого и продавать в бутылках (Watters, 1978). Развозить на грузовых автомобилях её начали только с 1910-х годов, причём до 1920-х годов с их помощью распространялась лишь небольшая часть от всей партии (Stevens, 1986). Такого вида грузоперевозок можно было ожидать только с развитием как грузовиков, так и хороших шоссейных дорог.

Если не считать эти отрывочные сведения, мы больше не располагаем ничем таким, что могло бы привести к прогрессу в нашей работе: Кэтрин никогда не упоминала названия города или деревни.

Предположение Кристофера Уоллиса о том, что словосочетание «ecole missive» можно перевести с французского языка как «миссионерская школа», не является однозначно правильным. Французское слово «missive» означает сообщение или связь. Миссионерская школа по-французски звучала бы как «une ecole missionnaire». На самом деле Кэтрин приблизилась к этому варианту, когда сказала: «*Эккоо миссре*».

Другие полезные сведения

Уоллисы не имели никакого отношения ни к Франции, ни к французской Канаде. Кристофер Уоллис смог придумать только один возможный источник для одного момента в заявлениях Кэтрин. У его жены действительно была когда-то лоскутная юбка, которую Кэтрин могла видеть в раннем детстве.

Ещё один момент в заявлениях Кэтрин можно было связать с обидчивостью, которая проявлялась у неё в детстве. Ей не нравилось, когда её дразнили. А Кэтрин рассказывала о том, что школьники из более благополучных семей, одетые лучше, смеялась над лоскутной одеждой, которую носила Рози.

У Кэтрин не было фобий, связанных с транспортом.

Зрелость Кэтрин в сравнении с другими детьми её возраста

Хотя я никогда не встречался с Кэтрин, из писем её отца я сделал вывод о том, что она была ребёнком необыкновенно умным и не по годам зрелым. Как показало первое письмо её отца ко мне, он считал, что её творческое воображение было лучше развито, чем у него. Но она не только фантазировала, но и всерьёз заговаривала на темы, которые обычно не волнуют маленького ребёнка. Она легко говорила о том, что можно было бы назвать мифами о сотворении мира, и спокойно рассуждала о душе, причём сама использовала это слово. Джун Нокс-Мауэр, очевидно, тоже была уверена в том, что Кэтрин была не по годам зрелой. В этой связи я процитирую обмен репликами между Джун Нокс-Мауэр и Кристофером Уоллисом во время интервью для BBC 21 февраля 1983 года. (Кэтрин отсутствовала, когда делалась запись их разговора.)

Нокс-Мауэр: Бывает ли у вас порой пугающее ощущение, когда Кэтрин сообщает вам, по сути, странные вещи, которые обычно недоступны большинству детей, просто жуть…

К. Уоллис: Бывает. Мне кажется, я всё-таки не смог поверить в кое-что из того, что она здесь наговорила. Я ловил себя на мысли о том, что слушаю… прорицательницу, что ли. И это точно не было похоже на разговоры детей. Странно это было, жутковато… Некоторые сочинённые ею мифы о сотворении мира и вправду стоит послушать… А как она держалась… Иногда казалось, что она гораздо старше своих лет… Думаю, она всегда знала о… чувствах людей; в её мировоззрении намного больше зрелости… что… в самом деле приводит в лёгкое замешательство[39].

Родимое пятно Кэтрин

Кэтрин родилась с родимым пятном, о котором её отец писал так: «Ярко-красное родимое пятно в основании черепа, с левой стороны. С годами оно сильно поблёкло, но его остатки, возможно, ещё видны под волосами; я давно не вглядывался».

Кэтрин сказала, что «её шея превратилась в месиво» после того, как грузовик Кока-Колы сбил Рози; Кристофер Уоллис полагал, что её родимое пятно могло брать начало с ранения Рози, о котором рассказала Кэтрин.

---

[39] Я обсуждал эту особенность «взрослого мировоззрения» в другой работе (Stevenson 1987/2001). Такое же мировоззрение продемонстрировали следующие исследуемые: Сулейман Андари, Кумкум Верма, Бонгкуш Промсин, Тхьянь Сан Кла, Маунь Хтай Вин, Чанай Чумалайвонг и преподобный Чаокхун Раджсутхаджарн.

Однако не менее 3 % детей рождаются с родимыми пятнами на том же месте, что и у Кэтрин (Corson, 1934). Это эритема, пламенеющий невус: области сильного покраснения кожи, называемые в народе винными пятнами. В ряде случаев обнаруживалось, что эти родимые пятна есть у более чем 3 % детей, сфера их распространения выходит за пределы затылка. Большинство этих пятен сходит и исчезает по мере того, как ребёнок растёт, но в 5 % случаев они сохраняются до отрочества или даже далее (Hodgman, Freeman, and Levan, 1971). В случае Кэтрин родимое пятно сохранялось до 1983 года, когда оно было ещё достаточно видно для того, чтобы доктор Макклин-Райс сфотографировал его.

В нескольких подтвержденных случаях, исследованных мной, есть основания полагать, что родимое пятно, расположенное в этом месте, может происходить из прошлой жизни (Stevenson, 1997). Однако, учитывая частоту появления таких родимых пятен у детей, не помнящих свои прошлые жизни, не думаю, что мы должны приписывать родимое пятно Кэтрин её предыдущей жизни, которую она, по её мнению, вспомнила.

Дальнейшее развитие Кэтрин

В конце 1980-х годов я не переписывался с Кристофером Уоллисом. Затем в 1990 году я написал ему о возможности участия Кэтрин в документальном фильме, который собирались снимать на BBC. Он с радостью откликнулся и кое-что рассказал о дальнейшем развитии Кэтрин.

Приблизительно в 1985 году однажды вечером Кэтрин сказала ему, *что* её «бросает» туда-сюда взад-вперёд между двумя личностями. Из-за этого некоторое время ей было очень не по себе, но вскоре она начала выходить во двор и играть гораздо чаще, чем прежде (примерно в 10 лет). А совсем недавно (в 1990 году) она сказала мне, что до этого возраста она сильно боялась умереть (пока ей не исполнилось 10 лет). [Кэтрин сказала, что Рози было 10 лет, когда она умерла].

Из вышеизложенного может сложиться впечатление, что Кэтрин продолжала вспоминать эпизоды своей предыдущей жизни примерно до десятилетнего возраста. Что касается 1990 года, то Кристофер Уоллис написал (в письме от 6 августа 1990 года): *«Она говорит, что теперь помнит только о том, что помнила прошлое. Она вспоминает воспоминания».*

Комментарий

Я не могу прийти ни к какому окончательному выводу о том, действительно ли картины, оживавшие в уме Кэтрин, были из её предыдущей жизни. (То же самое мы должны сказать и обо всех нерешённых случаях.)

Сравнительно поздний возраст Кэтрин, в котором она начала вспоминать прошлую жизнь, уводит нас от какого-то сверхъестественного толкования; но она не была уникальной в этом отношении, поскольку некоторые исследуемые в ряде проверенных случаев, такие как Сулейман Андари, начинали рассказывать о прошлой жизни только по достижении пятилетнего возраста.

Вместе с тем Кэтрин рассказывала о своих воспоминаниях не по воле чувств, а лишь отвечая на вопросы отца. (Это произошло после того, как они с отцом долго рассказывали друг другу вымышленные истории.) И всё же есть случаи, сходные с этим в такой особенности, из которых, вероятно, самый памятный – это случай с Долоном Чампой Митрой.

Неизменность сюжетной линии воспоминаний Кэтрин говорит всё-таки в пользу их сверхъестественного толкования. При этом наиболее очевидные выдумки иногда показывали

заведённую устойчивость на протяжении многих лет. Случай Хелен Смит (Flournoy, 1899) даёт превосходный тому пример.

Представляя этот случай, я уже упомянул о том, что уверенность Кэтрин в своей способности различать свои воспоминания и фантазии побудила меня включить данный случай в свой труд. Но я должен отметить, что считаю эту особенность наименее важной, когда мы пытаемся найти верное толкование случая. Хотелось бы мне разделять уверенность Кэтрин (которую я, вне всяких сомнений, уважаю как честную убеждённость), но в том, что касается памяти, установлена не раз подтверждённая истина о том, что уверенность в точности воспоминаний ещё не гарантирует их точность. Этот факт по крайней мере хорошо отражён в случаях с показаниями очевидцев (Wells and Murray, 1984) и скорее всего справедлив и по отношению к другим видам воспоминаний.

Карл Эдон

Этот случай нельзя назвать до конца прояснённым. Ценен же он тем, что исследуемый заявил, что помнит свою предыдущую жизнь, в которой он был иностранцем, а также благодаря необычному поведению этого исследуемого, которое он, по его словам, демонстрировал в раннем детстве.

Краткий обзор случая и его исследование

Карл Эдон родился в Мидлсбро, Англия, 29 декабря 1972 года. Его родителями были Джеймс Эдон и его жена Валери. Карл был третьим из их троих детей; у него была пятилетняя сестра и одиннадцатилетний брат. Джеймс Эдон работал водителем автобуса.

Карл начал осмысленно говорить примерно в возрасте двух лет. Почти сразу он сказал: «Я врезался на самолёте в окно». Он часто повторял эти слова и постепенно добавлял к ним подробности о предыдущей жизни, которую он, как ему казалось, вспомнил. Он сказал, что его сбили во время бомбардировки Англии. Из дальнейших подробностей, которыми Карл дополнял свой рассказ, его родители заключили, что он говорил о жизни какого-то пилота военно-воздушных сил Германии во время Второй мировой войны.

Карл дополнил своё свидетельство, когда научился рисовать: на его набросках были свастики и орлы. А немного позже он нарисовал приборную панель в кабине пилота. Он также выказывал симпатию к Германии и определённое поведение, которое было, так сказать, под стать немцам.

Краткое сообщение об этом случае было опубликовано в статье в журнале *Woman's Own* от 7 августа 1982 года. Через издателя этого журнала мне удалось узнать адрес семьи Эдон. В январе 1984 года доктор Николас Макклин-Райс приехал в Мидлсбро, где побеседовал с родителями Карла и поговорил с ним самим. Карлу было тогда чуть больше 11 лет. Тем временем этот случай получил дополнительную огласку и привлёк большое внимание множества местных газет. Один немецкий журналист приехал в Мидлсбро и взял у Карла и его родителей интервью, оно было опубликовано в берлинской газете *Morgenpost* 17 июля 1983 года.

После встречи доктора Макклина-Райса с Эдонами я 10 лет не возвращался к этому случаю, а затем решил, что мы можем и должны узнать о нём больше. Поэтому я возобновил переписку с семьёй Эдон и в июне 1993 года приехал в Мидлсбро, где долго общался с Карлом и его родителями. В последующие годы я получал от них сведения из нашей продолжительной переписки. 15 октября 1998 года я возвратился в Мидлсбро и ещё раз долго беседовал с Джеймсом и Валери Эдон. (К тому времени, как я поясню далее, Карл уже умер.) Я просил об этой встрече для того, чтобы проверить кое-что из этого случая. Двое других детей Эдонов

пришли в родительский дом, когда наша беседа уже подходила к концу, но, как я понял, они не могли дать никаких дополнительных сведений.

Заявления, сделанные Карлом

Первая фраза Карла о предыдущей жизни, которую он впоследствии часто повторял, звучала так: «Я врезался на самолёте в окно». Позже он добавил, что его разбившийся самолёт был бомбардировщиком фирмы Мессершмитт. (Валери Эдон вспоминала, что Карл называл номер, 101 или 104, типа самолёта Мессершмитта, но тогда [в 1983 году] она уже не помнила, какой именно номер он указал[40]. Он сказал, что летел бомбить неприятеля, но его сбили.) Для большей ясности он добавил, что при крушении ему оторвало правую ногу.

Карл сказал, что его звали Роберт, а его отца звали Фриц; у него был брат по имени Петер. Он не помнил, как звали его предыдущую мать, но она, по его описаниям, была тёмноволосой и носила очки. Он сказал, что мать была властной женщиной. А ещё он сказал, что ему было 23 года, когда он погиб, и что у него была невеста, которой было 19 лет, она была белокурой и стройной.

Комментарий

В 1993 году я узнал о многочисленных дополнительных заявлениях, сделанных Карлом, но к тому времени прошло лет 18 или 19 с момента его первых высказываний о предыдущей жизни; и я полагаю, что это даёт основание ограничить список его утверждений теми, которые были переданы его родителями в 1983 году. Я уверен, что это повлечёт за собой потерю дополнительных подробностей, но позволит избежать ошибочного внесения в список моментов, которые Карл мог домыслить в угоду его слушателям или же получил их из общедоступных источников информации.

Рисунки Карла

Карл начал делать наброски и рисунки, когда ему было больше двух, но меньше трёх лет. Он рисовал самолёты, эмблемы и знаки отличия. Его родители вспоминали, что он нарисовал самолёт и изобразил на нём свастику. (Они отметили, что свастика была перевёрнутой.) Он также нарисовал орла, в котором позднее его родители узнали «германского орла». В шестилетнем возрасте он нарисовал приборную панель в кабине самолёта и описал действие измерительных приборов. В тот раз он упомянул, что на бомбардировщике, на котором он летел, была красная педаль, которую он нажимал для сброса бомб. На одном из других его рисунков явно был знак отличия, с крыльями по сторонам и орлом в центре.

Первые рисунки Карла были грубыми, хотя его родители полагали, что он передавал на них то, что хотел показать. Становясь старше, он продолжал рисовать эмблемы и знаки отличия, но всякий раз с возраставшим мастерством.

[40] Люди, практически не разбирающиеся в немецких военных самолётах периода Второй мировой войны (к которым отношусь и я), полагали, что самолёты Мессершмитт были исключительно истребителями. В целом так и есть, но Мессершмитт 262, первый турбореактивный самолёт, «использовался и как истребитель, и как штурмовик, или маловысотный бомбардировщик, а также для разведывательных полётов» (United States Government Printing Office, 1945).

Поведение Карла, имеющее отношение к предыдущей жизни

В каких условиях и как Карл рассказывал о предыдущей жизни. Первые заявления Карла были спонтанными; что его побудило к ним, осталось неизвестным. Когда он достаточно повзрослел для того, чтобы смотреть телевизионные фильмы о Германии, то, бывало, порой комментировал нюансы военной формы на актёрах. Он мог сказать, например, что у такого-то актёра не хватает значка на кителе там, где ему положено быть.

Как-то раз Карл смотрел документальный фильм о холокосте, в котором была показана сцена в концлагере. (Позже его родители держались мнения о том, что тогда они узнали в нём Освенцим, но без особой уверенности: это мог быть и другой лагерь.) Карл узнал его и сказал, что его часть – иначе говоря, авиабаза, – с которой поднялся его бомбардировщик, располагалась недалеко от этого концлагеря.

Время от времени друзья семьи расспрашивали Карла о подробностях – например, о том, что он носил в предыдущей жизни, а он отвечал им. Они могли также попросить его сделать наброски каких-то предметов из его прошлой жизни, и он рисовал. (Его родители позволяли друзьям забирать эти рисунки домой и хранить их у себя, но сами не сохранили ни один рисунок, сделанный Карлом по собственному желанию.)

Любимая еда Карла

Карл отличался от других членов своей семьи тем, что предпочитал кофе чаю, любил густые супы и сосиски.

Осанка, походка и жесты Карла

Когда Карл впервые заговорил о прошлой жизни, то спонтанно продемонстрировал характерный для нацистов знак приветствия, выбросив вперёд и вверх правую руку. Он также демонстрировал прусский шаг, которым ходили марширующие немецкие солдаты. Поднимаясь, он всегда вставал вертикально, держа руки по швам.

Тёплое отношение Карла к Германии

Карл изъявлял желание уехать в Германию и жить там. Однажды в его школе ставили пьесу, в которой была роль одного немца – так вот Карл настоял на том, чтобы эту роль отдали ему.

Другие интересные моменты в поведении Карла

По сравнению с другими детьми в семье Карл был необыкновенно чистоплотным и почти маниакально опрятным. Он любил хорошо одеваться. Он был, по-видимому, несколько своевольным и менее послушным, чем другие дети.

Физические особенности Карла

У Карла были очень светлые волосы, цвета соломы; брови и ресницы у него также были белёсые. Он был голубоглазым. Относительный недостаток пигментации волос у Карла заметно

отличал его от родителей, брата и сестры: все они были шатенами. У его матери были голубые глаза.

Отношение родителей и школьных товарищей Карла к его воспоминаниям

Родители Карла были членами англиканской церкви. Они мало знали о перевоплощении и поначалу были сбиты с толку его заявлениями, рисунками и поведением. Его отец сперва подумал, что Карл описывает свои детские фантазии. Родители никогда не запрещали ему рассказывать о прошлой жизни. На самом деле его отец, возможно, даже косвенно поощрял делать это, задавая Карлу вопросы о кое-каких подробностях, а после проверяя его ответы по книгам. Родители Карла также просили гостей предлагать ему зарисовывать предметы из его прошлой жизни – например, знаки отличия. Слушая Карла несколько лет, они практически убедились в том, что он рассказывал о подлинной жизни, которая, в чём он был убеждён, в самом деле принадлежала ему. Они не были догматиками и продолжали считать этот случай загадочным.

Однако в школе Карла безжалостно дразнили. Дети пародировали его прусский шаг и обзывали немцем и нацистом. Всё это в совокупности заставило Карла перестать говорить о предыдущей жизни, когда ему было лет 10 или 11. Одно время он пытался даже перестать ходить в школу, до того он переживал из-за этих насмешек.

Общедоступные источники информации о прошлой жизни, к которым мог обратиться Карл

Джеймс Эдон родился в 1947 году. Валери Эдон родилась в 1946 году. Её отец сражался в годы Второй мировой войны в британской армии. В сражениях в Северной Африке он был очевидцем гибели некоторых своих товарищей. Он ненавидел немцев, о чём говорил и после войны. Умер он в 1968 году, за 4 года до рождения Карла.

Много говорить о предыдущей жизни Карл начал в 1974–1976 годах. К тому времени с момента окончания Второй мировой войны прошло 30 лет, и обсуждали её редко. Джеймс Эдон был уверен в том, что в те дни Карл ложился спать до того, как в вечернее время по телевизору изредка показывали фильмы о войне. Он был убеждён в том, что такие фильмы не могли послужить причиной интереса Карла к германским военно-воздушным силам и источником информации о самолётах и немецких знаках отличия и эмблемах.

Карл продолжал рассказывать о прошлой жизни, пока ему не исполнилось 10 или 11 лет. В отроческие годы у него была иногда возможность посмотреть по телевизору какой-то фильм о Второй мировой войне. (Выше я уже говорил о том, как он узнал на экране концлагерь.)

В их семье было мало книг, и среди них ни одна не была посвящена Второй мировой войне. Джеймс Эдон сказал, что когда он задавал Карлу вопросы о каких-то подробностях касательно предыдущей жизни, о которой тот рассказывал, то ему приходилось брать книгу из местной библиотеки, чтобы убедиться в том, что ответы сына правильные.

Родимое пятно Карла

Карл родился с хорошо видимым растущим винным пятном на правой части паха. Пятно увеличивалось в размерах по мере того, как мальчик рос, и в конце концов стало так выдаваться, что он прятал его под одеждой. В юношеском возрасте диаметр пятна был около 2,5 сантиметра. В начале 1993 года врач удалил его под местной анестезией. Когда (в 1993 году) я осматривал место, где было пятно, там всё ещё были видны следы шва – шрам розового цвета.

Карл никогда не жаловался на боль в районе винного пятна и никогда не хромал при ходьбе.

Его родители догадывались о связи между винным пятном и утверждением Карла о том, что он потерял правую ногу, когда его самолёт был сбит в прошлой жизни; сам Карл никогда не связывал эти вещи.

Предположения о погибшем человеке, жизнь которого Карл гипотетически вспомнил

Брат Джеймса Эдона был женат на немке, отец которой, пилот германских ВВС, погиб во время военных действий в ходе Второй мировой войны, что даёт повод подозревать, что Карл мог вспомнить жизнь именно этого пилота. К сожалению, (немецкая) жена этого пилота вышла замуж повторно, но, несмотря на то, что её второй муж был англичанином и она перебралась в Англию, ей не хотелось ворошить прошлое. Эдонам не удалось получить от неё никаких полезных сведений о её первом (немецком) муже. О заявлениях Карла о его прошлой жизни ей было известно; Эдоны узнали о том, что она «не верила в это». У её дочери, также немки и невестки Джеймса Эдона, были трудности в конце беременности.

У неё были мертворождённый ребёнок и выкидыш в годы, предшествовавшие рождению Карла. Позже она родила двух живых детей, из которых старший был на 8 месяцев старше Карла.

Другая версия о предположительной личности человека, о жизни которого рассказывал Карл, основана на истории о падении немецкого бомбардировщика у Мидлсбро.

15 января 1942 года немецкий Дорнье 217 Е атаковал береговые укрепления вблизи устья реки Тис, а затем столкнулся с тросом заградительного аэростата и рухнул. Он упал на Южном берегу, это населённый пункт, вплотную примыкающий к Мидлсбро, в котором через 30 лет родился Карл. Тела троих членов экипажа были быстро найдены и надлежащим образом захоронены. Место крушения этого бомбардировщика постепенно заросло и забылось; лишь в ноябре 1997 года в ходе земляных работ для прокладки нового трубопровода этот самолёт был найден, а с ним и останки четвёртого члена экипажа. Знаки отличия на этом теле показали, что это был Ганс Манеке, радист бомбардировщика. Тела троих других членов экипажа, Йоахима Лениса (пилота), Генриха Рихтера (бомбардира) и Рудольфа Матерна (штурмана), были опознаны и похоронены ещё в 1942 году. О раскопках на месте падения самолёта Дорнье и об обнаружении тела Ганса Манеке я узнал во время своего посещения Мидлсбро в октябре 1998 года. Джеймс и Валери Эдон дали мне множество газетных вырезок, рассказывающих об этих событиях.

Комментарий

Согласно первому предположению, погибший лётчик германских ВВС пытался переродиться ребёнком своей же дочери, но по ошибке родился в близкой ей семье Эдон. Несколько случаев, опубликованных мною, делают это предположение по крайней мере правдоподобным. Подобные примеры мы находим в случаях Б. Б. Саксены, Бир Сахаи и Лалиты Абеявардены.

Согласно второму предположению, Карл помнил жизнь пилота самолета Дорнье Йоахима Лениса. Это очень напоминает случай с несколькими светловолосыми детьми в Бирме (Мьянме), которые утверждали, что они помнят прошлые жизни американских и британских лётчиков, погибших в Бирме во время Второй мировой войны. В том случае исследовались Маунь Зау, Уин Аунг и Ма Пар. Карл утверждал, что он разбился на самолёте, врезавшись в здание, а это совсем не похоже на историю самолёта Дорнье, который разбился после того, как

был посечён тросом заградительного аэростата; среди лётчиков самолёта Дорнье нет никого по имени Роберт, которым он называл себя.

Дальнейшее развитие Карла

Как я уже упоминал, Карл перестал говорить о своей предыдущей жизни примерно в 10 или 11 лет, главным образом из-за злых насмешек, которым он подвергался после того, как о его случае написали местные газеты. После этого он, как кажется, потерял интерес к тому, о чём говорил ранее.

В 1983 году он сказал доктору Макклину-Райсу, что он не «очень хорошо» помнит подробности. Тогда ему только исполнилось 11 лет.

В возрасте 16 лет Карл окончил школу и устроился на работу сцепщиком на Британскую железную дорогу. У него были близкие доверительные отношения с одной девушкой, с которой он, по-видимому, был обручён. У них родился ребёнок.

Когда я встретился с ним в июне 1993 года, Карл, судя по всему, уже забыл все свои воспоминания о прошлой жизни, но он не сказал об этом прямо.

В августе 1995 года Джеймс и Валери Эдон сообщили мне в письме трагическую новость о том, что несколько дней назад Карла убили. Его убийцу опознали, арестовали, судили и приговорили к пожизненному тюремному сроку. Позднее в том же году его подруга родила второго ребёнка.

Комментарий

Этот случай, быть может, демонстрирует лучше любого другого из тех, которые я изучал, как важно анализировать случай, пока исследуемый ещё молод и продолжает рассказывать о прошлой жизни. Он также показывает, что не менее важно завершать исследование как можно быстрее, даже когда исследователь обнаруживает случай позже того возраста, в котором дети обычно наиболее словоохотливы в отношении прошлой жизни. Два опоздания (во-первых, нужно своевременно узнать о случае; во-вторых, не тянуть с расследованием) могут стоить потери множества ценных подробностей. Я особенно жалею о потере рисунков, которые делал Карл Эдон, когда ему было от двух до четырёх лет.

Несмотря на потерю некоторых – возможно, многих – подробностей, того, что у нас осталось для исследования, вполне достаточно для того, чтобы я мог позволить себе утверждать, что мы не можем объяснить этот случай, опираясь на существующие ныне познания о генетике и влияниях окружающей среды. Поэтому я полагаю, что перевоплощение является по крайней мере правдоподобным объяснением данного случая.

Уилфред Робертсон

В этой книге наименьшим числом подробностей располагает именно этот случай. Однако как раз это обстоятельство послужило важной причиной для того, чтобы рассказать о нём: он ещё раз напоминает о факте, представленном в случаях такого типа широко, с большим числом подробностей, о которых, предположительно, вспомнили исследуемые. Случаи Сварнлаты Мишры, Марты Лоренц и Сьюзан Гханем – это, вероятно, один полюс по количеству подробностей, тогда как нижеприведённый случай, следующий за ним, и случай Грэхема Ле-Гроса располагаются близко к противоположному полюсу.

Краткий обзор случая и его исследование

Уилфред Робертсон родился в Лондоне, Англия, 3 ноября 1955 года. Его родителями были Герберт Робертсон и его жена Одри. Уилфред был их третьим ребёнком. Их старший сын, Томас, умер примерно за два с половиной года до рождения Уилфреда. Третий брат, Джеффри, родился в октябре 1948 года. Семья была христианской; полагаю, они были членами англиканской церкви.

В раннем детстве Уилфред сделал четыре заявления о жизни своего умершего старшего брата Томаса. Эти заявления дали повод родителям этих детей предположить, что Уилфред был перевоплощением Томаса.

В 1968 году Маргарет Тэйер, бывшая тогда членом лондонского общества антропософов[41], обратила моё внимание на этот случай. Она познакомилась с Одри Робертсон после смерти Томаса, когда Одри находилась в состоянии безутешного горя, смешанного с чувством вины из-за недостатка заботы о Томасе перед его смертью. Маргарет Тэйер поддерживала веру Одри в то, что Томас может переродиться в другом её ребёнке.

Маргарет Тэйер написала мне о четырёх заявлениях, сделанных Уилфредом, которые можно было счесть воспоминаниями о жизни Томаса.

1 марта 1970 года я встретился с Гербертом и Одри Робертсон в Лондоне. Уилфреду было тогда примерно четырнадцать с половиной лет, с ним я не встречался. Они смогли подтвердить то, что Маргарет Тэйер уже сообщила об этом случае, но не вспомнили никаких дополнительных заявлений Уилфреда, которые могли бы пролить свет на жизнь Томаса.

В 1980 году я снова начал переписываться с Одри Робертсон, когда она сообщила мне в письме о смерти Маргарет Тэйер. В августе 1980 года я был в Лондоне и разговаривал с Одри Робертсон по телефону, но не встретился с ней. С 1970 года никакого дальнейшего развития этот случай не получил.

Я разузнал у Маргарет Тэйер некоторые подробности событий во время последней болезни Томаса Робертсона; она, таким образом, стала посредником в передаче сведений от них. Она познакомилась с Робертсонами только после смерти Томаса.

Жизнь и смерть Томаса Робертсона

Томас Робертсон, старший сын Герберта и Одри Робертсон, родился в Лондоне 2 июля 1946 года. Томас был болезненным ребёнком. Он был привязчив к людям и хотел, чтобы и они выказывали расположение к нему. Ещё Одри Робертсон сказала, что он был нытиком и что «его нытьё выводило её из терпения». Ей не хватало материнского опыта (с её первым ребёнком). Она сказала: «Я начинала паниковать, когда что-то шло не так». Томасу, как она полагала, была нужна невозмутимая мать, каковой она не была.

Ночью 3 апреля 1953 года Одри Робертсон приснилось, что рядом с ней появилась фигура, одетая в чёрный плащ. В этом сне она знала, что Томас мёртв. На следующий день Томас заболел ангиной, но она не придала этому особого значения, поскольку горло у него воспалялось регулярно. В это время её второй сын, Джеффри, тоже болел и, как казалось, нуждался в большем внимании, чем Томас. Одри думала, что Томас ревновал её, потому что она уделяла Джеффри больше внимания, и стала раздражаться на Томаса. Она слишком поздно поняла, что на самом деле Томас был болен гораздо серьёзнее Джеффри. Проболев одну лишь

[41] Рудольф Штейнер (1861–1925), по рождению католик из (тогда ещё) австрийской Хорватии, развил учение, стремившееся объединить науку, христианство и элементы теософии (к последователям которой Штайнер какое-то время себя причислял). Он назвал своё учение антропософией; важным положением в нём было перевоплощение.

неделю, 11 апреля 1953 года Томас умер. Тогда ему не исполнилось ещё и семи лет. Его смерть приписали полиоэнцефалиту.

Скорбь Одри Робертсон из-за утраты Томаса была отягощена ещё и горьким чувством вины из-за её отношения к нему во время его скоротечной последней болезни. Она никоим образом не пренебрегала им и тем не менее укоряла себя за своё отношение, убедив себя в том, что именно она ответственна за его смерть. Маргарет Тэйер, познакомившаяся с ней вскоре после этого, сказала, что Одри находилась тогда в состоянии «отчаяния на грани самоубийства».

С Маргарет Тэйер её свёл их общий друг, и та не преминула открыть ей представление о перевоплощении, как о нём учит антропософия. Робертсоны на этот раз были «готовы поверить в перевоплощение, но особенно не углублялись в его изучение». Маргарет Тэйер увещевала Одри задуматься о возможности того, что Томас вновь родится в их семье. Одри нашла эту мысль утешительной, а когда позже она забеременела Уилфредом, то надеялась и, возможно, даже уповала на то, что её младенец будет переродившимся Томасом.

Заявления, сделанные Уилфредом

Уилфред сделал четыре заявления, дающие основание предполагать, что он помнил жизнь Томаса. Он увидел «откуда-то взявшуюся» книгу и назвал её своей. Эта книга принадлежала Томасу, на внутренней стороне обложки было написано его имя. Одри сказала, что Уилфред был «совсем крошкой», когда сделал это заявление. Он ещё не умел читать.

Когда Уилфреду было от пяти до семи лет, однажды вечером, когда мать укладывала его в постель, он сказал, что помнит о том, как ходил в «маленькую школу». Сам Уилфред посещал тогда крупную школу, в которой было от 20 до 30 преподавателей. Он никогда не ходил в маленькую школу, а равно и никогда не видел школу, в которой учился Томас. Когда семья жила в другом месте, Томас посещал «маленькую школу», в которой было всего два преподавателя.

В другой раз Одри подслушала, как Уилфред сказал старшему брату Джеффри, что когда-то он видел его в детской коляске. В случае Томаса так и было, ведь он был на два года старше Джеффри. Мне не известно, сколько лет было Уилфреду, когда он сделал это заявление.

Маргарет Тэйер написала мне, что Одри рассказывала ей о том, как Уилфред утверждал, будто на фотографии Томаса изображён он сам. Одри не помнила это заявление в 1970 году, но в 1980 году она сказала, что «смутно помнит, как когда-то Уилфред комментировал фотографию Томаса». Она была уверена в том, что Маргарет Тэйер не стала бы указывать мне на этот момент, если бы она (Одри) не рассказала ей о такой вещи.

Поведение Уилфреда, связанное с предыдущей жизнью

Обстоятельства и способ повествования Уилфреда о предыдущей жизни. Четыре раза Уилфред упоминал жизнь Томаса при самых обычных обстоятельствах. Одри Робертсон отмечала, что ей не удавалось разговорить его, когда он касался этой темы. Когда он обмолвился о том, что ходил в «маленькую школу», она спросила его, кто там преподавал. Он оставил её вопрос без ответа и перешёл к другой теме.

Уилфред считал, что он старше своих лет. Уилфред вёл себя со своим старшим братом Джеффри так, как если бы он (Джеффри) был младше его (как был Джеффри по отношению к Томасу). Одри Робертсон сказала, что Уилфред вёл себя с Джеффри «как начальник». Джеффри раздражала такая заносчивость Уилфреда по отношению к нему.

В школе одна из учительниц Уилфреда заметила, что он довольно замкнут, и указала на это Робертсонам. Когда же они заговорили на эту тему с Уилфредом, он ответил: «Всему виной то, что она не понимает, как много я знаю».

Другие особенности поведения Уилфреда

Герберт и Одри Робертсон говорили, что отношения с Уилфредом у них были не такими, как с Томасом. Если Томас был неженкой и надоедой, то Уилфред скорее дичился и сторонился их, а помимо них и других людей. Одри Робертсон была уверена в том, что Уилфред был холоден даже с ней и что такое его отношение к ней было следствием того, что она не справилась с манерой Томаса докучать ей, и её нетерпеливости в отношении Томаса, когда он был смертельно болен. Герберт Робертсон полагал, что Одри преувеличивала «холодность» Уилфреда, якобы предназначавшуюся ей лично; ему показалось, что Уилфред вёл себя сдержанно не только с матерью, но и вообще со всеми.

Отношение матери Уилфреда к возможности того, что он был переродившимся Томасом

В 1970 году Одри Робертсон сказала, что она ещё не решила, был ли Уилфред переродившимся Томасом. Она продолжала считать Томаса отдельной личностью и размышляла обо всех троих своих детях.

Как я уже говорил, она винила себя в смерти Томаса почти так, как если бы она сама убила его, и хотела как-то загладить свою вину перед ним. Она хотела, чтобы он простил её; что думала о ней церковь, не имело значения. В этой ситуации неспособность Уилфреда быть с ней таким же ласковым, как и она с ним, не давала ей возможности избавиться от чувства вины перед Томасом.

В письме, которое Одри Робертсон написала в августе 1980 года, она, казалось, была далека от того, чтобы считать перевоплощение лучшим объяснением заявлений и поведения Уилфреда. Она писала:

Маргарет Тэйер всегда верила в очень высокую вероятность того, что Томас вернулся в облике Уилфреда; и я сама, разумеется, в те далекие годы принимала желаемое за действительное.

Дальнейшее развитие Уилфреда

Последние сведения об Уилфреде я взял из упомянутого письма Одри Робертсон в августе 1980 года. Уилфреду тогда было 25 лет. Впредь он уже никогда не делал заявления, которые можно истолковать как воспоминания о жизни Томаса. По окончании средней школы он учился на химико-технологическом факультете Британского университета, получил учёную степень, а затем и место консультанта.

Одри Робертсон всю жизнь оставалась под впечатлением от несходства личностей Томаса и Уилфреда. Она вспоминала Томаса как ласкового ребёнка, ищущего опоры в окружающих. Уилфред же, писала она, был любезным, но вместе с тем независимым и холодноватым.

Комментарий

Как и во всех других случаях, в которых два действующих лица принадлежат к одной семье, в этом случае есть существенный недостаток, а именно надежда на то, что любимый умерший член семьи возвратится к ним. Это может приводить к произвольному истолкованию случайных высказываний или сходств в поведении у двух действующих лиц. И хотя такое неверное истолкование может иметь место в данном случае, я всё же не обнаружил свидетельств в пользу именно такого варианта. Согласно моим заметкам 1970 года, Одри Робертсон «явно очень старалась не преувеличивать ни одну из особенностей этого случая».

Джиллиан Каннингем

Это ещё один случай, в котором исследуемая сделала лишь несколько заявлений о предыдущей жизни. Случай не получил решения.

Краткий обзор случая и его исследование

Джиллиан Каннингем родилась в Илфорде, Эссекс, Англия, 19 октября 1958 года. Её родителями были Леонард Каннингем и его жена Лиллиан. Джиллиан была их третьим и младшим ребёнком.

Когда Джиллиан было два года, она сделала несколько заявлений, заставляющих задуматься о том, что она вспомнила прошлую жизнь. Она больше никогда не заговаривала о возможной предыдущей жизни, а в том, что она тогда сказала, недоставало определённости, которая позволяла бы подтвердить истинность её заявлений.

Этот случай привлёк моё внимание, когда Джиллиан сама ответила на предложение из лондонской газеты «Сан» к своим читателям присылать им сообщения о воспоминаниях, указывающих на перевоплощение. Джиллиан как можно более кратко изложила свой опыт, и её письмо было опубликовано в газете 19 марта 1972 года. Я написал ей через газету, редакция переправила ей моё письмо. Её мать, Лиллиан Каннингем, в своём ответе рассказала мне о том, что Джиллиан говорила касательно предыдущей жизни в двухлетнем возрасте.

В октябре 1972 года я позвонил из Лондона в Эссекс, домой Лиллиан Каннингем. Мы поговорили об опыте Джиллиан, но тогда так и не встретились. Во время нашей беседы я поднимал вопрос о возможности гипнотизирования Джиллиан, чтобы узнать, сможет ли она под гипнозом осознать дополнительные подробности о предполагаемой прошлой жизни, то есть такие подробности, которые позволили бы проверить её утверждения в возрасте двух лет. Лиллиан Каннингем, по-видимому, не решалась просить Джиллиан подвергнуться гипнозу, и я не стал давить на неё.

Несколькими годами позже Джиллиан, которой тогда было 16 лет, сама написала мне. Она говорила, что хочет подвергнуться гипнозу. Для того чтобы увериться в том, что её мать одобряет эту меру и что она уместна во всех отношениях, я решил, что должен встретиться с Джиллиан и её матерью. Таким образом, я встретился с ними в Лондоне 2 марта 1976 года. Во время нашей беседы я прояснил некоторые подробности того, о чём Джиллиан говорила, когда ей было два года; я также обсудил с ними, как будет проходить сеанс гипноза.

Впоследствии я написал о Джиллиан доктору Леонарду Уилдеру, стоматологу, который владел техникой гипноза и интересовался возможностью возвращать людей под гипнозом в, так сказать, прошлые жизни. Он согласился загипнотизировать её. В 1976 году он провёл три сессии и прислал мне отчёт о результатах в письме, датированном 6 декабря 1976 года. Джиллиан легко поддавалась внушению. Однако, хотя она и добавила под гипнозом несколько штри-

хов к тому, что она говорила в два года, ни одна из новых подробностей не дала проверяемые сведения, даже если прибавить их к тому, что она наговорила экспромтом восемнадцатью годами ранее. Вместо этого Джиллиан открыла ещё две «прошлые жизни». В одной из них она была женщиной по имени Лидия Джонсон, которая жила, предположительно, в Суффолке в XVII веке; в другой она была женщиной по имени Сара О'Шей, жившей, по всей видимости, в Дублине в конце XIX века и в первой половине XX века. Ни об одной из этих личностей она не дала сведений, достаточно убедительных для их признания.

Заявления, сделанные Джиллиан

Далее я процитирую письмо Лиллиан Каннингем ко мне, датированное 1 августа 1972 года, в котором она описывает заявления Джиллиан. (Как и в случае с другими подобными цитатами, я внёс в текст незначительную редакторскую правку, не меняющую его смысл.)

Это случилось примерно в полседьмого вечера, когда я купала её [Джиллиан] перед тем, как уложить в кровать. Я сказала ей то же, что и все матери говорят своим детям: когда она вырастет, то сможет быть тем, кем захочет. Но тут она заговорила как взрослая.

Она твёрдо заявила, что когда она была взрослой женщиной, то была замужем за фермером.

Я ответила: «Не так. Когда ты вырастешь, то *сможешь* быть женой фермера». Но она повторила: «Когда я была женой фермера, у меня было четверо сыновей». И назвала их по именам. Одного из них звали Николас. Только это имя я запомнила, потому что точно так же звали моего деда (что выяснилось, только когда ему было уже за семьдесят).

Затем я попыталась обратить всё в шутку и спросила: «Что это была за ферма?» Она ответила: «Молочная». Я продолжила допытываться: «Кого вы держали на своей молочной ферме?» Она ответила: «Коров, конечно!» А потом она снова начала лепетать, как все малые дети.

С тех пор я не раз пыталась уговорить её старательно припомнить её старую жизнь, но всякий раз безрезультатно.

Ложное направление в процессе проверки заявлений Джиллиан

В своём письме Лиллиан Каннингем ссылается на своего деда по отцу, которого звали Николас. Когда я встретился с ней в марте 1976 года, то получил от неё сведения о её генеалогическом древе со времён матери Николаса. Одно время Лиллиан Каннингем думала, что Джиллиан вспомнила жизнь своей прабабушки и Джиллиан писала в «Сан» об этом. Первая трудность с этим отождествлением возникла из-за того, что дед Лиллиан Каннингем большую часть своей жизни был известен в своей семье только под именем Джордж. О том, что у него есть и второе имя, Николас, узнали, лишь когда он был уже старым, – возможно, в то время он оформлял пенсию и должен был представить властям своё полное имя. К тому же Лиллиан Каннингем, когда мы только начали переписываться, сама навела справки и выяснила, что мать её деда по отцу (его имя ей не удалось узнать), то есть мать Николаса, выросла на ферме, но после того как вышла замуж, больше на ней не жила. На самом деле её муж был рыбаком, а не фермером.

Итак, предположение о том, что Джиллиан подразумевала жизнь своей прабабушки по отцу, оказалось необоснованным, и её заявления остались недоказанными.

Дальнейшее развитие Джиллиан

После моей последней встречи с Джиллиан и её матерью я несколько лет периодически поддерживал с ними связь. В последний раз я узнал о Джиллиан из письма, датированного 30 октября 1992 года, когда ей было 34 года. Она выучилась на медсестру и пошла работать с больными детьми. Больше явных воспоминаний о предыдущей жизни у неё не было, но живой интерес к этой теме у неё сохранился.

Комментарий

Неожиданный и кратковременный переход Джиллиан на взрослую речь в двухлетнем возрасте, когда она заговорила о предыдущей жизни, встречается и в других случаях. В источниках иногда отмечается скоротечное изменение в поведении и у других детей, которые говорят о прошлых жизнях; в один миг они могут казаться зрелыми и даже степенными, а в другой уже бегут играть, как и все дети в их возрасте. А некоторые исследуемые демонстрируют «взрослое поведение» гораздо дольше, чем Джиллиан. Примеры такого взрослого поведения мы видим в случаях Мюнцера Хайдара, Эркана Килика, Назира Токсёза, Сулеймана Андари и Семиха Тутусмуса. Сноска 39 на странице 156 дополняет этот список другими примерами.

Дэвид Льювелин

Главный персонаж этого случая никогда не делал чётких заявлений, в которых утверждалось бы, что он вспомнил предыдущую жизнь. Вместо этого он выказал необычное поведение, которое нельзя приписать влиянию окружающей среды или знанию еврейских обычаев, которое он, судя по всему, не мог приобрести обычным способом. К тому же он сильно страдал из-за кошмаров и фобий, неудивительных при столь необычном его поведении.

Краткий обзор случая и его исследование

Дэвид Льювелин родился 1 сентября 1970 года в Честере, Англия. Его официальными родителями были Джеффри Льювелин и его жена Сьюзан. На самом деле отцом Дэвида был другой человек, Соломон Розенберг, с которым Сьюзан Льювелин встречалась примерно два года. Она сумела скрыть от мужа, что отцом Дэвида был не он, однако полагала, что время от времени у него всё же возникали подозрения в собственном отцовстве. Позже Сьюзан и Джеффри Льювелин развелись.

Соломон Розенберг был иудеем, причём, как сказала Сьюзан, «очень ревностным в своей вере». Он посещал синагогу и был смотрителем магазина в Честере, в котором торговали еврейскими товарами. Сама она была валлийкой. Соломон Розенберг несколько раз видел Дэвида и отмечал, что он похож на членов своей семьи.

В раннем детстве Дэвид начал в какой-то момент просыпаться по ночам в состоянии сильного страха, его трясло. Тогда же он начал выказывать необычное поведение – например, читать и писать справа налево. Он демонстрировал знание еврейских обычаев, которое, по мнению его матери, не мог почерпнуть обычным способом. Он описывал места и события так, словно вспоминал концентрационные лагеря и уничтожение евреев во время холокоста в 1940-е годы.

Всё своё детство Дэвид, казалось, хотел рассказать о сценах, которые не давали ему покоя; вместе с тем разговоры о них не приносили ему облегчения от страха, вызванного, как полагали, этими воспоминаниями.

Как я уже упоминал в сообщении о случае Кэтрин Уоллис, летом 1982 года у меня взяли интервью для радиопередачи, посвящённой теме перевоплощения, её передавали по BBC. Сьюзан слушала эту передачу, она попросила редактора BBC дать ей мой адрес. Потом она написала мне длинное письмо (от 14 сентября 1982 года), в котором описала странное поведение Дэвида и его необыкновенное знание еврейских обычаев. В ответном письме я попросил её прислать мне больше подробностей, что Сьюзан и сделала в адресованном мне письме от 20 ноября 1982 года.

Сьюзан согласилась дать интервью для передачи BBC, и 8 февраля 1983 года с ней и с Дэвидом побеседовала Джун Нокс-Мауэр.

В тот момент казалось уместным, чтобы я или мой коллега встретился с Сьюзан и Дэвидом. Однако Сьюзан не согласилась на нашу встречу с Дэвидом. Она сказала, что интервью для передачи BBC лишило его душевного покоя и что она не желает волновать его дальнейшим обсуждением его предполагаемых воспоминаний о прошлой жизни. Когда Сьюзан и Дэвид отправились на передачу BBC, она не предупредила его о том, что обсуждаться будут его кошмары и страхи; его неподготовленность к теме, озвученной Джун Нокс-Мауэр и даже, в некоторой степени, навязанной ему, вероятно, усиливала его скованность во время беседы.

Через десять лет я решил написать Сьюзан, подумав, что Дэвид забудет свои условные воспоминания о предыдущей жизни и захочет встретиться со мной. Он и Сьюзан тогда выразили готовность встретиться даже несмотря на то, что он не забыл эти предполагаемые воспоминания; на самом деле он продолжал постоянно говорить о них в течение всего долгого периода времени, когда мы не общались.

Наконец 16 октября 1998 года мне удалось встретиться с Сьюзан и Дэвидом в Честере. И хотя у меня была долгая беседа со Сьюзан и короткий разговор с Дэвидом, мне всё же удалось узнать об этом случае только одну важную подробность, о которой Сьюзан и Дэвид ранее не сообщали ни в переписке со мной, ни в интервью для программы BBC.

У Сьюзан были две дочери. Я надеялся, что обе они или хотя бы одна из них выразит желание встретиться со мной и обсудить какие-то свои наблюдения за странностями в поведении Дэвида. Однако Сьюзан сказала, что одна из её дочерей наотрез отказалась говорить со мной, а второй дочери, которая сама, может быть, и желала встретиться со мной, не разрешил сделать это муж.

Я также надеялся встретиться с Соломоном Розенбергом. В особенности мне хотелось узнать, погиб ли во времена холокоста кто-то из его семьи. Он по-прежнему жил в Честере, и Сьюзан знала об этом; но он не интересовался Дэвидом и никогда не считал себя обязанным оказывать ему финансовую поддержку. Когда я спросил Сьюзан, почему она решила, что он был «очень ревностным в своей вере», она сказала, что у него есть привычка носить шляпу и держать в автомобиле Тору.

Кошмары Дэвида

Дэвид описывал свои кошмары как сцены с большими тёмными дырами, очень глубокими; он боялся упасть в одну из них. Он видел в дыре тела. Он не был уверен в том, что он мальчик (маленький ребёнок), смотрящий на эти тела в дыре. Там были вооружённые люди. Он чувствовал запах разлагающихся трупов.

Иногда Дэвид с плачем приходил к матери и описывал ей лагеря, винтовки и умирающих людей.

Дэвид также жаловался на необычный запах в своей спальне. Как-то раз они со Сьюзан побывали в гостях у одной из его тёток, которая готовила на газовой плите. (У Сьюзан была электрическая плита, к её дому не был подключён газ.) Дэвид узнал запах газа на кухне и сказал: «Он похож на тот запах в моей комнате по ночам, когда-нибудь он задушит меня».

Видения Дэвида во время бодрствования

Хотя ночные кошмары, по-видимому, были преобладающим вариантом видений Дэвида, в состоянии бодрствования ему также иногда не давали покоя грёзы наяву. Он упоминал некоторые из них Джун Нокс-Мауэр, во время интервью для Би-би-си. В этих видениях были «бродившие люди, военнопленные». Он сказал, что эти люди жили в деревянных бараках. Отвечая на наводящие вопросы Джун Нокс-Мауэр, Дэвид также сказал, что люди из его видений знали о своём заточении в плену и что он считает их евреями.

Ниже я привожу некоторые другие образы, которые Дэвид описал в связи с его неотступным страхом перед лагерями.

Необычное поведение Дэвида

В раннем детстве Дэвид не любил спать в маленькой комнате. Он ни за что не разрешил бы закрыть дверь его спальни, и с той же одержимостью запирал окно и плотно задёргивал шторы; перед окном он ставил сундучок.

Когда Дэвид начал писать и читать, он делал то и другое справа налево. Спустя какое-то время он научился читать и писать слева направо, но иногда снова начинал читать и писать справа налево и делал так вплоть до одиннадцатилетнего возраста.

Когда он рисовал, то всякий раз изображал и шестиконечную звезду. В то же время у него, казалось, был болезненный страх перед звёздами. Однажды, когда они с матерью были в магазине, он неожиданно заплакал и выбежал из магазина. Сьюзан побежала за ним и спросила, что его так расстроило. Дэвид ответил: «Ожерелье, которое я там увидел. Я боюсь его!» Сьюзан спросила, какое ожерелье он подразумевает, и он объяснил: «Со знаком звезды. Оно взывало ко мне». В то ожерелье была инкрустирована звезда Давида. Сьюзан пыталась объяснить ему, что это красивое ожерелье, и даже предложила купить его для Дэвида, но он упросил её не делать этого. Впоследствии он ещё какое-то время говорил об том ожерелье со звездой. Когда случилась эта история, Дэвиду было 12 лет.

Мало того, что Дэвид помешался на еврейских звёздах, так он ещё испытывал глубокую неприязнь к жёлтому цвету. По словам Сьюзан, он «ненавидел» жёлтый цвет.

Дэвид также испытывал заметный страх перед лагерями. Когда ему было шесть лет, както раз Сьюзан предложила ему провести каникулы в летнем лагере. Дэвид яростно воспротивился этому предложению. Сьюзан объяснила ему, что в таких лагерях весело проводят каникулы, но Дэвид ответил: «Ну уж нет, нечему там радоваться. Людей держат в холоде, голоде и страхе. Они никогда не выйдут оттуда».

Дэвид никогда не описывал Сьюзан, что носили люди в тех лагерях. Он сказал, что они были похожи на скелеты. Они были лысыми и голодными. Они сидели повсюду, ничего не делая. Однако в интервью для BBC Дэвид сказал, что люди в тех лагерях носили «полосатые вещи». В связи с этими лагерями Дэвид часто повторял: «Я переживаю за других людей. Почему это должно было случиться? Почему это должно было случиться?»

Неожиданная осведомлённость Дэвида о еврейских обычаях

Когда Дэвид был ещё маленьким ребёнком, он удивил мать вопросом о том, не было ли в каком-то из приготовленных ею блюд крови.

Когда Дэвиду было примерно девять лет, он с родителями посетил другой город. Там Дэвид увидел здание, напоминавшее церковь, и заметил: «Здесь носят шляпы». К удивлению матери Дэвида, её муж сказал, что это здание – синагога. Дэвид сказал, что он хотел бы зайти в неё. В то время, когда было сделано это замечание, никто не входил в синагогу и не выходил из неё.

Отсутствие ясных утверждений Дэвида о предыдущей жизни

Несмотря на живость описанных Дэвидом сцен и сильные чувства, сопровождавшие его рассказы о них, он никогда не утверждал, что сам он жил в сценах, которые описывал. Он не ответил утвердительно об этом, даже когда Джун Нокс-Мауэр (для передачи BBC) прямо спросила его, не казалось ли ему, что он присутствовал в тех сценах, которые описывал.

Отношение других людей к необычному поведению Дэвида

Сьюзан не пыталась запретить Дэвиду распространяться на эту тему и необычно вести себя. Напротив, она старалась успокоить его и уверить его в том, что теперь он в хорошей семье, что ему ничего не угрожает в кругу любящих людей. В то же время она уговаривала его забыть о сценах, которые он, предположительно, вспомнил. Её речи не помогли Дэвиду, и он продолжал беспокоиться. Его старшая сестра увещевала его подобным же образом и тоже безрезультатно. На вопрос о том, говорил ли он кому-то ещё помимо матери и сестры о своих, так сказать, воспоминаниях, он ответил, что никому больше не говорил, потому что боялся. Он не доверился даже Джеффри Льювелину. Когда же его спросили, почему он не обсуждал свои видения с кем-то за пределами семьи, Дэвид ответил, что он боялся заговаривать об этом. Он сказал, что в его семье на него кричали, когда он пытался описывать эти видения. (Видимо, помимо других приёмов на него также повышали голос, чтобы пресечь его рассказы и мысли об этих видениях.) Сьюзан догадывалась о том, что Дэвид боялся, что другие люди будут смеяться над ним.

Точность описания Дэвидом немецких концентрационных лагерей времён Второй мировой войны

Описание Дэвидом лагерей точно передаёт особенности немецких концлагерей, из которых наиболее известными были Треблинка (Donat, 1979) и Освенцим (Freeman, 1996; Frankl, 1947; Kraus and Kulka, 1966; Lengyel, 1947; Nyiszli, 1993) (оба они находились в Польше). Существовало и великое множество других концлагерей, столь же ужасных, как Треблинка и Освенцим (Donat, 1963; Smith, 1995). В этих лагерях смерти содержались главным образом евреи.

Бежать из этих лагерей было невозможно; иногда заключённые ничем не были заняты и разговаривали друг с другом; у многих головы были коротко острижены или даже обриты; многие носили полосатую униформу; от недоедания они доходили до состояния крайнего истощения. Иногда копали ямы; заключённых расстреливали и бросали в эти ямы; бывало, что тела в них сжигали. Вездесущий неприятный запах горящих или разлагающихся человеческих

тел присутствовал почти всё время. (В тех концлагерях, где заключённых убивали газом [либо синильной кислотой или угарным газом из выхлопной трубы], заключённые чувствовали запах этих газов.) Газ на кухне у тёти Дэвида мог вызвать воспоминания об одном из этих газов.

В лагерях смерти в годы холокоста детей быстро «отсеивали» для умерщвления, если они оказывались непригодными для работ, то есть тех из них, кому было 14 лет или меньше. В Треблинке, например, детей бросали в ров, иногда ещё живых, где их уничтожали огнём. В качестве альтернативы их могли бросить в «очередную братскую могилу» (Donat, 1979, стр. 37–38).

Вероятность получения Дэвидом сведений о еврейских обычаях и о концентрационных лагерях обычными способами

Сьюзан выражала уверенность в том, что Дэвид выказывал своё необычное поведение, связанное с еврейскими обычаями, а также свою осведомлённость о концентрационных лагерях ещё до того, как он получил возможность черпать соответствующую информацию из телепередач. Она была уверена в том, что никакие обсуждения в их семье не могли подтолкнуть его к такому поведению или просветить его на эту тему.

Позже, когда Дэвид начал смотреть телевизор, он выказывал явное отвращение к передачам о войне и просил переключить телевизор на другой канал.

Последующее развитие Дэвида

В отличие от большинства исследуемых в тех случаях, которые берут начало в раннем детстве, воспоминания Дэвида, и в особенности сопровождавшие их сильные эмоции, сохранились у него и в зрелом возрасте. В 1998 году, когда я встречался с Дэвидом, ему было 28 лет. В то время он учился на медбрата.

Сьюзан сказала мне, что он проявлял страх и гнев, когда видел в телепередачах немцев. Такие же чувства немцы вызывали у него и в жизни, когда он встречал их, например, на острове Корфу, куда он с матерью ездил в туристическую поездку.

Дэвид сказал мне, что тогда он мало что помнил о предыдущей жизни. (К тому времени он уже пришёл к убеждению, что его видения приходили из прошлой жизни.) Он сказал, что вспомнил – далее я прямо цитирую из моих заметок, – «как его, мальчишку, бросили в яму и как он поднял глаза на край ямы, где увидел другого мальчика, который смотрел на него. Он подумал, что этот другой мальчик – его товарищ по несчастью, который может вызволить его. В той яме были и другие тела». Дэвид сказал, что эта сцена иногда возвращается к нему, особенно когда он видит немцев в кино или в жизни. А ещё он помнил зловещий лагерный запах и то, как он боялся ложиться спать.

Дэвид также сказал мне о том, что вспомнил случаи (должно быть, это произошло в детстве), когда его мать встречалась с Соломоном Розенбергом. Тогда он испытывал сильную симпатию к Соломону Розенбергу и чувствовал родство с ним, чего никогда не испытывал по отношению к своему официальному отцу Джеффри.

В 1998 году Дэвид казался мне серьёзным, но не беспокойным. Однако в переписке со Сьюзан в 2000 году я узнал от неё, что кошмарные сны о жизни в концентрационном лагере всё ещё не давали покоя Дэвиду. Он решил, что сумеет «вырвать это из себя», если посетит Освенцим. (В детстве он не произносил название Освенцим, но позже обычным путём узнал о том, что это был самый печально известный из всех нацистских лагерей смерти.)

Комментарий

Даже если предположить, что Дэвид в таком чрезвычайно раннем возрасте обычным путём узнал о концентрационных лагерях, в которых в начале 1940-х годов были убиты миллионы людей еврейской и других национальностей, нам всё равно нужно ещё объяснить силу и продолжительность воздействия, оказанного на него этим знанием. Я убеждён, что этот случай невозможно объяснить влиянием окружающей среды и наследственностью. Даже самые большие поклонники генетики не стали бы заявлять о том, что гены передают привычку читать и писать справа налево, неравнодушие к наличию в пище крови или видения концентрационных лагерей.

Теуво Койвисто, исследуемый одного случая в Финляндии, тоже вспомнил о жизни и, по-видимому, смерти в концентрационном лагере в годы холокоста. Рассказ о его случае вы прочтёте далее в этой же части.

Грэхем Ле-Грос

Данный случай – один из самых коротких в этой работе. Он содержит лишь несколько заявлений и признаний.

Краткий обзор случая и его исследование

Грэхем Ле-Грос родился в Лондоне, Англия, 31 октября 1984 года. Его родителями были Алан Ле-Грос и его жена Дэнис. Грэхем был их пятым ребёнком. Семья Ле-Грос принадлежала к среднему классу. Из всех братьев и сестер он шёл следующим по старшинству за братом, который был на четыре года старше его. Дэнис Ле-Грос была католичкой, Алан Ле-Грос был крещён в англиканской церкви.

Грэхем был совсем ещё крохой, едва научившейся говорить, когда, сидя в автомобиле с матерью, он вдруг сказал, что уже жил раньше и погиб в пожаре на дирижабле. В течение следующих восьми-девяти лет он периодически повторял эти слова. Когда ему было девять лет, он увидел по телевизору фильм о страшном пожаре на дирижабле «Гинденбург» и между прочим заявил о том, что эта сцена из его «сна».

После того как Грэхем, предположительно, узнал «Гинденбург», Дэнис Ле-Грос, знавшая о моих исследованиях, написала мне, чтобы узнать моё мнение о заявлениях Грэхема, их она описала в письме от 17 февраля 1994 года. Я попросил её дать мне дополнительные сведения; тогда она прислала мне сделанную ею в марте 1994 года магнитофонную запись её разговора с Грэхемом о его опыте, из которой я узнал кое-что новое для себя. 28 августа 1994 года я был в Лондоне, где побеседовал с Грэхемом и его матерью в гостинице, где я остановился. Дополнительную информацию я получал из моей последующей переписки с Дэнис Ле-Грос.

Этот случай, как мне показалось, один из тех, в которых уместно применение гипноза. Несмотря на разочарования прежних лет, в том числе и со случаем Джиллиан Каннингем (Stevenson, 1987/2001), я полагал, что в ходе сеанса гипноза Грэхем мог бы высказать какие-нибудь проверяемые подробности. Грэхем заинтересовался гипнозом, и его мать дала своё согласие. Но мне, к сожалению, не удалось найти в том районе Лондона гипнотизёра, который был бы достаточно заинтересован и сведущ в этом деле.

Заявления и признания Грэхема

Дэнис Ле-Грос сказала, что первое заявление Грэхема о прошлой жизни звучало так: он был взрослым человеком и летел на дирижабле; на том дирижабле вспыхнул пожар, люди громко кричали; они были объяты пламенем; он упал на землю вместе с другими людьми; затем его неожиданно подбросило вверх.

Однажды, когда Грэхему было девять лет, Дэнис Ле-Грос, смотревшая телевизор, увидела фильм о пожаре, уничтожившем германский дирижабль «Гинденбург». Она позвала Грэхема в ту комнату, где стоял телевизор, не называя ему причину, по которой позвала его. Она писала мне (в письме от 17 февраля 1994 года), что Грэхем «вбежал, бросил взгляд на экран и сказал: „Это мой сон. Вот что я вижу в своём сне“». Тогда Дэнис Ле-Грос не переставала удивляться тому, что воспоминания о предыдущей жизни сохранялись у Грэхема примерно в девятилетнем возрасте.

В ходе записанного на магнитофон разговора с матерью в марте 1994 года Грэхем, казалось, вспоминал и рассказывал ей дополнительные подробности своих воспоминаний о прошлой жизни. Он сказал, что на дирижабле была надпись большими красными буквами (Это было название дирижабля, но он не смог вспомнить его.) Грэхем сказал, что он помнил горящую бумагу, падение дирижабля и людей, выпрыгивающих из люка. Эти люди чаще говорили на другом языке, но некоторые из них были англичанами. Он полагал, что в той прошлой жизни ему было тогда примерно 16 лет.

Во время моей встречи с Грэхемом и его матерью в конце 1994 года Грэхем упомянул ещё два момента. Он сказал, что вспомнил, как он «прохаживался по галерее» перед тем, как увидел огонь в дирижабле. Он добавил: «Тогда он [вероятно, дирижабль] начал вот так трястись, и я упал. Вот и всё».

Тогда я спросил Грэхема, как его звали в предыдущей жизни, и он ответил: «Возможно, Грэхем». Когда Грэхем (главное действующее лицо этого случая) сказал мне, что в прошлой жизни его, возможно, звали Грэхемом, я повернулся к его матери и спросил, как они с мужем выбрали для сына имя Грэхем. Она ответила: «Я хотела назвать его Кираном, а мой муж хотел, чтобы у него было более привычное для англичан мужское имя. Так мы сошлись на имени Грэхем». На мой вопрос о том, было ли имя Грэхем традиционным в их семье, она ответила отрицательно.

Воспоминания Грэхема о предыдущей жизни поблёкли ко времени моей встречи с ним и его матерью в 1994 году. Тогда ему было чуть меньше 10 лет.

Обстоятельства и манера повествования Грэхема о предыдущей жизни

Когда Грэхем сделал свои первые заявления о предыдущей жизни в возрасте 14 месяцев, его словарный запас был довольно ограниченным. Однако в своём заявлении о прошлой жизни он использовал слова, которые прежде не применял. Слова, выбранные им для своего заявления, удивили его мать не меньше, чем их содержание. Она сказала, что до этого возраста он произносил лишь отдельные слова или короткие фразы, но не собирал их в целые предложения, как в этом случае.

Дэнис Ле-Грос говорила другим людям о том, что говорил Грэхем, и его время от времени просили повторить то, что он говорил ранее. Тогда он повторял им то, что уже говорил матери, ничего не добавляя и не исключая. (Вместе с тем мы видим, что в 1994 году появилось немного новых сведений.) Постоянство его повествования убедило Дэнис Ле-Грос в том, что он «явно ничего не сочиняет».

Когда Грэхем говорил о предыдущей жизни, он не проявлял сильные эмоции, но Дэнис Ле-Грос сказала, что он был «оживлённым».

После того как Грэхем сказал, что сцена пожара на «Гинденбурге» была похожа на его «сон», Дэнис Ле-Грос спросила, переживал ли он свои, так сказать, воспоминания, когда спал, грезя во сне. Он ответил, что один раз это случалось во сне.

Между своими заявлениями в возрасте 14 месяцев и его реакцией на фильм о «Гинденбурге» он никогда не высказывался об этих воспоминаниях по своей инициативе, но заговаривал о них, только когда его просил об этом кто-то из семьи или из соседей.

Как Грэхем реагировал на свои реминисценции

У Грэхема не было навязчивых страхов перед огнём, самолётами или дирижаблями. У него не было и необычных гастрономических пристрастий или неприятий, способных указать на его предыдущую жизнь в Германии.

Созвучность заявлений Грэхема с известными катастрофами дирижаблей

В течение тех нескольких десятилетий (1910–1940 гг.), когда дирижабли, использующие для полёта водород или гелий, превосходили самолёты если не по скорости, то по грузоподъёмности, крушение потерпели несколько из них. В двух случаях сильный пожар быстро уничтожил дирижабли вместе со многими членами экипажа и пассажирами.

Первым из этих дирижаблей, потерпевших крушение, был R 101. Он упал во время рейса из Кардингтона, Англия, в Индию 4 октября 1930 года. Очевидно, его недостаточно хорошо испытали перед тем, как слишком поспешно отправить в рейс в Индию. Он никогда не проходил испытание на полной скорости. Дирижабль, не сумев пробиться сквозь дождь и ветер, после пересечения пролива Ла-Манш потерял высоту и рухнул вблизи французского города Бове. Мгновенно вспыхнувший пожар вскоре ничего не оставил от дирижабля, если не считать металлический остов. Во время крушения дирижабля R 101 на его борту находились 54 человека (командование, экипаж и пассажиры); все, кроме шестерых, погибли (Toland, 1972).

В составе обслуживающего персонала на R 101 был Эрик А. Грэхем (Leasor, 1957), на дирижабле он был поваром. Он так обрадовался представившейся ему возможности отправиться в Индию на R 101, что отклонил предложенные ему одним знакомым 50 фунтов за то, чтобы он уступил ему своё место в том рейсе. Для того чтобы стать поваром на дирижабле, ему нужно было быть достаточно взрослым, что согласуется со словами Грэхема в возрасте 14 месяцев о том, что он был «взрослым», а не его более позднему заявлению о том, что ему было «примерно 16 лет». Больше мне ничего не удалось узнать об Эрике Грэхеме с дирижабля R 101.

Вторым дирижаблем, уничтоженным пожаром, был немецкий «Гинденбург». 6 мая 1937 года он вспыхнул во время своего «приземления», то есть швартовки на базе Лейкхерст в Нью-Джерси. Во время полёта из немецкого Франкфурта в США на его борту находились 36 пассажиров, из которых 13 погибли на месте или же умерли впоследствии в больнице. Из 61 члена экипажа погибли 22 человека. Экипаж был немецким, как и основная часть пассажиров, но среди них были и несколько американцев (Mooney, 1972). Слово «Гинденбург» было выведено большими красными буквами на корпусе этого дирижабля (Archbold, 1994).

Комментарий

Когда Дэнис Ле-Грос, смотревшая фильм о пожаре на дирижабле, позвала в комнату Грэхема, она не знала о том, что в фильме речь идёт о пожаре на «Гинденбурге». Она узнала об

этом позже, когда заглянула в телепрограмму. Однако вполне допустимо, что Грэхем увидел название «Гинденбург», написанное большими буквами, недалеко от носа дирижабля. Возгорание началось в хвостовой части корабля, и на фотографиях горящего дирижабля, оседающего кормой на землю, можно было увидеть его название. Однако на фотографиях 1937 года нельзя было увидеть, что эти буквы были красного цвета. Таким образом, этот аргумент говорит в пользу того, что заявления Грэхема относились к «Гинденбургу», а вместе с ним и тот аргумент, что люди там наряду с английским языком говорили и на других языках.

Думаю, что в случае с дирижаблем R 101 можно не сомневаться в том, что на нём все говорили по-английски. Однако почти сразу после крушения дирижабля у места его падения появились французские крестьяне, а затем и спасатели, и их голоса могли слышать пассажиры и экипаж дирижабля, когда они горели или выпадали из него.

Наиболее важной особенностью, относящейся к R 101, является имя повара Эрика Грэхема. Из-за неё и из-за того, что другие особенности согласуются с бедствием на R 101, я уверен в том, что Эрик Грэхем, повар дирижабля, мог быть вероятным кандидатом на личность человека, жизнь которого вспомнил Грэхем.

Появление всевозможных особенностей, указывающих на разные дирижабли, усилило как моё желание узнать о том, смог бы гипноз помочь разрешить этот случай, так и мою досаду из-за того, что мы так и не сумели провести сеанс гипноза.

Джиллиан и Дженнифер Поллок

Эта книга была бы неполной, если бы в ней не были упомянуты случаи Джиллиан и Дженнифер Поллок. Однако я уже публиковал и подробное (Stevenson, 1997), и краткое (Stevenson, 1987/2001) сообщения об их случае, поэтому опишу здесь только самые важные моменты.

Джиллиан и Дженнифер Поллок родились в Хексеме, Нортумберленд, Англия, 4 октября 1958 года. Их родителями были Джон Поллок и его жена Флоренс. Джиллиан была на 10 минут старше Дженнифер. Анализы группы и подгруппы крови показали, что они были однояйцовыми близнецами.

У Джона и Флоренс Поллок были и другие дети. Две дочери, Джоанна и Жаклин, погибли, когда какая-то безумная женщина направила свой автомобиль на тротуар, по которому шли сестры и их подруга. Они погибли мгновенно. Эта трагедия произошла 5 мая 1957 года. Джоанне было 11 лет, а Жаклин – 6 лет, когда это случилось. Джон и Флоренс Поллок были христианами, по крайней мере формально. В 1957 году Флоренс не интересовалась перевоплощением и не верила в то, что подобное возможно. Джон, напротив, к тому моменту уже много лет твёрдо верил в перевоплощение. После смерти девочек он уверовал в то, что они переродятся в их семье и будут близнецами. Когда родились близнецы Джиллиан и Дженнифер, этому удивлялись другие люди, но только не он.

Заявления и признания, сделанные Джиллиан и Дженнифер

Когда близнецы научились говорить, они сделали (между тремя и семью годами) несколько заявлений о жизни Джоанны и Жаклин. Джиллиан помнила жизнь Джоанны, а Дженнифер – жизнь Жаклин. Они убедили родителей ещё и тем, что узнали несколько мест и предметов, известных погибшим девочкам, но незнакомых близнецам. В моём подробном отчёте об этом случае я перечислил шесть заявлений и пять случаев узнавания, благодаря чему их родители поверили им. Помимо этого Джон и Флоренс Поллок подслушали разговор близнецов тет-а-тет о том несчастном случае, в котором погибли Джоанна и Жаклин; но они не упоминали появление каких-либо необычных подробностей в том их разговоре.

Некоторые читатели могли бы подумать, что безграничная вера Джона Поллока в перевоплощение не позволяет считать его объективным наблюдателем за тем, что близнецы говорили и делали касательно жизни Джоанны и Жаклин. Как-то раз один скептически настроенный журналист пожаловался на Джона Поллока, на что тот справедливо возразил, что если бы он не верил в перевоплощение, то не обратил бы внимания на воспоминания, предположительно, имевшиеся у близнецов, о жизни их погибших сестёр.

Физические различия между Джиллиан и Дженнифер

Лица Джиллиан и Дженнифер были почти неотличимы. Думаю, любой человек, увидевший только их лица, заключил бы, что перед ним одноядцовые близнецы, каковыми они и являлись. Однако своим телосложением они в некоторой степени походили соответственно на Джоанну и Жаклин. Джоанна была стройна, как и Джиллиан; Жаклин же была корената, как и Дженнифер.

У Дженнифер были две родинки, а у Джиллиан не было ни одной. Родинка на лбу Дженнифер, у основания носа, соответствовала шраму (на него потребовались три стежка), который появился у Жаклин после того, как она упала на ковш в трёхлетнем возрасте. У Дженнифер также было родимое пятно на левом боку (илл. 5). Оно соответствовало родимому пятну, которое было у Жаклин на том же месте. У других членов семьи на этом месте родимых пятен не было.

Иллюстрация 5. Родинка на левом боку Дженнифер Поллок

У Джоанны была такая же косолапая походка, как и у Джиллиан. У Жаклин и Дженнифер походка была обыкновенной.

Как я уже упоминал, Джоанне на момент её гибели было 11 лет, и она умела хорошо писать. Жаклин было только 6 лет, и она ещё не научилась правильно держать карандаш. Вместо того чтобы обхватить карандаш большим и указательным пальцами, она сжимала его в кулаке и, несмотря на все усилия учительницы научить её держать карандаш правильно, продолжала сжимать его в кулаке вплоть до самой своей смерти. Когда близнецы впервые начали

писать, примерно в возрасте четырёх с половиной лет, Джиллиан сразу взяла карандаш как надо, а Дженнифер схватила его так же, как это делала когда-то Жаклин (илл. 6). Она упрямо писала таким способом, по крайней мере иногда, вплоть до 23 лет (когда мне в последний раз сообщили об этой её привычке).

Иллюстрация 6. Джиллиан (слева) и Дженнифер (справа) Поллок в возрасте примерно 4,5 лет учатся писать (Международное агентство печати Mirror)

Поведение, демонстрируемое как Джиллиан, так и Дженнифер

Обе близняшки панически боялись движущегося транспорта. Обе они были склонны искать материнскую заботу и опеку у бабушки по матери, а не у самой матери. Это, очевидно, отражало ситуацию, в которой были Джоанна и Жаклин: при их жизни Флоренс Поллок работала и могла уделять не так много времени своим дочерям, о которых заботилась главным образом бабушка. Впрочем, в детские годы Джиллиан и Дженнифер ситуация в доме изменилась. Флоренс больше не работала и могла проводить с близнецами много времени.

Джоанна и Жаклин обе с удовольствием делали причёски другим людям, то же самое было свойственно Джиллиан и Дженнифер.

Особенности поведения, разнящиеся у Джиллиан и Дженнифер

Джоанна была на пять лет старше Жаклин, поэтому младшая сестра взяла за правило подчиняться старшей. Джоанна, со своей стороны, была склонна «нянчиться» с Жаклин. Между Джиллиан и Дженнифер были похожие иерархические взаимоотношения; Дженнифер искала совета и руководства у Джиллиан, которая проявляла о Дженнифер чуть ли не материнскую заботу.

Джиллиан была более зрелой и независимой, чем Дженнифер, что соответствовало старшинству и большей зрелости Джоанны в сравнении с её младшей сестрой.

Джоанна питала симпатию и к другим детям, а не только к Жаклин. Джиллиан проявляла больше интереса к другим детям, чем Дженнифер.

Джоанна была особенно щедрой девочкой: она с готовностью делилась всем, что у неё было, с другими. Жаклин, вероятно, была ещё слишком маленькой для того, чтобы развить в себе эту черту. Как бы то ни было, Джиллиан была бы более щедрой, чем Дженнифер.

Джоанне нравилось наряжаться в костюмы и играть в пьесах, которые она писала сама. Джиллиан также проявляла интерес к игре в костюмированных спектаклях. Сначала у Дженнифер не было интереса к таким постановкам, хотя она участвовала в них вместе с Джиллиан.

Комментарий

Я был бы готов наряду с иным критически настроенным журналистом не принять во внимание многое или даже всё из того, что Джон и Флоренс Поллок сообщили о заявлениях и признаниях близнецов: если Флоренс, как мне думается, вряд могла позволить своим ожиданиям повлиять на её наблюдения и рассказы о них, то Джон вполне был способен на это.

Однако различия между близнецами в их физических и поведенческих особенностях, на мой взгляд, имеют первостепенное значение. То, что они являются одноя йцовыми близнецами, исключает генетический фактор в объяснении их различий. Никакие послеродовые факторы не могут объяснить их физические различия, в особенности наличие двух родинок только у Дженнифер, тесно связанных со шрамом и родимым пятном у Жаклин. Я также нахожу невероятным, чтобы Джон и Флоренс независимо от того, как бы сильно они ни желали вернуть своих погибших дочерей, смогли повлиять на поведение близнецов таким образом, чтобы девочки подражали в каких-то моментах своим старшим сестрам. Этот случай, как и похожий на него случай Индики и Какшаппы Ишвары, ещё одной пары одноя йцовых близнецов, заметно различавшихся телосложением и поведением, даёт самый веский из известных мне аргументов в пользу перевоплощения.

Надеж Жегу

В этом случае исследуемая сделала несколько заявлений о предыдущей жизни. Они по большей части рассеяны по отдельным эпизодам в течение периода, когда ей было от двух до четырёх лет; два из них имели место в более позднем возрасте. Кроме того, исследуемая несколько раз правильно распознавала вещи и демонстрировала поведение, соответствующее жизни человека, к которому относились её заявления. Это был младший брат её матери.

Краткий обзор случая и его исследование

По сути, этот случай берёт начало в смерти молодого человека по имени Лионель Эннуе, к которому позднее относились заявления исследуемой. Его смерть в результате несчастного случая повергла его мать Ивон Эннуе в состояние безутешного горя. Она верила в перевоплощение и в своём горе получала некоторое облегчение, надеясь и даже предвкушая, что её сын родится вновь, как ребёнок её дочери Вивьен Жегу.

Надеж Жегу родилась в Нёйи-сюр-Марн, Франция, 30 декабря 1974 года. Её родителями были Патрик Жегу и его жена Вивьен, урождённая Эннуе. Пять лет они прожили в браке, не имея детей. После гибели Лионеля Вивьен желала ребёнка ещё сильнее, чем прежде, и её акушерка приписывала рождение Надеж сильному желанию Вивьен иметь дитя. Позже, в 1979

году, она родила мальчика по имени Жорис. Патрик Жегу был алжирцем. Сведения об этом случае предоставил не он, и я узнал о нём не так много; с Вивьен они развелись в 1989 году.

Надеж начала разборчиво говорить, когда ей было примерно два года. Вскоре после этого она сделала несколько заявлений, указывающих на знание ею жизни её дяди по матери, Лионеля Эннуе. Когда Надеж было примерно три года, Вивьен Жегу вернулась к работе, и с тех пор Надеж проводила больше времени со своей бабушкой, Ивон Эннуе, чем с матерью.

Ивон Эннуе замечала и запоминала упоминания Надеж событий из жизни Лионеля. В октябре 1978 года она написала письмо моей французской знакомой Изоле Пизани; в нём описала свои наблюдения, которые она вела до тех пор, пока не убедилась в том, что Надеж была перевоплощением Лионеля. Изола Пизани переслала её письмо мне, и вскоре после этого я встретился с Ивон Эннуе в Париже 22 ноября 1979 года. Мы долго беседовали с ней в отеле, где я остановился.

Впоследствии я переписывался с Ивон Эннуе, поскольку она присылала мне сообщения о сделанных ею дополнительных наблюдениях или о том, какие слова и поступки Надеж она вспомнила. 12 марта 1981 года я вновь встретился с Ивон Эннуе, а также с её мужем Франсисом, и ещё с Вивьен, матерью Надеж. Сама Надеж присутствовала при этом, но говорила мало. Франсис также предоставил немного ценных сведений. В результате информацию по данному случаю мне давали только Ивон Эннуе и её дочь Вивьен.

Между 1981 и 1998 годами я продолжал переписываться с Эннуе. Потом я встречался с ними в 1984 году, а потом ещё в 1993 году, причём в тот раз Надеж пришла в ресторан, где мы пообедали.

В октябре 1998 года я снова побывал в Париже, где надеялся ещё раз встретиться с Ивон Эннуе. К сожалению, она приболела и не смогла прийти. Тогда я послал ей письмо с небольшим списком вопросов о некоторых моментах случая, на которые она ответила по почте.

Жизнь и смерть Лионеля Эннуе

Лионель Эннуе родился в Шеле, Франция, 22 августа 1953 года. Его родителями были Франсис Эннуе и его жена Ивон. У Лионеля были две старшие сестры, Вивьен и Лидия.

Детство Лионеля было обычным. От избытка жизненной энергии он был неугомонен. Видя в нём безрассудную отвагу и тягу к риску в пору среднего детства, его родители подумали, что ему необходима дисциплина школы-интерната. Туда они его и отправили, но через два года так соскучились по нему, что забрали домой, чтобы он посещал школу как приходящий ученик. Лионель, общительность которого шла в ущерб прилежанию, не выдержал экзамен на степень бакалавра, прозванную в народе «баком», которая во Франции необходима для получения права на высшее образование по окончании общеобразовательной школы. По этой причине он не поступил в университет и пошёл учиться на электрика. В возрасте 20 лет его призвали на обязательную военную службу, на один год. Здесь обращает на себя внимание то, что он записался в подразделение «Альпийские стрелки», чтобы иметь возможность бывать в горах.

У Лионеля было много друзей, и по временам он предпочитал их компанию кругу семьи. Например, родители предлагали ему поехать с ними в США, но он решил провести лето в лагере, с друзьями.

Как почти все подростки, он любил на чём-нибудь погонять. Начав с велосипеда, он пересел на мопед, а потом обзавёлся и мотоциклом.

В декабре 1973 года он возвратился со своей военной базы домой на рождественские каникулы. Однажды, приблизительно в 9 часов вечера, он поехал покататься на своём мотоцикле, посадив товарища на заднее сиденье. Несколько друзей ехали следом на автомобиле. Он упал, разбил голову о скамью, стоявшую у обочины дороги, и почти мгновенно скончался.

Его товарищ, сидевший сзади, сломал руку и убежал. Свидетелями этого несчастного случая были только друзья Лионеля, ехавшие следом на автомобиле; они по-разному описывали то, что произошло. Ивон Эннуе считает, что парень, сидевший за рулём автомобиля, в шутку подтолкнул ехавшего на мотоцикле Лионеля, отчего тот выскочил на тротуар, потерял управление, а затем, вероятно, полетел головой вперёд и ударился ею о скамью. Он погиб 23 декабря 1973 года.

Помимо уже упомянутой общительности у Лионеля были и две другие примечательные черты: щедрость и любовь к спорту. Личных вещей у него было мало, поскольку он постоянно одалживал или отдавал своим товарищам всё, что у него было, зачастую и деньги. Что касается спорта, то он, кажется, получал удовольствие от всего: катания на коньках и лыжах, тенниса, плавания, стрельбы и велогонок.

Почти вся предшествующая биография Лионеля Эннуе описана в брошюре, которую написала и издала Ивонна Эннуе после его смерти. По этой причине в ней ещё нет её более поздней убеждённости в том, что Надеж – это переродившийся Лионель.

Заявления, сделанные Надеж, и сопутствующие им условия

Во многих моих подробных отчётах об этих случаях я составлял список заявлений исследуемых, а затем, в отдельной части, описывал, при каких обстоятельствах и как они были сделаны. В данном случае Надеж не сделала никакого связного сообщения о предыдущей жизни, зато несколько раз отпускала отдельные реплики о ней. А посему я буду описывать и эти заявления, и условия для них. Ивон Эннуе никогда не сообщала точные даты утверждений Надеж. Однако мы с ней переписывались весьма часто, и в своих письмах ко мне она передавала эти утверждения. По датам её писем я смог установить возраст Надеж в то время, когда она делала свои заявления, с погрешностью в несколько месяцев.

1. Надеж по собственной инициативе рассказала о несчастном случае, произошедшем с Лионелем, так, будто всё это случилось с ней самой. Она сказала, что её толкнул друг – мотоцикл упал на скамью. Она не сказала, в каком месте она (Лионель) получила травму. Я не узнал о том, в каком возрасте Надеж впервые упомянула об этой аварии. Время от времени она возвращалась к этой теме и всякий раз, казалось, заново проживала это событие.

2. Ивон Эннуе показала Надеж фотографию Лионеля и сказала, что на ней изображен Йо-йо (прозвище Лионеля). На это Надеж ответила: «Нет, это Нана». (Так Надеж называла себя в то время.) Надеж было примерно три с половиной года, когда она сделала это заявление. Она повторила его ещё раз, когда ей снова показали фотографию Лионеля.

3. Однажды Надеж смотрела вместе с бабушкой телепередачу. На экране появилась одна нарядная парижская улица, Пассаж Жуффруа. (Это крытая улочка с тянущимися по обеим её сторонам магазинчиками.) Тогда Надеж сказала: «А ведь здесь совсем рядом мама [т. е. Вивьен] работает». Позже Ивон Эннуе, обсуждая с дочерью её слова, предположила, что она [Вивьен], наверно, говорила Надеж, где она работала; но Вивьен сказала, что она ничего не говорила ей об этом. Затем она напомнила матери о том, что она часто встречалась с Лионелем на Пассаж Жуффруа, которая очень нравилась ему, к тому же недалеко от неё находился банк, в котором работала Вивьен. Это заявление Надеж сделала в возрасте примерно четырёх лет.

4. У Лионеля была складная кровать, которая убиралась в шкаф. После его гибели этот шкаф никогда не открывали, пока однажды Ивон Эннуе не решила проветрить его и распахнула дверцы. Стоявшая рядом с ней Надеж сказала: «Я спала на этой кровати, когда была маленькой». Ивон Эннуе ответила Надеж, что она никогда не спала на этой кровати; тогда она уточнила: «До того, как я стала маленькой». Когда Надеж произнесла эти слова, ей было четыре года.

5. В другой раз Надеж заметила своей бабушке: «Когда я была Лионелем, то обычно покупала карембары». Тут она сама удивилась произнесённому ею слову «карембары» и спросила бабушку: «А что это такое?» Оказалось, что это тянучки в виде карамельных палочек. Лионель очень любил их. Ивон Эннуе никогда не покупала их Надеж. Когда Надеж сделала это заявление, ей было примерно четыре с половиной года.

6. Надеж, сделав вышеприведённое заявление, продолжала в том же духе: «А ещё я регулярно покупала маме какие-то чёрные штучки, внутри которых были белые сласти». Ивон Эннуе была без ума от лакрицы, и Лионель часто покупал ей лакричные рулеты – они были чёрного цвета – с белыми сластями в качестве начинки. Саму Надеж лакрица не волновала.

7. В другой раз Надеж играла в доме бабушки в компании двоих юных двоюродных братьев. Один из них, шестилетний мальчик, случайно открыл шкаф и обнаружил в нём игрушечных плюшевых обезьянок. Они принадлежали Лионелю. Этот мальчик спросил Ивон Эннуе, откуда взялись эти игрушечные обезьянки. Когда её мать сказала, что они принадлежали Лионелю, он поинтересовался, где он их достал. Вивьен объяснила ему, что он выиграл их в ярмарочном состязании по стрельбе. Надеж услышала её слова и с возмущением в голосе воскликнула: «Ничего подобного; это я выиграла их на ярмарке!» Ивон Эннуе, присутствовавшая при этом разговоре, была уверена в том, что Надеж никогда прежде не видела этих игрушечных обезьянок. Надеж было примерно четыре с половиной года, когда она произнесла эти слова.

8. Однажды Надеж сказала матери: «Я уже умирала до того, как появилась в твоём сердце». Когда она сделала это заявление, ей было чуть меньше пяти лет. Ивон Эннуе узнала об этом от свидетеля сцены.

9. В другой раз Надеж случайно увидела чёрно-белую фотографию Лионеля, на которой он был запечатлен ещё малым ребёнком. Посмотрев на фотографию, Надеж сказала бабушке: «Знаешь, когда я была Йо-йо, то носила эту белую блузку с синей вышивкой». Этой блузки уже давно не было; и Ивон Эннуе была уверена в том, что она никогда не говорила о ней при Надеж. Во время этого заявления ей было пять лет.

10. Во время одной из моих встреч с Надеж и её бабушкой в Париже (в 1981 году) я находился в гостинице *Hotel de Seine* в 6-м округе. Потом Ивон Эннуе сообщила мне о том, что позже Надеж сказала, будто она знает один ресторан в том квартале. Прежде Надеж никогда не была в этой части Парижа, а Лионель побывал в местном китайском ресторане и ушёл оттуда, прихватив тарелку, которая стала имуществом его сестры Вивьен. Надеж тогда было пять с половиной лет.

11. Как-то раз Франсис Эннуе показывал своей семье слайды со снимками путешествия, и на одном из них был пешеходный мостик в гроте близ Анси (в Савойе). Надеж воскликнула: «Я уже была там! Я прекрасно это помню!» На самом деле Надеж никогда не была в том гроте, однако Франсис водил туда своих детей. Лионелю в то время было шесть лет. Когда Надеж произнесла эти слова, ей было почти девять лет.

12. Когда Надеж было примерно девять с половиной лет, она поехала на летние каникулы в лагерь, в Савойю, куда также ездил Лионель, но где ей не приходилось бывать раньше. Возвратившись домой, она сказала бабушке, что в том лагере была узкая тропинка, по которой она когда-то уже ходила.

Отношение Надеж к жизни после смерти. Всего три заявления Надеж относились к жизни после смерти и до рождения. В одном из них она сказала, что уже умирала до того, как войти в свою мать. Патрик Жегу рассказал своей тёще (Ивон Эннуе) о том, что однажды во время каникул, когда они вместе с Надеж загорали на пляже, та сказала ему: «Знаешь, папа, здесь, в песке, так тепло, а вот когда мы оба были мёртвыми, в земле было очень холодно».

В 1981 году, когда Надеж было около семи лет, она со своей бабушкой смотрела телепередачу, в которой показывали, как раненого человека быстро везут в больницу на машине ско-

рой помощи. Услышав сирену скорой помощи, Надеж прокомментировала: «Это не та музыка, которую слышишь во время своей смерти».

Когда Надеж было примерно пять с половиной лет, она проводила каникулы со своей бабушкой по отцу; позже Ивон Эннуе сообщила мне о том, что Надеж вернулась «сильно изменившейся». Она с чувством сказала Ивон Эннуе: «Когда кто-то умирает, он больше не возвращается». Ивон Эннуе была уверена в том, что Надеж коснулась какой-то стороны жизни Лионеля в присутствии других бабушки и дедушки, а те в ответ посмеялись над ней.

Если и был в детстве Надеж период скептицизма, она всё равно явно не имела ничего против того, чтобы я изучил её опыт. Несколько раз она писала мне письма и открытки и сразу разрешила мне использовать в моей книге её настоящее имя.

Особенности поведения Надеж, связанные с её предыдущей жизнью

Обстоятельства и манера повествования Надеж о предыдущей жизни. Из двенадцати приведённых мной заявлений восемь имели место, когда Надеж видела некий предмет – например, фотографию или место, – знакомый Лионелю, который пробуждал в ней предполагаемые воспоминания и заставлял их внезапно проявиться. Она редко делала какие-то заявления о предыдущей жизни без толчка извне. Этой особенностью данный случай напоминает другие – например, случаи Маллики Арумугам и (далее в этой книге) Вольфганга Нойрата.

Манеры и другие особенности поведения, общие у Лионеля и Надеж

Лионель любил строить рожицу, выпячивая нижнюю губу. Он называл её «черепашьей мордой». Ивон Эннуе показала и отдала мне фотографию Лионеля, гримасничающего таким образом. Когда Надеж было примерно два года, она в какой-то момент вдруг скорчила точно такую же гримасу, что и Лионель. Её мать также вспомнила о том, что она замечала, как Надеж строила «черепашью морду», что делал и Лионель. Ивон Эннуе была уверена в том, что Надеж никогда не видела фотографию гримасничающего таким образом Лионеля.

У Лионеля была привычка пририсовывать в конце своих писем курительную трубку с выходящим из неё клубом дыма; такая трубка была эффектной частью его подписи в письме или открытке. Ивон Эннуе показала и отдала мне два образца его подписей в виде трубки. Надеж видела письма, подписанные в такой манере, но никто не предлагал ей делать ничего подобного. Тем не менее она начала заканчивать свои письма подписью в виде трубки. Ивон Эннуе прислала мне один такой образец.

Лионель был так рассержен, когда его старшая сестра вышла замуж, что отказался величать её «мадам». Поэтому на конвертах своих писем к ней и её мужу в строке «кому» он писал: «Месье и мадмуазель Жегу» вместо «Месье и мадам Жегу». Когда Надеж, находясь далеко от дома, отправила родителям письмо, она также написала на конверте: «Месье и мадмуазель Жегу». Ивон Эннуе дала мне копии двух конвертов, в адресной строке которых рукой Лионеля и Надеж были написаны такие слова. Она (Ивон Эннуе), очевидно, сочла манеру Надеж писать так на конверте спонтанным действием; но раз у неё сохранился по крайней мере один конверт, подписанный Лионелем таким образом, то я не могу утверждать, что Надеж никогда не видела его или что-то похожее на него.

Ивон Эннуе сказала мне, что грамотность у них обоих, у Лионеля и Надеж, оставляла желать лучшего. По её наблюдениям, они делали одинаковые орфографические ошибки. Примеры таких ошибок она мне не показала.

В своей семье Лионель выделялся из всех остальных её членов двумя характерными чертами. Во-первых, он очень интересовался всеми видами спорта. Ранее в этом сообщении я уже говорил, сколь разнообразны были спортивные занятия, которыми он увлекался. Надеж

тоже любила спорт, особенно плавание, прыжки в воду, катание на коньках. В возрасте двух с половиной лет она начала совершать прыжки в воду, а в три с половиной года ныряла с трёхметрового трамплина.

Ранее я упоминал о щедрости Лионеля к другим людям, о его бескорыстии, из-за которого он иногда сам оставался без гроша. Надеж была столь же щедрой с другими людьми.

Другие параллели в поведении Надеж

Надеж не горела желанием носить мужскую одежду и не предпочитала мальчишеские игры и другие виды деятельности девчоночьим. Как-то раз она заявила о том, что лучше быть мальчиком, чем девочкой, но такое пожелание не назовешь необычным у девочек и женщин даже на Западе.

Фобий у Надеж не было.

Отношение в семье Надеж к её заявлениям

Как я уже говорил ранее, сведения об этом случае я получал главным образом от бабушки Надеж по материнской линии. Мать Надеж, с которой я беседовал в 1981 году, держалась со мной несколько застенчиво и скованно, и я не смог удовлетворительно оценить её отношение к заявлениям и манерам Надеж, напоминающим Лионеля. У неё не было к ним неприязни, но я не мог бы подписаться и под тем, что она приветствовала их. Она призналась, что несколько заявлений Надеж произвели на неё впечатление.

Ивон Эннуе, в отличие от своей дочери, была далека от того, чтобы бесстрастно принимать заявления и манеры Надеж. Она описывала их мне в частном разговоре и в письмах с явной заинтересованностью. Когда представлялся случай, она принимала участие в радиопередачах, где отстаивала теорию перевоплощения и выставляла историю Надеж в выгодном для неё свете. Она, без сомнения, смирилась с потерей Лионеля, когда уверовала в то, что он переродился в облике Надеж. Ей нравилось слушать сентенции Надеж о предыдущей жизни, а иногда она даже просила её повторить сказанное ранее – например, о том несчастном случае с Лионелем со смертельным исходом. Однажды, когда Надеж было примерно пять с половиной лет, Ивон Эннуе чуть ли не с укоризной сказала Надеж: «Ты больше не говоришь со мной о Лионеле». Надеж ответила: «Я уже всё рассказала тебе».

В апреле 1979 года Ивон Эннуе написала мне, что она спросила Надеж: «Чем ты занималась, когда была Йо-йо?» Надеж ответила: «Я была Лионелем и делала всякие глупости».

В апреле 1980 года Ивон Эннуе написала мне, что она просила Надеж поговорить с ней о Лионеле. И хотя она уверяла меня в том, что заявления Надеж в возрасте менее пяти с половиной лет были сделаны по её собственной инициативе, к тому времени Ивон Эннуе уже не менее года побуждала её говорить на эту тему.

Порой одержимость Ивон Эннуе случаем Надеж заставляла её видеть между ней и Лионелем сходства, которые другие не замечали или отвергали. Например, она полагала, что у них обоих, у Лионеля и Надеж, были ангиомы, опухоли кровеносных сосудов, хотя они и располагались в разных местах. Ивон Эннуе полагала, что глаза Надеж были асимметричными, и заявляла о том, что и у Лионеля глаза также были асимметричными. Я согласен с тем, что на одной из фотографий левая глазная щель у Лионеля заметно уже правой, но я не наблюдал такую асимметрию у Надеж ни на фотографиях, ни при личной встрече. Она также полагала, что скрытой причиной сильных головных болей, которыми Надеж страдала в детстве, и кисты на её шее была смертельная травма головы у Лионеля.

Дальнейшее развитие Надеж

В раннем детстве Надеж очень страдала головными болями. В 1981 году её положили в неврологическое отделение детской больницы; все проведённые исследования, в том числе и электроэнцефалограмма, не выявили существенных отклонений. Когда ей было 15 лет, родители развелись, и это событие выбило её из колеи, но не думаю, что в большей степени, чем других детей при таких же неурядицах.

В 18 лет ей удалили хирургическим путём кисту на щитовидной железе или в прилегающей области.

Училась она всегда хорошо. Она сдала «бак» (экзамен на степень бакалавра) летом 1993 года, когда ей было 18 с половиной лет. Затем она поступила в университет, где изучала английский язык.

Комментарий

Ивон Эннуе является практически единственным и, стало быть, важнейшим свидетелем в данном случае, поэтому читатели сами могут представить себе, как её страстное увлечение перевоплощением и жгучее желание вновь обрести сына сказались на её оценках слов и поступков внучки. Нетрудно предположить, что она говорила о Лионеле в присутствии Надеж, невольно передавая ей сведения о нём и беспрестанно внушая ей, что она с ним одной природы. Вместе с тем почти ничего не указывает на то, что она в самом деле поступала так; в её письмах ко мне многое опровергает то, что Надеж давались какие-то подсказки, влияющие на содержание её заявлений о событиях в жизни Лионеля. Ивон Эннуе хотелось услышать от Надеж что-нибудь о той жизни – это очевидно, а вот то, что она подсказывала Надеж, что именно ей следует говорить, это уже не столь очевидно. На мой взгляд, непредубеждённый читатель поверит ей, если обратит внимание на запись высказываний ребёнка о предыдущей жизни, которые большинство родителей, дедушек и бабушек на Западе проигнорировали бы или даже высмеяли.

Вольфганг Нойрат

Для таких случаев, как этот, типична смена пола: предшествующая личность перед смертью выражала желание сменить пол. Исследуемый сделал несколько заявлений, относящихся к предыдущей жизни, и почти все они сводятся к тому, что он узнавал людей и места. Помимо этого, он также выказал вкусы и прочие особенности поведения, сходные с теми, которые были у предшествующей личности.

Краткий обзор случая и его исследование

Вольфганг Нойрат родился в Фельдкирхе, Австрия, 3 марта 1934 года. Его родителями были Дитер Нойрат и его жена Марлен. В возрасте от трёх до трёх с половиной лет Вольфганг сделал несколько заявлений, указывающих на его неожиданное знание членов семьи одной юной девушки, Польди Хольцмюллер, умершей за два месяца до рождения Вольфганга, а также их жилища. Нойраты и Хольцмюллеры были близкими соседями. Вольфганг также демонстрировал нестандартное мышление, характерное для Польди.

Поначалу этот случай привлёк внимание других людей вне этих семейств, сразу пробудив к себе интерес, когда младший брат Польди, его звали Эрнст, написал о нём доктору Карлу

Мюллеру, в начале 1963 года. (Доктор Мюллер, который был спиритуалистом, увлечённым идеей перевоплощения, ранее в августовском выпуске германского журнала *Die Andere Welt* от 1962 года дал объявление с просьбой к читателям высылать ему рассказы о таких случаях.) Доктор Мюллер ответил Эрнсту Хольцмюллеру и попросил его больше рассказать о том, как всё было. И во втором письме Эрнст Хольцмюллер уже подробнее рассказал об этом случае. Доктор Мюллер, с которым я познакомился ещё прежде, в 1961 году, в Цюрихе, прислал мне копии этой переписки.

Через два года, 20 октября 1965 года, я приехал в Фельдкирх, где долго беседовал с Эрнстом Хольцмюллером и его матерью Элизабет. (Я провёл с ними полдня.) Спустя какое-то время, в июле 1968 года, Эрнст Хольцмюллер сообщил мне в переписке кое-какие дополнительные сведения. Тем временем он опубликовал собственный отчёт об этом случае в февральском выпуске *Die Andere Welt* от 1968 года.

Эрнст Хольцмюллер родился в 1921 году и, значит, был на восемь лет младше Польди. Таким образом, когда происходили все эти события, он был мальчишкой, ещё не вышедшим из юношеской поры, и потому не располагал информацией из первых рук об утверждениях Вольфганга и (до некоторой степени) о его поведении в молодости. Элизабет Хольцмюллер родилась в 1880 году, и, значит, во время переписки с Карлом Мюллером в 1963 году и наших с ней бесед в 1965 году ей было уже за 80. Тем не менее она оставалась, как мне кажется, в доброй памяти. Эрнст Хольцмюллер сказал, что она продиктовала его первое сообщение Карлу Мюллеру и, по сути дела, подписалась под вторым его письмом доктору Мюллеру, в котором были ответы на ряд вопросов доктора Мюллера, добавив от себя некоторые подробности. Позже во время наших бесед в Фельдкирхе она играла главную роль, а вклад Эрнста Хольцмюллера состоял преимущественно в разъяснении или повторении для меня того, что сказала его мать. (В то время я ещё только изучал немецкий язык, а Элизабет Хольцмюллер говорила с тирольским акцентом.) Думаю, будет правильно сказать, что почти обо всех событиях этого случая мы узнаём непосредственно от Элизабет Хольцмюллер. В действительности есть три версии её рассказа: первое и второе письма Эрнста Хольцмюллера к доктору Мюллеру, записи моей беседы с Хольцмюллерами и письмо Эрнста Хольцмюллера об этом случае в *Die Andere Welt.* Эти версии расходятся лишь в несущественных деталях. Опубликованное сообщение Эрнста Хольцмюллера описывает один сон его матери, которого нет в двух других версиях.

К моменту моего приезда в Фельдкирх в 1965 году Вольфгангу был 31 год; он состоял в браке, у него было двое родных детей. Он давно забыл свою прошлую жизнь, и я даже не пытался встретиться с ним. Однако я сожалею о том, что не попросил о встрече Марию Нойрат, мать Вольфганга, которая была очевидцем самого впечатляющего признания сына. Тётя Польди, Анна, которую в тот памятный день узнал Вольфганг, умерла ещё в 1941 году.

Жизнь, смерть и характер Польди Хольцмюллер

Польди Хольцмюллер родилась в Фельдкирхе в 1913 году. Она была единственной дочерью своих родителей, у которых был (по крайней мере) один сын Эрнст, родившийся в 1921 году.

В детстве Польди ничем особенным не отличалась, если не считать того, что она не играла с куклами и прочими игрушками. Её любимым занятием было вырезание фотографий из газет и их коллекционирование. Её любимыми блюдами были суп с лапшой и воздушный рис. Она была очень тихой и деликатной.

Когда Польди подросла, она стала более общительной, но не проявляла интереса к мужчинам и, по правде говоря, «сторонилась их». Она не находила себе места. И хотя Польди не была настроена враждебно к своей семье, она всё же иногда говорила, что вошла не в тот дом

и что ей нужно было стать дочуркой какого-нибудь богатого фабриканта, а не появиться на свет в семье мещан.

Больше остальных Польди любила свою тётю Анну, которая жила в южном Тироле, но время от времени навещала Хольцмюллеров в Фельдкирхе. Необычайно дружные, они выражали свою привязанность частыми поцелуями и объятиями. Друг для друга они придумали ласковые прозвища. Для тёти Анны Польди (Poldi) была Польдинькой (Poldile), а для Польди тётя (tante) Анна была тётушкой (tantele). (По-немецки тётя звучит как «tante» – значит, «tantele» будет то же, что и английское слово «auntie», производное от «aunt», то есть тётушка.)

Примерно в возрасте 19 лет Польди заболела туберкулёзом; из-за него она и умерла, проболев 16 месяцев. Последний год своей жизни она была прикована к постели. Несмотря на то, что Хольцмюллеры были католиками, Элизабет Хольцмюллер и Польди (но не её отец) проявляли некоторый интерес к возможности продолжения жизни после смерти и перевоплощения. Польди сказала, что если бы ей предстояло перевоплотиться, то она бы родилась мальчиком. Она также сказала, что если бы она переродилась по соседству с Хольцмюллерами, то явила бы им такие признаки своей личности, что её семья наверняка узнала бы её. Элизабет Хольцмюллер, видимо, поощряла эти предсказания; но она настоятельно просила Польди не пытаться после смерти искать с ней общения через медиума.

Летом 1933 года Мария Нойрат забеременела. Она жила в соседнем доме и часто навещала Польди Хольцмюллер, пока девушка болела. Когда она сказала Польди, что купила для своего будущего младенца детскую коляску, Польди спросила, можно ли ей будет пройтись с ней, когда она будет катать младенца в той коляске. Потом она добавила: «Вообще-то мне бы очень хотелось самой оказаться в этой коляске».

Польди умерла в Фельдкирхе 13 января 1934 года.

Сны Элизабет Хольцмюллер после смерти Польди и до рождения Вольфганга

После смерти Польди её мать рыдала безутешно, выплакав все глаза. Однажды ночью она увидела сон, в котором Польди сидела на своей кровати с печальными глазами, на ней была совершенно мокрая длинная ночная рубашка. Во сне Элизабет Хольцмюллер спросила Польди, откуда в ней столько воды. Польди ответила, что вся эта сырость пришла от неё (Элизабет). Так Элизабет усвоила урок о том, что проливать слёзы после чьей-то смерти значит вредить человеку своей скорбью.

Элизабет Хольцмюллер видела ещё один сон незадолго до рождения Вольфганга. В нём она ходила по фамильному саду и глядела на ласточек, сидевших на электрическом проводе. Одна из этих ласточек сказала: «Мама, разве ты не видишь меня?» Элизабет ответила: «Я слышу тебя, но какая из ласточек – ты?» Затем она услышала, как Польди сказала: «А вот и я». И в тот же миг она увидела, как одна из ласточек влетела в комнату дома Марии Нойрат.

Заявления и признания, сделанные Вольфгангом

Когда Вольфгангу было восемь дней от роду, Элизабет Хольцмюллер пришла в гости к Марии Нойрат.

Волфганг спал в вышеупомянутой детской коляске. Когда Элизабет подошла, чтобы посмотреть на младенца, Вольфганг проснулся, заулыбался и потянул ручки к Элизабет, как будто приветствуя её[42].

[42] Думаю, Элизабет Хольцмюллер нанесла визит вежливости Марии Нойрат после благополучного рождения младенца. Она не взывала к имени Польди, обращаясь к маленькому Вольфгангу, лежавшему в коляске. Тем не менее этот случай

Когда Вольфгангу было примерно три года, Анна, тётя Польди, приехала в гости к Хольцмюллерам. Она не навещала эту семью после смерти Польди. Однажды семья собралась на загородную прогулку, все вышли в сад. Мария Нойрат увидела их и поприветствовала тётю Анну. Пока все переговаривались, из соседнего дома вышел Вольфганг. Увидев тётю Анну, он обрадовался и подбежал к забору. Стараясь взобраться на него, он закричал: «Тётушка, тётушка!» Он хотел обнять тётю Анну, но из-за забора не мог дотянуться до неё. Тётя Анна спросила его: «Детка, разве ты меня знаешь?» Мария Нойрат ответила за него. Она сказала, что это невозможно, потому что Вольфганг ещё не родился, когда тётя Анна в последний раз приезжала в Фельдкирх. Тогда тётя Анна сказала, что Вольфганг, должно быть, спутал её с какой-то другой тётей. Мария Нойрат ответила, что этого не может быть, потому что Вольфганг всегда называл двух своих тёть по именам – например, тётю Анжелику. Вольфганг ещё какое-то время смотрел на тётю Анну, потом заплакал и вернулся в дом.

Два следующих происшествия произошли, когда Вольфгангу было примерно четыре года. Первое из них случилось, когда Элизабет Хольцмюллер делала покупки в местном бакалейном магазине. Она уже выходила из магазина, как вдруг Вольфганг увидел её и сказал: «Подожди меня, пока я не сделаю свои покупки. Я пойду домой с тобой, ведь ты знаешь, что мы одна семья». Вольфганг купил, что ему было нужно, вышел из магазина, и они вместе с Элизабет пошли по домам. Когда они проходили мимо дома Нойратов, Вольфганг не свернул туда. Вместо этого он продолжал идти с Элизабет Хольцмюллер до ворот её дома, где сказал ей: «Теперь я должен вернуться в тот дом. Ты же знаешь, что теперь я живу там».

Во второй раз Элизабет Хольцмюллер в том же бакалейном магазине встретила Вольфганга и его мать. Увидев Элизабет, Вольфганг оставил мать, подбежал к Элизабет и сказал: «Мама, купи мне, пожалуйста, воздушный рис. Моя другая мать никогда не покупает такой рис». Элизабет купила ему немного воздушного риса. В магазине были другие покупатели; некоторые из них были удивлены тем, что у Элизабет, которой тогда было уже под шестьдесят, такой маленький сын. Элизабет объяснила, что Вольфганг – сын соседки и что он, по всей вероятности, принял её за мать.

Когда Вольфгангу было примерно восемь лет, Элизабет показала ему большой портрет Польди и спросила, знает ли он её. Вольфганг посмотрел на портрет и после некоторого раздумья сказал: «По-моему, я где-то уже видел её, но теперь не могу сказать, где именно».

Когда Вольфгангу было примерно 13 лет (по одной записи ему было 12 лет, по другой – 14 лет), он был мальчиком на посылках Эрнста Хольцмюллера, который тогда вёл собственное дело. Однажды Эрнст попросил его сходить к нему домой (к Хольцмюллерам) и принести с чердака какую-то нужную ему вещь. Когда Вольфганг пришёл к Хольцмюллерам, его встретила Элизабет. Она сказала, что может сама достать с чердака то, что ему нужно, на что Вольфганг ответил: «Я уже знаю, где эта вещь. Я хорошо знаю этот дом». В действительности он никогда не бывал на втором этаже дома, где была дверь, ведущая на чердак. Он правильно отыскал дверь на чердак, поднялся наверх и принёс то, что было нужно Эрнсту Хольцмюллеру. Когда я был в Фельдкирхе, мне показали второй этаж того дома; там в центральном зале было шесть дверей. Эти двери были почти неразличимы. Та из них, что вела на чердак, слегка отличалась от других, но там не было никаких указаний на то, что она ведёт именно на чердак, а не в какую-нибудь из комнат на том же этаже, как другие двери.

напоминает мне один обычай среди некоторых тлинкиток посещать новорождённого, которого они считают, по указаниям из вещего сна, конкретной переродившейся личностью. Они могут позвать младенца тлинкитским именем того человека в надежде, что младенец в ответ улыбнётся или ещё как-то выкажет своё удовольствие.

Поведение Вольфганга, связанное с предыдущей жизнью

К какому полу причислял себя Вольфганг. В детстве Вольфганг был несколько женственным. В другой раз, заговорив о половом самоопределении Вольфганга, Эрнст Хольцмюллер сказал: «Он был не очень мужественным: не бегал и не затевал шумные игры, как большинство мальчишек, а был тихоней и в этом отношении больше походил на девочку».

Тем не менее, когда Вольфганг вырос, это был полноценный мужчина; он женился, к 1965 году у него было двое детей.

Другие особенности поведения Вольфганга, имеющие отношение к предыдущей жизни

В детстве Вольфганг с удовольствием вырезал фотографии из газет, как это делала Польди. Он любил ту же пищу, что и она: воздушный рис и суп с лапшой. Он был очень тихим и деликатным.

Физическое здоровье Вольфганга

В целом Вольфганг обладал крепким здоровьем. До 1965 года он не страдал от бронхиальных или лёгочных болезней, хотя и чаще, чем обычно, страдал от вирусных заболеваний верхних дыхательных путей.

Отношение Хольцмюллеров к этому случаю

И Элизабет, и Эрнст Хольцмюллеры верили, что Вольфганг был перевоплощением Польди. Они полагали, что Польди успела назвать чёткие признаки своего возвращения, на которое в особенности указывало то, что мальчик сам узнал «тётушку», то есть тётю Анну.

Польди всегда была дружна с Марией Нойрат, но их семьи не были очень близки. Хольцмюллеры решили, что Польди пришла в семью Нойратов для того, чтобы быть ближе к Хольцмюллерам. Впоследствии они рассудили, что желание Польди лежать в ожидающей малыша коляске могло оказать воздействие сродни гипнотической установке и привести её в эту коляску в облике ребёнка Марии Нойрат.

Комментарий

Вольфганг родился менее чем через два месяца после смерти Польди. Если предположить, что продолжительность беременности Вольфгангом у Марии Нойрат была нормальной, тогда в момент смерти Польди у неё должен был идти седьмой месяц беременности.

В этом случае есть то же слабое место, что и во всех тех случаях, в которых взрослые, руководствуясь предсказаниями, сновидениями и (иногда) родинками, ожидают, что ребёнок начнёт делать заявления и вести себя так, чтобы всё это напоминало о любимом и оплакиваемом члене их семьи. Доктор Мюллер в своём ответе на первое письмо Эрнста Хольцмюллера предположил, что Элизабет Хольцмюллер, возможно, манипулировала Вольфгангом наводящими вопросами о предыдущей жизни. В своём ответе Эрнст Хольцмюллер уверенно отверг это предположение. (Как я уже говорил, под этим вторым письмом его мать поставила рядом с его подписью свою.) Я не стану утверждать, что его протест должен удовлетворить всех критиков. Однако вероятно и то, что если бы Хольцмюллеры предварительно не уверовали в возмож-

ность перевоплощения, то они никогда бы не обратили внимания на слова и действия Вольфганга; и тогда нечего было бы обсуждать. (Я уже называл этот аргумент, когда писал о случае Джиллиан и Дженнифер Поллок.)

Случай Вольфганга имеет некоторое сходство с другими исследованными мною случаями. Скудность его заявлений, как и высокая вероятность того, что им предшествовали те или иные побуждающие действия, напоминает мне случаи Маллики Арумугам и Надеж Жегу. Пророческие слова предыдущей личности о том, что она, родившись вновь, явит знаки своего возвращения, по которым её смогут узнать, имеют место и в случае Марты Лоренц.

Случай Вольфганга также напоминает мне случай Гнанатиллеки Баддевитхан. В обоих этих случаях предыдущие личности слабо выражали принадлежность к своему полу; Тиллекератне (предыдущая личность в случае Гнанатиллеки) был довольно-таки женоподобным, а Польди не испытывала особого интереса к мужчинам, отчего её могли счесть женщиной несколько мужеобразной. В обоих случаях предыдущая личность проявляла желание, пусть и не слишком явное – хотя в случае Тиллекератне практически однозначное, – переменить пол в своем следующем воплощении. К тому же в обоих случаях в детстве исследуемые проявляли слабое понимание своей принадлежности к тому, что при данных условиях мы могли бы назвать новым полом. В детстве в Гнанатиллеке было много мальчишеского, а Вольфганг был похож на девочку. Если рассматривать эти случаи как перевоплощение, тогда в них, по-видимому, имели место воспоминания о поведении – наследие, так сказать, половой принадлежности в предыдущей жизни. Желание предшествующей личности переменить пол не стёрли эти следы.

Гельмут Крауз

Это ещё один случай, в котором я никогда не встречался с исследуемым. Более того, я беседовал о нём только с одним свидетелем. Тем не менее мне удалось самостоятельно разузнать некоторые подробности этого случая; и я уверен в том, что он не выдуман. В необычном поведении исследуемого проявлялись профессиональные навыки предыдущей личности.

Краткий обзор случая и его исследование

Гельмут Крауз родился в Линце, Австрия, 1 июня 1931 года. Его отцом был Вильгельм Крауз, учитель биологии в средней школе Линца. Больше никаких сведений о его семье у меня нет.

Приблизительно с четырёхлетнего возраста Гельмут часто заговаривал о прошлой жизни. Свои высказывания он начинал с таких фраз, как «когда я был большим…». Хельга Ульрих, друг семьи, регулярно приводившая Гельмута домой из детского сада, внимательно его слушала. Она описывала его как «болтливого». Однажды Гельмут сказал ей: «Когда я был большим, то жил на улице Манфред, в доме номер девять». А у Хельги Ульрих была подруга, Анна Зеехофер, жившая на улице Манфред в доме номер девять. Она спросила Анну Зеехофер об умерших людях, живших когда-то по этому адресу. Анна Зеехофер предположила, что Гельмут говорил о её двоюродном брате, генерале Вернере Зеехофере. Он жил какое-то время в том доме после смерти первой жены. Другие заявления, сделанные Гельмутом, отражали жизнь и смерть генерала Зеехофера.

Доктор Карл Мюллер узнал об этом случае от Хельги Ульрих в 1958 году. В марте 1959 года она отправила ему письмо, в котором изложила этот случай; позже она написала ещё одно письмо в ответ на его просьбу прислать ему больше сведений. Доктор Мюллер прислал мне длинную выдержку из первого письма и фотокопию второго.

14 октября 1965 года я побеседовал с Хельгой Ульрих в Вене. Она подтвердила то, что писала ранее доктору Мюллеру, но помимо этого смогла добавить ещё несколько дополнительных подробностей. В последующей переписке со мной она кое-что рассказала мне о дальнейшем развитии Гельмута. Анна Зеехофер, двоюродная сестра генерала Зеехофера, которая могла бы стать ценным источником информации касательно этого случая, умерла в 1957 году.

В 1967 году я получил важные для меня сведения о жизни и смерти генерала Зеехофера из Национальной библиотеки и Военного архива в Вене.

Читатели могут представить себе, с каким нетерпением я ждал встречи с Гельмутом Краузом и его родителями, но письма, которые я писал ему и его отцу, остались без ответа, несмотря на то, что я точно знал их адреса.

Жизнь и смерть генерала Вернера Зеехофера

Вернер Зеехофер родился в Братиславе, Словакия (тогда ещё в составе Австро-Венгерской империи) 14 августа 1868 года. Он стал офицером австрийской императорской армии. Какую-то часть своей жизни он провёл в Вене, но я не узнал, в какие годы он жил там. Звания он получал вовремя и в 1902 году, уже в звании полковника, был направлен служить в ставку, в Линц. Он оставался там по крайней мере до 1907 года. Возможно, он сохранил это своё место жительства, поскольку, как я узнал, в 1919 году его вдова всё ещё жила в Линце. (Она была его второй женой.)

К январю 1918 года Вернер Зеехофер дослужился до генерала и командовал дивизией на итальянском фронте. Он оставался на этом посту до самой своей смерти, постигшей его через шесть месяцев.

17 июня 1918 года, когда началось новое наступление, генерал Зеехофер покинул свой штаб и выехал на фронт. Он продолжал двигаться всё дальше, хотя у передовой его предупреждали о том, что выходить на позиции очень опасно. Что произошло потом, так и не выяснили до конца, но позже газеты сообщили о том, что он был ранен и попал в плен к итальянцам. Вскоре после этого он скончался от ран, возможно, в итальянском военном госпитале. Что послужило поводом для такой, столь похожей на самоубийство, прогулки под неприятельским огнём, осталось неизвестным; строились догадки о том, что у него помутился рассудок и он уже не понимал, что делает. Позднее в австрийском военном архиве пытались получить сведения о гибели генерала Зеехофера от соответствующих органов в Италии, но не узнали ничего сверх того, о чём сообщали документы в Австрии. И ещё в 1934 году австрийцы продолжали наводить справки о судьбе генерала Зеехофера.

О жизни генерала Зеехофера вне его военной службы я узнал не так много. Он был «страстным наездником» и «вообще любил спорт».

Ему не было и 50 лет, когда он погиб.

Заявления, сделанные Гельмутом

Хотя Хельга Ульрих и описала Гельмута как «болтливого», она всё же не записывала своевременно то, что он говорил, и позднее вспомнила лишь некоторые из его заявлений.

Гельмут сказал, что он был «офицером высокого ранга на великой войне» (Первой мировой войне). Он никогда не говорил, что был генералом, и не называл фамилию Зеехофера. Кажется, никто не спрашивал его о том, как он умер в предыдущей жизни.

Самые сильные заявления в пользу своего перерождения он делал, когда называл адреса, по которым проживал в предыдущей жизни. Например, он сказал: «Когда я был большим, то жил на улице Манфред, в доме номер девять». Анна Зеехофер подтвердила Хельге Ульрих правильность его слов в отношении генерала Зеехофера.

В другой раз Гельмут сказал: «Когда я был большим, то много лет жил в Вене». Он назвал улицу и номер дома, в котором жил тогда. Анна Зеехофер подтвердила правильность этого заявления в отношении генерала Зеехофера. Гельмут также правильно дал адрес в Линце, по которому проживала его родня со стороны жены из предыдущей жизни. Хельга Ульрих не назвала – возможно, в 1959–1965 гг. уже и не помнила – эти последние два адреса.

Поведение Гельмута, связанное с предыдущей жизнью

Однажды, когда Гельмуту было примерно 4 года, в Линце стояла тёплая погода, и Хельга Ульрих, когда они пошли домой, не стала застёгивать пальто Гельмута. Тогда он настоял на том, чтобы ему застегнули пальто, потому что, как он сказал, «офицеру не разрешается ходить в расстёгнутом пальто».

Если Хельга Ульрих и Гельмут встречали на улице идущих солдат, то Гельмут вставал по стойке смирно и отдавал честь, пока они не пройдут.

Однажды Гельмута взяли на встречу с вдовой генерала Зеехофера. В её присутствии он вёл себя застенчиво, что было расценено как своего рода узнавание, возможно, потому, что обычно он бывал более общительным.

Он явно боялся громких звуков – например, выстрелов.

Его считали более серьёзным, гордым и независимым, чем другие дети его возраста.

Когда он стал старше, то выказывал живой интерес к верховой езде и спорту.

Родинка Гельмута

Хельга Ульрих сказала, что у Гельмута была родинка на правом виске. Она описала её как пятно с повышенной пигментацией, с диаметр карандаша в поперечнике. В раннем детстве у Гельмута не было головных болей, но в подростковом возрасте они появились.

Хельга Ульрих сказала: «Известно, что генерал Зеехофер погиб от ранения в голову». Я не смог найти подтверждения её словам в Военном архиве в Вене. Как я уже говорил, официальные записи из него не сообщали ясно даже то, как именно погиб генерал Зеехофер. В лучшем случае имелось предположение о том, что он был ранен, захвачен итальянцами в плен и умер в итальянском военном госпитале. Когда я писал в Военный архив в Вене, то отдельно спросил о том, есть ли у них сведения о месте ранения или ранений генерала Зеехофера; таковых не оказалось. (Нельзя исключать, что родные генерала Зеехофера по своим каналам узнали больше подробностей о его смерти, а также о его ране или ранах, чем можно найти в официальных источниках.)

Последующее развитие Гельмута

Гельмут продолжал рассказывать о своей предыдущей жизни до семилетнего возраста, а затем перестал говорить о ней.

Отец Гельмута был биологом, военных в семье не было. Вместо военной жизни он выбрал себе гостиничное хозяйство и обучился этой специальности. Он переехал из Линца в Вену, где жил ещё и в 1980-е годы.

Альфонсо Лопес

Этот случай привлёк моё внимание в январе 1997 года, когда я был в Лиссабоне и читал лекцию в Фонде Гюльбенкяна. Главное действующее лицо этого случая и его мать пришли на

лекцию, и человек, у которого я гостил, Франциско Коэльо, представил меня. Тогда у меня не было времени обстоятельно поговорить, но в ноябре 1997 года я вернулся, чтобы побеседовать с ними.

Когда я познакомился с Альфонсо Лопесом, ему было 34 года. В то время данной истории было уже более 30 лет. Несмотря на это, его мать, казалось, хорошо запомнила её главные моменты, да и сам он ещё что-то помнил о предыдущей жизни.

У этого случая есть и одна дополнительная особенность: половое различие между исследуемым и предыдущей личностью.

Краткий обзор случая и его исследование

Альфонсо Лопес родился в Лиссабоне, Португалия, 23 августа 1962 года. Его родителями были Фернандо Лопес и его жена Ирма. На тот момент у них уже были три дочери: Марта, Ангелина и Августа. Фернандо Лопес был торговцем, одно время владевшим и управлявшим тремя магазинами. Семья была католической. Средняя дочь, Ангелина, погибла в автомобильной аварии в 1960 году.

Альфонсо начал разборчиво говорить в возрасте примерно одного года. Когда ему было около полутора лет, он сказал матери: «Дорогая мама». Для Ирмы Лопес это имело особенное значение, поскольку так обращалась к ней покойная дочь, а другие дочери обращались к ней иначе.

После этого, между двумя и семью годами, Альфонсо сделал девять упоминаний о жизни Ангелины; в них он обращался к объектам или событиям, о которых явно не мог узнать обычным способом. Он также продемонстрировал ряд необычных особенностей поведения, которые показались согласующимися с его заявлениями.

Когда Альфонсо было 17 лет, Ирма Лопес изложила на бумаге основные события этого случая. Кажется, эта бумага была утеряна или по крайней мере недоступна в 1997 году. В начале 1990-х годов Ирма Лопес написала об этом случае ещё раз, и в 1997 году Франциско Коэльо прислал мне копию её рассказа.

6 ноября 1997 года я встречался с Ирмой и Альфонсо Лопес в Лиссабоне и беседовал с каждым из них по отдельности в течение примерно трёх часов. Переводила для меня Бернадет Мартинс. К тому времени я уже прочёл написанный Ирмой отчёт об этом случае, поэтому в разговоре с ней спрашивал её о дополнительных подробностях событий, которые она упомянула в своём отчёте. В разговоре с Альфонсо я желал главным образом узнать, какие воспоминания сохранились у него и как он жил после того, как вышел из детской поры.

Я хотел встретиться с Фернандо Лопесом, чтобы он мог по возможности подтвердить хотя бы что-то из отчёта об этом случае, переданного мне его женой. К сожалению, перед самым моим приездом в Лиссабон в 1997 году погибла одна из внучек Лопесов, и снова в автомобильной аварии. Поэтому, как сообщил мне Альфонсо, у его отца не было возможности встретиться со мной.

Жизнь и смерть Ангелины Лопес

Ангелина Лопес была второй дочерью Фернандо и Ирмы Лопес. Она родилась в их доме в Лорешe, Португалия, где в то время жила семья, 20 июля 1953 года. В 1963 году семья переехала из Лореша в Лиссабон.

Я не узнал о каких-то необычных событиях в её короткой жизни, прерванной внезапной гибелью. Она пошла в школу в шесть лет и окончила первый класс к лету 1960 года, когда ей ещё не исполнилось семь лет. В то время её старшей сестре Марте – она была на 10 лет старше её – нужно было сдавать выпускные экзамены. Ирма Лопес, провожавшая её в школу, решила

взять с собой и двух своих младших дочерей. Остаток дня они провели на близлежащем пляже у реки. На пути домой, когда они переходили дорогу, Ангелину сбил насмерть автомобиль. Вероятно, она скончалась на месте происшествия, хотя её в любом случае увезли в больницу. Она погибла 9 июля 1960 года. Тогда ей не исполнилось ещё и семи лет.

Ангелина была необыкновенно ласковым ребёнком. Ирма Лопес сказала, что она была более радушной – по крайней мере с ней, чем другие её дочери. Я уже упоминал её своеобразную привычку обращаться к Ирме как к «дорогой маме». Кроме того, она была необыкновенно щедрой. Один раз Ангелина сказала, что ей хотелось бы быть мальчиком.

События между смертью Ангелины и рождением Альфонсо

Смерть Ангелины глубоко потрясла Ирму Лопес, рыдала она безутешно. Прежде она была набожной католичкой, но теперь начала сомневаться в существовании Бога. Иногда она винила себя за то, что повела детей на пляж. В своём отчаянии она просила Бога помочь ей понять, почему с ней случилась эта ужасная вещь: смерть отняла у неё дочь.

Примерно через шесть месяцев после смерти Ангелины друг познакомил её с Франциско Маркесом Родригесом, который был розенкрейцером. К тому же он был наделён необычайной мудростью и некоторыми сверхъестественными способностями. Знавшие его люди приходили к нему со своими личными трудностями и всегда находили утешение в его словах. Он никогда не брал плату за приём. Он посоветовал Ирме Лопес родить ещё одного ребёнка и сказал, что её дочь переродится в течение следующих двух лет. Представления о перерождении умершего ребёнка не вписывались в рамки религиозных убеждений Ирмы, она была обескуражена. Несмотря на это, она продолжала приходить к Франциско Маркесу Родригесу, а он продолжал советовать ей готовиться к возвращению дочери, хотя и, возможно, в облике ребёнка другого пола.

Незадолго до конца 1961 года Ирма Лопес снова забеременела. Когда она в следующий раз пришла повидаться с Франциско Маркесом Родригесом, он открыл ей дверь и, улыбаясь, сказал: «Я жду вас. Я рассчитывал услышать от вас радостную весть!» Ирма Лопес призналась, что неопределённость будущего пугает её, но он укрепил её веру, и она уехала вновь исполненная надежды, ликуя в предвкушении появления на свет другого ребёнка.

На седьмом месяце беременности Ирме Лопес приснилась Ангелина; каким-то образом она сообщила ей о том, что её ребёнок будет мальчиком. Проснувшись, Ирма сказала мужу, что у них будет мальчик. Если не считать этого эпизода, то она вынашивала Альфонсо без происшествий.

Заявления, сделанные Альфонсо

В этом разделе я объединяю свой рассказ о том, что утверждал Альфонсо, с описанием того, как он вёл себя при этом. Ирма Лопес сказала, что она (как и другие люди, и главным образом её муж Фернандо) иногда говорила об Ангелине в присутствии Альфонсо. Однако она была уверена в том, что никто никогда не упоминал в его присутствии какие-либо события или другие подробности, включённые в нижеследующие заявления.

1. Когда Альфонсо было примерно полтора года, он сидел на коленях у матери и смотрел телевизор. Когда на экране возникла сцена с грузовиком и перебегающим улицу мальчиком, Альфонсо зажмурился словно для того, чтобы не видеть её, и закричал: «Нет! Нет! Нет!» В то время Альфонсо только учился говорить. Его словарный запас не позволял ему что-либо добавить. Он не плакал, а только кричал. Ангелина Лопес решила, что причина столь неожиданной реакции со стороны Альфонсо – несчастный случай, в котором погибла Ангелина.

2. Когда Альфонсо было примерно два года, он крепко обнял мать и, хотя ещё не умел толком говорить, сказал ей: «Дорогая мама, ты так много плакала, так много плакала». Ранее я упоминал об особом значении, памятуя об Ангелине, обращения Альфонсо «дорогая мама».

3. Когда Альфонсо было примерно два с половиной года, Ирма Лопес, находившаяся на кухне, услышала доносящийся из другой комнаты стук её швейной машинки. Она знала, что Альфонсо находится поблизости от этой машинки, и испугалась, что он добрался до неё и может пораниться. Ирма прибежала к нему и запретила играть с машинкой. «Почему?» – спросил Альфонсо. Она объяснила: «Потому что ты можешь уколоться». Тогда Альфонсо сказал: «Нет, мама, не уколюсь: я убрал иголку». Ирма Лопес проверила иголку и обнаружила, что Альфонсо действительно удалил иглу и крепёжный винт для неё. Она усмотрела в его действии воспоминание о жизни Ангелины. Каждая из трёх её дочерей кололась, играя с этой машинкой; и она подумала, что Альфонсо, вспомнив об этих случаях из жизни Ангелины, удалил иглу из машинки.

4. Когда Альфонсо было примерно три года, он шёл с матерью в школу, в которой училась одна из его сестёр. Она несла дочери завтрак. Ирма Лопес и Альфонсо шли по улице рядом со школой, и в этот момент стал сигналить какой-то автомобиль. Каким-то образом Альфонсо вырвался из рук матери и помчался через дорогу к ожидавшей их сестре. Ирма Лопес так испугалась, что зажмурилась, чтобы не видеть эту сцену. Автомобиль проехал рядом с ними, не коснувшись Альфонсо. Ирма Лопес трясло, а Альфонсо сказал ей: «Не плачь, мама. Снова машина, да?» По пути домой он повторил свои слова немного в другом варианте: «Дорогая мама, снова машина. Ты тогда сильно плакала и стала бы сильно плакать и на этот раз».

5. Когда Альфонсо было четыре года, одна пара, прежде жившая по соседству с их семьёй, когда их дом был в Лореше, приехала в гости к семье Лопес, захватив с собой сына Эрнани. Пока взрослые болтали, Альфонсо спросил Эрнани: «У вас еще есть та самая деревянная лошадь?» Эрнани спросил мать, сохранилась ли деревянная лошадь. Она ответила: «Нет, я отдала её Ане». Тогда Альфонсо сказал: «Ага, понял. Анинхе и её малышу». Ангелина играла с Эрнани, они вместе катались на деревянной лошади Эрнани. Анинха (Ана) была служанкой, работавшей и у Лопесов, и у их соседей. Ангелина очень любила её.

6. Когда Альфонсо было чуть менее шести лет и он ещё не ходил в школу, он зашёл на кухню, где мать готовила завтрак. Он заметил на столе салфетку в красную клетку и сказал: «Гляди, мама! В такой салфетке я носил обед в школу – я ведь снова буду брать её с собой, когда вернусь в школу?» Когда Ангелина ходила в школу, Ирма иногда давала ей что-нибудь поесть с собой, чтобы она могла после полудня подкрепиться (завтракала она дома). Ирма заворачивала бутерброды в салфетку в красную клетку.

7. Через несколько дней Альфонсо пошёл в школу. Прошло насколько месяцев, и он сказал матери, что учительница хочет поговорить с ней. Ирма Лопес не без некоторого замешательства пошла в школу, где учительница сообщила ей о том, что Альфонсо называл себя девочкой; она посоветовала Ирме сводить его к врачу. Учительница также сказала Ирме, что Альфонсо, говоря о себе, использовал женский род. (В португальском языке, как и во французском, хинди, бирманском и некоторых других языках, некоторые слова – например, относящиеся к говорящему прилагательные и причастия, – изменяются согласно его половой принадлежности.)

Когда Альфонсо использовал такие формы слов, учительница поправляла его: «Ты мальчик, а не девочка!» Но Альфонсо упорствовал: «Нет, девочка!»[43] Ирма Лопес поговорила об этой проблеме с Франциско Маркесом Родригесом, и он заверил её, что Альфонсо перерастёт

[43] Другие исследуемые в случаях с переменой пола, применявшие по отношению к себе формы словообразования, присущие полу предыдущей личности, – это Рани Саксена, Ма Хтве Уин, Санджив Шарма, Ма Мьинт Мьинт Зау, Ма Мьинт Тхейн, Ма Хтве Йинь и Ма Тин Йи.

привычку говорить о себе в женском роде, и он в самом деле перестал считать себя девочкой. После того как учительница пожаловалась на то, что Альфонсо говорит о себе в женском роде, Ирма сама иногда стала замечать, что Альфонсо применяет такие формы словообразования. Он перестал делать это примерно в семилетнем возрасте.

8. Спустя некоторое время Альфонсо, вернувшись из школы, попросил у матери стакан. Решив, что он хочет пить, она ответила, что он может и сам налить себе воды. Альфонсо сказал: «Нет, у меня другое». Затем он достал стакан, засунул его в чулок, взял иголку и начал делать вид, будто штопает чулок. При этом он заметил: «Как же давно я не делал это». Когда семья жила в Лорешe, одна из её золовок работала в швейной мастерской, где она штопала чулки. Ангелина часто приходила посидеть у тёти и играла в швею.

9. Когда Альфонсо было примерно семь лет, он много раз просил мать взять его с собой на «цыганскую реку», но Ирма Лопес не знала, что он хотел этим сказать. Примерно в это же время она взяла Альфонсо и его старшую сестру Августу в гости к одной из своих золовок и её детям, жившим в Лорешe. (Ранее я упоминал о том, что семья Лопесов переехала из Лорешa в Лиссабон в 1963 году, когда Альфонсо был один год.) Альфонсо, Августа и их двоюродные братья и сёстры вышли во двор поиграть. Когда они вернулись, Августа сказала, что Альфонсо напугал её тем, что перебежал через дорогу со словами о том, что он хочет посмотреть на мост. Ирма Лопес не могла припомнить поблизости ни одного моста. Альфонсо услышал, что упоминают мост, и сказал: «Да, я пошёл посмотреть на мост, но он сильно изменился, и там больше нет никаких цыган». Тогда Ирма Лопес вспомнила реку, о которой он говорил прежде. Она спросила его: «Эту реку ты хотел увидеть?» «Да, мама, – ответил Альфонсо. – Помнишь цыган, живших на её берегу? Я хотел помочь им постирать одежду». Желая испытать его, Ирма Лопес спросила: «А ты помнишь, в каком месте мы переходили реку?» Альфонсо ответил: «Нет, но зато я помню реку, цыган и мост. Теперь там большой мост, совсем не похожий на тот, что был там прежде». В письме Ирма Лопес объяснила, что в то время, когда умерла Ангелина, рядом с их домом не было церкви, поэтому на богослужения она обычно ходила в церковь другого прихода. Детей она брала с собой. Для того чтобы добраться до церкви, им нужно было перейти речку по грубому каменному мосту. Новый мост был достроен к моменту рождения Альфонсо.

После вышеописанного случая Ирма Лопес несколько раз спрашивала Альфонсо о каких-нибудь других воспоминаниях о жизни Ангелины, если таковые ещё имелись, но он говорил, что больше ничего не помнит. Он сказал, что когда он ложится спать, то перед тем, как заснуть, видит неопределённые образы далёкого прошлого, но не настолько ясные, чтобы их можно было описать.

10. В 1995 году, когда Альфонсо было 33 года, Ирма Лопес снова спросила его о том, что он помнит о прошлой жизни. Он ответил, что вспомнил смерть собаки, которая у них была. Он правильно сказал, что собака была маленькой, крапчатой масти. Кличку собаки он не мог вспомнить. Эта собака умерла примерно за два месяца до гибели Ангелины. Альфонсо правильно описал её.

Заявление Альфонсо о перерождении

Когда Альфонсо было три с половиной года, между ним и матерью состоялся такой диалог:

Альфонсо: Мама, почему мы живём на земле?
Ирма: Ты хочешь сказать, в этом самом месте?
Альфонсо: Нет, мама, почему мы рождаемся на земле?
Ирма (колеблясь): Понимаешь, сынок, мы…

Альфонсо: Мама, разве ты не знаешь? А я знаю!
Ирма: Ладно, тогда сам скажи.
Альфонсо: Сейчас здесь, а в другой раз там.

Слова сына ошеломили Ирму, поэтому она не стала развивать тему и потом сожалела о том, что не спросила Альфонсо, что означало это его «там».

Другие особенности поведения Альфонсо, связанные с предыдущей жизнью

Боязнь машин у Альфонсо. Ранее я уже рассказывал о том, что Альфонсо испугался, увидев по телевизору сцену, в которой грузовик чуть не сбил ребёнка. И всё же, не считая этого эпизода, Альфонсо в юном возрасте не выказывал никакого страха перед машинами.

Однако в возрасте 16 лет он вдруг начал бояться их. Постепенно этот страх убывал, и к 1997 году (а возможно, и ранее) он пугался, только услышав, как автомобиль резко тормозит. Водить машину он научился сам.

Неприязнь Альфонсо к местам, связанным с Ангелиной. Для того чтобы проверить реакцию Альфонсо, Ирма Лопес брала его с собой, когда ему было пять лет, на пляж рядом со школой, у которого погибла Ангелина, и на кладбище, где находилась её могила. Ничто в поведении Альфонсо не показало, что он узнал оба этих места. Он показал матери, что удивлён тому, что она водит его в такие места, погрустнел и рвался поскорее уйти оттуда. На пляже он даже расплакался и закричал, что хочет оставить это место. На кладбище его реакция была менее выраженной.

Другие важные особенности поведения Альфонсо

Не считая того, что Альфонсо говорил о себе в женском роде и интересовался шитьём (о чём рассказано выше, в заявлениях 3 и 8), он больше не демонстрировал в своём поведении ничего из того, что можно было бы отнести к женственности. У него не было желания носить одежду для девочек. Достигнув зрелых лет, он женился, и к 1997 году у него было уже двое детей.

Как и Ангелина, Альфонсо казался более приветливым – по крайней мере со своей матерью, чем две его (живые) сестры. И Ангелина, и Альфонсо вели себя по отношению к матери с подчёркнутой заботливостью.

Воспоминания, сохранившиеся у Альфонсо в 1997 году

Разговаривая с Альфонсо, я спросил его, помнит ли он ещё что-нибудь о предыдущей жизни. Он сказал, что до сих пор помнит следующее:

1. Деревянную лошадь. Он помнил, что сделана она была из дерева, что у неё были уздечка и хвост из натурального волоса. Это была не лошадь-качалка, у неё были колёса.
2. Собаку.
3. Как он с матерью смотрел сверху на реку, в которой плескались женщины. Он помнил склон над берегом.

Альфонсо сказал, что образы этих воспоминаний были столь яркими, что ему даже казалось, будто относятся они к событиям его собственного раннего детства. Он даже полагал, что мать путала его своими уверениями в том, что всё это было в жизни Ангелины. Эта полемика так обеспокоила его, что он даже решил поговорить с самим Франциско Маркесом Родригесом. Тот постарался объяснить Альфонсо, что у него и в самом деле сохранились воспоминания о жизни Ангелины.

Комментарий

У этого случая есть несколько особенностей, роднящих его со случаем Надеж Жегу. В обоих случаях семья потеряла маленького ребёнка, мать обезумела от горя, стремилась вернуть ребёнка, а позднее подмечала в поведении нового ребёнка признаки возвращения прежнего. В обоих случаях также имеет место разная половая принадлежность у исследуемого и связанной с ним умершей личности. И опять же в обоих случаях заявления ребёнка звучали без подготовки и обычно как реакция на какой-то предмет, событие или встречу, которые вызывали к жизни воспоминания. Для этих случаев характерно априорное убеждение матерей умерших детей в том, что люди перерождаются. Но если Ивон Эннуе верила в перерождение задолго до гибели своего сына, то Ирма Лопес приняла такую возможность не сразу, а лишь по прошествии какого-то времени.

Гедеон Хэйч

Этот случай выделяется одной необычной особенностью: европейский ребёнок вспомнил жизнь темнокожего члена племени, обитающего в тропиках.

Краткий обзор случая и его исследование

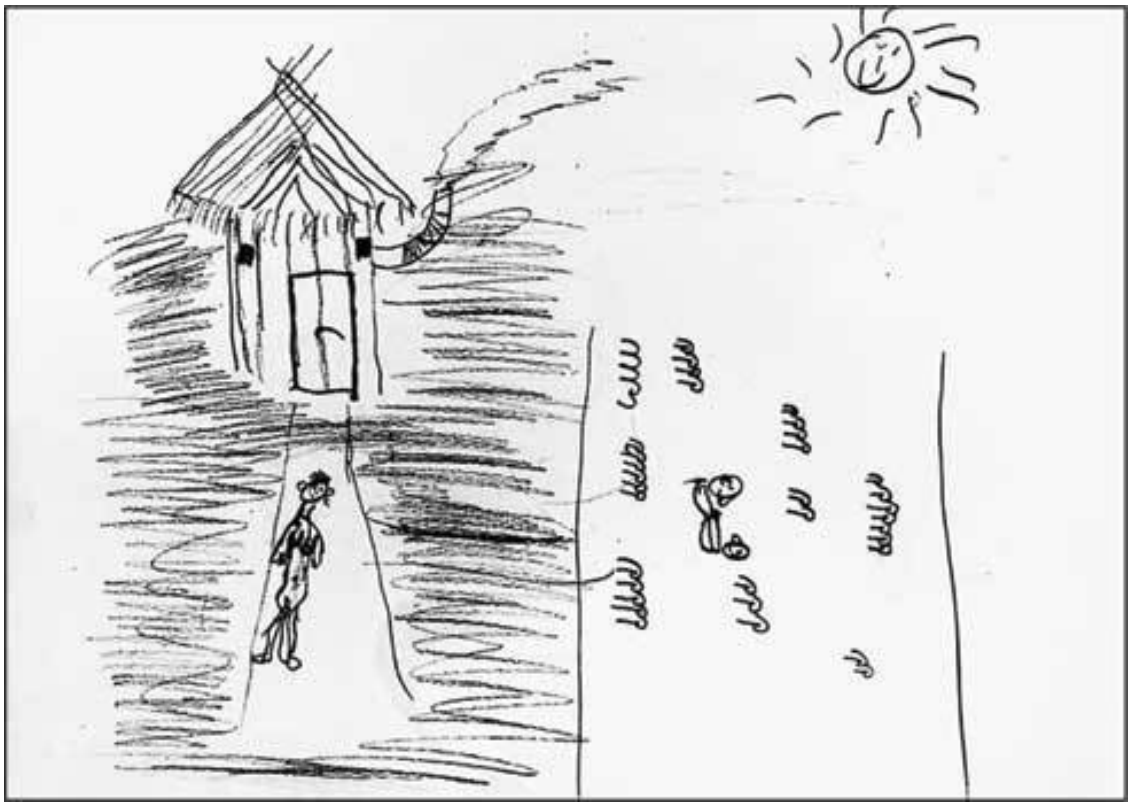
Гедеон Хэйч родился в Будапеште, Венгрия, 7 марта 1921 года. Его родителями были Субо Хэйч и его жена Элизабет. Он был у них единственным ребёнком. Родители Гедеона были весьма зажиточными; они развелись, когда Гедеону было примерно три с половиной года. В течение трёх или четырёх лет Гедеон жил с матерью, которая вела домашнее хозяйство на пару с сестрой. У её сестры была дочь примерно одного возраста с Гедеоном, поэтому в детстве они дружили. Когда Гедеону было семь лет, его отец оформил попечительство над ним; и, хотя детство Гедеона закончилось в доме отца, лето он проводил с матерью и часто общался с ней до конца года. Впоследствии Элизабет Хэйч снова вышла замуж, но уже после того, как Гедеон заговорил о предыдущей жизни.

В отличие почти от всех детей, вспомнивших прошлые жизни, Гедеон начал говорить об этом не в возрасте между двумя и четырьмя годами – первые указания на его воспоминания появилась между четырьмя и пятью годами. Его мать заметила, что, когда Гедеон и его двоюродная сестра рисовали, девочка всегда раскрашивала тело своих человечков розовым цветом, а Гедеон всякий раз изображал тёмно-коричневые фигурки. Когда Элизабет Хэйч однажды посоветовала Гедеону не красить лица его человечков столь тёмным цветом, он ничего не ответил и продолжил красить их в коричневый цвет.

Немного позже Элизабет Хэйч заметила, что её сын сопротивляется, вырывается и плачет, когда его уговаривают вместе с другими членами семьи поплавать в озере, на берегу которого стоял их семейный летний дом.

Когда Гедеону было от шести до семи лет, он однажды удивил мать вопросом о том, может ли так быть, что он уже жил прежде, чем стать её сыном. Она спросила его, почему он об этом подумал; тогда он сказал, что вспомнил о том, как он жил в другой стране с другими людьми.

Он сказал, что у него были жена и дети. Когда мать спросила его, где он провёл ту жизнь, он взял карандаш и бумагу и сделал набросок, приведённый на рисунке 7. Гедеон объяснил матери, что изображено на этом рисунке, и в заключение рассказал о том, как однажды на охоте он бросил копьё в тигра, попал в него, но не убил. Затем тигр прыгнул на него; а что было потом, он уже не помнил.

Наверху. Иллюстрация 7. На этом скетче Гедеона Хэйча мы видим круглый дом, женщину с длинными грудями и водоём поблизости. Внизу. Иллюстрация 8. На этом скетче Гедеона мы видим человека, охотящегося с луком, стрелой и бумерангом; шляпа человека лежит на земле справа

После Второй мировой войны Элизабет Хэйч перебралась в Швейцарию, в Цюрих, где основала школу йоги и руководила ею.

Несколько страниц своей автобиографической книги *Einweihung* («Посвящение») Элизабет Хэйч посвятила описанию воспоминаний Гедеона и сопровождающих их зарисовок. (Она не воспроизвела эти зарисовки в своей книге, которая была впервые издана в 1960 году.) В 1963–1964 гг. я проводил свой первый творческий отпуск в Цюрихе; в 1963 году я купил экземпляр книги *Einweihung*. Прочитав в ней сообщение о воспоминаниях Гедеона, я написал Элизабет Хэйч о моём желании подробнее узнать о том, что вспомнил Гедеон. Она сразу согласилась встретиться со мной. У нас были две долгие беседы, 13 февраля и 7 мая, оба раза в Цюрихе.

Во время нашей встречи 7 мая 1964 года Элизабет Хэйч показала мне «дневник», который она вела во времена детства Гедеона до того момента, когда он ушёл жить к отцу. Тогда ему было приблизительно семь или восемь лет. Дневник был написан по-венгерски, поэтому я не мог прочесть его. Однако даты в нём показали мне, что Элизабет Хэйч делала заметки часто, пусть и не каждый день. (Поэтому я закавычил слово «дневник».) Элизабет Хэйч также показала мне зарисовки, сделанные Гедеоном (рисунки 8–11), а помимо них ещё и бумажную куклу, которую он вырезал примерно тогда же, когда делал эти зарисовки.

В этих первых двух беседах и в последующей переписке Элизабет Хэйч ответила на многочисленные – ей могло показаться, что и бесконечные – вопросы, которыми я засыпал её. В нашей последующей переписке после моего возвращения в США она ответила даже на ещё большее число вопросов. Понимая всю серьёзность моих намерений написать книгу о европейских детях, вспомнивших прошлые жизни, она разрешила мне воспроизвести в моей книге пять рисунков Гедеона и процитировать в ней книгу *Einweihung* в любых объёмах.

22 марта 1972 года, когда я снова был в Цюрихе, я встретился с Элизабет Хэйч в последний раз. Позже в том же 1972 году, 26 ноября, я долго беседовал с Гедеоном Хэйчем в Женеве, где он тогда жил.

Заявления Гедеона о предыдущей жизни

Материал для этого раздела взят мной, главным образом, из немецкого издания *Einweihung* в моём переводе. Об одном более позднем заявлении Элизабет Хэйч сообщила мне в переписке.

Когда Гедеон впервые заговорил о своих воспоминаниях, он сказал:

Мои жена, дети и другие люди там [где он жил] не похожи на здешних людей; все они чёрные и совершенно голые [стр. 130].

Элизабет Хэйч спросила тогда Гедеона, где он жил. Далее она пишет:

Потом мальчик взял лист бумаги и карандаш и уверенно нарисовал хижину с конической крышей и столь своеобразным дымоотводом, что ничего подобного он никогда бы не мог увидеть в нашей стране [т. е. в Венгрии] (илл. 7). Перед хижиной он изобразил обнажённую

женщину с длинными, отвисшими грудями. Возле хижины был водоём с волнами и пальмами[44] на заднем плане.

Он показал мне этот рисунок и объяснил: «Мы жили в хижинах, похожих на эту, сами строили их. А ещё каждый человек делал себе лодку, выдалбливая и вырезая её из ствола дерева. Там была большая река, но в неё нельзя было заходить так же глубоко, как и в наше озеро здесь. В тех водах жило какое-то чудовище. Я не помню, как оно выглядело, но оно откусывало людям ноги, поэтому мы не заходили в воду. Теперь ты понимаешь, почему в прошлом году я так кричал, когда вы захотели, чтобы я вошёл в воду [озера]. Я боялся того, что и там в воде было существо, которое могло откусить мне ноги; и даже теперь у меня возникает такое чувство, когда я захожу в воду, хотя я знаю, что в здешних водах нет ничего опасного.

Мама, ты помнишь, как я хотел грести на лодке, которую мы купили для нашей семьи? Ты сказала мне, что сначала я должен научиться грести. Но я знал, что умею грести, потому что я мог заставить мою долблёнку двигаться по реке так, словно она была частью меня. Я даже мог, сидя в лодке, наклониться на один её борт, перевернуться под водой и вынырнуть уже с другой стороны, оставаясь в ней. Ты сказала: «Хорошо, попробуй грести. Ты сам поймёшь, что у тебя не получается». Как же вы все удивились, когда я взял одно весло, потому что длины моих рук не хватало для того, чтобы управляться с обоими вёслами, и показал вам, что я могу не только грести, но даже ловко управлять лодкой, виляя между другими лодками и людьми. На моей долблёнке там, где я жил, я мог делать что угодно. Видела бы ты меня тогда! Деревья не были похожими на те, что здесь. Они были вот такими». И он указал на деревья на рисунке. [Должно быть, тогда он уже сделал другой рисунок, см. илл. 8, поскольку на нём есть деревья, похожие на пальмы, а на илл. 7 их нет.] «Там были и другие растения, ничуть не похожие на те, что здесь. Гляди! Вот я стою и целюсь в большую птицу, а рядом со мной моя шляпа». [Шляпа лежит на земле у правой границы рисунка 8] [стр. 130–131].

Всё, что он нарисовал, составляло пейзаж, привычный для тропического края, с пальмами и другими растениями тех широт. Фигура, которая явно олицетворяла его, была типичным негроидом. Только шляпа показалась мне сомнительной. Она напоминала современную мужскую фетровую шляпу [европейского фасона]. Однако я не хотела смущать его или разжигать в нём фантазии, поэтому задавала вопросы осторожно. И всё же, поскольку он никогда в жизни не видел голых женщин, не считая, может быть, произведений искусства, на которых у женщин никогда не бывает отвислых грудей, я спросила его: «Почему ты нарисовал свою жену с такими длинными, отвисшими, уродливыми грудями?» Мой сын посмотрел на меня с изумлением, не понимая, как я вообще могла задать такой вопрос. А ответил он сразу, словно ответ был очевидным: «Потому что они были такими. И вовсе они не уродливы. Она была очень красивой».

Тогда я задала последний вопрос: «Какую сцену ты запомнил последней?» [Он сказал:] «Я охотился и наткнулся на тигра. Я бросил в него копьё, но не убил его. Тигр прыгнул на меня с торчавшим из него копьём. А что случилось потом, я не помню» [стр. 131].

В это же время или, возможно, позже Элизабет Хэйч попросила Гедеона объяснить ей назначение изогнутого предмета в воздухе, который можно увидеть на рисунке 8. Он ответил, что это метательное оружие, которое возвращается к тому, кто бросил его. Он сказал, что сам изготовил его. Он не использовал слово «бумеранг», и Элизабет Хэйч не подсказывала ему это слово[45].

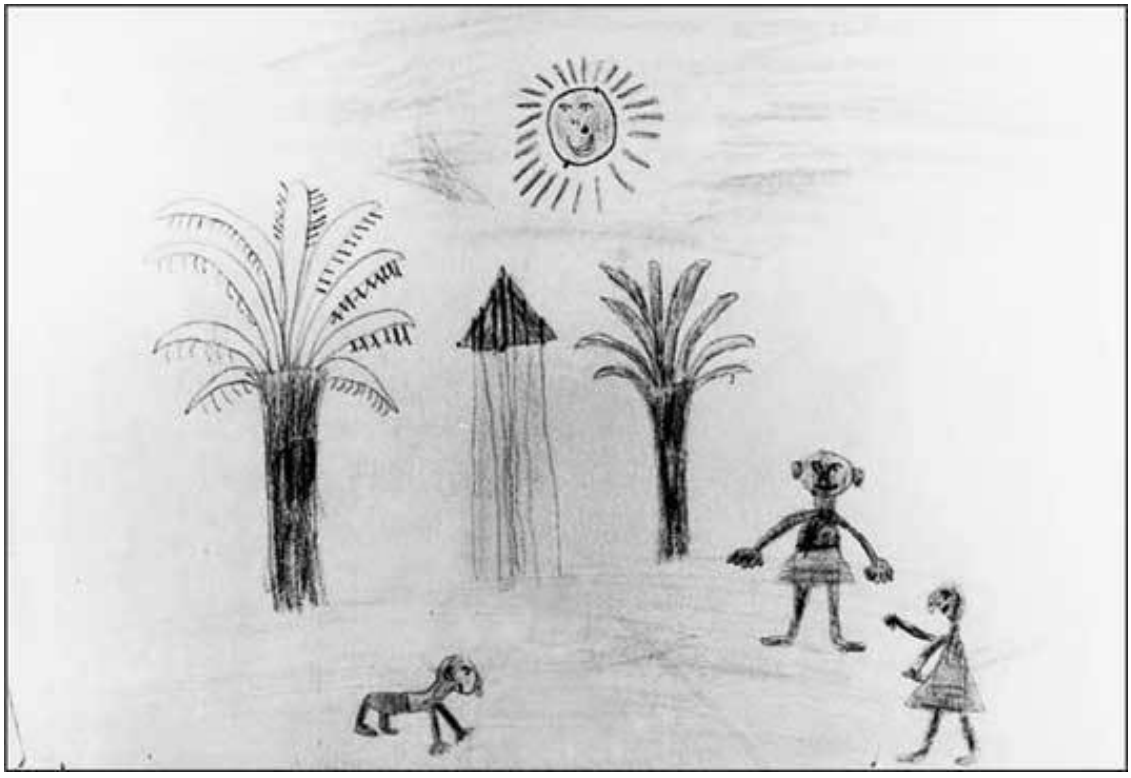

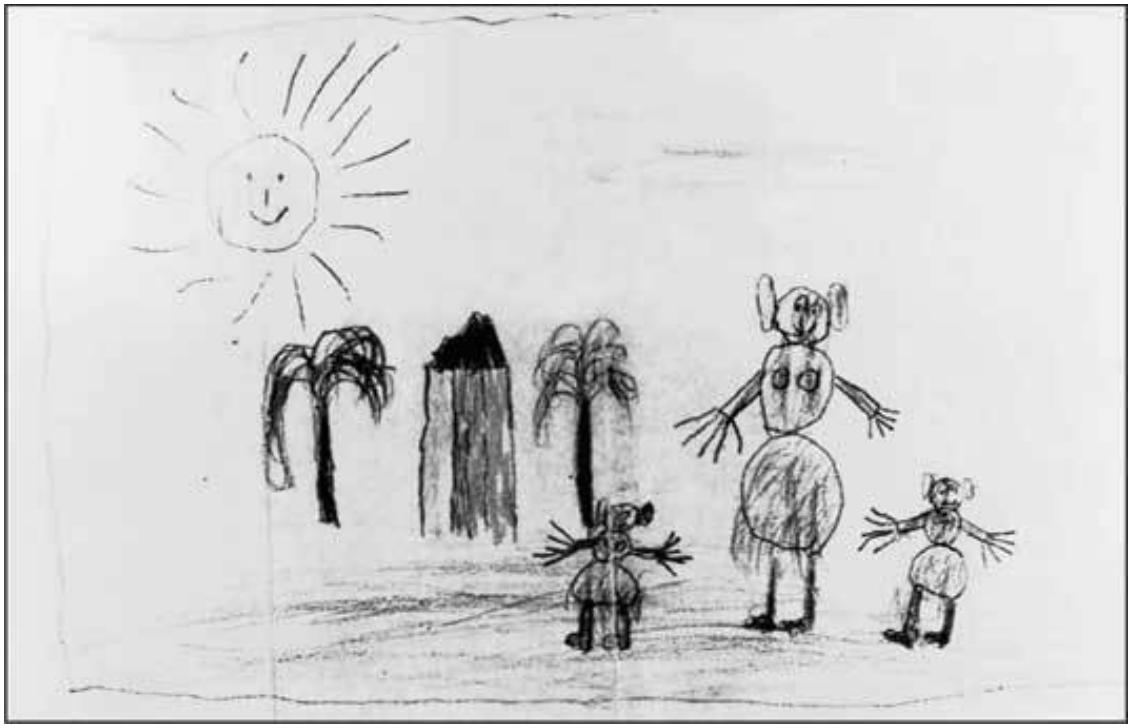
[44] На иллюстрации 7, к которой относится этот текст, пальм нет. Деревья, похожие на пальмы, были изображены на иллюстрации 8.

[45] Элизабет Хэйч не включила этот момент в *Einweihung,* но написала мне о нём в письме от 22 августа 1972 года.

Его рисунки, опубликованные здесь под номерами 7 и 8, были сделаны коричневым карандашом, что, однако, не делает очевидным коричневый цвет кожи людей, о которых рассказывал Гедеон. В рисунках 9 и 11, сделанных в какое-то другое время – возможно, ранее, применялись цветные карандаши; они показывают коричневый цвет кожи изображаемых людей. На большинстве рисунков нет дат; только один из них (илл. 10) датирован ноябрём 1927 года. Гедеону было тогда шесть с половиной лет.

После вышеприведённых заявлений Гедеон мало говорил о прошлой жизни. Элизабет Хэйч записывала некоторые дальнейшие заявления, которые он делал в отрочестве и юности.

Наверху. Иллюстрация 9. На этом скетче Гедеона Хэйча изображены темнокожие люди. Внизу. Иллюстрация 10. На этом скетче Гедеона Хэйча изображены темнокожие люди

Когда ему было 13 лет, к Элизабет Хэйч прибежал сосед и сказал, что Гедеон забрался высоко на тополь. Это дерево было высотой, по её оценкам, метров 20 или 25, и Гедеона можно было слышать, но не видеть за листвой. Она потребовала, чтобы он немедленно спустился, и он с неохотой подчинился. Она отметила, что спускался он осторожно, но ловко, «как обезьянка». Она спросила его, зачем он совершил такой опасный поступок. Он ответил, что построил гнездо на верхушке дерева, чтобы лакомиться попкорном наверху, где он намного вкуснее, и добавил: «Оттуда я прекрасно вижу все окрестности. Я могу оглядеть всё кругом!» На это Элизабет Хэйч ответила, что забираться так высоко опасно, и велела ему строить себе гнёзда на земле. Гедеон с недовольным видом повиновался, но добавил: «Хотел бы я знать, кто приглядывал за мной, когда я жил в джунглях и забирался на деревья, которые были даже выше этого, чтобы высмотреть дичь. Где ты была тогда?» Элизабет Хэйч нечего было ответить на этот вопрос, и тем не менее она настояла на том, чтобы Гедеон больше не лазил по деревьям.

Некоторое время спустя Гедеон пришёл домой из школы и сказал с раздражением: «Какая ерунда! Священник рассказывал нам о том, что мы живём только один раз. Но я знаю, что мы живём много раз. Я знаю об этом! Правда, в присутствии взрослых лучше помалкивать и даже не заикаться о таких вещах».

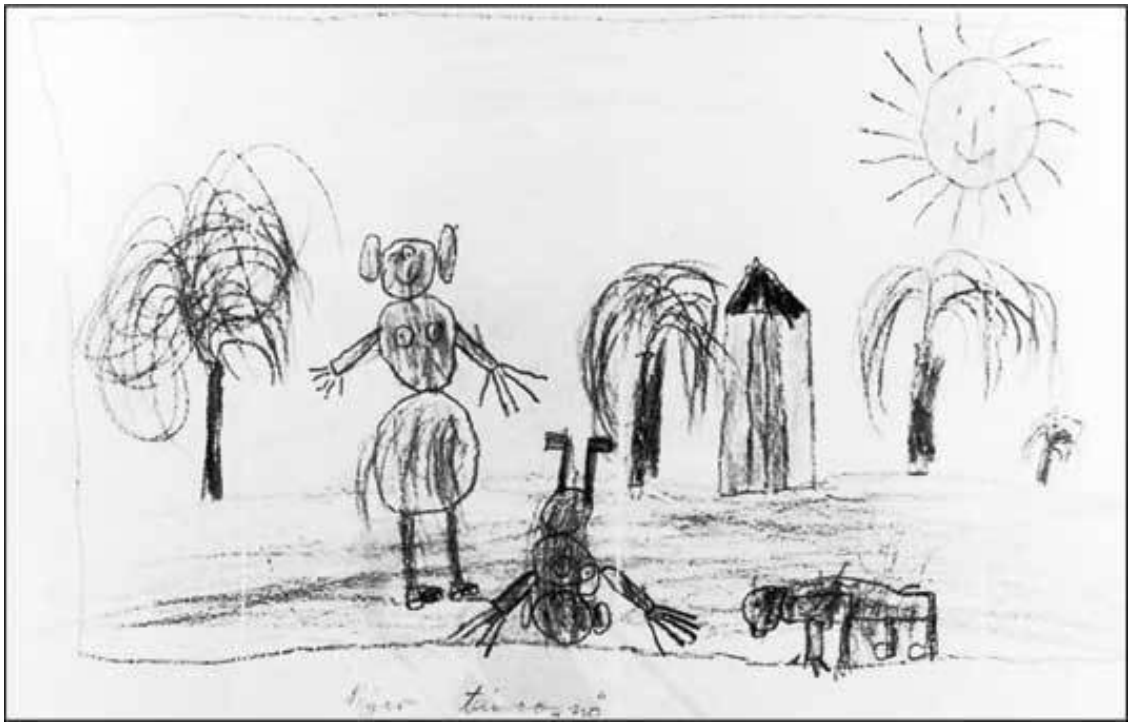

Иллюстрация 11. На этом скетче Гедеона Хэйча изображены темнокожие люди

Следующее заявление Гедеона прозвучало, когда ему было 15 лет. Он попросил мать купить ему джазовый барабан. Она согласилась, и они пошли в крупнейший музыкальный магазин, где Гедеон выбрал самый большой барабан. Дома Гедеон продемонстрировал удивительные навыки игры на барабане, отбивая сложнейшие ритмы. Казалось, он пребывал в экстазе, и на его глазах иногда блестели слёзы. Он так и не сказал, где научился подобным образом играть на барабане, но однажды, исполнив какой-то причудливый ритм, воскликнул: «Теперь ты знаешь, мама, как мы посылали друг другу сообщения на большие расстояния!»

Слова, которые Гедеон использовал и не использовал

Гедеон никогда не использовал такие слова, как «негр» или «Африка». Он никогда не уточнял, кем было «чудовище», жившее в воде и способное откусывать людям ноги. (Элизабет Хэйч полагала, что он подразумевал крокодила.) Для обозначения места, в котором он жил, Гедеон использовал венгерское слово; его немецким эквивалентом, как сказала Элизабет Хэйч, было слово «urwald», которое можно перевести как дебри или, если речь идёт о тропиках, как джунгли.

Гедеон в самом деле употреблял слово «тигр», но подразумевал ли он под этим словом именно тигра, остаётся неясным. Во время нашей беседы с Элизабет Хэйч 13 февраля 1964 года она сказала, что он использовал это слово как общее определение, указывая на любого крупного и свирепого зверя. Им мог оказаться как тигр, так и лев или леопард, или любое другое животное из семейства кошачьих. Однако во время нашей встречи 7 мая 1964 года она вспомнила, что как-то раз Гедеон обратил её внимание на одну книжную иллюстрацию с тигром. А ещё он, по её словам, указал однажды на тигра в зоопарке и сказал, что именно такой зверь, которого он тогда пытался убить копьём, прыгнул на него.

Особенности поведения Гедеона, связанные с прошлой жизнью

Обстоятельства и манера повествования Гедеона о прошлой жизни. В приведённом выше кратком обзоре этого случая я не описал событие, которое, как мне кажется, побудило Гедеона спросить его мать о том, может ли так быть, что он уже жил прежде, чем стать её сыном, после чего он рассказал ей о своих воспоминаниях. Сейчас я вернусь в эту отправную точку и ещё раз процитирую *Einweihung*. Когда Элизабет Хэйч спросила Гедеона, почему он решил, будто уже жил прежде, он ответил:

«Однажды в саду я увидел большого чёрного жука. Я аккуратно потыкал в него палкой. Жук перевернулся на спину и лежал так без малейшего движения как мёртвый. Мне стало интересно, что будет дальше. Я ждал, не отрывая от него взгляд. Прошло много времени, может быть, полчаса. Потом жук перевернулся и убежал. Увидев это, я вдруг подумал о том, что я уже жил когда-то. Просто так казалось, будто я умер, поэтому люди решили, что я мёртв. Но потом я ожил, как этот жук. Поэтому я здесь, снова живой. А это означает, что на самом деле я не был мёртв. И мне не даёт покоя один вопрос: скажи мне, мама, отчего каждое утро, когда я просыпаюсь и лежу с закрытыми глазами, у меня сразу возникает мысль о том, что я должен соскочить с кровати и идти на охоту, чтобы добыть пропитание для жены и детей? Только открывая глаза и оглядывая комнату, я вспоминаю о том, что я маленький мальчик, твой сын» [стр. 129–130].

Более поздние заявления Гедеона последовали, как я уже сказал, после того, как он залез высоко на дерево и когда играл на джазовом барабане.

Комментарий

Довольно необычно для семилетнего мальчика застыть на полчаса, вперив взгляд в такой объект, как жук. Элизабет Хэйч предположила, что когда Гедеон сделал это, он впал в некоторое подобие транса, способствующего появлению более чётких воспоминаний о предыдущей жизни, которую он тогда описал ей.

Боязнь воды у Гедеона

Элизабет Хэйч полагала, что панический страх перед водоёмами, проявившийся у Гедеона, когда она впервые попыталась заставить его поплавать в озере рядом с их летним домом в Венгрии, со временем прошёл. Она рассказывала, что в конце концов он научился плавать «как утёнок». Однако сам Гедеон сказал мне (в 1972 году), что у него ещё оставался некоторый страх перед водой. Он умел плавать и плавал. Но он заметил, что каждую весну перед тем, как он, открывая сезон, входит в воду, ему бывает очень не по себе. Он не боялся заходить в плавательный бассейн, ему было страшно только погружаться в воды незнакомой реки или озера. Из-за этих постоянных опасений он начал думать, что в предыдущей жизни он утонул, то есть в конечном итоге версия его гибели отличалась от той, которую он назвал матери в раннем детстве.

Другие особенности поведения Гедеона, связанные с предыдущей жизнью

Гедеон не стремился читать о жизни африканских негров. «Какой в этом смысл? – сказал он. – Я всё равно лучше знаю тамошнюю жизнь; и мне не нужно знать, что думают о ней белые люди. А когда я читаю правильные описания, то плачу, хотя и стараюсь сдерживаться». Это замечание он сделал уже в зрелые годы. Однажды Элизабет Хэйч и Гедеон сходили по случаю в кино на фильм о жизни негров, видимо, африканских. В то время Гедеон был лётчиком BBC. Несмотря на темноту, она заметила, что в течение сеанса он плакал и даже рыдал навзрыд.

Навыки Гедеона

Я уже описывал необычные навыки Гедеона, которым он не обучался и тем не менее демонстрировал, когда грёб в лодке одним веслом, залезал высоко на дерево и играл на барабанах. Способность Гедеона управляться с лодкой особенно впечатлила Элизабет Хэйч.

Другие важные особенности поведения Гедеона

Гедеон никогда не боялся тигров, леопардов, кошек или других животных семейства кошачьих.

Возможности проверки полученных от Гедеона сведений о жизни в тропиках

Элизабет Хэйч писала в *Einweihung:* «Я знала, что у него [Гедеона] никогда не было возможности увидеть книги об Африке. Я была в курсе всего, что он делал и чем был занят». В другом месте своей книги она писала: «Он никогда не был в кинотеатре и не читал никаких книг об Африке». В его семье никогда не было ни социальных, ни деловых связей с Африкой или Индией. Гедеон никогда не был знаком с неграми. В нашей беседе 7 мая 1964 года, а потом ещё раз, в нашей более поздней переписке, Элизабет Хэйч подчеркнула невозможность того, что Гедеон мог приобрести знания о жизни в тропиках обычным способом. Однако сама она, должно быть, несколько сомневалась на этот счёт, поскольку в *Einweihung* она писала, что комплименты Гедеона в адрес длинных отвислых грудей его жены из прошлой жизни «убедили меня в том, что он никогда не мог слышать об этом».

А между тем крокодила и тигра он видел в зоопарке.

Отношение Элизабет Хэйч к заявлениям и поведению Гедеона

Элизабет Хэйч была воспитана в духе традиционного для Венгрии христианства. Вместе с тем у неё не было предубеждений против явлений, которые в наши дни называют сверхъестественными. В молодости она экспериментировала со «столоверчением» и автоматическим письмом. У неё самой ещё до того, как Гедеон заговорил о прошлой жизни, были предположительные воспоминания о двух прежних жизнях. Одно из них возникло во сне, другое – в похожем на транс состоянии, когда её глаза были открыты. Таким образом, она ясно осознавала возможность прошлых жизней. Тем не менее она выслушивала Гедеона, не пытаясь убедить его говорить больше, чем он желал сказать в данный момент. Она написала (в *Einweihung*), что после первого проявления его воспоминаний, когда он сделал два наброска, представленных здесь на рисунках 7 и 8, она *«взяла его скетчи и положила их в дневник, который хранила с*

самого его рождения. Я больше не задавала никаких вопросов. Я не желала разжигать фантазии и также не хотела, чтобы он глубоко погружался в эти воспоминания» (стр. 131).

Несмотря на то, что Элизабет Хэйч уверилась в том, что Гедеон действительно рассказывает о прошлой жизни, её всё же беспокоило, что ребёнок из венгерской буржуазной семьи 1920-х годов полагает, будто свою предыдущую жизнь он провёл в Африке. Другие члены её семьи, узнавшие о том, что говорил Гедеон, выражали такую же озабоченность.

Позже у Элизабет Хэйч были и другие видения, на этот раз о прошлой жизни в Древнем Египте. По её мнению, Гедеон присутствовал в той её жизни, когда она дурно обошлась с ним. Тогда он сбежал из Египта к племенам, обитавшим где-то в Африке, где он жил, умер и переродился негром. И всё же он, верила она, сохранив с ней связь, родился снова уже как её сын.

Это толкование допускало странные слова Гедеона, с которыми он обратился к матери примерно за шесть месяцев до того, как прозвучали его первые заявления о прошлой жизни. В то время Гедеон серьёзно заболел; у него был сильный жар, лимфатические железы увеличились. Врач вколол ему «сыворотку», после чего он начал бредить. Целых пять дней Элизабет Хэйч оставалась с ним сутки напролёт, почти всё время держа его на руках. Один раз, когда она попыталась немного изменить позу, Гедеон вцепился в неё и закричал: «Нет, нет! Держи меня! Если ты будешь всё время просто крепко держать меня, то я прощу тебе весь вред, который ты причинила мне». И поскольку Элизабет Хэйч была для Гедеона, по её мнению, матерью любящей и заботливой, то она была обескуражена этим заявлением Гедеона. Она спросила Гедеона, что же она сделала ему такого, чтобы нуждаться в его прощении. Мальчик ответил, что он не знает, и повторил, что если она будет только сидеть на месте и крепко держать его, то он простит ей всё.

Комментарий

Предполагаемые воспоминания Элизабет Хэйч о её собственной прошлой жизни в Египте, как и своеобразное истолкование странного заявления Гедеона о прощении, когда он бредил в лихорадке, остаются непроверенными и на самом деле являются непроверяемыми. Истина может заключаться в перемене убеждения Элизабет Хэйч. Заявление Гедеона о прощении, возможно, сохранялось в уме Элизабет Хэйч на более низких уровнях сознания до тех пор, пока наконец не породило фантазию, которая, как казалось, объясняла потребность в таком прощении. Сейчас я не могу сказать, какое объяснение нам следует предпочесть.

Физический облик Гедеона

Радужка у Гедеона была голубого цвета, а волосы – русого. Волосы у него были прямыми, без малейшего намёка на кудри, иногда называемые курчавыми волосами, характерные для африканцев. Его губы не были пухлыми, как часто бывает у африканских негров. В общем, он походил на типичного европейца.

Последующее развитие Гедеона

Когда я встретился с Гедеоном в 1972 году, он сказал мне, что в подростковом возрасте он был ненормально низкорослым и худым. Это подтолкнуло его в возрасте 16 или 17 лет заняться хатха-йогой (разновидностью йоги, делающей упор на упражнения и позы для укрепления физического здоровья). Его учителем был С. Р. Есудиан, преподававший йогу также его

матери и впоследствии работавший в её школе йоги. Практика йоги очень помогла Гедеону; в конечном итоге преподавание йоги стало делом его жизни.

Во время Второй мировой войны Гедеон вступил в венгерские военно-воздушные силы и стал лётчиком; его самолёт был сбит, а сам он был ранен. В остальном война для него закончилась более-менее благополучно – он эмигрировал в Канаду и какое-то время руководил центром йоги в Ванкувере. Прожив несколько лет в Канаде, в 1957 году он вернулся в Европу и обосновался в Женеве, где снова руководил школой йоги. Помимо школы, основанной им в Женеве, у него были её филиалы в Базеле и Лозанне.

Когда мы встретились с Гедеоном в ноябре 1972 года, ему был 51 год. Он полагал, что у него ещё остались какие-то воспоминания о прошлой жизни, но картины были смутными. Я упоминал ранее о его извечном страхе погружаться в незнакомые водоёмы, отчего он думал, будто в предыдущей жизни он утонул. Когда я обратил его внимание на то, что он сказал в детстве о своей охоте на тигра, он попытался устранить противоречие, предположив, что он мог упасть в какой-то водоём после того, как бросил копьё в зверя. (В разговоре со мной он не использовал слова «тигр»; мы говорили по-французски, и он использовал слово «fauve», которое лучше всего перевести как «дикий зверь».)

Несмотря на своё увлечение йогой, Гедеон мало интересовался азиатскими религиями и никогда намеренно не изучал их. К Индии его не тянуло. Скорее, у него было сильное чувство родства с Африкой, хотя он никогда не бывал на этом континенте.

Где Гедеон мог провести описанную им жизнь?

Сведения, полученные нами из заявлений и рисунков Гедеона, не позволяют нам отнести описанную им жизнь к какому-то конкретному обществу. Пальмы и какие-то тряпки в лучшем случае вместо одежды указывают нам на жизнь в тропиках. В настоящий момент я поставил себе скромную задачу не выяснить окончательно, а лишь прикинуть, подходят эти элементы больше Африке или Южной Азии, возможно, Индии. Мне также хотелось бы получить ответ на вопрос о том, отражают ли все эти рассказы жизнь в Африке или в Индии.

Ряд черт, описанных или нарисованных Гедеоном, присутствуют в племенах как Африки, так и юга Азии: темнокожие люди носят (в некоторых регионах) минимум одежды или ходят в обнажённом виде; там водятся крокодилы; растут пальмы; охотятся с копьями, луками и стрелами; там есть круглые хижины с коническими крышами и трубами для отвода дыма; там есть и долблёные лодки.

Другие элементы могут иметь больше ценности для установления места действия – это бумеранги и шляпа той формы, какую придал ей Гедеон (на рисунке 8); обмен сообщениями посредством барабанов. Бумеранги обычно отождествляют с аборигенами Австралии. Но ими пользовались также на юге Индии и в Африке (Burton, 1987; Ruhe, 1982; Thomas, 1991). Шляпы, напоминающие формой ту, что нарисовал Гедеон, носят некоторые сельские жители в Африке. Их изготавливают из тростника. Предположительно, шляпы такой формы носят и в других частях Африки, а также кое-где в Индии. Круглые хижины мы находим, конечно, в западной части Африки (илл. 12).

Обмен сообщениями посредством барабана представляется мне сугубо африканской чертой.

Использованное Гедеоном слово «тигр» поначалу я счёл конкретным обозначением, я дважды обсуждал этот момент с Элизабет Хэйч. Я спрашивал её: «Гедеон использовал общее слово для обозначения всего семейства кошачьих, подразумевая его крупных представителей, или же хотел указать именно на тигра (Felis tigris), обитающего исключительно в Азии?» К сожалению, Элизабет Хэйч дала два ответа на этот вопрос. Когда я обсуждал с ней этот момент в феврале 1964 года, она сказала, что Гедеон, должно быть, имел в виду вообще семейство

кошачьих, но, когда я вернулся к этой теме во время нашей второй беседы в мае 1964 года, она полагала, что он хотел указать на тигра, обитающего в Азии. И она подкрепила своё мнение словами о том, что однажды он указал на тигра в книжной иллюстрации, а также на живого тигра в зоопарке (скорее всего, в Будапеште), заявив о том, что именно такие животные убили его в прошлой жизни; он сказал, что помнит об этом. Навряд ли второе заявление Элизабет Хэйч снимает все сомнения. Гедеон мог узнать тигра на фотографии и тигра в зоопарке как животное, похожее на то, что убило человека, жизнь которого он вспомнил. Однако я вовсе не собираюсь навязывать это мнение моим читателям.

Иллюстрация 12. Фотография круглых хижин в Африке (фото Яна Стивенсона)

Размышляя над вопросом о том, где проходила описанная Гедеоном жизнь, нам следует оценить степень его уверенности в том, что это происходило в Африке, родство с которой он ощущал. Но даже при таком условии мы должны ещё как-то объяснить его интерес к йоге, которую он в конечном счёте начал преподавать. Йога происходит из Индии и никак не связана с Африкой.

Его живой интерес к йоге, возможно, был порождён – и, безусловно, подогревался – увлечением его матери.

Я вижу, что все эти моменты и особенности во всей их совокупности позволяют нам с уверенностью говорить лишь о том, что прошлая жизнь Гедеона, которая, по его словам, у него была, прошла в каком-то племени, в тропическом регионе Африки или Южной Азии. Если мы решим, как я уже склонен думать, что Гедеон использовал слово «тигр», даже когда указывал на тигра в зоопарке, подразумевая всё семейство кошачьих, тогда мы можем вынести решение в пользу жизни в Африке.

Комментарий

Читатели заметят, что я не могу решить, какой район тропиков лучше всего подходит к утверждениям и особенностям поведения Гедеона в юности. Однако в одном я уверен: мы

не силах объяснить ни его детские рисунки, ни его необычное поведение генами и влиянием окружающей среды, по отдельности или вместе взятыми.

Эйнар Йонссон

В этом случае исследуемый не называл ни имён, ни географических наименований. Тем не менее люди, рассказавшие мне об этом случае, полагали, что его заявления относились к одному молодому человеку, который был сводным братом отца исследуемого. Изучив этот случай, я пришёл к такому же выводу.

Краткий обзор случая и его исследование

Эйнар Йонссон родился 25 июля 1969 года в Рейкьявике, Исландия. Его родителями были Йон Нильссон и Хельга Харальдсдоттир[46]. Эйнар был их единственным ребёнком. Йон Нильссон был плотником. Родители Эйнара были членами лютеранской церкви.

В первые годы жизни Эйнара его родители редко жили вместе. Эйнар оставался с матерью, жившей тогда в Рейкьявике с родителями. В то время Хельга Харальдсдоттир работала, и об Эйнаре заботилась, главным образом, мать Хельги; со временем он стал ходить в обычный детский сад. Йон Нильссон, по-видимому, в течение ранних лет жизни Эйнара виделся с ним нечасто; он ничего не рассказывал о том, что Эйнар говорил о предыдущей жизни.

Говорить Эйнар начал примерно в полтора года. Когда ему было два года, он начал рассказывать о каком-то погибшем трактористе. Он также сказал, что у него была другая мать, которая умерла. Потом он начал рассказывать о ферме с коровами, овцами и лодкой. Он описал находившийся там большой дом, позади которого возвышалась необычная гора. Он упомянул пожар и несчастный случай с лодкой.

Семья Эйнара полагала, что его заявления относились к жизни и смерти молодого человека по имени Харальд Олафссон, погибшего в результате несчастного случая на тракторе за неделю до рождения Эйнара.

Корреспондент в Рейкьявике Гейр Вильялмассон сообщил мне об этом случае в письме от 10 марта 1973 года. Я послал эти сведения доктору Эрлендуру Харальдссону, который через несколько месяцев побеседовал с Хельгой Харальдсдоттир и прислал мне отчёт о её заявлениях в ноябре 1973 года. К этому времени Эйнару было четыре года, и вскоре после этого он перестал говорить о предыдущей жизни. (Он не отвечал, когда Эрлендур Харальдссон пытался заговорить с ним.)

В 1980 году я был в Исландии, и 16 августа я долго разговаривал с родителями Эйнара. (Доктор Харальдссон присутствовал при этом, но переводить ему было не нужно.)

В последующие годы для меня становилось всё более очевидным то, что нам нужно побеседовать с бабушкой Эйнара по отцу, которая была также матерью Харальда Олафссона. Её звали Мартой Сигурдсдоттир; в 1985 году я вернулся в Исландию, чтобы побеседовать с ней. Она любезно приехала из своего сельского дома в Рейкьявик, где мы и встретились 11 апреля. Для этой встречи я нуждался в докторе Харальдссоне как в переводчике. Эйнар и его мать присутствовали на этой встрече и предоставили некоторые дополнительные сведения. К тому времени Эйнару было почти 16 лет.

В нескольких заявлениях Эйнара упоминался дом, в котором жил Харальд, и прилегающая к нему территория. Тогда я ещё не проверил эти сведения; единственный способ сделать это состоял в том, чтобы съездить в Лёйваус. Для этого пришлось беспокоить доктора

[46] Исландские фамилии всегда включают в себя имя отца как указатель с использованием суффикса: для мужчин это «ссон», а для женщин – «сдоттир». Когда женщина выходит замуж, её фамилия не меняется.

Харальдссона, чтобы он сопровождал меня; но он великодушно согласился поехать со мной. Вместе мы выехали из Рейкьявика и добрались до Лёйвауса 23 октября 1999 года. Там мы ещё раз побеседовали с Мартой Сигурдсдоттир, а также поговорили с Олафом Петурссоном, отцом Харальда, который подтвердил одно из заявлений Эйнара. Мы смогли также лично осмотреть дом и территорию вокруг него, проверяя точность утверждений Эйнара.

Важная информация о родственниках Эйнара со стороны отца

Бабушка Эйнара по отцу, Марта Сигурдсдоттир, была замужем дважды. От первого мужа, Нильса Ларуссона, у неё был один сын, Йон Нильссон (отец Эйнара). От второго мужа, Олафа Петурссона, у неё было четверо сыновей, из которых Харальд Олафссон был вторым. Харальд Олафссон был примерно на восемь лет младше своего сводного брата Йона Нильссона.

Марта Сигурдсдоттир и её первый муж Нильс Ларуссон жили в Рейкьявике, а потом, когда Йону Нильссону было примерно пять лет, она переехала в местечко под названием Лёйваус, расположенное недалеко от города Акюрейри. В Лёйваусе у её второго мужа, Олафа Петурссона, была ферма. Её четверо детей, рождённых позже, появились на свет в этом районе. Йон Нильссон оставался в Лёйваусе до 16 или 17 лет, а потом вернулся в Рейкьявик, возможно, для продолжения образования. Йон Нильссон 12 лет прожил в Лёйваусе, поэтому уверенно ориентировался в той местности. И он, разумеется, хорошо знал Харальда Олафссона, несмотря на то, что Харальд был примерно на восемь лет младше его. Когда он уехал из Лёйвауса, Харальду было примерно девять лет. Заявления Эйнара проверял в основном он.

В отличие от Йона Нильссона, Хельга Харальдсдоттир (его жена и мать Эйнара) никогда не знала Харальда Олафссона. Кроме того, она не бывала в Лёйваусе до того, как отвезла туда Эйнара, когда ему было примерно пять лет.

Жизнь и смерть Харальда Олафссона

Харальд Олафссон родился в Акюрейри 22 мая 1955 года. Его родителями были Олаф Петурссон и Марта Сигурдсдоттир. Один сын у них уже был, и ещё двое появились на свет уже после рождения Харальда.

Я узнал только об одном необычном событии из жизни Харальда, закончившейся его безвременной смертью в возрасте примерно 14 лет. Его детство было, очевидно, таким же, как и у любого обычного мальчишки, который рос и работал на ферме в Исландии.

Когда Харальд был ребёнком – возраст я не выяснил, – одно из (ахиллесовых) сухожилий на его лодыжке случайно порвалось и было сшито хирургическим путём. Какое-то время после этого он хромал, но травма эта в конце концов зажила.

Водить трактор он научился, видимо, ещё в юном возрасте. 18 июля 1969 года он поехал на одном из тракторов своей семьи на сопредельную ферму помочь соседу косить траву. Когда он закончил работу и поехал на тракторе домой, то в какой-то момент съехал с дороги и опрокинулся. Погиб он мгновенно. Тело обнаружил прохожий. Его забрали в Акюрейри, где было проведено расследование причины этого несчастного случая. Семья Харальда так и не узнала из него, что, по мнению врачей, стало непосредственной причиной его смерти или, на их языке, летального исхода телесных повреждений; они полагали, что умер он из-за серьёзной травмы головы.

Доктор Харальдссон прислал мне копию короткого газетного сообщения о том несчастном случае, в котором погиб Харальд. Оно было опубликовано в ведущей газете Исландии *Morgunbladid,* с указанием причины и даты смерти Харальда.

Заявления, сделанные Эйнаром

В таблицу 1 я внёс все сделанные Эйнаром заявления, которые запомнила Хельга Харальдсдоттир. По её словам, он сделал их все до того, как ему исполнилось четыре года. В 1980 году она сказала мне, что в возрасте примерно семь лет Эйнар говорил о хромом человеке (заявление 4 в таблице 1); а между тем ранее, в 1973 году, она сказала доктору Харальдссону, что заявление о хромом человеке Эйнар сделал, когда ему было только четыре года.

Эйнар никогда не упоминал имена людей и названия мест. Возможно, некоторые заявления, сделанные им, мы не записали. Доктор Харальдссон в 1973 году заметил, что, по словам Хельги Харальдсдоттир, Эйнар «говорит о его [Харальда] дядях, тётях и двоюродных братьях и сёстрах». Однако мне Хельга Харальдсдоттир не упоминала о заявлениях об этих людях ни в 1980, ни в 1985 годах, а у меня не было возможности расспросить о них.

Иллюстрация 13. Вид фермерского дома и горы необычной формы позади него в Лёйваусе. Фермерский дом представляет собой тёмно-коричневое строение далеко слева (фото Эрлендура Харальдссона)

Из 16 заявлений, внесённых в таблицу 1, 13 соответствуют жизни и смерти Харальда Олафссона, а 3 выглядят несоответствующими.

Когда Эйнару было пять лет, Хельга Харальдсдоттир взяла его с собой в Лёйваус, там он провёл лето. Я спросил её, не заметила ли она свидетельства того, что он знаком с этой фермой и окрестностями. Она сказала, что Эйнар остался безучастным, тогда как сама она узнала её! Она предположила, что это произошло благодаря точности описания Эйнаром большого сельского дома и горы странной формы позади него. Иллюстрация 13 показывает, что она увидела, когда приехала в Лёйваус.

Особенности поведения Эйнара, связанные с предыдущей жизнью

Обстоятельства и манера повествования Эйнара о предыдущей жизни. В отличие от большинства исследуемых в случаях, включённых в эту книгу, Эйнар никогда прямо не заявлял о том, что у него была предыдущая жизнь. Он говорил как наблюдатель, следивший за событиями, происходившими с каким-то другим человеком[47].

Однако это не означает, что его не мучил вопрос его личности и личностей его родителей. Он не признавал мать и какое-то время даже не позволял ей прикасаться к себе. Он просил отпустить его к «другой матери» и плакал, когда ему отказывали в его просьбе. В то же время он иногда говорил, что его «другая мать» мертва. Однажды, когда мать вела его домой из детского сада, встретившийся им на дороге приятель Эйнара спросил его, является ли Хельга его матерью. Эйнар ответил: «Нет, это не моя мама. Моя мама умерла». Иногда он говорил, что его бабушка по матери – у неё он тогда жил вместе с матерью – и была его настоящей матерью; но эта путаница не была отмечена, поскольку в другой раз он говорил, что эта бабушка ему не мать.

Если мать Эйнара задавала ему вопросы о подробностях, связанных с каким-нибудь сделанным им заявлением, то он никогда не отвечал на них. Например, он отказывался говорить о том, какого цвета были волосы его «другой матери».

Эйнар был склонен застревать на одной мысли. Хельга Харальдсдоттир говорила доктору Харальдссону о том, что он «часто говорит о своём старшем брате» и «часто упоминает большую гору в сельской местности».

Отношение Эйнара к своим родителям

Я уже упоминал о желании Эйнара уйти к «другой матери» (несмотря на его слова о том, что она мертва), сопровождавшемся непризнанием собственной матери. Эйнар не признавал и отца; в то время, когда его родители жили раздельно, он не радовался, когда отец приезжал повидаться с ним. Хельга Харальдсдоттир никогда не слышала, чтобы Эйнар говорил о том, что у него есть два отца, но ей сообщили о том, что он говорил об этом тем, с кем играл в детском саду.

Заявления Эйнара о том, что происходит на ферме в Лёйваусе в наши дни

Эйнар часто говорил о том, что происходило на ферме, словно он каким-то образом знал о том, что там делается. Например, иногда он высказывался следующим образом: «Сейчас моя бабушка готовит» или «Мой дедушка косит траву». Эти заявления никогда не проверялись[48].

Другие важные особенности поведения Эйнара

Эйнар не боялся тракторов или других транспортных средств.

---

[47] Дети, вспомнившие, по-видимому, свои прошлые жизни, редко говорят об умершем человеке в третьем лице, чаще они ведут речь от первого лица; но я уже изучил несколько других случаев с этой особенностью. Рассказы об этих случаях на момент издания данной книги я ещё не опубликовал.

[48] Некоторые другие исследуемые демонстрировали признаки сверхъестественной связи с членами семьи предшествующей личности. Исследуемые этой группы: Шамлини Према, Ниранкар Бхатнагар, Гнанатиллека Баддевитхана, Сварнлата Мишра и Сунита Кханделваль.

Последующее развитие Эйнара

Когда я встречался с Эйнаром в 1985 году, ему было 15 с половиной лет. Тогда он ходил в девятый класс. Он сказал, что ничего не помнит о предыдущей жизни. Никакого особого влечения к сельской или городской жизни он не испытывал. Ему больше хотелось изучать компьютеры.

Комментарий

В моих заметках, а также в моей переписке с доктором Харальдссоном об этом случае то и дело проскальзывают сомнения относительно того, можно ли рассматривать данный случай как прояснённый. Я хочу сказать: относятся ли заявления Эйнара к жизни и смерти Харальда Олафссона или кого-то другого? Сейчас мой ответ на этот вопрос – «да», пусть и с оговорками. Сами по себе аварии на тракторах не редки на фермах, но со смертельным исходом единичны. Многие заявления, сделанные Эйнаром о ферме, были бы справедливы для многих ферм, возможно, почти для всех. И всё же только на фермах у водоёма могут быть лодки, и не на многих из них живут хромые люди. К тому же, не у многих ферм есть гора необычной формы, причём именно на заднем плане. Мы не можем высчитать процент вероятности для этой группы особенностей; но я думаю, что большинство читателей согласится со мной в том, что вряд ли мы найдём их в полном составе на какой-либо ферме помимо той, на которой жил Харальд Олафссон.

Упоминания Эйнаром хромого человека необычны. Харальду Олафссону было только три или четыре года, когда его хромой дедушка по матери приехал пожить какое-то время в их доме. Его приезд и смерть позже в том же году имели место за 10 лет до гибели Харальда, в возрасте 14 лет. Однако в этом отношении данный случай не является уникальным. Хотя наибольшее число воспоминаний исследуемых не выходят за рамки времени смерти предыдущей личности, некоторые исследуемые, пусть и немногие, вспоминали и гораздо более ранние события из предыдущей жизни[49].

Этот случай также необычен своим коротким, семидневным, периодом между смертью предшествующей личности и рождением исследуемого[50].

Таблица 1. Перечень заявлений, сделанных Эйнаром

[49] Сварнлата Мишра была ещё одной исследуемой, которая помнила события, происходившие задолго до смерти предшествующей личности.

[50] Другие случаи с периодом в неделю или менее того между смертью предшествующей личности и рождением исследуемого принадлежат Кемилю Фахричи и Иззату Шухайибу.

Заявление	Источник информации	Свидетели	Комментарий
1. Трактор опрокинулся, человек погиб	Хельга Харальдсдоттир, мать Эйнара	Йон Нильссон, отец Эйнара, Марта Сигурдсдоттир, мать Харальда Олафссона, *Morgunbladid* от 22 июля 1969 года	Это верное заявление о гибели Харальда Олафссона. Эйнар никогда не делал прямые заявления, такие как: «Я вёл трактор, он опрокинулся, и я погиб»
2. У него был старший брат	Хельга Харальдсдоттир	Марта Сигурдсдоттир	У Харальда Олафссона был брат, Эйрикур Олафссон, который был старше его на один год
3. У него была ещё одна мать, которая умерла	Хельга Харальдсдоттир	Неверное утверждение	Марта Сигурдсдоттир ещё жива. Когда Эйнар делал это заявление, он ещё ни разу не встречался с ней, поэтому, с его точки зрения, её не было вовсе
4. Был человек, который хромал	Хельга Харальдсдоттир	Марта Сигурдсдоттир	Дед Харальда по матери, Сигурд Стефанссон, примерно полгода оставшейся жизни провёл с дочерью и её семьёй. В то время он хромал. Он умер в 1958 или 1959 году, когда Харальду было три или четыре года
5. Сельский дом был большим	Хельга Харальдсдоттир	Хельга Харальдсдоттир, я посетил этот сельский дом в 1999 году	Приехав туда в 1999 году, я сравнил этот сельский дом с другими домами такого же типа в том районе Исландии. Огромным он мне не показался, но был однозначно большим
6. За домом была гора	Хельга Харальдсдоттир	Хельга Харальдсдоттир, Марта Сигурдсдоттир, я видел и фотографировал этот дом и гору в 1999 году	Гора возвышается прямо позади дома
7. Эта гора была необычной формы	Хельга Харальдсдоттир	Хельга Харальдсдоттир, Марта Сигурдсдоттир	Одна сторона горы была, по сути, крутым утёсом. Такие горы с одной крутой стороной — довольно распространённое явление в Исландии. В исландском языке даже есть слово «nupur» для таких гор. (Сам Эйнар не использовал это слово.) В отличие от большинства гор в той части Исландии, которую мы проехали в 1999 году, гора в Лёйваусе была конической формы; вершины других гор были, как правило, плоскими. Одна сторона горы в Лёйваусе была уступчатой, с задней стороны сельского дома

8. Там были лошади	Хельга Харальдсдоттир	Марта Сигурдсдоттир	Марта Сигурдсдоттир сказала, что при жизни Харальда они владели не несколькими, а только одной лошадью
9. Там был сарай	Хельга Харальдсдоттир	Йон Нильссон, отец Эйнара	В 1999 году к тому сельскому дому примыкало несколько хозяйственных построек, но, на мой взгляд, они появились уже после смерти Харальда
10. Там была овчарня	Хельга Харальдсдоттир	Йон Нильссон, Марта Сигурдсдоттир	
11. Там был коровник	Хельга Харальдсдоттир	Йон Нильссон	
12. Овчарня и коровник сгорели	Хельга Харальдсдоттир	Неверное утверждение	Йон Нильссон, Марта Сигурдсдоттир и Олаф Петурссон не смогли припомнить ничего похожего на пожар на скотном дворе. Пожар действительно был, но не в надворных постройках, а в самом жилом доме, в 1969 году; он случился уже после смерти Харальда
13. У него были лыжи	Хельга Харальдсдоттир	Неверное утверждение	Ни у кого в семье не было лыж
14. У него был велосипед	Хельга Харальдсдоттир	Марта Сигурдсдоттир	Йон Нильссон не помнил, чтобы у Харальда Олафссона был велосипед, но он уехал из Лёйвауса, когда Харальду было девять лет; возможно, Харальд обзавёлся велосипедом позже
15. На ферме была маленькая лодка	Хельга Харальдсдоттир	Марта Сигурдсдоттир, Йон Нильссон	
16. Лодка была поломана	Хельга Харальдсдоттир	Йон Нильссон, Олаф Петурссон	Эта лодка использовалась главным образом для рыбалки. Осенью её выволакивали из воды и переворачивали. Йон Нильссон помнил, что она была «немного» повреждена при жизни Харальда. Марта Сигурдсдоттир не помнила никаких повреждений лодки при жизни Харальда. Олаф Петурссон помнил, что лодку вытащили на берег, где она была разбита разыгравшейся бурей. Он показал доктору Харальдссону и мне фотографию этой лодки. Она разрушилась при жизни Харальда

Дитта Ларусдоттир

Перед вами ещё один случай со скупыми сведениями. Однако скудость данных в этом случае позволяет рассказать о нём тем из вас, у кого есть дети, чтобы он послужил примером того, сколь эфемерными бывают порой свидетельства о предыдущей жизни у некоторых детей[51].

[51] Другие исследованные дети в таких случаях, сделавшие только два или три заявления о предыдущей жизни, это Генри Деммерт III, Грэхем Ле-Грос, Уилфред Робертсон и Пааво Сорса.

Краткий обзор случая и его исследование

Дитта Ларусдоттир родилась в Рейкьявике, Исландия, 3 января 1967 года. Её родителями были Ларус Йоханссон и Маргрет Олафсдоттир; в семье она была третьим ребёнком. Ларус, плотник, был вторым мужем Маргрет; оба они были лютеранами. Они развелись, когда Дитта была ещё малым ребёнком.

Когда мать Дитты, Маргрет, была беременна ею, младшая сестра Маргрет, Гудрун, увидела во сне умершую третью сестру, Кристин, которая дала понять в этом сне, что она переродится в облике дочери Маргрет.

Примерно через пару недель после рождения Дитты Маргрет заметила на её затылке явственную родинку (илл. 14).

Когда Дитте было примерно два с половиной года, она сделала два заявления, указывающие на воспоминания о жизни Кристин.

Иллюстрация 14. Родинка на голове Дитты Ларусдоттир в марте 1981 года, когда ей было 14 лет (фото Яна Стивенсона)

Члены семьи часто отмечали физическое сходство между Диттой и её тётей Кристин.

Доктор Эрлендур Харальдссон сообщил мне об этом случае, когда я был в Исландии в 1981 году. 5 марта 1981 года я долго беседовал (в Рейкьявике) с Маргрет Олафсдоттир. Мы также встретились с Диттой, которой тогда было 14 лет. Я осмотрел, зарисовал и сфотографировал её родинку.

6 марта доктор Харальдссон побеседовал с отцом Дитты, Ларусом Йоханссоном, по телефону. Я тогда присутствовал в кабинете доктора Харальдссона и сразу по завершении их диалога кратко записал его. И дедушка, и бабушка Дитты по матери умерли до 1981 года, а Гудрун Олафсдоттир, видевшая сон о Кристин до рождения Дитты, жила в то время в Пакистане. Таким образом, мать Дитты предоставила нам основную часть сведений об этом случае, кото-

рые я мог получить, но отец Дитты и полицейский отчёт о смерти Кристин дали ценное подтверждение некоторых подробностей дела.

В октябре 1999 года я снова был в Исландии, но ещё раз встретиться с Диттой и её семьёй у меня не было возможности. Доктор Харальдссон получил копию полицейского отчёта о несчастном случае, в котором погибла Кристин Олафсдоттир. Он также перевёл его для меня. Этот подробный отчёт включал в себя заявления трёх человек, включая мужа Кристин, давших показания о событиях, непосредственно предшествовавших её смерти.

Жизнь и смерть Кристин Олафсдоттир

В большой семье с 15 детьми Кристин была третьим ребёнком и третьей дочерью. Она родилась 10 ноября 1925 года. Её родителями были Олаф Лофтссон и Элинборг Сигурдсдоттир. После неё у них были дочери, из которых в этом случае Марта, Маргрет (мать Дитты) и Гудрун выступают действующими лицами. Все их дети были дочерьми. Жили они в Рейкьявике.

Когда Кристин было примерно три года, она упала и разбила затылок. Рана кровоточила. По причине недоступности врачебной помощи Олаф Лофтссон сам остановил кровотечение и перевязал рану. Потом он забыл об этой травме Кристин и вспомнил о ней, лишь когда Маргрет спросила его, не было ли у Кристин когда-нибудь травм головы.

До замужества Кристин посещала актёрскую школу и принимала участие в радиопостановках. Она вышла замуж примерно в 17 лет. Её муж, Эйнар Гримссон, не хотел, чтобы она играла; и, вероятно, после рождения детей у неё больше не оставалось на это времени. На момент её смерти у неё был трёхлетний сын и пятимесячная дочь. Они также жили в Рейкьявике.

Осенью 1947 года Кристин и Эйнар купили (с другом) новый дом, который не был достроен до конца. Тем не менее в свой новый дом они въехали. В доме были подвал и центральное отопление. Они установили стиральную машину, которая у них уже была, её просто перевезли в новый дом. Однажды вечером Кристин постирала кое-какую одежду в кипящем котле, а затем подошла с ней к отжимному катку стиральной машины. Коснувшись машины, она получила удар током, о чём сообщила Эйнару. Они решили не пользоваться этой стиральной машиной до тех пор, пока её не проверит электрик. Очевидно, она была неправильно подключена; возможно, отсутствовало заземление. Затем Эйнар пошёл к кому-то из соседей. Кристин осталась в подвале. Вдруг находившаяся наверху её сестра Софья – она гостила у них – услышала, что Кристин зовёт её. Спустившись в подвал, Софья увидела, что Кристин крепко вцепилась правой рукой в стиральную машину. Она побежала к соседу за помощью. Он прибежал быстро и отключил в доме электричество. Однако к этому времени Кристин уже умерла. Она погибла 6 ноября 1947 года в возрасте 22 лет. Её сестре Маргрет (матери Дитты) было тогда примерно 14 лет. Кристин была человеком добрым и мягким. Из всех 14 сестёр Маргрет она была у неё самой любимой.

Сон Гудрун Олафсдоттир о Кристине

В 1966 году, когда Маргрет была беременна Диттой, её следующая по возрасту младшая сестра Гудрун увидела такой сон:

У Маргрет и её мужа родилась дочка. Как-то раз они попросили Гудрун немного посидеть с младенцем, пока они не вернутся, и уехали. Гудрун осталась наедине с крошкой. В какой-то момент малышка села и заговорила. «Ты знаешь о том, что я снова родилась?» – спросила она. «Нет, – ответила Гудрун. – Впервые слышу об этом». Тогда малышка сказала: «Да, я уже

была здесь прежде… Родиться было очень трудно, а умереть легко». Гудрун попросила её рассказать о том, как она умерла, но девочка не стала отвечать. Тогда Гудрун поинтересовалась, похожа ли она на себя прежнюю. Малышка ответила: «Похожа, но сейчас я темнее. У меня более смуглое лицо, волосы тоже более тёмные». Потом девочка сказала, что у неё есть шрам. Гудрун спросила её, имел ли он какое-то отношение к её смерти. Малышка ответила: «Нет, когда я умерла, мне было больше 20 лет, а шрам я получила, когда была маленькой девочкой. Он сотрётся». Потом малышка спросила Гудрун о Марии (одна из дочерей в этой семье, она была сиделкой у Кристин). Гудрун, услышав имя Марии из уст младенца, воскликнула: «Ого! Неужели ты уже знала нас раньше?» В этот момент девочка снова легла и сказала: «Я больше не хочу говорить об этом».

(Как я уже сказал, у меня не было возможности встретиться с Гудрун, и мой рассказ о её сновидении получен из вторых рук, от Маргрет.)

Гудрун считала, что малышка из сна была Кристин, единственная умершая дочь в семье. Через день или два после этого она рассказала Маргрет о своём сновидении. В то время Маргрет не придала ему большого значения.

Комментарий

Эта сцена приснилась Гудрун до рождения Дитты; таким образом, она не могла узнать обычным способом о родинке Дитты. Однако я не могу быть уверенным в том, что она ничего не знала о полученной Кристин травме головы, даже если это представляется маловероятным. В 1981 году отец Дитты, Ларус, знал о травме головы Кристин, но он никогда не встречал Кристин. Кроме того, Олаф Лофтссон, кажется, никогда не заговаривал о травме головы Кристин до тех пор, пока Маргрет не показала ему родинку Дитты. Элинборг Йонсдоттир (мать Маргрет и Кистин) сказала, что её дочери в детстве часто падали; о травме головы Кристин она не помнила.

Заявления, сделанные Диттой

Когда Дитте было от двух до двух с половиной лет, Маргрет повела её в туалет. Дитта заметила кольцо на пальце Маргрет. Тогда же между ними произошёл следующий диалог (по воспоминаниям Маргрет в 1981 году):

Дитта: Кто дал тебе это кольцо?
Маргрет: Мой первый муж [не отец Дитты].
Дитта: У меня тоже был муж.
Маргрет: Нет у тебя никакого мужа.
Дитта: А я говорю, есть.
Маргрет: У маленьких девочек не бывает мужей.
Дитта: Ну и что, а у меня есть.
Маргрет: Ладно. И как его звали?
Дитта: Эйнар.
Маргрет: А дети у тебя есть?
Дитта: Нет, только куклы.

Дитта больше ни одним словом не упомянула о предыдущей жизни. С отцом она ни разу не затронула эту тему. Она никогда не называла себя Кристин и не обращала внимание на родинку на своей голове.

Комментарий

Когда погибла Кристин, у неё с Эйнаром было двое детей. Как я уже говорил, мальчику, старшему ребёнку, было чуть больше трех лет, а младшему ребёнку, крошечной девочке, – только пять месяцев. Маргрет полагала, что Дитта никогда не слышала упоминаний имени Эйнара; Эйнар снова женился и был «потерян» для семьи Маргрет.

Особенности поведения Дитты, связанные с предыдущей жизнью

Когда Дитта стала достаточно большой для того, чтобы играть в куклы, она назвала куклу Арнхейдур. Ни у кого из членов её семьи не было этого имени. Однако у Кристин когда-то была подруга по имени Арна, которая потом умерла. Маргрет не знала, называли ли ту женщину Арной, сокращая её имя Арнхейдур, как это часто бывает.

Маргрет наблюдала за тем, как Дитта играет в актрису, когда ей было примерно два года. Когда она спросила Дитту, кем она хочет стать, когда вырастет, Дитта ответила, что она хочет стать актрисой. Позже она передумала и сказала, что хочет стать учительницей, медсестрой или врачом.

Другие важные особенности поведения Дитты

Дитта никогда не испытывала чувства страха перед электрическими приборами.

Она научилась читать ещё прежде, чем кто-либо взялся учить её этому. В возрасте шести лет она могла читать гораздо лучше, чем другие дети, которых этому научили. Дитта сама удивлялась тому, что она может читать, хотя её не учили этому, и спросила мать, откуда у неё такое умение. Маргрет ответила, что она не знает.

Маргрет полагала, что у Дитты был более горячий характер, чем у Кристин.

Отношение взрослых, имеющих отношение к этому случаю, к воспоминаниям Дитты

Как я уже говорил, родители, бабушка и дедушка Дитты были лютеранами. По словам Маргрет, её сестра Гудрун (видевшая сон о Кристин перед рождением Дитты) верила в перерождение, а она (Маргрет) не верила в него. Тем не менее Маргрет, очевидно, приняла наше исследование всерьёз и демонстрировала терпение и интерес в течение всей нашей долгой беседы с ней.

Маргрет сказала, что её родители верили в жизнь после смерти; и она полагала, что они вполне могли верить и в перерождение.

Родинка Дитты

Родинка Дитты была расположена на правой затылочной части головы, выше и позади уха. Это была округлая, похожая на шрам, безволосая область диаметром примерно в 1 сантиметр (илл. 14).

Другие физические сходства между Диттой и Кристин

По словам Маргрет, на взгляд её родителей, Дитта была очень похожа на Кристин. Она сказала: «Они всегда говорили, что Дитта очень напоминает Кристин». И у Дитты, и у Кристин были необычайно голубые глаза. У Дитты были более тёмные волосы и более смуглое лицо, чем у Кристин.

У Дитты не было никаких родинок на том участке тела – предположительно, на правой руке, – где Кристин получила убивший её удар током.

Комментарий

Из того, что Маргрет была скептически настроена в отношении перерождения, ещё не следует, что разговор с Диттой в её памяти исказился – хотя такая возможность не исключена, – а ведь только он один и свидетельствует прямо о предыдущей жизни Дитты, в которую верили некоторые. Наша уверенность в связи между родинкой Дитты и раной на затылке Кристин находится в полной зависимости от того, насколько хорошо Маргрет запомнила воспоминания своего отца. (Как я уже говорил, мать Маргрет не запомнила никаких особых травм у Кристин.)

Можно ли просто объяснить появление родинки у Дитты? Я полагал, что она могла быть омертвевшей тканью, оставшейся от ссадины на голове Дитты, возникшей во время её прохождения по родовому каналу. Это представляется неправдоподобным, потому что Дитта была третьим ребёнком Маргрет, которую она рожала только три с половиной часа, без отклонений от нормы. Локальный некроз ткани во время рождения чаще всего случается у первенцев, во время затянувшихся родов (Hodgman et al., 1971).

Если предположить, что эта родинка Дитты происходит от шрама, вызванного старой травмой на голове Кристин, это делает данный случай необычным, но не уникальным. По меньшей мере в трёх других случаях – Дорабет Кросби, Дженнифер Поллок и Леха Пала Джатава – у родинки или родового дефекта исследуемого была связь с какой-то раной предшествующей личности без смертельного исхода.

Временной промежуток, почти в 19 лет, между смертью Кристин и рождением Дитты является одним из самых продолжительных в случаях перерождения в одной и той же семье, изученных в Университете Виргинии.

Марья-Лииса Каартинен

Краткий обзор случая и его исследование

Марья-Лииса Каартинен родилась 22 мая 1929 года в Хельсинки, Финляндия. Её отец умер, когда ей было три года; я так и не узнал, ни как его звали, ни чем он занимался. Её мать, Салли Каартинен, была почти единственным источником информации по данному случаю.

Марья-Лииса начала говорить, когда ей был примерно год. Когда ей было около двух лет, она начала делать заявления и демонстрировать поведение, убедившее её мать в том, что в ней переродилась старшая дочь в этой семье, Ева-Майя, умершая за шесть месяцев до рождения Марьи-Лиисы.

Об этом случае мне сообщил доктор Карл Мюллер из Цюриха, Швейцария. Он встречался с Салли Каартинен в Хельсинки в 1959 году, и тогда она рассказала ему о случае своей дочери. Впоследствии она прислала ему рассказ об этом случае в письме, которое он показал

мне. Осенью 1963 года я приехал в Хельсинки и 3 сентября долго беседовал с Салли Каартинен. Она не говорила по-английски, зато этим языком владела её дочь, Марья-Лииса, которая переводила для нас[52].

Салли Каартинен сохранила записи о заявлениях и поведении Марьи-Лиисы и во время нашей беседы заглядывала в них. Позже я попросил дать мне на время эти заметки или предоставить их перевод. Согласие я получил, но ни записей на время, ни их переводов так и не дождался, а потом эти заметки и вовсе потерялись, когда Салли Каартинен переехала на новое место жительства.

У Марьи-Лиисы был брат, Анти Каартинен, который был на семь лет старше её. Я подумал, что он мог помнить какие-то заявления Марьи-Лиисы и что-то необычное в её поведении в детстве. Во время моего приезда в Хельсинки в 1963 году я коротко переговорил с ним по телефону. Тогда он уже ничего не помнил о заявлениях и поведении Марьи-Лиисы, хотя и припоминал услышанные им позже рассказы своей матери об этом её друзьям.

Позже я обсуждал с Салли Каартинен в нашей переписке с ней некоторые подробности этого случая. Марья-Лииса переводила и печатала для меня её письма. В 1978 году я снова был в Хельсинки и ещё раз встретился с Марьей-Лиисой, но не с её матерью. Больше я её не видел.

Жизнь и смерть Евы-Майи

Ева-Майя Каартинен родилась в Оулу, Финляндия, 17 августа 1923 года. Тогда она была у матери единственной дочерью. Трое её братьев родились раньше неё.

Ева-Майя обладала рядом ярких особенностей характера, отличавших её от братьев. Например, она плохо ела и иногда, не желая есть, прятала свою порцию еды. Она любила рыбу и свежее молоко, но не выносила мясо и простоквашу – лакомство для других членов её семьи. Она вообще отказывалась и от мяса, и от простокваши.

Она любила музыку и танцы и научилась танцевать раньше, чем ходить. Её обучили движениям популярного в 20-е годы танца чарльстон.

Когда Еве-Майе было чуть больше пяти лет, она серьёзно заболела. У неё диагностировали грипп, 24 ноября 1928 года она умерла в Хельсинки.

Во время этой роковой для неё болезни Салли Каартинен обещала купить ей игрушечную детскую коляску.

Потеряв единственную дочь, Салли Каартинен была убита горем; она очень хотела, чтобы Ева-Майя вернулась к ней. В то время она уже была беременна Марьей-Лиисой, которая родилась спустя почти ровно шесть месяцев после смерти Евы-Майи.

Заявления и признания, сделанные Марьей-Лиисой

В тот период, когда Марья-Лииса особенно сильно отождествляла себя с Евой-Майей, она неоднократно просила называть её Евой-Майей. Примерно в двухлетнем возрасте она нашла фотографии Евы-Майи, стала показывать их другим людям и говорить: «Это я».

Когда в возрасте примерно двух лет её было трудно заставить есть, она как-то сказала матери: «Почему ты не говоришь мне то же, что и Еве-Майе: чтобы я кусала, жевала и про-

[52] Разумеется, нежелательно, чтобы тот, кто рассказал о случае, и тем более сам исследуемый, переводил для другого; и мне всегда удавалось избегать этой ситуации, не считая очень немногих случаев. После моего первого приезда в Хельсинки в 1963 году мне помогала Рита Кастрен; она была моей переводчицей почти во всех моих последующих исследованиях в Финляндии, в том числе и через много лет во время моей встречи с Марьей-Лиисой в 1978 году.Близкое сходство между тем, что я узнал об этом случае в 1963 году, и тем, что Салли Каартинен ранее написала доктору Мюллеру, убедило меня в том, что Марья-Лииса не исказила, переводя для меня, ничего из того, что её мать тогда говорила, в сравнении с тем, что она уже заявила ранее.

глатывала?» Салли Каартинен в самом деле использовала эти же слова, когда заставляла есть Еву-Майю.

Когда Марье-Лиисе было примерно три года, её семья впервые после её рождения переехала в принадлежавший им домик в деревне, которым они пользовались летом. Он находился в Соткамо. Когда они приехали туда, Марья-Лииса заметила, что в их загородном доме нет работника, который был там когда-то, и спросила: «А где Хелим?» Хелим перестал работать на эту семью за год до рождения Марьи-Лиисы. Этот случай произошёл до смерти отца Марьи-Лиисы, поскольку после его смерти домик продали. Всё это говорит о том, что Марье-Лиисе в то время было не больше трёх лет.

В вышеупомянутом загородном доме в Соткамо, куда семейство приехало, как я уже сказал, когда Марье-Лиисе было примерно три года, стоял сундук, в котором хранились игрушки детских лет всех членов семьи. Одни игрушки принадлежали сыновьям, другие – Еве-Майе. Марья-Лииса сама подошла к этому сундуку и выбрала из него те игрушки, которые когда-то принадлежали Еве-Майе. Было особенно заметно, что она отличала мячи, принадлежавшие Еве-Майе, от мячей, принадлежавших мальчикам. У одного из братьев Марьи-Лиисы была в том сундуке кукла, но Марья-Лииса проигнорировала её и взяла себе куклу Евы-Майи. Салли Каартинен сказала мне, что она не присутствовала в тот момент, когда Марья-Лииса открыла и исследовала сундук с игрушками. Поэтому я предполагаю, что она узнала об этом случае от мужа или от одного из сыновей, все они были старше Марьи-Лиисы.

Когда Марье-Лиисе было примерно четыре года, она спросила мать: «Где мы были, когда прилетел Питер Пэн?» Салли Каартинен решила, что этот вопрос имел отношение к кинофильму, снятому по детской сказке Джеймса Барри о Питере Пэне, который Ева-Майя посмотрела с матерью в 1928 году, но Марья-Лииса никогда не видела его. (Питер Пэн летал и в сказке, и в кинофильме.)

Также примерно в возрасте четырёх лет Марья-Лииса попросила мать дать ей детскую коляску, которую она когда-то обещала ей. Как я уже говорил, Салли Каартинен обещала Еве-Майе, когда она болела – как оказалось, неизлечимо, купить ей детскую коляску.

Я не знаю возраст Марьи-Лиисы в следующем случае. Салли Каартинен попросила работника принести пальто, некогда принадлежавшее Еве-Майе и хранившееся на чердаке их дома. Когда работник спустился с чердака, Марья-Лииса увидела у него это пальто, бросилась со всех ног к работнику, стала рвать пальто из его рук и надевать его со словами: «Это же моё пальто, моё!» Марья-Лииса была в своей комнате, когда Салли Каартинен, находившаяся на кухне, попросила работника принести пальто; она была уверена в том, что Марья-Лииса не могла услышать, за чем она посылает работника.

Особенности поведения Марьи-Лиисы, связанные с предыдущей жизнью

Обстоятельства и манера повествования Марьи-Лиисы о предыдущей жизни. Уже описанные мной случаи показывают, что Марья-Лииса в одно время говорила о предыдущей жизни по собственной инициативе, а в другое заговаривала о ней, когда какая-то ситуация, знакомая Еве-Майе, по-видимому, будила в ней воспоминания.

Марья-Лииса сразу заговорила как взрослая, минуя фазу детского лепета. Однажды, когда Марье-Лиисе было примерно два года, мать стала говорить с ней в манере, свойственной младенцам, на что Марья-Лииса ответила с упрёком: «Почему ты так разговариваешь со мной?»

Предпочтения в еде Марьи-Лиисы

Марью-Лиису было трудно заставить есть, хотя и не в такой степени, как у Еву-Майю. Она тоже – пусть, опять же, и реже – порой прятала свою порцию, только бы не есть. Как и Ева-Майя, Марья-Лииса любила рыбу и свежее молоко, но не любила и отвергала мясо и простоквашу. Все другие члены семьи, кроме этих двух девочек, любили и мясо, и простоквашу.

Марья-Лииса выбирала игрушки и одежду Евы-Майи

Марья-Лииса предпочитала играть скорее старыми игрушками, оставшимися от Евы-Майи, чем новыми, купленными специально для неё. Особенно она любила возиться с игрушечной кроваткой, принадлежавшей Еве-Майе.

Ей также нравилось надевать на себя одежду Евы-Майи. Кажется, она узнала кое-что из этой одежды помимо вышеупомянутого пальто.

Танец Марьи-Лиисы

Марья-Лииса любила музыку так же, как и Ева-Майя. Она тоже научилась танцевать едва ли не раньше, чем ходить. Когда ей не исполнилось ещё и четыре года, её мать сказала, что она научит Марью-Лиису некоторым песням, и начала играть на пианино. Марья-Лииса заявила, что она будет танцевать, и сразу начала исполнять чарльстон – танец, которому обучалась только Ева-Майя, но не Марья-Лииса. Этот случай произошёл ещё до смерти отца Марьи-Лиисы (значит, тогда ей было не больше 3-х лет) и очень удивил его.

Марья-Лииса считала себя Евой-Майей

Я уже говорил о том, что Марья-Лииса просила называть её Евой-Майей и вообще вела себя так, как будто она была переродившейся Евой-Майей. Например, у неё был старший брат, который был примерно на полтора года старше Евы-Майи. (Думаю, этим братом был Анти Каартинен.) Таким образом, он был на семь лет старше Марьи-Лиисы. Однако Марья-Лииса считала его равным себе по возрасту и ожидала, что он будет играть с ней.

Однако по временам Марья-Лииса отзывалась о Еве-Майе так, словно она отличалась от неё. Иногда, надев одежду Евы-Майи, она вставала перед зеркалом и говорила: «Сейчас я хочу поговорить с Евой-Майей».

Примерно в пять лет (в этом возрасте умерла Ева-Майя) Марье-Лиисе несколько раз снилось, что её хоронят, или она видела во сне мёртвые тела. Эти кошмары постепенно перестали сниться ей, поскольку мать успокоила её каким-то способом, о котором я не стал расспрашивать.

Салли Каартинен сказала мне, что личность Евы-Майи стала в полной мере проявляться в Марье-Лиисе только где-то в двухлетнем возрасте. В какой-то момент на её глазах в Марье-Лиисе произошла разительная перемена, после которой она стала намного заметнее походить на Еву-Майю, чем ранее.

Сколь бы внезапной ни была эта перемена в Марье-Лиисе, для Салли Каартинен она означала окончание её скорби об утрате Евы-Майи. Она писала (в письме от 26 октября 1967 года): «Отныне я больше не тосковала по Еве-Майе, поскольку знала о том, что она вернулась ко мне».

Физические сходства между Марьей-Лиисой и Евой-Майей

Ева-Майя была блондинкой, а Марья-Лииса – брюнеткой. В остальном, по словам Салли Каартинен, эти две девочки «физическим обликом значительно походили друг на друга».

Марья-Лииса была не очень восприимчива к инфекциям дыхательных путей.

Стирание воспоминаний Марьи-Лиисы

Салли Каартинен сказала, что сходство в поведении у Марьи-Лиисы и Евы-Майи начало исчезать, когда ей было примерно семь лет.

В 1978 году, когда я встретился с Марьей-Лиисой отдельно, она не сказала, что помнит что-либо о жизни Евы-Майи. (Ей тогда было уже 49 с половиной лет.) Однако она отчётливо помнила, как примерно в возрасте трёх лет выбрала игрушки Евы-Майи из сундука в Соткамо. Она всё ещё помнила удовольствие, которое испытала, обретая эти игрушки заново, как ей тогда казалось. Она помнила, как узнала куклу, медвежонка и игрушечную детскую коляску. (Последних двух пунктов – медвежонка и детской коляски – не было в рассказе Салли Каартинен о том, что признала Марья-Лииса.) Она также помнила, как узнала одежду Евы-Майи и какое удовольствие при этом испытала.

Другие важные сведения

Салли Каартинен верила в возможность перевоплощения. Майя-Лииса сказала мне, что её мать «была теософом, изучившим восточные религии». Сама Салли Каартинен рассказала мне (в 1963 году) о трёх своих переживаниях, указавших ей на возможность прошлых жизней и перерождения. Два из них были дежавю, а третье – убеждённостью в том, что однажды она уже жила в Шотландии. У неё не было зрительных воспоминаний, связанных с каким-либо из этих переживаний.

Салли Каартинен сказала, что она была уверена в том, что прежде никто в семье не говорил о Еве-Майе в присутствии Марьи-Лиисы. Она сказала, что в её семье целенаправленно избегали разговоров об Еве-Майе, стараясь забыть её для того, видимо, чтобы утихла боль скорби.

Комментарий

Этот случай напоминает несколько других, уже описанных мной: близнецов Поллок, Надеж Жегу и Альфонсо Лопеса. В каждом из этих случаев смерть ребёнка глубоко потрясла кого-то из родителей, который надеялся на то, что его ребёнок вновь родится в прежней семье, иногда предвкушая этот миг.

Тару Ярви

В этом случае исследуемая вспомнила жизнь второго мужа своей матери. Таким образом, в данном случае имеется одна особенность: половое различие между исследуемой и предшествующей личностью.

Краткий обзор случая и его исследование

Тару Ярви родилась в Хельсинки, Финляндия, 27 мая 1976 года. Её родителями были Хейкки Ярви и его жена Ирис. Тару была их единственным ребёнком. Они были лютеранами.

Тару начала говорить, когда ей был примерно один год; а когда ей было примерно полтора года, она начала отвергать данное ей имя и говорить, что её нужно называть Яской. Так звучало прозвище второго мужа Ирис Ярви, Яакко Вуоренлехто, с которым произошло несчастье: в 1973 году он попал под автобус. Впоследствии Тару сделала несколько заявлений о жизни и смерти Яакко, а также дала всем понять, что считает себя мальчиком. Она демонстрировала откровенную враждебность к собственному отцу, что привело к некоторому охлаждению отношений её родителей.

Рита Кастрен известила меня об этом случае в письме, датированном 28 августа 1979 года. В марте 1981 года я приехал в Финляндию, 8 марта я долго беседовал с Ирис Ярви. Я также немного поговорил с Тару, которой было тогда чуть меньше пяти лет. Рита Кастрен была моим переводчиком. Она была знакома с Ирис уже 12 лет, поэтому также предоставила мне сведения о некоторых заявлениях Тару о предыдущей жизни. Я поговорил с ещё одним свидетелем заявлений и поступков Тару. Это была Ваппу Хаанпяя, подруга и сослуживица Ирис Ярви.

Позже, в 1981 году, Рита Кастрен перевела для меня отчёт управления полиции Хельсинки о расследовании смерти Яакко Вуоренлехто.

В ходе нашей переписки в течение 1997 года Рита Кастрен присылала мне некоторые сведения о последующем развитии Тару. В сентябре 1999 года я снова побывал в Хельсинки и ещё раз долго беседовал с Ирис Ярви. К сожалению, я не смог снова встретиться с Тару, поскольку тогда она жила далеко от Хельсинки, в Эспоо. Такое же разочарование я испытал, когда не смог встретиться с отцом Тару, Хейкки Ярви. Я не встретился с ним и ранее, в 1980-е годы, и надеялся узнать его мнение о поведении и развитии Тару в раннем возрасте. К сожалению, с той поры у него годами развивалась болезнь Паркинсона, ввергнувшая его в немощное состояние. Ирис сказала, что в его состоянии будет неуместно пытаться задавать ему все эти вопросы.

Жизнь и смерть Яакко Вуоренлехто

Яакко Вуоренлехто родился в Хельсинки 15 ноября 1929 года. О раннем периоде его жизни я узнал незначительно. В детстве он много общался с девочкой Ирис Сундстрём, которая позже стала его женой. Ирис родилась 18 сентября 1935 года и, таким образом, была на шесть лет младше Яакко. Ирис позже рассказала мне о том, что, когда ей было 12 лет, а Яакко 18 лет, он сказал о ней: «Когда-нибудь я женюсь на этой девчонке». (Об этом заявлении Ирис узнала позже.) Она также помнила о том, что приблизительно в то же время она сама сказала, указывая на дом, в котором жил Яакко: «Когда-нибудь я буду жить в том доме». И хотя тогда Яакко и Ирис видели друг друга на расстоянии, встречаться они стали гораздо позже.

Яакко стал лишь вторым мужем Ирис. Пока она рожала первому мужу трёх дочерей, Яакко продолжал набираться ума. Он окончил неполную среднюю школу и никакого дальнейшего образования не получил.

Отслужив в армии, он пошёл работать в автосервис. Позже он стал управляющим магазина скобяных изделий. Он познакомился с Ирис, их дружба переросла в любовь, и в 1970 году, когда Ирис было 35 лет, а Яакко 41 год, Ирис развелась со своим первым мужем и вышла за Яакко.

Вместе они были счастливы. Ещё до их брака Яакко стал алкоголиком, но благодаря поддержке Ирис ему удавалось пить меньше. Яакко хотел детей, но их брак был бездетным, а потом его жизнь оборвалась.

Вечером 13 сентября 1973 года Яакко проехался на городском автобусе по Хельсинки и вышел на своей остановке. По сигналу кондуктора водитель автобуса начал движение к следующей остановке, но почти сразу почувствовал, что автобус что-то переехал, и остановился. Неподвижно лежащее тело Яакко было обнаружено под задней частью автобуса, позади одного из задних колёс. Автобус переехал его. Его туловище и ноги всё ещё находились под задней частью автобуса, а голова и плечи выступали из-под автобусной рамы. В полицейском отчёте значилось: «При отъезде автобуса от автобусной остановки господин Вуоренлехто, очевидно, оступился и упал под правое заднее колесо автобуса таким образом, что колесо раздавило его грудь, а также горло и левую часть головы».

Врач, прибывший на место происшествия, констатировал смерть Яакко; его тело было перевезено в институт судебных экспертиз, где было проведено посмертное исследование. Согласно полицейскому отчёту экспертиза показала, что «смерть наступила в результате перелома основания черепа и внутренних повреждений».

Этот несчастный случай произошёл вечером, в начале девятого. В Хельсинки в это время уже темно, но улица была хорошо освещённой и сухой. Уровень алкоголя в крови Яакко не проверяли, поэтому осталось невыясненным, был ли алкоголь хотя бы отчасти повинен в его гибели. Как и почему он оступился, попав под колесо автобуса, остаётся тайной. В момент смерти ему было 44 года.

Яакко был высоким мужчиной. Ирис Ярви сказала, что его рост был 1 метр 88 сантиметров, а вес – 86 килограммов. Значит, он был высоким и худощавым. Движения у него были замедленными и угловатыми.

В молодости у Яакко были собаки. Он любил природу и цветы, охоту и рыбалку. Он любил лошадей, хотя своей лошади у него не было. Ему нравилось водить автомобиль, он играл в хоккей с шайбой. Часть своего досуга он отводил какому-нибудь ремеслу. Некоторые из его других занятий были больше присущи женщинам. Например, он любил играть с куклами, вышивал скатерти и шил крючком. Ему нравилась женская одежда, иногда он покупал одежду для Ирис. Она полагала, что его движения были несколько женственными. И тем не менее Яакко никогда не выказывал желание переменить пол. Он верил в перевоплощение.

События между смертью Яакко и рождением Тару

По прошествии чуть более года после смерти Яакко Ирис вышла замуж за Хейкки Ярви, уже в третий раз. Годом позже, то есть в сентябре 1975 года, Ирис посетила могилу Яакко и услышала рядом с ней его голос, возвестивший ей о том, что 27 мая он родится вновь, в облике её ребёнка, и на этот раз он будет девочкой. Ирис тогда не была беременна и не собиралась заводить детей, поскольку ей было уже 40 лет. Тем не менее в октябре она забеременела и 27 мая 1976 года родила Тару.

Комментарий

Хотя Ирис не предполагала, что вновь забеременеет, она всё же была неравнодушна к идее перевоплощения. Её воспитали в лоне лютеранской церкви, но примерно в возрасте 25 лет она порвала с ней; позже, выйдя замуж, она снова вернулась в неё. В перевоплощение она поверила вскоре после того, как отдалилась от церкви.

Заявления и признания Тару

Тару сделала несколько заявлений, в которых ярко проявились воспоминания о жизни и смерти Яакко. Все эти заявления, о которых мне стало известно, были сделаны ею в период между полутора и пятью годами. (Как я уже сказал, ей ещё не исполнилось пять лет, когда я встретился с ней в марте 1981 года.)

Её первое заявление, вероятно, прозвучало вскоре после того, как она приблизительно в возрасте одного года начала говорить. Она сказала, что её задавил автобус. Когда ей было примерно полтора года, она перестала отзываться на имя Тару и сказала: «Я не Тару, меня зовут Яска». (Так прозвали Яакко.)

Когда ей было примерно три с половиной года, она сказала Ирис: «Ты не моя мать. Меня оставили под машиной умирать. Разве ты не знаешь об этом?» Через несколько дней Рита Кастрен спросила Тару: «Ты была девочкой или мальчиком, когда умерла?» Тару ответила: «Конечно, мальчиком. Большим мальчиком». Тогда Рита Кастрен спросила её: «Эта машина была большой или маленькой?» Тару ответила: «Большой. Сначала умер живот, потом голова». В другой раз Тару сказала: «Меня отвезли в больницу, но к тому времени я была уже мертва».

Однажды Тару сказала: «Вам не нужно бояться умирать, потому что я умирала много раз»[53]. (В подтверждение этого последнего заявления Тару однажды сказала, что у неё была другая мать, по имени Сенья, в Германии.)

Несколько раз Тару говорила: «Я была большим человеком». Однажды она сказала: «Почему я такая маленькая? Я хочу быть больше!» В другой раз она сказала: «Я была большим человеком. Я никогда не была маленьким человеком»[54].

Время от времени Тару, по-видимому, была озадачена ситуацией, в которой оказалась. Однажды она как-то странно поглядела на Ирис и спросила: «И почему только я выбрала тебя своей матерью?»

Вещь, принадлежавшую Яакко, Тару узнала только однажды; тогда она сказала, что большой игрушечный автомобиль (когда-то принадлежавший Яакко) был её собственностью. Она добавила: «Я с ним играла».

Она не говорила, что на фотографии Яакко изображена она, но очень хотела поставить эту фотографию у своей кровати.

Особенности поведения Тару, связанные с предыдущей жизнью

Обстоятельства и манера повествования Тару о предыдущей жизни. Когда я спросил Ирис, демонстрировала ли Тару какие-нибудь необычные эмоции, когда говорила о предыдущей жизни, она ответила: «Мне казалось, что она отдалялась от нас и словно бы была уже другим человеком. Складывалось впечатление, будто она уходила от нас».

Страх Тару перед большими автомобилями. Когда Тару было примерно один год, она проявляла заметный страх перед автобусами, большими автомобилями и тракторами. В возрасте (приблизительно) пять лет, когда я встретился с ней, эта боязнь сохранялась. Если

[53] Другие дети, исследованные в таких случаях, также уверяли взрослых в том, что смерть ничуть не вредит человеку. Примером здесь могут послужить случаи Марты Лоренц и Ма Тхан Тхан Айе.

[54] Другие дети комментировали, а иногда осуждали свой маленький рост или пол, противоположный тому, который был в той жизни, о которой они вспомнили. Примером здесь могут послужить случаи Раму и Раджу Шармы, Гельмута Крауза, Мухиттина Илмаза и Дульсины Карасек.

она шла по улице с Ирис, то в момент приближения к ним автобуса просила мать взять её на руки. На менее крупные машины она не реагировала подобным образом.

Игры Тару. Тару играла с куклами, но также увлекалась играми, свойственными мальчикам. Например, ей нравилось играть с солдатиками, иногда она надевала каску и брала ружьё. Она играла, делая вид, будто водит машину. Она просила дать ей ружьё и хоккейную клюшку.

В играх с другими детьми Тару никогда не брала себе роль девочки, но уверяла всех в том, что она мальчик.

Предпочтения Тару в одежде. У Тару было выраженное влечение к одежде для мальчиков. В этом отношении она сильно отличалась от своих трёх старших сводных сестёр, которые всегда предпочитали одеваться как девочки.

Предпочтения Тару в еде. Я не узнал о каких-либо необычных предпочтениях в еде, которые были бы общими у Тару и Яакко, возможно, за одним лишь исключением. Яакко ел рыбу – например, балтийскую сельдь. До трёхлетнего возраста Тару тоже ела балтийскую сельдь, но потом у неё развилось отвращение к рыбе.

Отношение Тару к своим родителям. Иногда Тару называла Ирис по имени, то есть Ирис, а иногда называла её мамой. Она была особенно привязана к Ирис.

А вот к своему отцу Хейкки она, напротив, испытывала неприязнь. Она никогда не называла его папой, только Хейкки. Однажды она сказала Ирис о Хейкки так: «Он может уйти, мы с тобой проживём и без него». Однажды она сказала Хейкки: «Ты нам не нужен. Ты должен уйти». В другой раз она сказала ему: «Ты здесь только гость». Она знала о том, что он постоянно появляется в их доме, и всё же не могла взять в толк, даже когда я встретился с ней, что Хейкки был постоянным членом их семьи. Иногда она спрашивала его: «Хейкки, ты сегодня придёшь к нам?»

Физические сходства между Яакко и Тару

Ирис полагала, что Яакко и Тару были очень похожи чертами и цветом лица. Мать Яакко, а с ней и Рита Кастрен (знавшая Яакко), были одного мнения по этому поводу.

По словам Ирис, у Тару были такие же медлительные и угловатые движения, как и у Яакко.

Тару была относительно высокой для женщины, она была выше отца. Как я уже говорил, Яакко был высоким мужчиной.

Дальнейшее развитие Тару

Неприязнь Тару к Хейкки сильно способствовала охлаждению отношений Ирис и Хейкки. Хейкки коробило то, как дочь реагировала на него; она была его единственным ребёнком. Они с Ирис так и не развелись официально, но решили, что их жизнь будет более приятной, если холодное время года они будут проводить в разных домах. Летом они жили вместе в их собственном сельском доме.

Тару слабо интересовалась учёбой, в возрасте 15 лет она оставила школу. Она никогда не обучалась ни ремеслу, ни профессии, если не считать того, что она училась на водителя такси и в 1999 году работала таксистом. Как и Яакко, она любила лошадей, владела и заправляла конюшней, где кормились лошади.

В 1999 году Тару было 23 года. Её мать сказала, что она была «всё ещё мужеподобной». В подтверждение своих слов Ирис упомянула тот факт, что Тару никогда не пользуется косметикой и вечно ходит в брюках. У неё была только одна юбка. Тем не менее в 1998 году она вышла замуж и на своей свадьбе была в юбке. Её муж был плотником, маляром и обойщиком.

Страх перед транспортом сохранялся у Тару приблизительно до 19 лет, а потом прошёл. Ирис сказала, что у Тару была суеверная боязнь 13 числа того месяца, когда Яакко попал под колёса и погиб.

Когда Тару выросла, она стала лучше относиться к отцу. На самом деле её отношение к нему было куда лучше, чем просто хорошим: когда он состарился и стал немощным, она помогала и заботилась о нём, как подобает любящей дочери.

Комментарий

Это третий из исследованных мной случаев, когда ребёнок утверждал, что он был умершим супругом одного из родителей. Главными действующими лицами других таких случаев были Ма Тин Тин Мьинт и Аша Рани. В каждом из этих случаев ребёнок демонстрировал сильную привязанность к тому из родителей, который прежде был его спутником жизни, и меньшую привязанность, безразличие или даже неприязнь к другому родителю.

Как и во всех случаях, ограниченных семейным кругом, здесь есть одно слабое место: исследуемая и предшествующая личность были членами одной семьи. Мы должны также обратить внимание на следующий недостаток, а именно ожидание матерью исследуемой того, что её погибший муж вновь родится в облике её ребёнка. В противовес этому мы можем выдвинуть суждение о том, до чего же необычно было для матери вредить своему браку, проецируя личность предыдущего мужа на ребёнка от её нынешнего брака.

Я очень высоко ценю имевшиеся у меня возможности проследить дальнейший жизненный путь некоторых исследуемых, которых я знал ещё маленькими детьми. Случай Тару я нахожу особенно поучительным. Своей любовью к лошадям и отвращением к учёбе она походила на Яакко. В девичестве она признала себя женщиной и вышла замуж; при этом она сохранила в себе некоторую мужеподобность. Тару преодолела детскую неприязнь к отцу и стала тепло к нему относиться. Она избавилась от фобии, связанной со смертью Яакко в результате несчастного случая, но продолжала бояться 13 числа каждого месяца.

Пааво Сорса

Это ещё один случай со скупыми сведениями; я включил его в свою книгу для того, чтобы показать случаи с небольшой частотой заявлений, сделанных исследуемым, и соответствующих особенностей поведения, продемонстрированных им. Исследуемый и предшествующая личность были братьями, детьми одной матери от разных отцов.

Краткий обзор случая и его исследование

Пааво Сорса родился в Тампере, Финляндия, 24 июня 1991 года. Его родителями были Вейкко Сорса и его жена Сильви. Вейкко работал механиком, а Сильви подрабатывала массажисткой. Позже у Вейкко и Сильви родилась дочь Лиа. У Сильви было двое других детей от предыдущих мужей. Из них в нашем случае важен Калеви Паасио, которого убил отец (Ристо Паасио), когда ему было два с половиной года.

После смерти Калеви Сильви хотелось, чтобы он переродился в облике её ребёнка, хотя она и не надеялась на это. После того как она и Вейкко сошлись, но ещё до того, как они официально поженились, она увидела ясный сон о Калеви.

Младенец Пааво выказывал впечатляющее физическое сходство с Калеви. Родинок у него не было. Пааво начал отчётливо говорить в возрасте примерно двух лет; а когда ему было три года, он сделал несколько заявлений, похожих на воспоминания о жизни Калеви, о котором он ничего не слышал до того, как сделал свои заявления. Он проявлял и необычные особенности поведения, навевающие воспоминания о жизни и смерти Калеви.

Об этом случае Сильви известила Риту Кастрен в конце 1998 года, а Рита Кастрен сообщила мне о нём вскоре после этого. 8 марта 1999 года Сильви Сорса написала Рите Кастрен длинное письмо о заявлениях и соответствующих особенностях поведения Пааво. Рита Кастрен перевела его на английский язык и переслала мне.

В сентябре 1999 года я вернулся в Финляндию отчасти для изучения этого случая, отчасти для наведения справок о дальнейшем развитии других исследуемых финских случаев, описанных в этой книге. 22 сентября мы с Ритой Кастрен отправились из Хельсинки в Тампере (поездом), а оттуда поехали (на такси) в довольно отдалённую деревню Мутала. Мы провели у Сильви четыре часа, прежде чем отправиться в обратный путь в Хельсинки. Мы встретились и немного поговорили с Пааво, познакомились с двумя другими детьми Сильви. Мы не встретились с Вейкко Сорсой, который был на работе; таким образом, Сильви остаётся единственным источником информации по данному случаю.

Жизнь и смерть Калеви Паасио

Калеви Паасио родился в Тампере 11 декабря 1987 года. Его родителями были Сильви и её тогдашний муж Ристо Паасио. Калеви был их единственным ребёнком. Они жили в деревне Илоярви, находящейся приблизительно в 25 километрах от Тампере. Ристо был любителем поскандалить и распустить руки. Во время ссор с Сильви он иногда так избивал её, что она жаловалась на него в полицию.

Отец издевался над матерью на глазах Калеви. Ребёнок сам боялся отца, отчего, по-видимому, и заговорил довольно поздно. Однажды после двухнедельного отсутствия Ристо он начал говорить. В тот день Калеви разговорился, но когда вернулся отец, он снова замолчал. Тогда ему было больше двух лет.

В конце концов Сильви развелась с Ристо. Тогда Ристо оформил ограниченные попечительские права на Калеви, который оставался у него на выходные. Как-то раз Ристо повёз Калеви с собой на субботу и воскресенье в дом своего отца возле города Курикки, расположенного приблизительно в 130 километрах к северо-западу от Тампере. Там, в приступе сильного гнева на Калеви, он убил его. Свидетелей этого ужасного преступления не было, но после своего ареста Ристо дал достаточно обстоятельные показания о том, как он убивал сына. Сначала он попытался задушить мальчика угарным газом, подставляя его под дым из дровяной печи. Потом он попытался перекрыть ребёнку дыхание, зажимая ему рот и нос. На какое-то время он, казалось, смягчился. Однако на следующий день он снова попытался задушить мальчика, а в конечном итоге четыре раза ударил его по голове доской и проломил Калеви череп. Мальчик скончался от повреждений мозга. Эта трагедия произошла 11 мая 1990 года.

Ристо был арестован и приговорён к тюремному заключению. Позже в тюрьме он покончил с собой.

Вещий сон Сильви

Через несколько месяцев после смерти Калеви, но до того, как забеременеть Пааво, Сильви увидела ясный сон о Ристо и Калеви. В этом сне она услышала, как зазвонил дверной звонок. Она подошла к двери, открыла её и увидела перед собой Ристо и Калеви. Ристо исчез,

а Калеви вошёл и сел на подоконник. Сильви попыталась коснуться его, но её рука прошла сквозь него.

Это сновидение было настолько ярким и реалистичным, что Сильви не могла понять, приснилось ей это или же она наяву увидела бесплотных людей. Прежде у неё никогда не было такого опыта.

В это время она ещё не была беременна, хотя уже жила с Вейкко. Она хотела ещё одного ребёнка и забеременела Пааво вскоре после того, как они поженились. Пааво родился чуть больше, чем через 13 месяцев после смерти Калеви.

Заявления, сделанные Пааво

Как я уже говорил, Сильви жила с Ристо в деревне Илоярви. С Вейкко она жила в другой деревне, Мутала, хотя и в том же районе Тампере. Дома сильно различались.

Однажды зимой, когда Пааво было примерно три года, он с Сильви вышел на улицу покататься на санках. Когда они пошли домой, Пааво отказался заходить в дом. Он сказал, что это не его дом, и хотел пойти в «свой собственный» дом. Сильви пыталась убедить его в том, что это его дом, но он стоял на своём и утверждал, что не живёт здесь. Этот спор продолжался до тех пор, пока Пааво наконец не устал; тогда Сильви сумела затащить его в дом, хотя он продолжал настаивать на том, что он пришёл не домой.

Как-то раз Пааво нашёл фотографию Сильви, на которой были видны следы побоев, нанесённых Ристо. Полиция когда-то сочла её уликой, когда она пожаловалась на рукоприкладство Ристо. Увидев фотографию, он разрыдался и сказал матери: «Никому не позволю тебя бить!» Несмотря на то, что на фотографии были чётко видны раны на лице Сильви, прежде она никогда не рассказывала Пааво о своей жизни с Ристо и не упоминала при нём об этой фотографии. Раны на её лице могли быть получены в несчастном случае.

Когда Пааво увидел снимки Калеви, он сказал, что на этих снимках был изображён он сам. Он не понимал, что на фотографиях был другой ребёнок.

Особенности поведения Пааво, связанные с предыдущей жизнью

В течение первых лет жизни Пааво страдал от частых кошмаров. Случалось, он кричал во сне и, казалось, боролся, пытаясь отталкивать от себя других людей. Иногда, когда он спал, кожа вокруг его губ синела и белела. Он никогда не описывал словами содержание своих кошмаров. Они прекратились к 1999 году, и он стал спать спокойно.

Сильви жила в ладу с Вейкко, который был спокойным мужчиной, не склонным скандалить, как Ристо. Однако, если он, бывало, оживившись, невольно повышал голос, Пааво сразу охлаждал его пыл словами: «На маму не кричать!»

Другие важные особенности поведения Пааво

Пааво был сильно привязан к матери и хотел быть рядом с ней как можно чаще. В этом отношении он заметно отличался от своих сводных брата и сестры. Мы с Ритой Кастрен наблюдали эту его особенность поведения в течение четырёх часов, которые мы провели с Сильви и Пааво в Мутале. Двое других её детей были с родителями только часть этого времени.

Пааво был откровенно медлительным и не очень любознательным. Он плохо усваивал материал в школе и часто забывал, что ему задали на дом. Сильви помогала ему учиться; в школе также приняли меры: ему всё разъяснялось дополнительно. В сентябре 1999 года он учился во втором классе. Несмотря на то, что он был застенчив, он всё же не стал изгоем в

своей школе и не причинял там никому особых трудностей. Тем не менее дирекция школы предлагала перевести его в другую школу, для трудных подростков, но Пааво не был таким. Сильви была против такого перевода.

В отличие от Калеви, Пааво достаточно легко научился говорить. Однако у него проявлялась плохая координация в таких физических видах деятельности, как рисование, катание на коньках и лыжах, игра в мяч.

Из-за психологических и двигательных проблем Пааво в школе провели с ним ряд психологических тестов. Сильви так и не получила никакого формального отчёта о них, но ей сказали, что нарушения речи у Пааво не было.

Комментарий

Мои наблюдения в других случаях соответствий между ранениями у предшествующей личности и родинками или врождёнными дефектами у исследуемого привели меня к предположению о том, что в данном случае у Пааво, возможно, был какой-то дефект мозга, соответствующий повреждениям мозга, из-за которых погиб Калеви. (У него не было явного, видимого дефекта.) По этой причине я предложил Сильви попросить чиновников, курирующих местные медицинские учреждения, провести глубокое неврологическое исследование Пааво, в том числе, возможно, сканирование его мозга при помощи магнитно-резонансной томографии (МРТ). Я так и не узнал, прислушалась ли Сильви к моему совету.

Физические сходства между Калеви и Пааво

Физические сходства между Калеви и Пааво заставляли некоторых людей ошибочно полагать, что у них был один отец; отцы у них были разные, а мать – одна.

У Сильви были каштановые волосы и голубые глаза. И у Калеви, и у Пааво также были каштановые волосы и голубые глаза. У других детей Сильви, которых мы видели, были белокурые волосы.

Отношение Сильви к заявлениям и поведению Пааво

Сильви верила в перевоплощение, что не является чем-то необычным для Финляндии, где опрос 1990-х годов показал, что в перевоплощение верит 34 % её жителей (Inglehart, Basanez, and Moreno, 1998). Она также всерьёз интересовалась нетрадиционной медициной и подрабатывала тем, что ставила пациентам банки. Из-за своих верований она запомнила те немногие заявления, в которых Пааво упоминал о жизни Калеви; но я, глядя на неё, не почувствовал, что она приукрасила скупые сведения по этому случаю, чтобы он показался мне более убедительным.

Самуил Хеландер

55

Это ещё один случай, в котором исследуемый и предшествующая личность были членами одной семьи. Исследуемый вспомнил жизнь сводного брата своей матери. Из ряда европейских случаев этот выделяет его высокая информативность: вещий сон, заявления, признания и поведенческая память.

---

[55] Я уже опубликовывал краткий обзор этого случая в более ранней книге (Stevenson, 1987/2001).

Краткий обзор случая и его исследование

Самуил Хеландер родился в Хельсинки, Финляндия, 15 апреля 1976 года. Его родителями были Пентти Хеландер и его жена Марья. Самуил был вторым из их двоих детей. Его сестра Сандра была на два с половиной года старше его. Пентти был крановщиком и работал на стройке. Марья была членом лютеранской церкви; религиозную принадлежность других членов этой семьи я не выяснил.

Приблизительно за 10 месяцев до рождения Самуила неожиданно скончался сводный брат Марьи Пертти Хяйкио. Вскоре после этого Марья забеременела и намеревалась сделать аборт. Тогда же она увидела сон, в котором Пертти пришёл к ней и сказал: «Сохрани этого ребёнка». В итоге Марья не стала прерывать беременность[56].

Говорить Самуил начал примерно в годовалом возрасте, а когда ему было около полутора лет, он заговорил о жизни Пертти. Его заявления не были многочисленными; приблизительно половину из них он сделал, когда какой-то человек, фотография или другой объект пробуждали в нём воспоминания. Он продолжал обращаться к жизни Пертти вплоть до моей второй встречи с его матерью, которая состоялась в марте 1981 года, когда Самуилу было пять лет.

Впервые об этом случае я узнал в сентябре 1978 года из письма Риты Кастрен. Позже в том же году я приехал в Хельсинки и 2 декабря долго беседовал с матерью Самуила, Марьей Хеландер. Я познакомился и с Самуилом, но у меня нет записей о том, что он сообщил мне тогда, и я не могу сказать, что провёл с ним беседу. (Ему тогда было всего два с половиной года.) В 1981 году я вернулся в Хельсинки и 8 марта ещё раз поговорил с Марьей Хеландер. 20 марта я беседовал с матерью Марьи (и Пертти) Аннели Лагерквист. Когда я разговаривал с Марьей Хеландер, переводила Рита Кастрен; когда я разговаривал с Аннели Лагерквист, переводил Р. Дж. Мильтон.

Некоторые дополнительные сведения я получил из переписки с Ритой Кастрен и из интервью с Марьей Хеландер, взятого финским журналистом Оскаром Репоненом.

В сентябре 1984 года Рита Кастрен добыла и прислала мне некоторые сведения о развитии Самуила до восьмилетнего возраста.

Осенью 1999 года я снова был в Хельсинки и долго беседовал с Марьей Хеландер. Она прояснила некоторые моменты и рассказала мне о дальнейшем развитии Самуила. Ему тогда было 23 года. Сам он задержался из-за необходимости позаботиться о заболевшем младшем брате; в результате мы не встретились.

Жизнь и смерть Пертти Хяйкио

Пертти Хяйкио родился в Хельсинки 3 июня 1957 года. Его родителями были Пентти Хяйкио и его жена Аннели. У Пертти были две старшие сестры, Марья (Хеландер) и Пирьё, а также младшая, Анна, родившаяся после Пертти. Его родители развелись в 1969 году, и позже Аннели вышла замуж за Рейнера Лагерквиста.

Кажется, Пертти на протяжении всей своей короткой жизни постоянно попадал в самые разные неприятности. Когда ему было три года, он выскользнул из рук матери, упал в ванну, наполненную водой, и чуть не утонул. Когда ему было четыре года, он стоял рядом со стройкой; какой-то тяжёлый предмет упал на него, сломал ему одну ногу и повредил другую. После этой травмы он пролежал в больнице пять месяцев с загипсованными ногами, но в конце кон-

[56] В двух других случаях умерший человек, жизнь которого вспоминал исследуемый, сообщал матери исследуемого своё пожелание о том, чтобы она отказалась от аборта. В случае Юрайи Бугай такое сообщение поступило в ходе спиритического сеанса; в случае Раджани Суклы оно пришло во сне.

цов полностью поправился. Чуть позже, когда ему ещё не было пяти лет, его сильно покусала собака. В одно время – я не выяснил, сколько лет ему было тогда – он повредил спину, и его пришлось положить в больницу. Когда Пертти было 15 лет, он упал в Хельсинки с набережной в воду, на которой уже успел образоваться лёд. Пертти приземлился на ноги, но лёд проломился под его весом, и он чуть не утонул.

Он сумел сбросить с себя часть одежды и ботинки, выбрался из воды и вернулся домой в нижнем белье. После того случая он стал бояться заходить глубоко в воду.

Двумя или тремя годами позже он оставил школу и устроился на работу в компанию, где от сотрудников требовали проходить медкомиссию. Я не узнавал результаты этой медкомиссии, но Пертти вскоре ушёл из той компании, возможно, из-за плохих результатов обследования. Тогда за ним стали замечать, что он пьёт слишком много воды, а после его смерти выяснилось, что у него развился сахарный диабет. В то же время он ещё и злоупотреблял алкоголем. Скончался он 10 июня 1975 года, неожиданно и скоропостижно. Ему было в то время 18 лет.

Мать и отчим Пертти за несколько дней до его смерти отправились в круиз. Он провожал их на вокзале. В день смерти Пертти его мать, Аннели Лагерквист, лёжа на койке в своей каюте, внезапно увидела перед собой фигуру своего умершего отца. Явившаяся к ней фигура не говорила, а только кивала. Аннели расплакалась и сказала мужу, что явление призрака указывает на то, что в их семье кто-то умер. Рейнер Лагерквист ответил, что всё это чепуха, но он уже знал о том, что умер Пертти. Ранее по радиосвязи на судно передали сообщение о смерти Пертти, но Рейнер не рассказал о нём Аннели, потому что боялся, что от этой вести ей станет плохо, а на том судне не было врача.

Пертти был музыкальным; у него была гитара, он играл на ней. Он был необычайно привязчивым. Больше всего Пертти сблизился с матерью и старшей сестрой Марьей. И хотя он был младше Марьи, в некотором смысле он взял на себя роль её старшего брата и защитника.

Заявления и признания, сделанные Самуилом

Первое своё высказывание, указывающее на то, что он вспомнил жизнь Пертти, Самуил сделал, когда ему было примерно полтора года. На вопрос о том, как его зовут, он ответил: «Пелтти». (Он не сумел выговорить букву «р» в имени «Пертти».) Время от времени Самуил также говорил, что он «Пера», а так звучало прозвище Пертти[57]. В то же время Самуил называл мать Марьей, а бабушку по матери, Аннели Лагерквист, – матерью. Он сказал Марье, что она ему не мать. Точно так же он называл иногда Пентти Хеландера просто Пентти, а иногда – папой[58].

Когда примерно в возрасте двух лет Самуил увидел фотографию, на которой был запечатлён Пертти, лежащий в больнице с переломом ноги, он сказал: «Это я, у меня тогда ноги болели». (Он не сказал, что они были сломаны.)

Когда Самуилу было примерно два с половиной года, он неожиданно сказал: «Ко мне Луди пришла». Он сделал это заявление в тот день, когда умерла Лидия, двоюродная бабушка Пертти. (Её имя «Луди» было укороченным.) Самуил знал о том, что Лидия болела, возможно, подумал о том, что она умирает. Однако его замечание поразило Марью, потому что незадолго до того, как умер Пертти, Лидия купила могилу для себя самой; в ней и похоронили Пертти, а позже в неё положили и саму Лидию.

---

[57] Были и другие случаи, когда исследуемый просил называть его именем предшествующей личности: Исмаила Алтинкилика, Кемиля Фахриси и Чаокхуна Раджсутхаджарна.

[58] Другие примеры того, как исследуемый из случаев, ограниченных одним семейным кругом, обращаясь к старшим членам своей семьи, называл их имя, а не степень родства, можно найти в случаях Тхианга Сан Кла, Маунга Хтай Уина, Чаокхуна Раджсутхаджарна и Тару Ярви.

Когда Самуилу было года три или четыре, он листал альбом семейных фотографий и увидел на одной из них Пертти, снятого примерно в то же время, когда он лежал в больнице. Только на ней Пертти был запечатлён во время ходьбы, то есть уже после того, как с его ног сняли гипс. Самуил в разговоре с Аннели сказал: «Мама, на этой картинке я». Потом он сказал, что его ноги были в гипсе и что он лежал в больнице. Никто не спрашивал Самуила об этой фотографии; он сам заглянул в альбом, наткнулся на эту фотографию, а затем принёс альбом Аннели, чтобы показать ей. Я полагаю, хоть и не до конца уверен, что эта фотография отличалась от той, которую Самуил узнал в возрасте двух лет.

Когда Самуилу показывали фотографии Пертти, на которых тому было примерно 10 лет, он, бывало, говорил, что на них изображён он сам. Когда он видел фотографии Пертти, на которых тому было больше 10 лет, то ничего не говорил. Однажды, просматривая альбом с фотографиями, он вдруг сказал: «Я помню, как собака укусила меня за ногу». О том, как его покусала собака и как ему было больно, он говорил не только в тот раз.

Приблизительно в апреле 1979 года, когда Самуилу едва исполнилось три года, он сказал, что в прошлом он повредил спину и его увезли в больницу на машине скорой помощи.

В том же месяце Самуил сделал своё наиболее развёрнутое заявление. Он вспомнил о том, как очень давно зашёл с отцом в «киску» (так он называл киоск). На них были шляпы: на нём синего цвета, на отце – палевого. Они захватили с собой гитару. Один человек нёс ружьё. Дом рядом с киоском загорелся, и им пришлось уйти. Этот рассказ, как утверждала Марья Рите Кастрен, описывал событие, произошедшее в 1974 году, приблизительно за год до смерти Пертти. Его друг готовил вечеринку, которая должна была состояться в домике рядом с киоском у железной дороги. Чердак дома загорелся, и вечеринка сорвалась. (Марья не сказала, правильно ли Самуил указал цвет шляп.)

Самуил не всегда признавал Марью сестрой, а Аннели матерью. Однажды, увидев фотографию Пентти Хяйкио и Аннели, он сказал: «Вот папа, а с ним бабуля». Марья попыталась сбить Самуила с толку, сказав, что он неправильно определил их, но он просто повторил то, что уже сказал. В этом признании имеет значение то, что Самуил никогда не видел отца Пертти, Пентти Хяйкио.

Глядя на фотографию Пентти Хяйкио, Самуил сказал: «Это мой отец». Марья и Аннели считали важным то, что Самуил узнал на фотографиях Пентти Хяйкио, потому что второй муж Аннели, Рейнер Лагерквист, ревновал к Пентти, и Аннели никому не показывала его фотографии, чтобы не раздражать Рейнара.

У Пертти была гитара, он играл на ней. После его смерти её убрали в футляр и спрятали в шкаф. Никто не говорил Самуилу об этой гитаре, но он всё равно искал её, нашёл и заявил, что она принадлежит ему.

После смерти Пертти всю его одежду уничтожили, кроме вельветового пиджака, хранившегося в шкафу. Однажды Аннели и Марья открыли шкаф и (в присутствии Самуила) заговорили о том, не отдать ли кому-нибудь этот пиджак. Самуил закричал, что он принадлежит ему и что его нельзя никому отдавать. Но Аннели и Марья могли ранее говорить (хотя они об этом не сказали) о том, что этот пиджак принадлежит Пертти, поэтому мы не должны принимать на веру то, что Самуил узнал его. Однако мы можем придать значение тому, как громко и настойчиво он потребовал оставить пиджак, который назвал своим. Этот случай произошёл, когда Самуилу было примерно три года.

У Пертти были часы, которые сломались и лишились стрелок. После его смерти Аннели положила их в ящик, в котором хранился разный «хлам». Однажды Аннели открыла ящик в тот момент, когда рядом с ней был Самуил. Он увидел эти часы, схватил их и сказал, что они

принадлежат ему. Завладев часами, он стал хранить их или под подушкой, или в ящике под своей кроватью[59].

Аннели брала с собой Самуила на кладбище, где был похоронен Пертти. Увидев могилу Пертти, Самуил сказал: «Это моя могила». В другой раз, когда Марья взяла Самуила на кладбище, он сказал: «Мы идём к моей могиле».

Заявления Самуила о событиях между смертью Пертти и его рождением

Самуил прокомментировал, как сильно мать Пертти (бабушка Самуила по матери, Аннели) горевала по нему. (Так, он упомянул горе Аннели после смерти Пертти.)

Самуил также сказал, что когда-то его отнесли в такое место, где было много гробов, а некоторые из них были открыты. В случае Пертти так и было: его тело отвезли в морг после того, как он неожиданно умер.

Особенности поведения Самуила, связанные с предыдущей жизнью

Обстоятельства и манера повествования Самуила о предыдущей жизни. Как я уже говорил ранее, большинство своих заявлений Самуил делал, по-видимому, под воздействием какого-то человека, фотографии или другого предмета, имевшего отношение к Пертти. Однако он сделал несколько заявлений, которые, как представляется, были совершенно естественными высказываниями о воспоминаниях. Но и они, возможно, были вызваны некими побуждениями, не замеченными Марьей и Аннели.

Иногда люди слышали, как Самуил, разговаривая с собой, говорил: «А, это тот бедняга, который умер». Марья предположила, что при этих словах Самуил вспоминал смерть Пертти.

Боязнь воды у Самуила. В детстве Самуил испытывал заметный страх перед купанием. Марья рассказывала, что его «охватывала паника», когда он купался. Он боялся мыться даже под душем.

Отношение Самуила к матери и бабушке. Я уже упоминал о том, что в детстве Самуил часто называл Марью по имени, а Аннели – матерью. Он был особенно привязан к Аннели. Однажды, когда ему было примерно два года и его уже отняли от груди, он, сидя на коленях у Аннели, попытался добраться до её груди. «Мама, – сказал он. – Дай мне своё молоко».

Походка и осанка Самуила. У Пертти была привычка стоять, выставив вперёд ногу, а зачастую ещё и уперев в бок руку. А когда он волновался, то ходил, заложив руки за спину. Самуил, по наблюдениям людей, принимал такое же положение и ходил точно так же, заложив руки за спину. У Марьи не было таких привычек[60].

Другие особенности поведения Самуила, связанные с предыдущей жизнью . У Пертти было одно трогательное обыкновение: на Рождество, когда семья собиралась вместе, он обходил всех в комнате, целуя каждого по очереди. В Рождество 1978 года, когда Самуилу было два с половиной года, он пошёл по кругу в той комнате, в которой сидели его родственники,

[59] В случае Уильяма Джорджа младшего, тлинкита из Аляски, исследуемый узнал часы, принадлежавшие предшествующей личности, и продемонстрировал такое же ревнивое отношение к ним, как и Самуил к часам Пертти.

[60] В своей монографии о случаях с родимыми пятнами, родинками и врождёнными дефектами (Stevenson, 1997) я написал об этом целую главу «Телосложение, позы, жесты и другие непреднамеренные движения, связанные с прошлыми жизнями».

каждого касался рукой и целовал в щёку. Этим он, по-видимому, копировал привычный всем рождественский обычай Пертти.

Самуил вообще был необыкновенно отзывчивым человеком, как и Пертти.

Поразительные случаи телепатического общения Самуила

Однажды Аннели смотрела на фотографии могил их родственников и плакала. В этот момент Марья позвонила ей и сказала, что Самуил только что сообщил ей (Марье): «Маленькая бабушка расплакалась. Скажи ей, чтобы она не плакала». (Здесь Самуил назвал Аннели маленькой бабушкой, а не мамой или мамулей, как иногда называл её.)

Несколько раз бывало так, что Марья решала идти в магазин, а Самуил, игравший в тот момент во дворе, неожиданно заходил в дом, явно намереваясь сопровождать её. Марья полагала, что войти в дом Самуила побудила её мысль, воспринятая им телепатически.

Физические сходства между Самуилом и Пертти

Марья полагала, что телосложением Самуил походил на Пертти и улыбался так же, как и он. Мне не удалось спросить Аннели, согласна ли она с Марьей с такой оценкой. Однако это не имеет большого значения, потому что такие сходства могут быть обусловлены генетической общностью.

Дальнейшее развитие Самуила

В сентябре 1984 года Рита Кастрен снова встретилась с Марьей Хеландер, чтобы узнать о дальнейшем развитии Самуила. Ему было восемь лет, он учился во втором классе. Марья думала, что он ещё что-то помнил о предыдущей жизни, но эти воспоминания исчезли.

В 1999 году Самуилу было 23 года. Он ходил в школу до 16 лет и не стал поступать в институт. Работал он в транспортной компании. На здоровье не жаловался. Женат он не был, и тем не менее решил покинуть дом матери и жить отдельно в другом месте. (Его отец Пентти Хеландер в 1986 году покончил с собой.)

Самуил так и не перестал бояться воды, плавать он не умел. А ещё он боялся умереть молодым, как Пертти. Этот страх накатывал в виде «приступов», которые проходили, а потом вновь возвращались.

Марья сказала, что Самуил никогда не говорил о предыдущей жизни. Однако она заметила, что когда он приходил к ней в гости и думал, что на него никто не смотрит, то подолгу искал Пертти на фотографиях, которые она хранила дома.

Комментарий

По моему мнению, важно ещё раз отметить одно слабое место случаев в «одном семейном кругу»: в них, за редкими исключениями, заявления всех исследуемых относятся к событиям, объектам или людям, хорошо известным тем членам семьи, которые рассказывают об этих случаях. Вероятность невольной передачи сведений исследуемому обычным способом возрастает, когда кто-то в семье – в данном случае мать Самуила – надеется на то, что предшествующая личность переродится. Однако у случаев этого типа есть и преимущество: эти люди, рассказывающие о поведении исследуемого, могут сразу оценить, насколько оно соответствует нраву предшествующей личности.

Марья призналась мне, что она до такой степени уверилась в том, что Самуил – это переродившийся Пертти, что иногда, забываясь, называла его Пертти. (Он всякий раз откликался.) Марья понимала, что, возможно, ведёт себя неразумно. Мы должны поверить ей, принимая во внимание силу её убеждённости в том, что Пертти вернулся в образе Самуила.

Теуво Койвисто

Краткий обзор случая и его исследование

Теуво Койвисто родился в Хельсинки, Финляндия, 20 августа 1971 года. Его родителями были Ян Койвисто и его жена Луса. Теуво был младшим из их четверых детей, все они были мальчиками. Ян Койвисто был предпринимателем. Ближайшее предки этого семейства были в основном финнами, а более отдалённые пришли из Германии и Венгрии. Одна из прабабушек Лусы была родом из Польши, а одна из её прапрабабушек была еврейкой.

Койвисто были прихожанами лютеранской церкви. У Лусы Койвисто в возрасте 16 лет было одно переживание, во время которого она, по-видимому, вспомнила предыдущую жизнь во Франции во времена Великой французской революции. Ничто из этого случая не поддавалось проверке, как и в другом случае, с ещё менее ясными воспоминаниями о прошлой жизни в Тибете. Благодаря своему опыту Луса уже была готова внимательно слушать Теуво, когда тот заговорил о своей прошлой жизни.

Когда Луса носила в себе Теуво, она увидела два сна; и один из них, по крайней мере, мы могли бы счесть вещим.

Теуво родился здоровым, но уже в раннем детстве стал заметно бояться темноты, причём до такой степени, что в той комнате, где он спал, родители всю ночь не выключали свет. Говорить он начал, когда ему было примерно полтора года. Приблизительно в двухлетнем возрасте он объяснялся отрывистыми фразами, а после трёх лет стал говорить свободно. Примерно в этом же возрасте он удивил мать, подробно описав то, что очень походило на концентрационный лагерь и практиковавшееся там умерщвление узников. (Теуво не использовал словосочетание «концентрационный лагерь», но его рассказ однозначно указывал именно на него.)

Приблизительно в то время, когда он описывал ощущения узника концлагеря, ему иногда становилось трудно дышать. (Возможно, одышка возникала у него и ранее, но мать стала замечать её, только когда ему исполнилось три года.)

Рита Кастрен узнала об этом случае в начале 1976 года, когда Теуво было примерно четыре с половиной года. 2 февраля 1976 года она поговорила с Лусой Койвисто и прислала мне стенограмму их беседы. Почти через три года, 1 декабря 1978 года, с Лусой поговорил я. Обе беседы состоялись в Хельсинки. С Яном Койвисто я не встречался; Луса сказала, что Теуво никогда не говорил с ним о своих воспоминаниях.

Осенью 1999 года я снова приехал в Финляндию. В этот раз мне не удалось встретиться с Лусой Койвисто, но Рита Кастрен дважды разговаривала с ней по телефону и получила некоторые дополнительные сведения о детстве Теуво и о его дальнейшем развитии. 25 сентября я встретился с Теуво (в Хельсинки) и долго беседовал с ним.

Сны Лусы Койвисто во время её беременности Теуво

Первый из этих снов приснился, когда Луса, вероятно, наполовину спала, наполовину бодрствовала. Она увидела себя стоящей в очереди из заключённых; ей показалось, что всё это происходило где-то на Ближнем Востоке. Очередь из заключённых двигалась вперёд, и кто-то сказал Лусе: «Спрячься под соломой». Тогда она выскользнула из очереди заключённых и

оказалась рядом с человеком, у которого был экземпляр Каббалы. Некоторые люди там стреляли. Кто-то сказал: «Младенец, которого ты ждёшь, еврей; я не дам тебе умереть». На этом её переживание закончилось.

У второго сна была менее очевидная связь с рождением Теуво. Луса очутилась в палатке, отделанной красным бархатом. В ней сидел «мудрый старик» с телескопом. Он указал на яркий свет, который лучился всё сильнее. Старик сказал, что этот свет был таким ярким из-за соединения трёх планет. Он указал на этот свет и сказал: «Это твой свет». (Луса сказала, что, как она выяснила, в день рождения Теуво произошло соединение Марса и Венеры.)

Заявления Теуво о предыдущей жизни

В этом разделе я передаю рассказ Лусы для Риты Кастрен в 1976 году и для меня в 1978 году. В обеих беседах Луса рассказала практически одно и то же, не считая мелких расхождений, но в каждом из её рассказов было то, чего не было в другом.

Луса помнила, как Теуво сказал ей, что он уже жил прежде. Тогда он упомянул «большую печь». Он подробно описал эту печь и добавил, что люди в ней лежали слоями, наваленные друг на друга как придётся. Он сказал, что его отвели в «ванную», где у людей отняли последнее – например, очки и золотые зубы. Затем людей раздели и затолкали в печь. Из отверстий в стенах сочился газ. Он не мог дышать. Теуво заявил, что он «знал» о том, что и его отправят в печь, но не сказал, что его действительно препроводили туда. По его словам, он пришёл к матери после того, как увидел, что в печь затолкали других людей. Теуво также описал «духовку», в которой были дети.

Сделав эти заявления, Теуво добавил: «Тогда я пришёл к тебе. Меня прислали сюда. Мама, ты рада тому, что я пришёл к тебе?»

Спустя какое-то время Теуво сделал свои первые заявления о предыдущей жизни своей матери. Он сказал: «Я запутался в колючей проволоке. Приди и вытащи меня!» В тот момент он казался подавленным.

Особенности поведения Теуво, связанные с прошлой жизнью

Обстоятельства и манера повествования Теуво о предыдущей жизни. Первые свои заявления о предыдущей жизни Теуво сделал однажды утром после пробуждения. Хотя тогда, приблизительно в возрасте трёх лет, он только начинал свободно говорить, в тот раз он удивил мать своим словарным запасом, использованным им для описания переживаний, которые он, надо полагать, вспомнил. А когда у него не было подходящих слов, он жестами показывал форму печей.

Луса рассказывала, что Теуво был «ошарашен» и «до смерти перепуган», когда он описывал эти переживания. Он был до того взволнован, что она попыталась отвлечь его, рассказав ему сказку.

В 1976 году Луса сообщила Рите Кастрен, что Теуво часто повторял свои первые заявления, и всякий раз утром после пробуждения. Она сказала, что он продолжал говорить о своих воспоминаниях в течение примерно полугода. В 1978 году Луса забыла самые поздние заявления Теуво и помнила только первые, сделанные им приблизительно в трёхлетнем возрасте. Она не помнила тогда, чтобы он повторял свои заявления или некоторых из них.

Боязнь темноты у Теуво. Теуво продолжал бояться темноты до семилетнего возраста. Потом этот навязчивый страх пропал.

Скрытность Теуво. В раннем детстве Теуво часто теряли, потому что он прятался. Иногда он пробивал перегородки, разделявшие комнаты. В том доме, где в то время жила его семья, стены были чрезвычайно тонкими, поэтому подросший ребёнок мог пробить их.

Другие важные особенности поведения Теуво

Иногда Теуво играл в солдата. Луса полагала, что в этой игре он подражал старшему брату, который был на восемь лет старше Теуво.

До двухлетнего возраста Теуво не хотел носить одежду, даже когда он выходил из дома в холодную погоду.

В отличие от Дэвида Льювелина, в поведении Теуво не было ничего из того, что можно было бы счесть типично еврейским.

Одышка Теуво. В то время, когда Теуво впервые описал свои воспоминания, ему стало трудно дышать. Казалось, что ему не хватало воздуха и было больно дышать. Одышка возникала у него нерегулярно, иногда два раза в неделю, а потом не повторялась три месяца. Приступы продолжались 10–15 минут. Врач, к которому обратилась Луса, сказал, что астмы у Теуво нет. Этот симптом ещё присутствовал в 1978 году, когда я беседовал с Лусой.

Если не считать эти возникавшие время от времени одышки, у Теуво было отменное здоровье.

Вероятность того, что Теуво мог узнать о концентрационных лагерях обычным способом

Луса уверенно заявила о том, что Теуво никак не мог приобрести имевшиеся у него знания о немецких концентрационных лагерях обычным способом. Ему редко позволяли смотреть телевизор; все фильмы, содержащие сцены насилия, исключались. Его родители и старшие братья никогда не говорили в присутствии Теуво на такие темы, как концентрационные лагеря и газовые камеры. В то время, когда Теуво заговорил о предыдущей жизни, его семья жила в собственном доме. У них были соседи, но они не поддерживали отношения с ними. Теуво тогда был застенчив и никогда не разговаривал с соседями. Дедушки или бабушки не жили в его семье.

Связи Финляндии и Германии во время Второй мировой войны

Во время Второй мировой войны Финляндия была союзницей Германии в войне с Россией. Финские политики надеялись на то, что победа немцев позволит Финляндии вернуть часть своей территории, которую она прежде уступила России по итогам советско-финской войны 1939–1940 годов. В то же время финское правительство ограничило сотрудничество с Германией. Финляндия не участвовала в устроенной немцами блокаде Ленинграда (Haikio, 1992) и не откликалась на требования немцев выдать Германии еврейских беженцев, спасавшихся от преследования нацистов. Историки и мемуаристы позже разошлись во мнениях о том, сколько еврейских беженцев в Финляндии были выданы немцам (Lundin, 1957). На самом деле выдали не больше пятидесяти человек или, возможно, только четырёх правонарушителей, преступивших закон в Финляндии. Рауткаллио (1987) утверждал, что никаких еврейских беженцев Финляндия немцам не выдавала.

В Финляндии проживало не так много евреев, которые, не являясь беженцами из Центральной Европы, имели финское гражданство. В 1941 году Рейнхард Гейдрих, заместитель

начальника нацистского гестапо, составил список, весьма приблизительный, евреев в различных странах Европы. По его «переписи» в Финляндии было только 2300 евреев (Gilbert, 1986). Военное присутствие немцев в Финляндии было незначительным; и почти нет сомнений в том, что, не считая небольшого числа беженцев, евреев они оттуда не угоняли. В концлагеря могли отправлять и тех финнов, которые не были евреями, по самым разным причинам. Немногочисленных узников из Финляндии обнаружили ещё живыми в концлагере Дахау, освобождённом 30 апреля 1945 года (Smith, 1995).

У семьи Койвисто не было связей с евреями

Семья Койвисто не общалась ни с кем из евреев. В годы сотрудничества Финляндии с Германией (1940–1944) семья Лусы жила в многоквартирном доме, среди жильцов которого было и несколько евреев. Луса не знала, забрали ли немцы кого-нибудь из еврейских соседей, чтобы отправить их в концлагерь. (Согласно источникам, процитированным мной в предыдущем разделе, это представляется практически невероятным.)

Насколько описанные Теуво сцены отражали быт в немецких концентрационных лагерях

Теуво, без сомнения, точно описал то, что было в концентрационных лагерях: колючая проволока, конфискация личного имущества, принудительное раздевание жертв, ложь охранников о том, что газовые камеры – это «ванные комнаты» (там даже таблички имелись с соответствующими надписями), смерть от ядовитого газа и сжигание тел жертв в печах, а иногда в ямах или колодцах.

Правдой было и то, что немцы удаляли золотые зубы убитым заключённым. Однако они делали это уже после того, как отравили их газом и перед тем, как сжечь их тела в печах или ямах. В Треблинке детей иногда бросали в ямы с костром ещё живыми (Donat, 1979). То же было и в Освенциме: детей, а иногда и женщин там бросали живьём в пылающие ямы (Kraus and Kulka, 1966).

Слова Теуво о затруднённом дыхании заключённых в то время, когда их убивали газом, получили подтверждение благодаря отчёту очевидца, доктора Миклоша Нисли (Nyiszli, 1960/1993). Доктор Нисли, еврейский врач из Венгрии, был арестован в апреле 1944 года и отправлен в Освенцим. Там печально известный доктор Йозеф Менгеле выбрал его помощником для своих медицинских экспериментов. Так Нисли стал членом зондеркоманды лагеря, куда входили заключённые, образование и навыки которых могли быть полезны для «отрядов охраны» (эсесовцев), в ведении которых находились концлагеря. Большинство членов зондеркоманды были также убиты (чтобы скрыть следы преступлений), но Нисли выжил и подробно описал в своей книге процедуру убийства немцами заключённых в концлагерях. Летучим газом, отравляющим людей в Освенциме, был пестицид на основе синильной кислоты, смерть от него наступала через 5–15 минут. Заключенных вталкивали в комнату, где им приказывали снять с себя всю одежду (чтобы немцы могли снова использовать её). На этой комнате была табличка с надписью о том, что это ванная. Затем ими плотно набивали вторую комнату, в которой не было вешалок для одежды или скамеек, а были только трубы, тянущиеся вертикально из пола, с отверстиями по всей их длине. Потом двери закрывали, и из баллонов выпускали газ, который тёк вниз по трубам в комнату. Этот газ вытекал из отверстий в вертикальных трубах и начинал быстро отравлять людей, находящихся в камере смерти. «Сначала газ заполнял нижние слои воздуха и медленно поднимался к потолку. Это вынуждало жертв топтать друг друга и карабкаться вверх в отчаянной попытке избежать удушающего газа» (Nyiszli,

1993, p. 52). После того как все заключённые погибали, их тела выволакивались из камеры смерти; мертвецов, предварительно вырвав у них все золотые зубы, запихивали в крематорий, огромные печи которых разносили через дымоходы смрад и копоть от горящей плоти.

Нисли приложил к своему отчёту рисунки, на которых тела заключённых, убитых газом, были сложены друг на друга. Другие авторы описали груды тел в прочих лагерях смерти – например, в Треблинке (Donat, 1979) и в Дахау (Smith, 1995).

Эти концентрационные лагеря окружала колючая проволока. Верхний провод по периметру лагеря находился под высоким напряжением, мгновенно убивавшим любого, кто прикасался к нему. Никого не удалось бы вынуть из этой колючей проволоки живым; но такая вещь могла случиться, если кто-то запутывался в колючей проволоке, которая не была под напряжением. В таком огромном лагере, как Освенцим, колючая проволока без электричества разделяла секторы лагеря. На обложках трёх книг о концентрационных лагерях изображена колючая проволока (Donat, 1979; Gill, 1988; Smith, 1995); колючая проволока стала символом ужасов концлагерей.

Детей по их прибытии в лагеря смерти сразу отправляли в газовые камеры или горящие ямы. Как и стариков, их считали неспособными к работам и потому бесполезными. Если же ребёнок успел достичь возраста 14 лет, то его, как правило, оставляли в живых (Gill, 1988).

«Скрытное поведение» Теуво может быть связано с условиями в варшавском гетто перед еврейским восстанием 1943 года. Разрушение стен было отличительной особенностью плана евреев: чтобы во время восстания быстрее иметь возможность перемещаться, переносить свои вещи и припасы в соответствии с обстоятельствами. Донат писал:

Помимо сооружения укрытий, люди столь же спешно пробивали бреши между комнатами, квартирами, лестницами, подвалами и чердаками, связывая здания таким образом, чтобы в конечном счёте мы могли перемещаться по всему кварталу, ни разу не выйдя на улицу [стр. 96].

Комментарий

В рассказе Теуво (или, возможно, в воспоминаниях Лусы о его рассказе) была вкратце описана процедура умерщвления заключённых. Их личные вещи, такие как очки, отнимали у них до того, как их травили газом; но их травили газом раньше, чем у них вырывали золотые зубы. Обычно они умирали раньше, чем их помещали в печи. В любом случае эти подробности, при всей их некоторой непоследовательности, на удивление верны.

Из вышеизложенного не следует, что жизнь Теуво закончилась в Освенциме или в соседнем с ним лагере Биркенау. Такие же методы убийства заключённых немцы использовали и в других лагерях – например, в Треблинке и Собиборе (Gill, 1988). В этих лагерях заключённых также убивали газом, но не синильной кислотой – их травили угарным газом из выхлопных труб бензиновых двигателей. В Дахау для убийства заключённых использовали и угарный газ, и синильную кислоту (Smith, 1995).

Дальнейшее развитие Теуво

Проучившись несколько лет в средней школе, Теуво поступил в школу бизнеса, которую успешно закончил. Своей профессией, однако, он избрал музыку и в 1999 году работал профессиональным музыкантом, а позже преподавал музыку.

Он сказал, что одышка, возникавшая у него в раннем детстве, прекратились к тому времени, когда он пошёл в школу примерно в возрасте пяти лет.

В 1997 году Теуво женился, и к 1999 году у них с женой уже был двухлетний сын.

Ко времени нашего с ним разговора 25 сентября 1999 года у Теуво не было зрительных воспоминаний о предыдущей жизни. Тем не менее он помнил своё «скрытное поведение», которое, по его словам, проявлялось у него по крайней мере до 13 или 14 лет. Он помнил, что с самых ранних лет всегда хотел ощущать себя в безопасности, и ему не нравилось его тогдашнее место жительства, потому что в нём не было укромных мест.

Теуво сказал, что он чувствовал беспокойство всякий раз, когда видел нацистскую униформу или нацистский флаг (со свастикой). Иногда он буквально столбенел от страха, когда ему случалось увидеть их. При виде флагов Великобритании или Франции он не ощущал страха.

Теуво очень интересовался религиями, но особого влечения к иудаизму не испытывал. Он верил в перевоплощение, но считал его несовместимым с христианством.

Комментарий

В своих рассказах и Теуво, и Дэвид Льювелин описывали жизнь немецких концентрационных лагерей, но каждый из них помнил различные бытовые особенности. Возможно, они помнили, как люди жили и умирали в разных лагерях. Вместе с тем в умах двух личностей, чьи воспоминания позднее ожили в Дэвиде и Теуво, могли запечатлеться разные моменты жизни в одном и том же лагере.

Сообщения о случаях: повторяющиеся или ясные сны

Дженни Маклеод

Ранее в этой книге я описал заявления Дженни Маклеод о жизни её прабабушки. Они были сделаны, когда она была совсем малышкой, ей тогда едва исполнилось два года. В более старшем, хотя всё ещё детском возрасте, Дженни видела серию периодически повторяющихся сновидений, которые я здесь опишу и рассмотрю.

Повторяющиеся сновидения Дженни о сражении при Каллодене

В возрасте между семью и восемью годами, то есть в 1956 и 1957 годы, Дженни начала регулярно видеть один сон, всякий раз с неизменным содержанием. Но в ряде случаев Дженни просыпалась раньше, чем её сон достигал своей конечной точки. Она не описывала этот сон как ясный. Дженни видела его то чаще, то реже. В отдельные моменты её жизни он снился ей каждую вторую ночь в течение недели, а затем не возвращался месяцами. Она продолжала видеть этот сон до возраста 13 или 14 лет. Когда я встретился с Дженни в октябре 1967 года, ей ещё не исполнилось 18 лет. Тогда она сказала, что не видела этот сон приблизительно четыре года.

Следующее описание её сновидения взято из заметок, которые я сделал после моего разговора с Дженни в октябре 1967 года, когда мы встретились в Абердине. Для того чтобы читателем было легче понять текст, я добавил несколько поясняющих слов и фраз в скобках.

[Я] лежала на поле. Своё тело [я] видела со стороны. Справа от меня находились ворота, но не современные, а сделанные из белой берёзы. Они были поломаны. Через холм в мою сторону направлялись какие-то люди, не больше четырёх человек. На них была одежда коричневато-зелёного цвета. [Их] головные уборы были, возможно, из такого же материала. Видно было не очень хорошо. [Все] они были одеты одинаково. (Здесь Дженни особо оговорила, что она не узнала одежду, которую носили эти люди.) Я подумала, что они собираются сделать что-то дурное. Они подошли ко мне. Я притворилась раненой. Кто-то из них хотел проткнуть меня мечом, но не сделал это. Они ушли. Приближаясь [ко мне], они останавливались и добивали других людей. У них были, как мне кажется, довольно короткие плоские мечи.

В том сне я была старше [возраста, в котором начались эти сновидения]. Мне не было [тогда] и семи лет, но я, как мне представляется, рассуждала как четырнадцатилетняя. Моё тело, кажется, было больше, но ещё не как у взрослого. Я носила красный килт[61], но волосы у меня были короткими. [Я] не уверена, кем [я] была: девушкой или юношей. Ещё четверо или пятеро были убиты прежде, чем они добрались до меня.

Я ждала, пока они не ушли. Я замерзла, начинало темнеть. Меня очень пугало, что я осталась в одиночестве. [Сначала] я пошевелила головой, [затем] поднялась. До меня доносились какие-то завывания: так кричали люди. Я попыталась пролезть через ворота. Они не поддались. Я попыталась закрыть их. Я побежала пригнувшись, добралась до большой стены и обнаружила, что это часть задней стены какого-то дома. Там была пожилая женщина. Я попросила её помочь мне уйти, но она отказалась. Тогда я с криком побежала. На этом месте я обычно просыпалась.

[61] Кэмероны, Макинтоши и Фрейзеры, составлявшие значительную военную силу на стороне Стюартов в сражении при Каллодене, носили красные шотландские пледы (Moncreiffe and Hicks, 1967).

В течение нашей беседы Дженни добавила ещё несколько подробностей этого сна. Она сказала, что в этом сне чувствовала, что бежит, но одновременно видела себя бегущей (словно со стороны). Она думала, что килт, который она (юноша из этого сна) носила, был в стиле Стюартов[62]. В детстве она и сама носила килты. У Дженни имелся килт Макферсонов, был у неё и килт Фрейзеров. Килт, который она носила в том сне, был короче тех, которые она носила в детстве. Он был дырявым, рваным и грязным.

Что касается пейзажа в том сне, то она запомнила отсутствие деревьев. Трава была тёмно-жёлтой, а не зелёной. На холмах рос вереск. «Один большой холм там был буквально заполонён зарослями этой травы – вересковыми пустошами».

В возрасте между 10 и 14 годами Дженни видела другое повторяющееся сновидение. В том сне она находилась на вершине дома, объятого пламенем, и пути к спасению у неё не было[63]. Она бегала туда-сюда, пытаясь спастись, и с криком просыпалась. Когда Дженни была младше, огонь зачаровывал её, но мать строго запретила ей играть со спичками, и Дженни решила, что её сон о пожаре мог быть вызван суровостью матери, боявшейся пожара в доме.

Сновидения Дженни напрямую не указывали на Каллоден. Они могли относиться и к какому-нибудь другому сражению. Во время нашей переписки я спросил её, когда и как она связала свои сновидения с битвой при Каллодене. Она ответила (в письме, датированном 23 января 1968 года):

Впервые я услышала о Каллодене, насколько я могу вспомнить, когда ходила в седьмой [класс] средней школы. На уроке учитель дал нам только сухие исторические сведения о том сражении: кто с кем сражался и по каким причинам. Возможно, именно поэтому моё детское воображение связало сцену этой битвы с Каллоденом. Кроме того, я думаю, это можно объяснить килтами и прочими вещами из моего сна, натолкнувшими меня на мысль о том, что это наверняка Каллоден. Прошу прощения за то, что не могу лучше разъяснить этот момент: *я размышляла об этом вопросе, но пока что не смогла определиться!*

Знания Дженни о сражении при Каллодене и его исходе, полученные обычным способом

Сражение при Каллодене произошло близ Инвернесса 16 апреля 1746 года. Оно было последним боем маленькой якобитской армии, ведомой принцем Чарльзом Эдвардом Стюартом, «юным претендентом» на британский престол, и лордом Джорджем Мюрреем. Шотландцы были наголову разбиты хорошо обученной британской кавалерией, под командованием герцога Камберлендского.

Маргарет Маклеод (мать Дженни) сказала, что она и её муж интересовались историей, но она была уверена в том, что о сражении при Каллодене в их семье заговорили лишь после того, как Дженни начала описывать свои сновидения. Сама Дженни сказала преподобному Г. У. С. Мюру о том, что впервые об этом сражении она узнала (значит, обычным способом), когда ей было лет 11 или 12, в седьмом классе. В то время Дженни «знала» (из своего повторяющегося сна), что многих людей убили после сражения, хотя ни учебник по истории, ни

[62] Как минимум один из шотландских клетчатых орнаментов Стюартов также красного цвета (Moncreiffe and Hicks, 1967).

[63] Тейлор (1965) писал: «Многие раненые и убегавшие [после сражения при Каллодене] спрятались в торфяных хибарках [хижинах] или в надворных постройках в различных частях поросших вереском торфяников. Одним из таких укрытий, как полагают, стал сарай у старого дома Лианаков. Более 30 человек, которые, по-видимому, во время сражения ускользнули от кавалерии, обнаружили там спустя двое суток, в пятницу. Вместо того чтобы просто сразу расстрелять оставшихся в живых, солдатам приказали заколотить этот сарай и поджечь его. Тридцать человек, среди которых были офицеры и раненые, заживо сгорели в пламени [стр. 45].

учитель об этом не упомянули[64]. В нашей беседе, состоявшейся через несколько месяцев после её разговора с преподобным Мюром, Дженни сказала, что до 14 или 15 лет до неё не доходила (обычным способом) информация о резне после того сражения.

Дженни также не проверяла и другой момент из своего сна до того же возраста, касательно юношей, призванных в армию якобитов. Шотландское Историческое общество опубликовало список «пленников сорок пятого», с именами 3300 пленных, среди которых было много совсем молодых людей и даже детей. Сам я не изучал эту работу, но полковник И. К. Тейлор составил для меня список из 28 таких юных пленников. Им было от 8 до 15 лет, но большинству было 13–14 лет (Seton and Arnot, 1928, процитировано Тейлором в переписке). Одних простили, других увели. Я не спрашивал Дженни, и она не упоминала о том, как она узнала, что в якобитскую армию было призвано так много молодых людей. Она, конечно, не прикладывала особых усилий для изучения этого сражения; ко времени нашей с ней встречи она даже не побывала на поле, где состоялась эта битва.

Дженни не проверила и другой момент своего сна, даже во время нашей встречи в 1967 году. Это цвет униформы солдат, которые убивали раненых и убегавших якобитов после сражения. Дженни описала их униформу как коричневато-зелёную. Хотя в своём большинстве шотландские горцы выступили на стороне Стюарта, некоторые отказались делать это: «В общем и целом, больше вооружённых шотландцев было на стороне правительства, чем на стороне якобитов» (Mackie, 1930/1962, p. 248). Кэмпбеллы предоставили британской армии полк народного ополчения. В дальнейшем, когда сражение закончилось, Кэмпбеллы поднялись на укрепления на правом фланге армии якобитов и напали на них во время их отступления. В письме ко мне, датированном 5 декабря 1967 года, полковник И. К. Тейлор писал: «Стоит предположить, что первоначально плед Кэмпбеллов, или, что более вероятно, шотландский плед области Аргайл был мрачных тонов, то есть тёмно-синего и тёмно-зелёного цвета, а плед такого цвета при выцветании, конечно, приобретает коричневатый оттенок».

Комментарий

Несмотря на то, что Дженни сказала о том, что информация о резне убегавших якобитов после сражения стала доходить до неё уже после того, как она начала видеть свои повторяющиеся сны, всё же этот момент – из трёх, упомянутых выше, – она скорее всего узнала обычным способом. Как я уже говорил, семья Дженни переехала из Кингасси в Тор, когда ей было примерно пять лет, а её сны о том сражении начались примерно годом позже. И Каллоден, и Тор находятся всего лишь в нескольких километрах от Инвернесса, самого большого города на Шотландском нагорье. Якобитская армия перед сражением была расквартирована в Инвернессе, а после сражения туда пригнали пленных. За убийства бегущих от сражения якобитов герцога Камберлендского прозвали Мясником. Помимо быстрого поражения якобитов и столь негуманного обращения с ними со стороны победивших британцев, подавление якобитского восстания привело к полному изменению уклада жизни в горной области Шотландии. Её жителям запретили носить шотландский плед, руководители кланов были лишены своих негласных прав, были построены новые дороги (для военных нужд), да и в других отношениях шотланд-

[64] В 1961–1962 гг. Дженни было 11 или 12 лет. В те времена в детских учебниках по истории Шотландии могли и не освещаться в полной мере зверства, которые творили британцы после сражения при Каллодене. В 1895 году было издано в трёх томах сочинение Форбса «Лион в трауре». Это была подборка свидетельств и других отчётов о восстании 1745 года, сражении при Каллодене и его последствиях. Однако эта работа не получила широкой известности за пределами круга специалистов по шотландской истории. Вероятно, злодеяния британских солдат после боя вообще не подвергались оценке до публикации работ, написанных для широкого круга читателей Пребблом (1961), Янгом и Адаиром (1964) и Тейлором (1965), каждая из которых была издана уже после того, как Дженни начала видеть повторяющиеся сны. Но это не исключает того, что устная традиция, не зависящая от письменных источников, могла сообщать в районе Инвернесса о совершенных тогда злодеяниях.

ское высокогорье было «умиротворено». В этой области тема того сражения и его последствий время от времени могла обсуждаться и через 200 лет; и даже если родители Дженни никогда не заговаривали на эту тему, две её старшие сестры или другие взрослые вполне могли делать это в её присутствии.

Знание двух других моментов – о юношах, призванных в якобитскую армию, и о тёмно-зелёной униформе британцев – с гораздо меньшей вероятностью могло достичь Дженни обычным способом до того, как она увидела свои сны.

Томас Эванс

Краткий обзор случая и его исследование

Томас Дж. Эванс родился в Кнюк Силджерране, Кардиганшир, Уэльс, Великобритания, 9 марта 1886 года. Его родителями были Джон Эванс и его жена Эмили. Джон Эванс был рабочим карьера. У Томаса была одна старшая сестра и несколько младших братьев или сестёр: я не выяснял пол детей. Достигнув зрелого возраста, Томас пошёл работать в шахту. Я не знаю, какую религию исповедовали его родители, но сам Томас Эванс заинтересовался спиритизмом и в конечном итоге стал считать своей религией именно спиритизм[65].

В раннем детстве, а точнее в возрасте четырёх или пяти лет, Томас Эванс увидел первый из череды ясных снов, в котором он был свидетелем того, как его вешала окружившая его злобная толпа. К 1963 году, когда я встретился с ним, он увидел примерно 20 таких снов. Было ему тогда 77 лет.

В августе 1959 года Томас Эванс встретился с доктором Карлом Мюллером, который в то время читал лекции в Англии и Уэльсе. Он рассказал о своих сновидениях доктору Мюллеру, который затем попросил его прислать ему их подробное изложение. Позже доктор Мюллер дал мне копию первого письма Томаса Эванса, в котором тот описал эти сновидения, и копии некоторых писем из их последующей переписки, содержащих больше подробностей.

В 1962 году я и сам начал переписываться с Томасом Эвансом. Он ответил на мои вопросы и согласился встретиться со мной, когда я приеду в Уэльс. Я встретился с ним 8 августа 1963 года у него дома рядом с Нью-Ки, Уэльс. К сожалению, его старшая сестра, которая могла бы заверить то, что рассказал Томас Эванс о своих сновидениях в раннем детстве, умерла менее чем за год до моего приезда в Нью-Ки.

После моей встречи с Томасом Эвансом мы с ним лишь один раз обменялись письмами. Он умер 4 декабря 1965 года.

Сновидения Томаса Эванса

Рассматриваемые сновидения неизменно сходились во всех подробностях, но различались по своей продолжительности. Они были красочными и очень похожими на явь. За одним исключением, которое я упомяну позже, в этих сновидениях Томас Эванс, казалось, вновь переживал произошедшие когда-то события. Он особо подчёркивал яркость и ясность этих сновидений по сравнению с другими своими, обычными, снами.

---

[65] Спиритуалист верит, что иногда можно получать сообщения от умерших при посредничестве особо одарённых людей, называемых медиумами; эти сообщения могут приходить и в сновидении. Умершие люди иногда являются в виде призрачных фигур.Спиритуалист – это член религиозной группы, в которой верят, что такая связь с лишившимися тела личностями обычно осуществима, и полагают, что регулярные религиозные службы облегчают установление подобной связи.

В первом сновидении Томас Эванс, по-видимому, вновь проживал только свою казнь через повешение. В некоторых более поздних его снах присутствовали и события, предшествовавшие повешению.

Первое сновидение Томаса Эванса. Своё первое сновидение Томас Эванс описал в письме доктору Карлу Мюллеру, датированном 9 ноября 1959 года, из которого я процитирую следующие строки:

Впервые я увидел его [сон], когда мне было приблизительно восемь лет. Мне снилось, что я стою на окраине леса, который показался мне большим. Кто-то набросил мне на шею петлю и потянул меня от земли. Так меня и оставили висеть, в то время как столпившийся внизу народ смеялся и глумился надо мной. У меня было чувство, что меня повесили за то, что я отстаивал что-то, но я не мог вспомнить, что именно…

Человек, набросивший петлю мне на шею, был громадным детиной, он мог быть монахом.

Во втором письме доктору Карлу Мюллеру, датированном 25 декабря 1959 года, Томас Эванс писал:

Отвечаю на ваш вопрос: да, он [сон] имел отношение к религии. В толпе, окружавшей меня, было много людей, похожих на монахов. Я могу дать вам только такое весьма приблизительное описание, поскольку они могли и не быть монахами.

Пример поздних и более пространных сновидений Томаса Эванса. Томас Эванс не видел своё повторяющееся сновидение о повешении с 1944 года до 4 марта 1962 года. Тогда он увидел ещё один сон о событиях, предшествовавших повешению. Он описал этот сон, увиденный им 4 марта 1962 года, в письме ко мне, датированном 24 июня 1962 года:

Я обратился с речью к большой толпе народа на открытой местности, но ко мне прорвалась многочисленная группа людей, они побили меня. Потом они посадили меня в какую-то тёмную комнату. Я оставался в той комнате в течение долгого времени, не понимая уже, день или ночь на дворе. Из той комнаты меня отвели на окраину леса, где повесили в присутствии большой толпы из зевак, насмехавшихся надо мной.

Варианты сновидения. Описывая это последнее сновидение, Томас Эванс сказал, что он видел его девять раз. Когда же я напомнил ему, что ранее он сказал доктору Мюллеру о том, что видел сон с этой неизменной сценой 20 раз, он ответил мне в письме от 21 июля 1962 года:

Я сказал доктору Мюллеру, что эта сцена снилась мне примерно 20 раз. Но все эти сны никогда не были законченными. Дело в том, что одиннадцать раз я просыпался в неописуемом страхе сразу, как только начинался этот сон. Только девять из них завершились; и в этом последнем сне, 4 марта 1962 года, было дополнение: толпа, рвавшаяся ко мне, и [моё] заключение в тёмной комнате. Эти девять сновидений были яркими и отчётливыми.

Во время нашего разговора 8 августа 1963 года Томас Эванс рассказал о том, что в двух случаях этот сон продолжался и после повешения: когда его вздёрнули, он видел, как бы со стороны, своё тело висящим в петле. Во всех других случаях сон заканчивался в момент повешения, или же он просыпался сразу, как только начинался этот сон.

Эти сны всегда были абсолютно одинаковыми в мелочах; в каждом случае их продолжительность была индивидуальной, но во всём остальном они были сходны.

Он не мог найти в своей жизни никаких обстоятельств, которые могли бы провоцировать эти сновидения; он заметил в них некоторую особенность: они случались «примерно в марте», но не предлагал этому никаких объяснений.

Томас Эванс был убеждён в том, что эти сновидения были воспоминаниями о подлинной прошлой жизни, в которой он был своего рода пророком или вольнодумцем, и что эти события происходили в Австрии.

В той же беседе Томас Эванс сказал, что он вспомнил, как видел в тех снах епископов и священников, наблюдавших за тем, как его вешали. У священников были хохолки из волос на макушке обритой головы. Они носили рясы «светло-шоколадного цвета».

Грёзы наяву, повторяющие сюжет сновидений

В июне 1963 года Томас Эванс читал газету. Он чувствовал сонливость, газета выпала из его рук. В тот момент он увидел сцены из своего повторяющегося сновидения, но на этот раз как наблюдатель, следящий за происходящим, а не как в этих сновидениях, где он воспринимал себя действующим лицом.

Это видение началось со сцены в темнице, а закончилось повешением. Он видел себя с длинной бородой, одетым в очень бедные одежды. Видение началось с того, как четыре солдата вошли в темницу, где его содержали. Они несли копья и вошли одной шеренгой. Солдаты отвели его туда, где его ждала толпа, собравшаяся посмотреть, как его повесят. Он чувствовал, что кто-то в толпе сочувствует ему, но большинство людей были к нему враждебно настроены и одобряли его повешение. Наблюдая за происходившим, он чувствовал бесстрашие и отчуждение. Когда это видение закончилось, он почувствовал себя счастливым и увидел слово «Последнее». После этого видение исчезло. Он поверил, что больше не увидит эти сны. По моему мнению, скорее всего так и было, поскольку в нашей последующей переписке до его смерти в 1965 году он ни разу не упомянул о том, что видел этот сон ещё раз.

Воззрения Томаса Эванса, связанные, по всей видимости, с этими повторяющимися сновидениями

В письме, датированном 14 марта 1963 года, он написал мне о том, что у него «всегда была сильная неприязнь к монахам, священникам и ко всему, что имеет отношение к римско-католической вере. Я спиритуалист и не имею ничего против других религиозных верований».

В письме ко мне от 21 декабря 1962 года Томас Эванс писал: «Всю свою жизнь я испытывал отвращение к высшей мере наказания. Мне больно, когда я слышу или читаю о казни. Этот страх неотступно преследует меня с того момента, как я понял, что такое казнь».

Во время нашей встречи в августе 1963 года он сказал мне, что очень сочувствует Джордано Бруно и «ему не терпится» прочесть о нём книгу. Читая о казни Бруно, он проникся к нему глубоким сочувствием»[66].

---

[66] Я упоминал Джордано Бруно (1548–1600) в части I. Философия его была весьма спекулятивной, а учение имело большее влияние на умы после его смерти, нежели при жизни. Он учил своеобразному пантеизму, включавшему в себя мысль о других пригодных для жизни и населённых мирах. У этого последователя Коперника представление о бесконечности Вселенной зашло намного дальше, чем у самого Коперника. Бруно также учил метемпсихозу; этот термин (как я объяснил в части I) в особенности относится к вере в перевоплощение людей как собственно в людей, так и в иные жизнеформы, то есть в животных. В конечном счёте на Бруно поступил донос в инквизицию – его посадили в тюрьму, пытали и, наконец, судили и приговорили к смерти. Его не повесили, а сожгли на костре 17 февраля 1600 года (Singer, 1950).

Томас Эванс писал мне, что он любит Австрию, хотя никогда там не был.

Физические изъяны, связанные с повторяющимися сновидениями Томаса Эванса

В 1962 году я ещё только начинал понемногу интересоваться родинками и врождёнными дефектами, проистекающими, по всей вероятности, из прошлых жизней. Тем не менее я спросил Томаса Эванса, были ли у него родинки в области шеи. В письме от 24 июня 1962 года он ответил:

Родинок у меня нет, зато есть шишка размером с небольшое яйцо под кожей на задней части шеи. Доктор утверждает, что это разновидность кисты. Когда я начал видеть этот сон, мне было года четыре или пять; тогда в этой шишке возникла боль, продолжавшаяся дня два или три. Всякий раз, когда я вижу этот сон, я чувствую в шишке боль, которая продолжается два и более дней.

Ранее Томас Эванс писал доктору Мюллеру о том, что, по его мнению, впервые он начал видеть этот сон приблизительно в возрасте восьми лет. Он разъяснил это несоответствие в письме ко мне, датированном 21 июля 1962 года:

После разговора с доктором Мюллером моя старшая сестра сказала мне, что мне не могло быть пять лет, когда я впервые увидел этот сон. Моя сестра, которая на четыре года старше меня, лучше меня помнит то время… Что касается моей шишки в основании головы, то я не знал о том, что она была у меня ещё до того, как я впервые увидел этот сон, когда у меня были ужасные боли в том месте, продолжавшиеся два или три дня.

Во время нашей встречи в августе 1963 года Томас Эванс дополнил описание боли, связанной с первым сновидением. По моим записям, «впоследствии в течение нескольких дней у него сильно болела шея. Он сказал родне о том, что у него перехватывает горло и сдавливает голову. В тот раз он не думал о том, что в его сне показано повешение. Понимание этого пришло с более поздними сновидениями». (Из этого, на мой взгляд, следует то, что от первого сновидения он пробудился, когда оно едва успело начаться, хотя бы потому, что он испытывал описанные им сильные физические ощущения.) Далее я привожу выдержки (слегка отредактированные для удобства чтения) из моих заметок от августа 1963 года:

Шишка (киста) на задней части его шеи у правой затылочной области обычно была размером с фундук, но за 2–3 дня после такого сновидения она раздувалась до размера яйца. Когда эти сновидения закончились [вероятно, 4 марта 1962 года], эта киста постепенно уменьшилась в размере и с виду была не больше горошины. А после сновидений киста раздувалась как резиновый мяч. В раздутом состоянии она была очень болезненной. Она раздувалась исключительно во время этих сновидений. Боль он испытывал только в области кисты.

Я предположил, что киста на задней части шеи Томаса Эванса была врождённой; возможно, так и было. Однако по этому пункту нет никаких свидетельств. В своём письме ко мне, датированном 12 декабря 1962 года, Томас Эванс писал: «Об этой кисте я впервые узнал, когда почувствовал в ней боль. Моя сестра узнала [о ней] [только] в тот момент. Поэтому ей не известно, была ли она у меня от рождения».

Комментарий

Я уже писал о двух других случаях (Навалкишоре Ядава и У Тинт Онга), когда смерть наступала от повешения; в них у исследуемых были физические следы (соответственно, родинка и врождённый дефект), очевидно, связанные с повешением. У обоих этих случаев были особенности, которые можно было проверить; у Томаса Эванса их нет. С учётом яркого реалистического характера этих сновидений, точности воспроизведения подробностей, связанного с этим физического изъяна[67] и боли в шее, я нахожу неудивительным, что Томас Эванс верил в то, что его сновидения берут начало в его предыдущей жизни.

Все подробности описания казни и одежды в сновидениях Томаса Эванса практически не позволяют точно определить время и место этих событий из его снов, если мы воспринимаем их как воспоминания о подлинных событиях. Можно только сказать, что они происходили, должно быть, более трёх столетий назад, если моё мнение о том, что в более поздние времена еретиков уже не вешали, является правильным.

Уильям Хенс

Уильям Хенс родился в Лондоне, Англия, 6 октября 1899 года. Его отец был бельгийцем, а мать – англичанкой. Его мать умерла в 1907 году, когда ему было восемь лет, и Уильяма отослали (с тремя другими детьми из этой семьи) к дяде в Брюссель. В том городе он посещал католическую школу при монастыре и был обращён в римско-католическую веру. В 1909 году его отец женился во второй раз и, таким образом, получил возможность вернуть своих детей в Лондон. Его отец не был католиком, а мачеха не относила себя ни к какой формальной религии.

Я не знаю, какое образование получил Уильям Хенс, но полагаю, что оно не было широким. Он стал механиком и всю жизнь им проработал.

Уильям Хенс оставался прихожанином католической церкви до 26 лет, а затем решил, что больше не может принимать её учения, и покинул её. Приблизительно в 1937 году он увлёкся спиритизмом и настолько уверился, благодаря ряду личных опытов, в его ценности, что мог считаться спиритуалистом. Около 1940 года какой-то медиум посоветовал ему изучить перевоплощение, «потому что оно существует».

Когда-то, в 1940-е годы – позже он уже не мог припомнить, в какой именно год, – он увидел три сна, которые он описал как яркие, реалистичные и необыкновенно запоминающиеся (по сравнению с его обычными снами). Все они приснились ему в течение примерно одного года. В то время он не стал записывать их; думаю, впервые они были записаны в 1967 году. В том году он узнал о моём интересе к переживаниям, свидетельствующим о перевоплощении, и 17 января 1967 года описал мне в письме эти три сновидения.

Впоследствии мы переписывались об обстоятельствах и подробностях этих сновидений. В своих письмах Уильям Хенс ответил на некоторые мои вопросы. Я решил встретиться с ним и ещё расспросить его. Мы встретились в Лондоне 25 февраля 1970 года.

Далее я привожу рассказ Уильяма Хенса о его сновидениях.

---

[67] В других случаях отмечалось появление тех или иных признаков в теле, когда оживали воспоминания о событиях предыдущей жизни. Такие примеры имели место в случаях Марты Лоренц и Салема Андари. «Стори» (1959/1975) рассказывал о Карене (из Бирмы), у которого время от времени опухала и начинала болеть рука; тогда же он обратил внимание на существенные врождённые борозды на коже его кистей. В этом случае исследуемый, чьи заявления остались непроверенными, счёл причинами этих борозд раны от провода, которым воспользовались (грабители) для того, чтобы связать умирающего человека, жизнь которого, по его словам, он вспомнил.

Три сновидения Уильяма Хенса

Следующие сообщения взяты из письма Уильяма Хенса ко мне от 17 января 1967 года. Я немного отредактировал текст и добавил некоторые разъясняющие фразы в скобках, чтобы упростить чтение и понимание (но смысл не менял).

1. Я увидел, как мы с товарищем поднимаемся по длинной бульварной лестнице, ведущей к зданию, перед которым возвышалась большая аркада с колоннами. Я был одет в хлопчатую тунику, доходившую до бёдер, и в тесные штаны, перевязанные крест-накрест ремнями.

На поясе висели ножны с широким плоским мечом римского типа.

Пока мы поднимались наверх, я осознавал, что там нам не полагается быть: по моим ощущениям, мы были шпионами.

Когда мы подошли к аркаде, открылись две большие металлические двери, и на нас бросились солдаты. Мы развернулись и со всех ног побежали назад по ступеням. Навстречу нам поднимались во множестве солдаты. Я выхватил меч, чтобы принять бой, но сон закончился сразу, как только они навалились на меня.

Насколько я понял, это произошло, ориентировочно, в 500 году н. э.

2. Следующий ясный сон, возможно, имевший отношение к перевоплощению, показал [исторический эпизод] около 1500 года н. э.

В этом сне я был помощником палача. Я был одет в жакет и трико из кожи и опоясан шнуром. [Мне было] приблизительно 17 лет.

Всё происходило в сводчатой темнице с низкой арочной крышей. Палач стоял в стороне, в полумраке тускло освещённого пространства, уперев обух топора в пол, усеянный соломой. У низкой плахи стояли две женщины, одна [из которых] была очень взволнована, а другая старалась успокоить её. Одежда на них обеих была чёрного цвета, как и у палача, на котором была маска.

Глядя на неё, я так расчувствовался, что подошёл к ней, положил руку ей на плечо и сказал: «Пойдёмте, сударыня. Это необходимо сделать. Вам не будет больно». Затем я силой поставил её на колени и положил её голову на плаху. В следующий миг я быстрым движением скользнул вокруг неё, схватил её волосы под чепцом, который был на ней, и с силой удерживал её голову у плахи. Палач выступил вперёд и поднял топор. На этом сон закончился.

В этом сне я испытал невольно возникшее во мне чувство острой жалости к этой женщине. А ещё [меня] поразило то, как я тянул её голову вниз за волосы. Я никогда не слышал, не читал и не наблюдал на картинах ничего подобного, но почему бы и нет? Нетрудно представить себе весь ужас ситуации, в которой кто-то оторвал голову от плахи в момент нанесения удара!

Комментарий к этому сновидению. Лоуренс (1960) опубликовал старинную немецкую гравюру со сценой казни женщины в Ратисбоне в 1782 году. Помощник удерживал голову жертвы на плахе, потянув её за волосы вперёд, а палач при этом готовился ударить топором по её шее.

3. Следующий сон [кажется, относился] к началу 1800-х годов. Я увидел, что меня привели в ремонтную мастерскую.

Под латунной масляной лампой, подвешенной к балке, у верстака стоял человек, точивший стальной брусок шириной примерно в три дюйма и длиной в четыре дюйма. (Тиски, в которые человек зажал свой стальной брусок, были соединены с длинной стойкой, прикрученной к полу.) Он был одет в белый фартук с нагрудником. Он носил бакенбарды, [а] также цилиндр [с] довольно высокой тульей.

Казалось, он любовался тем, как отшлифовал деталь, поскольку водил пальцами по её гладкой поверхности.

Я чувствовал, что здесь я был молодым человеком, возрастом от двадцати до тридцати лет, изучающим новое ремесло.

В следующей сцене я трудился над пассажирским вагоном, одним из первых в истории железных дорог, времён Джорджа Стефенсона. Этот вагон стоял над смотровой ямой, с рельсами по её краям, а я работал на полу, а не в яме. Колёса были специальные, для вагонов, [с] толстыми коваными спицами. Просунув голову между спиц, я подтягивал какие-то квадратные гайки; в этот момент вагон покатился вперёд, и я почувствовал, как моя голова лопнула, коснувшись днища вагона. На этом сон закончился.

Чувства, которые были у меня в этом сне, испытываешь, когда берешься за какую-то новую для себя работу. Я также [испытал] ужас, когда мне зажало голову.

Дополнительные сведения о сновидениях

В том письме, из которого я только что процитировал рассказ Уильяма Хенса о его сновидениях, он также писал:

Эти сновидения настолько реалистичны, а их отдельные моменты настолько ярки и так хорошо запечатлеваются в памяти, не требуя никаких усилий для их оживления после пробуждения, что я не стал бы помещать их в [ту же] категорию, что и обычные сновидения.

В нашей переписке Уильям Хенс сообщил мне о том, что каждый из этих снов он видел только один раз; они не были повторяющимися.

Другая сопутствующая информация, позволяющая истолковать эти сновидения

Уильям Хенс писал (в письме, датированном 20 февраля 1967 года), что у него не было никаких фобий или необычных страхов, которые, если бы они имели место в младенчестве или раннем детстве, могли бы проистекать из прошлых жизней (Stevenson, 1990). В частности, он не замечал у себя боязни топоров, казней или поездов. В более позднем письме (от 29 марта 1967 года) Уильям Хенс писал, что он не чувствует особого интереса к какому-либо из этих исторических периодов, в которых, по всей видимости, происходили события из его снов.

Два необычных переживания Уильяма Хенса в состоянии бодрствования

У Уильяма Хенса были и другие необычные переживания, по меньшей мере два из которых, казалось, возвращали его в какой-то более ранний исторический период. Оба они возникли в состоянии бодрствования. Я процитирую его рассказы о них.

Первое из этих переживаний он описал в письме ко мне, датированном 20 февраля 1967 года.

Во время [Второй мировой] войны я работал на самолётостроительной фирме Хэндли Пейдж. Как-то раз, когда мы переворачивали большой лист алюминия, попавший в мои глаза блик вселил в меня ужас – в этой вспышке света я улетел в прошлое, сквозь эпохи, во времена Вавилона, как мне показалось. Причиной пережитого мной страха была громадная стена, падающая на меня и на других людей. Сцена была настолько яркой, что я видел объятых страхом

людей, бегущих в панике. Эта стена напомнила мне виденные ранее картины Висячих садов Вавилона. Хотя это продолжалось только одну секунду, у меня было такое чувство, будто я был там. Всё это происходило на самом деле.

Второе переживание Уильяма Хенса возникло в 1960-е годы. Он описал его в письме от 29 марта 1967 года. Он писал, что это произошло «несколько лет назад».

В состоянии транса у меня было видение какой-то еврейской девушки сказочной красоты. Она появилась позади прозрачного экрана, по поверхности которого были разбросаны цветы незабудок. От избытка чувств у меня перехватило дыхание.

Через несколько недель Уильям Хенс пришёл на сеанс к женщине-медиуму. Она описала ему некоторые подробности его прошлой жизни. Так, она сказала, что жил он тогда в Палестине в I веке нашей эры. Заявления, которые она сделала, хотя сами по себе интересны, всё-таки не содержат проверяемые сведения. Однако она рассказала ему о женщине, описание которой соответствовало той, которая была в его недавнем видении. Не сообщая медиуму о своём видении, Уильям Хенс спросил, видел ли он когда-нибудь эту женщину. Медиум ответила: «Да… Вы видели её. Волосы у неё чёрные, как вороново крыло, пахнущие незабудками».

В ответ на вопрос, который я задал ему, Уильям Хенс ответил в письме, датированном 23 апреля 1967 года, что он ничего не говорил медиуму о своём более раннем видении. Медиум сама упомянула незабудки.

Комментарий

Если Уильям Хенс рассказал о событиях в правильной последовательности, соединяя своё видение и заявление медиума о «незабудках» (в чём у меня нет оснований сомневаться), то её заявление представляется мне по меньшей мере примером телепатической связи между медиумом и участником сеанса.

Уинифред Уайли

Краткий обзор случая и его исследование

Уинифред Уайли родилась 30 декабря 1902 года в деревне Фенсхаузес, графство Дарем, Англия. Её родителями были Джозеф Грэхем и его жена Джейн. Она была их второй дочерью и вторым ребёнком. Джозеф Грэхем был управляющим магазина. Семья была достаточно обеспеченной для того, чтобы послать дочерей учиться в школу-интернат, когда Уинифред было 10 лет, а её сестре – примерно 12 лет. До этого их обучала дома гувернантка.

В детстве у Уинифред было несколько переживаний, по-видимому, сверхъестественного характера, в том числе повторяющееся сновидение о её участии в неком сражении. Впервые она увидела его в возрасте 10 лет. Впоследствии оно повторялось раз в год до 1972 года, а потом прекратилось. Когда Уинифред рассказала матери о своём сновидении, она ответила, что всё это напоминает ей событие, произошедшее во время битвы при Ватерлоо (18 июня 1815 года).

В возрасте 23 лет Уинифред вышла замуж за преподобного Джона Уайли, англиканского пастора.

Муж Уинифред, обладавший обширными познаниями в истории, также считал, что её повторяющийся сон освещал определённый эпизод во время битвы при Ватерлоо. Поэтому, когда её муж оставил церковную службу и получил возможность поехать за границу, они отпра-

вились на поле битвы при Ватерлоо и изучили там постройки, в которых, как они полагали, произошли события из её сна. Это был замок Угумон.

В начале 1981 года Уинифред Уайли откликнулась на объявление в лондонской газете «Таймс» об опросе читателей на тему сверхъестественных переживаний. Опрос проводился от имени Фонда К.I.В.; его исполнительный секретарь, знавший о моём интересе к переживаниям, указывающим на перевоплощение, послал мне копию письма Уинифред, отозвавшейся на их объявление.

Я прочитал рассказ Уинифред о её повторяющемся сновидении и начал переписываться с ней. Она охотно участвовала в этой переписке, и 15 апреля 1982 года я приехал к ней домой в Пенриф, графство Камбрия, где долго беседовал с ней. Впоследствии, 7 апреля 1983 года, она дала интервью для серии радиопередач BBC на тему перевоплощения. Репортёр BBC Джун Нокс-Мауэр прислала Уинифред список вопросов, которые будут заданы ей во время интервью; её ответы на них я включил в один из отчётов о повторяющемся сне, который приведу ниже. Этот отчёт не датирован, но он, очевидно, был написан в начале 1983 года, вероятно, в феврале. 16 апреля 1983 года мой коллега доктор Николас Макклин-Райс приехал в Пенриф и ещё раз поговорил с Уинифред. В каждой беседе Уинфред также описывала своё повторяющееся сновидение. Поэтому в конечном итоге мы получили из её писем и интервью шесть отчётов о её сне.

Умерла Уинифред Уайли 31 июля 1985 года.

Повторяющееся сновидение

Первый рассказ Уинифред о её сновидении, присланный в ответ на опрос «Таймс», был чрезвычайно кратким. Я не привожу его здесь, зато даю пять других отчётов об этом сне, полученных нами.

Далее вы прочтёте рассказ Уинифред о её сне, о котором она написала мне 30 апреля 1981 года.

1. Я была одним из троицы, пытавшейся закрыть ворота и не пустить во двор находившуюся за стеной вражескую армию. Внутренний двор был окружён толстой каменной стеной, а на вершине стены уже вжимались в камень атаковавшие нас люди, весьма свирепого вида, в треуголках и с длинными свисающими усами; они стреляли в тех, кто был позади нас. В углу двора, справа от меня, стоял сарайчик. Слева находились денники – это такие стойла с парными дверцами, чтобы лошади могли из них выглядывать. Позади, на некотором расстоянии, виднелся сельский дом. Я и мои два товарища изо всех сил напирали на ворота, стараясь закрыть их. Когда брус упал в гнездо и ворота были заперты, я испытала громадное облегчение. Людей, подстреленных со стены, их товарищи относили в денники.

Другие варианты рассказа об этом сне. В последующих беседах и переписке Уинифред дополняла свой рассказ об этом сне, иногда кое-что меняя в нём.

В беседе со мной, состоявшейся в апреле 1982 года, она сказала:

2. В том сне я давлю на ворота. Звучит голос: «Закрыть ворота!» Люди на высокой стене стреляют в людей во внутреннем дворе. Раненых относят в каменный сарай… У тех, кто стрелял, были длинные усы и (тре-?) угольные шляпы с обращённым вперед острым концом. Слышалась канонада.

Следующий отчёт Уинифред написала в начале 1983 года (вероятно, в феврале), отвечая на вопросы Джун Нокс-Мауэр, желавшей подготовить её к запланированному интервью для радиопрограммы Би-би-си.

3. Я стояла в толпе солдат, непосредственно за спинами тех из них, кто силился закрыть большие и тяжёлые деревянные ворота. Я навалилась на них всем своим весом. А сзади кто-то кричал: «Закрыть ворота! Закрыть ворота!» На высокой стене, тянувшейся от ворот направо, стояли солдаты, выглядевшие как иностранцы: у них были длинные висящие усы и чёрные шляпы. Они наугад стреляли во внутренний двор. Некоторые солдаты позади меня поднимали раненых и несли их в денники, слева и позади нас.

Стена, тянущаяся направо от ворот на несколько ярдов, соединялась с ещё одной стеной, у которой зеленели деревья. В углу, образованном этими двумя стенами, находилась маленькая каменная хижина (свинарник?). Вид у неё был довольно обветшалый. Одна из толстых каменных плит была сдвинута.

Ворота были заперты массивным деревянным брусом, который входил в паз на воротном столбе. Когда послушался стук запираемых ворот, я проснулась.

В своём интервью для радиопрограммы Би-би-си 7 апреля 1983 года Уинифред дала нижеследующее описание своего сновидения. В беседе во время этой радиопередачи она – возможно, из-за волнения – опускала некоторые слова, или же они были пропущены расшифровщиком аудиозаписей; я сам вставил эти слова, поместив их в скобки.

4. Я нахожусь во дворе фермы, огороженном по обеим сторонам [от ворот] очень высокой стеной, с клетями для лошадей, или денниками, в глубине двора; я одна из группы солдат. Меня [посылают] запереть ворота. Я слышу, [как] за моей спиной звучит голос: «Закрыть ворота. Закрыть ворота». По-моему, пять или… Пятеро давят на ворота. Сама я не касаюсь ворот, но наваливаюсь на спину человека, который давит на них, то есть помогаю ему. Ворота грубые, деревянные, всё это так осязаемо. Я чувствовала приближение развязки, но прежде неё была ещё сцена с солдатами на стене. У них были длинные свисающие усы; они стреляли в наших солдат, но делали это наугад: стена была очень высокой. Мне кажется, они [одной] рукой держались, а другой стреляли. Они стояли на спинах других людей. Во двор они не могли попасть, потому что эта стена была очень высокой.

[На них были] треугольные чёрные шляпы, и они стреляли в нас наугад… Конечно, люди падали, убитые или раненые; товарищи уносили их в денники, которые были позади. Это продолжалось какое-то время – стрельба и грохот канонады – вдали, то есть на некотором отдалении, по ту сторону стены. И когда наконец ворота – а они уже были закрыты, но не на засов – были заперты, когда брус упал в… Как это называется? Гнездо. Когда он упал со стуком, я проснулась.

Позже, в интервью для Би-би-си произошёл следующий диалог:

Джун Нокс-Мауэр: Вы видели, как переносили раненых?

Уинифред: Да-да, их размещали в тех денниках.

Джун Нокс-Мауэр: Говоря о денниках, вы подразумеваете стойла? Они были каменными?

Уинифред: Вообще-то, это было каменное строение, но разделённое на небольшие отсеки, каждый для одной лошади. Денник – это… Вы не сельская жительница, я правильно понимаю?

Джун Нокс-Мауэр: Сейчас нет, но прежде была ею…

Уинифред: Понимаете, у денника двойная дверь. Верхние дверцы открываются. Можно открыть верхнюю часть, чтобы лошадь могла высунуть голову, но не могла выйти. Это и есть денник.

Джун Нокс-Мауэр: Я поняла.

Уинифред: Когда оба воротища открыты, то есть обе створки наверху и внизу, как в этом случае, то можно понять, что это именно денник, ведь у него двери парные.

Джун Нокс-Мауэр: Туда и уносили их…

Уинифред: Туда уносили раненых и мёртвых. Да.

16 апреля 1983 года Уинифред рассказывала Николасу Макклину-Райсу:

5. Я стою, нажимая плечом на ворота. Люди пытаются закрыть ворота с другой стороны[68], с криком: «Закрывайте их!» Я вижу только часть ворот. [По] обе стороны ворот – стена; на ней – солдаты в шляпах с тремя заострёнными концами. Они стреляют в наших во дворе, среди них и я. Я нахожусь во дворе, но очень близко к стене. Во внутреннем дворе стоит ветхая хижина, на фоне деревьев. Издали, из-за стены, доносятся звуки сильного обстрела. Мы стараемся не допустить во двор этих чужаков, удерживая ворота. Наконец, ворота закрываются; когда брус клацает, вставая на место, я просыпаюсь. В этот момент я всегда просыпаюсь.

Комментарий

В беседе со мной 15 апреля 1982 года Уинифред сказала, что этот сон «всегда был одним и тем же». Во время интервью для радиопрограммы BBC Джун Нокс-Мауэр спросила Уинифред: «Был ли это каждый раз один и тот же сон?» Уинифред ответила: «Несомненно». Николасу Макклину-Райсу Уинифред сказала, что эти сны были «неизменны». Однако мы видели, что её описания их не были всегда одинаковыми. И всё же основная линия её рассказа оставалась незыблемой, несмотря на различия в частностях. Варианты подробностей не противоречили друг другу; исключением стали лишь её слова о том, сколько человек силилось закрыть ворота, и о том, где же был тот солдат, которым она видела себя во сне: у самих ворот или только за спиной другого человека, упиравшегося в них.

Качество данного сновидения и связанные с ним эмоции. В своём письме ко мне от 30 апреля 1981 года Уинифред писала: «Это было чрезвычайно яркое и ужасающее сновидение… Я чувствовала смесь ярости, волнения и ужаса, что, как я предполагаю, ощущают люди во время битвы». Отвечая на вопросы, предложенные Джун Нокс-Мауэр (перед интервью для Би-би-си), она написала о том, как повлияло на неё это сновидение: «Я наслаждалась им. Оно было захватывающим, волнующим, ужасающим, а более всего интригующим». Во время беседы с Николасом Макклином-Райсом 16 апреля 1983 года она сказала: «Что я не могу описать, так это то, насколько он [её сон] был реалистичным. У меня было такое чувство, словно я присутствовала там. Это не было похоже на сон».

Обстоятельства и частота повторений этого сновидения. Впервые Уинифред увидела этот сон в первую ночь, проведённую ею в школе-интернате, куда она поступила в воз-

[68] Говоря о другой стороне, Уинифред подразумевала другую створку двустворчатых ворот, которая должна была сойтись посредине с той створкой, на которую она давила в своём сне.В различных сообщениях, а иногда и в моём собственном тексте, встречаются слова «ворота» и «воротища», каждое со своим значением. У этого замка были южные ворота, надёжно запертые; атакующие французские солдаты так и не преодолели их. У северных ворот, которые интересуют нас в данном случае, были две створки, или секции, которые сходились посредине. Эти створки называют то просто воротами, как единое целое, то воротищами, как двумя частями целого.

расте 10 лет. Её старшая сестра приехала в ту школу одновременно с ней, но сёстры всё равно спали в разных общих спальнях. Таким образом, Уинифред впервые в жизни оказалась далеко от дома, среди чужих людей. Во время интервью для BBC она сообщила Джун Нокс-Мауэр о том, что её кровать была холодной и неудобной. Она сказала: «Мне пришлось ёжиться [на кровати]; я чувствовала себя глубоко несчастной и несколько часов пролежала без сна. Той ночью, заснув, я впервые увидела этот сон». Она полагала, что эти обстоятельства каким-то образом способствовали тому, что он начал сниться ей.

Она не обозначила ни одного фактора, который мог бы позднее привести к повторениям этого сна. Он снился примерно раз в год.

Более поздние случаи возвращения этого сна не были неприятными. Уинифред сказала мне, что после этого сна она просыпалась, чувствуя себя «на подъёме».

Этот сон перестал сниться ей в 1972 или 1973 году после того, как она посетила место сражения при Ватерлоо. (В одном случае она сказала, что он перестал сниться ей около 1943 года, но обычно она называла 1972 или 1973 год, когда он снился ей в последний раз.)

Оборона замка Угумон в ходе сражения при Ватерлоо

Когда, к полудню 18 июня 1815 года, началось сражение при Ватерлоо, замок Угумон находился почти на крайнем правом фланге смешанной армии (из британских, голландских и немецких отрядов) под командованием герцога Веллингтона. Замок и окружавшие его строения и стены были построены на века, из кирпича и камня, поэтому они оказались значительным препятствием для левого крыла французской армии, которой командовал Наполеон. По этой причине он начал сражение с попытки захватить замок. Поначалу французам удалось оттеснить подразделения защитников замка, развёрнутые в окружающих лесах и садах. Это позволило им приблизиться к стенам замка с целью проникнуть в его внутренний двор и, таким образом, завладеть им.

Солдаты союзников отошли в замок и закрыли ворота, северные и южные. Однако северные ворота оставались уязвимыми. Они состояли из двух тяжёлых деревянных створок, которые плотно закрывались деревянным брусом, ложившимся в гнёзда в стенах и в створках ворот. Французы, ведомые громадного роста лейтенантом, размахивающим топором, сумели распахнуть эти ворота. Тогда небольшая группа французских солдат бросилась во внутренний двор. Командир британцев, находившихся в крепости, подполковник Джеймс Макдонелл, увидев опасность, закричал другим офицерам, чтобы те присоединились к нему, и помчался к воротам. К ним присоединились несколько других солдат[69]; напирая с двух сторон, они медленно подвинули створки ворот назад, преодолев натиск французских солдат, пытавшихся открыть их. (На рисунке 15 вы видите живописное изображение этой сцены.) Они вновь вложили брус в гнёзда, а затем навалили перед внутренней стороной ворот тяжёлые предметы как дополнительное препятствие для французов, не оставлявших попыток силой открыть ворота. Двадцать или около того французских солдат, успевших прорваться во внутренний двор, были окружены и убиты. (В живых оставили только мальчика-барабанщика.) Затем гарнизон замка был укреплён, и весь остаток сражения Угумон оставался в руках британцев.

[69] Пэджет и Сандерс (1992) приводят имена девяти британских солдат, в дополнение к полковнику Макдонеллу, давивших на две створки ворот в попытках закрыть их.

Иллюстрация 15. Картина Роберта Гибба (сер. XIX в.), изображающая закрытие северных ворот Угумона во время сражения при Ватерлоо. Полковник-лейтенант Джеймс Макдонелл показан с саблей в руке, толкающим левую створку ворот (с любезного разрешения Национального музея Шотландии)

О битве при Ватерлоо, возможно, было написано больше, чем о любом другом единичном сражении. Во всех рассказах о битве при Ватерлоо подчёркивается важность обороны Угумона для исхода сражения, некоторые посвящают ей большие разделы или целые главы (Chalfont, 1979; Hamilton-Williams, 1993). Наиболее авторитетное изложение этой стадии сражения составляет отдельную книгу (Paget and Saunders, 1992). Во всех сообщениях о борьбе за Угумон вокруг и внутри него подчёркивается исключительная важность закрытия северных ворот. Сам герцог Веллингтон впоследствии писал: «К успеху в сражении при Ватерлоо привело закрытие ворот Угумона» (Macbride, 1911, p. 123).

Зная о широкой известности и знаменитости Угумона среди англичан, поневоле задаёшься вопросом о том, не было ли сновидение Уинифред навеяно сведениями, полученными ею обычным способом.

Посещение Угумона Уинифред

Приблизительно в 1972 году (возможно, и в 1973 году) Уинифред и её муж, недавно вышедший в отставку, посетили место этого сражения, в том числе и замок Угумон. Вот что Уинифред рассказала Джун Нокс-Мауэр во время интервью для Би-би-си 7 апреля 1983 года:

… Мы прошли во двор фермы. Первым моим чувством было разочарование, потому что ворота были абсолютно другими, но они, очевидно, были установлены там, самое большее, лет 20 назад. Оглядевшись вокруг, мы не заметили никакой маленькой хижины… Нашим гидом была жена фермера. Я сказала: «Эти ворота новые». Она ответила: «Да, мадам. Преж-

ние истлели». Я сказала, что, по-моему, там когда-то был небольшой каменный свинарник или сарай. Она устремила на меня испытующий взгляд и спросила: «Мадам уже бывала здесь?» Он действительно был, но стал разваливаться, и его убрали.

Что касается другого элемента сцены, денников, то Уинифред Уайли рассказала в двух своих сообщениях о том, что она показала их мужу, и они всё ещё стояли во дворе фермы.

В письме ко мне от 16 июня 1983 года – как оказалось, последнем – Уинифред написала мне: «Я чувствовала, что мой приезд в Угумон в 1972 году был для меня не столько посещением чужого фермерского двора в какой-то другой стране, сколько возвращением в место, знакомое с детства».

Моё посещение Угумона

Несмотря на большое количество прочитанного материала о сражении при Ватерлоо, я подумал, что смогу лучше оценить сновидение Уинифред, если посещу Угумон лично. Поэтому я приехал туда 11 ноября 1997 года. Я обошёл этот замок с трёх сторон, побывал во внутреннем дворе и сделал фотографии, приведённые на рисунках 16 и 17. Замок и многие другие здания были непоправимо повреждены во время сражения и не были восстановлены. Пэджет и Сандерс (1992) приводят два эскиза, показывающих состояние зданий в 1815 и в 1990-е годы. Часовня и дом фермера сохранились, часовню можно увидеть на рисунке 17. Я не нашёл никаких зданий, которые можно счесть денниками, то есть стойлами для лошадей с дверями, разделёнными надвое таким образом, чтобы можно было открыть их верхнюю часть, оставив нижнюю закрытой. Здание, где хранились фермерские орудия труда, показалось мне сравнительно новым; возможно, оно заменило собой постройки, которые Уинифред называла денниками.

Сверху. Иллюстрация 16. Здания Угумона издали, в ноябре 1997 года. Обратите внимание на отсутствие зданий, смежных с воротами или около северной стены. Внизу. Иллюстрация 17. Северные ворота Угумона, как они выглядели в ноябре 1997 года. Обратите внимание на отсутствие зданий у ворот (фото Яна Стивенсона)

Я видел, что там не было малых строений – например, свинарника или ещё чего-то в этом роде, – смежных с северной стеной. Эскизы и план территории замка в 1815 году показывают, что в то время там, где Уинифред указала местоположение свинарника или сарайчика, постройки действительно были (Paget and Saunders, 1992; Hamilton-Williams, 1993.) На рисунках 16 и 17 видно, что в 1997 году не было никаких построек, смежных с северной стеной по обе стороны от северных ворот.

Другие предположительно сверхъестественные переживания Уинифред

Перед тем как описать излюбленное объяснение Уинифред своего повторяющегося сна и моё собственное его истолкование, я вкратце опишу другие испытанные ею необычные переживания.

Она сказала, что в раннем детстве у неё был опыт медленного опускания в физическом теле с верхнего пролёта лестницы к её основанию. Она настаивала на том, что это не было переживанием выхода из тела; она чувствовала, что всё её тело двигалось без всяких усилий с её стороны. Она считала это явление естественным и никогда никому не рассказывала о нём.

Уинифред была очень привязана к своему деду по отцу; она не исключала, что была его любимой внучкой. Однажды, в феврале 1913 года, когда ей было немногим больше 10 лет, она пошла к нему в гости, а его дом находился примерно в трёх километрах от того дома, в котором жила её семья. Её дед, которому было тогда 67 лет, казалось, пребывал в добром здравии и в хорошем настроении. Однако той же ночью возвратившаяся домой Уинифред вдруг проснулась в своей постели и сказала сестре, что их дедушка только что умер. Чуть позже брат её отца пришёл к ним домой; она случайно услышала, как он сообщил её отцу о том, что её дед только что умер.

Лет в 18 или 19, во время приступа мигрени у неё возникало ощущение, будто она зависает над своим телом, лежащим на кровати, и смотрит на него сверху, из-под потолка.

В сентябре 1927 года, когда Уинифред, которой было 24 года, была уже замужем, мать попросила её прийти в родительский дом и похозяйничать, пока она (её мать) будет в отъезде, помогая другой её дочери, которая, имея на руках маленькую дочку, была тогда занята переездом из одного дома в другой. Уинифред откликнулась и приехала к ней. Когда до дома оставалось идти совсем чуть-чуть, она почувствовала сильную боль в животе. Её мать уже уехала к другой своей дочери. Уинифред стало так плохо, что она сочла себя умирающей. Она начала думать о матери и звала её в уме вернуться.

Спустя час или чуть больше её мать вернулась на своём автомобиле. Она была настолько уверена в том, что Уинифред нуждается в ней, что даже не стала тратить время на то, чтобы позвонить ей и проверить свою догадку, а просто развернулась и поехала назад, к себе домой, где была её дочь[70]. Мать немедленно отвезла Уинифред к врачу, который обнаружил у неё скоротечно развившийся перитонит. Она была прооперирована и на другой день поправилась.

Последнее её переживание, которое она сделала достоянием гласности, имело место в начале 1983 года. Она болела пневмонией и принимала какое-то прописанное врачом лекарство, но вечером она чувствовала себя «очень плохо, хотелось жалеть себя и плакать». В тот момент она разглядела очертания двух неясных фигур, похожих на человеческие, которых она не смогла распознать. Один голос сказал: «До чего же хочется сказать ей, что мы о ней думаем». Другой голос ответил: «О, я уверен, что она знает!» Она узнала в первой реплике голос матери, а во второй – голос мужа. (Оба они тогда уже были мертвы.)

Как Уинифред объясняла своё повторяющееся сновидение

Двоюродный или троюродный дядя матери Уинифред по фамилии Твитти сражался в битве при Ватерлоо. Мать Уинифред не была прямым потомком этого дяди и даже не знала, как его звали. Архивно-поисковая служба *Debrett Ancestry Research Ltd,* занимающаяся родословными и генеалогическими древами, выяснила, что Томас Твитти был в списке награждённых медалями при Ватерлоо. (Уинифред позволила мне взять соответствующие копии переписки с *Debrett*.) Однако Томас Твитти был из гвардейского полка гренадёров, который не привлекался к обороне Угумона. (Там были гвардейский полк «Голдстрим» и Третий полк гвардии.) К тому же фамилия Твитти не упоминается в списке 10 солдат (из гвардейского полка «Голдстрим» и Третьего полка гвардии), которые навалились на северные ворота и закрыли их (Paget and Saunders, 1992).

Тем не менее собственное истолкование Уинифред её повторяющегося сна заключалось в том, что её двоюродный или троюродный дядя, сражавшийся при Ватерлоо, каким-то образом установил с ней связь и вложил в неё свои воспоминания. Она решила, что этот дядя захотел поделиться своим опытом с каким-нибудь членом своей семьи и выбрал *для этой цели* Уинифред за её храбрый и решительный характер. После того как Уинифред побывала в Угумоне, она пришла к мысли о том, что её лишённый плоти дядя был доволен тем, что он в точности передал то, что ему было известно, поэтому сновидения прекратились. Уинифред отклонила предположение о том, что это сновидение могло проистекать из её прошлой жизни, а мне она сказала: «Я не хочу верить в перевоплощение». Она написала Джун Нокс-Мауэр: «[Доктор Стивенсон] воспринял мой рассказ об этом сновидении всерьёз и пытался заставить меня согласиться с его предположением о перевоплощении». (Ниже я прокомментирую её слова.)

---

[70] «Телепатические внушения», как я их называю, и действия, совершённые в ответ на них, по-видимому, случаются часто, хотя у нас нет чёткого понимания сферы их действия (Prince, 1931; Stevenson, 1970a). В этом примере Уинифред была предполагаемым отправителем, или индуктором, а её мать – перципиентом.

Комментарий

С учётом того, что у Уинифред был какой-то дядя, который, согласно семейной легенде, сражался при Ватерлоо, нам следует ожидать, что Уинифред должна была узнать кое-что, если не многое, о сражении при Ватерлоо раньше, чем начались её сновидения в возрасте 10 лет. Она отрицала это. Она сказала, что её мать никогда не говорила о том сражении и что она (Уинифред) сама никогда не слышала об этом сражении до того, как её мать предположила, что её сон мог относиться именно к нему. Уроки гувернантки, у которой Уинифред училась дома до отправки в школу-интернат в 10 лет, она отвергала как источник сведений о том сражении; по её словам, гувернантка никогда не преподавала ей историю всерьёз.

Я должен подчеркнуть, что никаких записей о своём сновидении Уинифред не делала до почти 80-летнего возраста. Мне представляется возможным, что первоначально она видела не совсем тот сон, о котором рассказала нам. Конечно, в более поздние годы она многое прочитала про Ватерлоо, и её муж, изучавший историю в Кембриджском университете, был очень хорошо осведомлён о кампаниях Веллингтона. Две книги, из которых я черпал сведения, готовясь написать это сообщение, содержат репродукцию известной картины, на которой изображена сцена закрытия ворот Угумона. Эта картина шотландского художника Роберта Гибба была написана во второй половине XIX века (иллюстрация 15). Точная дата её создания неизвестна, но это неважно. Её можно увидеть в Национальном военном музее в Эдинбургском замке[71]. Принимая во внимание то, что позже Уинифред получала знания об этой битве обычным способом, на мой взгляд, трудно исключить возможность того, что в её воспоминания о сновидении со сражением примешалась сцена с закрытием ворот крепости; это смешение из воспоминаний и выдумки она и выдала нам в 1980-е годы. Конечно, такое объяснение я не могу исключить.

Вместе с тем остаются препятствия, мешающие принять его. Прежде всего для этого требуется предположить, что разумная женщина – каковой, по моим суждениям, была Уинифред – ввела саму себя в заблуждение, когда говорила, что, во-первых, её сновидение в своих основных чертах не изменялось с 10-летнего возраста, а во-вторых, она ничего не знала о сражении при Ватерлоо до того, как начала видеть свой сон. Кроме того, описание сновидения содержит три элемента – два из которых проверены, о которых, по моему мнению, Уинифред Уайли вряд ли узнала обычным способом. Вот они:

1. Французские солдаты, стрелявшие со стен в британских солдат, находившихся во внутреннем дворе замка. В книге Ховарта о Ватерлоо есть фотография картины со сценой в Угумоне, на которой можно увидеть солдата, стреляющего по стене (Howarth, 1968). У Уинифред был экземпляр этой книги. Однако его не было у неё до издания книги в 1968 году.

Пэджет и Сандерс (1992) описывают, как французский гренадёр стоял на плечах товарища и прицеливался через верх стены, образующей внутренний двор, в подполковника Генри Уиндема, одного из офицеров, участвовавших в закрытии ворот. Британский солдат выстрелил и убил этого француза раньше, чем тот успел как следует прицелиться.

2. Малые строения, упомянутые Уинифред, находившиеся около стены, в которой были северные ворота, не были упомянуты или показаны в книгах об этом сражении до, насколько мне известно, подробных публикаций 1990-х годов (Paget and Saunders, 1992; Hamilton-Williams, 1993). Я сам видел, что эти строения, о более раннем существовании которых было

[71] Эта и другие картины о сражении вокруг Угумона были созданы гораздо позже самой битвы. Они явились результатом своего рода романтизации реальных событий, поэтому нам не следует считать их свидетельствами.

известно, отсутствовали теперь, в 1997 году, и, возможно, отсутствовали в 1972 году, о чём сообщала Уинифред.

3. Наконец, имеется элемент денников, с дверями из двух половин, куда относили раненых. Я не нашёл описание места, в которое относили раненых. Пэджет и Сандерс (1992) говорили, что раненые находились в какой-то конюшне, но они не дали подробное описание дверей того типа, который упомянула Уинифред. Она сказала, что показывала мужу эти двери, всё ещё существовавшие в 1972 году, но сам я не смог проверить это.

Уинифред жаловалась (Джун Нокс-Мауэр из BBC), что я пытался внушить ей идею перевоплощения. Я не согласен с тем, что я пытался когда-либо навязать такое толкование ей или кому-то ещё. Я лишь указал Уинифред на эту идею как на возможное истолкование её сновидений, однако она отклонила её.

Я также задал ей некоторые показавшиеся мне уместными вопросы касательно различия между полом солдата, которым она видела себя в её сновидении, и её полом в нынешней жизни. Единственным моментом, который, как мне кажется, с любой стороны согласуется с версией перевоплощения, было её заявление о том, что для женщины она была необыкновенно храброй и проявляла отвагу, присущую скорее мужчине. Как пример проявления этого качества она упомянула случай, когда пьяный селянин пытался ворваться в дом её семьи, а она, тогда ещё маленькая девочка, схватила ружьё, открыла дверь и так напугала незваного гостя, что тот пустился наутёк. Пересказывая этот случай, Уинифред сказала, что она «часто вела себя как мужчина». В качестве ещё одного примера необычной храбрости она описала, как однажды увидела собаку, которая вышла на железнодорожные пути и бродила там, хотя приближался поезд; Уинифред подбежала к собаке и утащила её с рельсов за мгновение до того, как поезд достиг этого места.

Джон Ист

Я редко публиковал сообщения о случаях, в которых я никогда не встречался с исследуемым. В этой книге есть пять таких исключений, и это одно из них. Тем не менее можно считать, что в каком-то смысле я всё же «встречался» с Джоном Истом, потому что в течение последнего года его жизни мы активно переписывались – многие из наших писем составляли несколько страниц – о его переживаниях. Он старательно отвечал на вопросы, которые я задавал ему о подробностях трёх ярких снов, бывших у него. Я планировал встретиться с ним в 1962 году, но с прискорбием узнал о его смерти. Он болел, о чём писал мне в некоторых письмах, и всё же его смерть была для меня весьма неожиданной, потому что последнее письмо, которое я получил от него, было написано за четыре дня до кончины, и я не заметил в нём ничего, что указывало бы на ухудшение его здоровья.

Краткий обзор случая и его исследование

Джон Ист родился в Великобритании 4 октября 1883 года. Его семья была богатой, и он был волен жить как ему вздумается. После окончания Итонского колледжа он год проучился в Оксфорде, но счёл университетскую жизнь скучной. Он хотел записаться в армию, но не прошёл комиссию из-за слабого зрения. Следующие три года он провёл, охотясь на крупного зверя на трёх континентах. Потом он вернулся в Англию и с 1912 по 1927 год – за исключением трёх лет службы в армии во время Первой мировой войны – жил в большом загородном доме, занимался сельским хозяйством и четыре дня в неделю охотился. Осенью он часто выезжал на оленью охоту или пострелять куропаток в Шотландию. В 1927 году, когда ему было 44 года, он решил заняться бизнесом, но из этого ничего не вышло. Тогда он продолжил жизнь успешного

состоятельного фермера. Женат он был трижды, особенно удачным был его третий брак. Жена умерла прежде него, сам он умер в 1962 году в возрасте 79 лет.

В 1927 году Джон Ист увидел два сновидения за две ночи, следовавших одна за другой. Они были настолько реалистичными, что он решил записать их, что и сделал в середине следующей (за вторым сновидением) ночи. В то же утро он сделал эскиз дома, увиденного во втором сновидении. В 1950 году он видел третий сон, связанный с первыми двумя. Казалось, действие в нём происходило в том же доме, который он видел во втором сне 1927 года.

В 1954 году один английский иллюстрированный еженедельник опубликовал фотографии и план подлинно существующего сельского особняка Шредфилд-холл в Стаффордшире; Джон Ист сразу «опознал» этот дом как виденный им во сне.

После того как Джон Ист глубокой ночью сделал эти заметки, он больше ничего не писал о своих снах вплоть до 1950 года, когда он добавил к своим записям дополнительные сведения после того, как в том году увидел третье сновидение. В дальнейшем он дополнил своё сообщение после того, как увидел фотографии в том самом иллюстрированном еженедельнике. И наконец, в книгу, изданную в 1960 году, он включил отчёт о своих сновидениях и о том, как он пытался их проверить (East, 1960a). Один мой знакомый сделал обзор этой книги в «Журнале Общества изучения сознания» (Journal of the Society for Psychical Research) (Heywood, 1960). Я попросил этого моего знакомого переправить от меня письмо Джону Исту и таким образом начал обширную переписку, которую мы поддерживали вплоть до его смерти в начале 1962 года.

В ходе нашей переписки Джон Ист прислал мне свои черновые записи, сделанные им после второго из трёх его снов, – тезисы отчёта, составленные им о его сновидениях перед публикацией этой работы, и некоторые важные сведения. Я снял с них копии и вернул их ему. Он дал своё согласие на обнародование всего, что я сочту нужным, при условии, что я не разглашу имена людей, имеющих отношение к этому делу. (Джон Ист – это псевдоним, который он сам себе выбрал, но в переписке он использовал своё настоящее имя.)

До публикации своей книги Джон Ист навёл справки о возможном месте и времени действия в его снах, которые, как он твёрдо верил, брали начало в его предыдущей жизни. Он пришёл к умозаключению о том, что они относились к жизни молодого английского офицера, который принимал участие в войне между Великобританией и Бирмой, позже получившей название первой англо-бирманской войны, которая продолжалась с марта 1824 до февраля 1826 года. После смерти Джона Иста я продолжил делать запросы для получения дальнейших подтверждений. Отчёт о них я отложу до окончания описания этих сновидений. Для этого я первым делом даю расшифровку черновых записей, сделанных Джоном Истом сразу после его второго сновидения в 1927 году, а затем гораздо более подробное сообщение, написанное им позже.

Черновые записи Джона Иста о его втором сновидении, сделанные сразу после пробуждения

Белый кавалерист вместе с офицерами морской пехоты.
? Они изучают множество морских и сухопутных карт.
Типичная военно-морская дисциплина (индийский моряк?).
Очень жарко и влажно, живу на реке, на барже.
Кают-компания, как и вахтенный отсек, только одна.
Страшное одиночество и ужас. Болезнь.
Из развлечений – катание по корабельной палубе.
У берега бунгало, танец на его веранде, бамбуковые стулья.

? Девушки-метиски[72]. Смуглая девушка с красными (?) камелиями.
Нет! Я понимаю, что ты танцуешь со мной в последний раз.
Неужели домой едем?
Мысли о доме.

Комментарий

Эти записи, как мы видим, обрывочны; их основная ценность заключается в том, что они показывают значение, которое Джон Ист придал своим снам. Он заявил, что видел эти сны в тот период, когда читал популярную книгу о предвидении «Эксперимент со временем», изданную в марте 1927 года (Dunne, 1927). Даты этих двух сновидений затем были установлены по почтовой бумаге, на которой Джон Ист делал свои записи. Он переехал из дома, значившегося на бланке этой бумаги, и обзавёлся другой почтовой бумагой, с отпечатанным на ней адресом его нового дома.

Подробный отчёт Джона Иста о его снах

Нижеследующий отрывок взят из черновых записей о его снах, впервые сделанных Джоном Истом в 1949 году, а впоследствии пересмотренных и продолженных им после того, как он увидел третий сон в 1950 году. Я опустил несколько комментариев Джона Иста, в которых он даёт этим сновидениям собственную трактовку, чтобы читатели могли, не отвлекаясь, ознакомиться с отчётом о его сне.

Для ясности будем называть сновидца буквой «А», а главное действующее лицо во сне – буквой «Б». Таким образом, мы видим два агрегата сознания, «А» и «Б», причём «А» всегда наблюдал за «Б», как если бы он неотступно следовал за «Б» немного позади и чуть справа от него и знал абсолютно всё, что происходит в уме «Б», как будто он был и этим «Б», и сторонним наблюдателем.

Сон начинается с того, что сновидец «А», осознающий «Б», поднимается по широкому сходному трапу, ведущему на верхнюю палубу корабля. Подступней у этого трапа не было, поэтому, когда «Б» поднимался, он видел между ступенями нижнюю палубу. Достигнув верхней палубы, он, по-видимому, оказался в средней части корабля; на него пахнуло долгожданной свежестью морского воздуха, и полился свет, почти ослепляющий после полумрака; тогда у него исчезло ощущение того, что он целыми днями был пленником сумрачной и затхлой каюты, где негде было развернуться; он чувствовал, как быстро к нему возвращаются силы после дней, проведённых в болезни, покой после бури.

Через «Б» «А» впервые осознал всю белизну и обширность белой палубы, увидел высокий фальшборт с длинной белой полосой по кромке, выше которой блестело синее море с пенистыми гребнями волн, разрезаемое плавным движением корабля. Над головой раздувались на мачтах белые паруса, один выше другого, в столь большом количестве, что они почти заслоняли собой голубое небо, слегка тронутое там и тут белыми облачками. Казалось, это судно не было военным, а униформа офицеров была не военно-морской, но только похожей на неё…

«А» также осознал и отметил костюм «Б»: укороченный алый китель, плотно облегающий тело, с двумя рядами позолоченных пуговиц, с небольшими фалдами сзади, и белые

[72] Джон Ист добавил в мае 1961 года следующее примечание к расшифровке этих записей: «Бирманцы не очень смуглые, их кожа цвета бледного кофе. Возможно, они являются метисами». Ко времени этого примечания он уже узнал о том, что подробности его сновидений соответствуют событиям в Бирме.

брюки. Обшлага, или манжеты, были жёлтыми. «А» отметил, что ткань была грубее и тоньше, чем материал, используемый для полной парадной униформы нашего времени; поверхность была более шершавой, не очень гладкой. Он отметил высокий воротник или широкий шарф и почувствовал, как его шее тесно в нём.

Как только он сошёл с широкого трапа, то сразу увидел смотрящего на него офицера, одетого так же, как и он. Это был юноша, сильно уступающий ему в росте, со светлыми, почти жёлтыми волосами и намечающимися бакенбардами и усами; он сказал с улыбкой: «О! Вам уже лучше. Будем рады снова видеть вас в наших рядах».

«А» отметил в «Б» чувство превосходства и снисходительности, возникающее, когда разговариваешь с тем, кто ниже тебя на общественной лестнице, но, подчиняясь некому негласному правилу, играешь какое-то время свою роль. Казалось, эта искусственность ни на минуту не отпускала «Б». И если для «Б» в таком поведении не было ничего противоестественного, то «А» никак не мог отделаться от чувства, что на самом-то деле «Б» не всегда хорошо играл свою роль.

Как только «Б» начал говорить, эта сцена померкла, как будто смыкающиеся с двух сторон виньетки закрыли картину.

Затем возникла другая сцена, явно спустя много дней. Его взору открылась большая каюта с низким потолком и с видом через окна в корме корабля. В каюте были старшие офицеры, стоящие вокруг двух или трёх сидящих за столом, на котором было разбросано много морских и сухопутных карт. «Б», хотя и был очень молод, судя по всему, имел высокое положение и воспринимался как ровня этим другим… Особенно запомнилась одна карта с фарватером какой-то реки.

За этой сценой сразу последовала следующая. Ощущение сильной жары, угнетённости, влажности, депрессии и усталости от таких условий. Возникла большая, дощатая и бедно обставленная комната с низким потолком, через открытые двери и окна которой была видна узкая галерея или длинная палуба, а за ней простиралась гладь воды, тускло блестевшая в ночи сквозь заросли тёмной растительности. Большая баржа с рубкой почти по всей её длине, пришвартованная к поросшему буйной растительностью речному берегу; было душно и влажно, одолевали москиты; ощущались усталость, томительность и безнадёжность положения. А хуже всего была жара. Показались хмурые старшие офицеры, по большей части ослабленные болезнью и растущим безразличием от ощущения того, что о них забыли; было видно, что эти утомлённые люди основательно потрёпаны, что их поход завершён и что теперь они только и ждут, когда же о них наконец вспомнят.

Всё это «А» узнавал, мгновенно считывая мысли «Б». Он знал теперь и внешность «Б». Тот был высок, широкоплеч, с необычайно развитой мускулатурой и тёмными волосами, от природы энергичный.

Казалось, что теперь «Б» был главным действующим лицом на сцене, хотя рядом с ним находились старшие офицеры, превосходившие его и годами. Видимо, только он оставался всё ещё полным сил и пытался преодолеть апатию других, увлекая их игрой «толкни монетку» на новый лад: с людьми вместо монет. Несмотря на то, что в комнате толпились люди, их теснили, чтобы было больше места. Каждый брал короткий разбег до отметки на полу и старался скользить как можно дальше по палубе, место окончания скольжения отмечалось мелом. Конечно, от такого занятия становилось ещё хуже от почти невыносимой духоты и жары, но это развлечение было хотя бы новым и потому на какое-то время отвлекающим от скуки, поскольку увлечённость этим утомительным состязанием помогала отключить ум с постоянно вертевшимися в нём мыслями: «Ну когда же они вспомнят о нас? Когда мы отправимся домой?» И всегда удушливая жара, москиты, высокие тугие воротнички и ощущение того, что о нас забыли, почти переходящее в отчаяние.

Новая сцена приснилась на следующую ночь. Комната в большом бунгало на речном берегу. Снова ночь, но на этот раз это был ужин – по виду праздничное застолье: было много вина. Кажется, там были бамбуковые стулья. Жара никуда не делась, как и ощущение того, что все канули в небытие. В этой сцене присутствовали две или три туземные женщины, маленькие и загорелые, в коротких жакетах и облегающих юбках; старшие офицеры немного сторонились шумной молодёжи, в которой заводилой был «Б». Где-то играл оркестр. Одна из туземок, с красными цветами в волосах, цеплялась за «Б» и тянула его танцевать; держа его под левую руку, она умоляла его на ломаном английском языке: «Ты не уехать домой, ты никогда не покидать меня, ты оставаться». «Б», намерения которого ещё не были ясны для «А», пытаясь стряхнуть с себя её руку, раздражённым тоном отвечал ей: «Нет же! Я никогда не покину тебя, никогда не уеду. О! Как ты меня утомила!»

В этот момент в дверь влетел офицер с сияющим лицом. Держа над собой длинный лист бумаги, он вызвал всеобщее оживление в комнате, когда крикнул: «Наконец-то у нас есть приказ! Мы отправляемся домой!» «Б», повернувшись к нему вполоборота и почувствовав внезапный прилив воодушевления, радости и облегчения, закричал: «Неужели домой едем?!»

Эти три слова потрясли сновидца как крик, чуть не разбудив его, как удар по сознанию, который не забудешь никогда. В тот же момент он почувствовал, как «Б» спохватился: «Боже! Что я сказал?» «А», теряющий энергию, наблюдал за женщиной, которая теперь находилась позади «Б», попытавшегося освободиться от неё; на её лице были написаны ненависть и решительность: она явно поняла смысл слов «Б»; женщина быстро выхватила из-за пояса длинный нож и со всей силы по самую рукоять вонзила его в ложбинку на левой стороне шеи «Б», между плечом и ключицей, ударив сверху вниз.

В момент её удара «А» почувствовал, что он становится «Б» целиком и полностью. Именно на своём плече он почувствовал этот удар, просто удар, острую боль и кое-что ещё. Появилась слабость в коленях, его ноги подломились под ним, а люди в комнате, как ему казалось, взмыли к потолку. Кто-то пытался подхватить его под руки; он чувствовал, как отвисла его челюсть, как вокруг него стал сгущаться туман. Он слышал голос: «Держите её! Держите её! Не дайте ей уйти!» Больше не было наблюдателя, а было только сознание, которое медленно угасало. И в момент его угасания к нему пришло понимание того, что он уже никогда не поедет домой, и в его уме возникла сцена, как если бы он вновь переживал её. Он сам, на большой чёрной лошади в одежде чёрного цвета для верховой езды – в чёрном фраке и чёрных лакированных ботинках – скакал лёгким галопом через большой равнинный парк под старыми дубами, между которыми он видел дом, к которому приближался.

Этот дом казался длинным и низким, белого цвета, с двумя этажами и мезонином. Он приблизился к нему, проскакав мимо деревьев справа перед домом, и увидел два эркера, возвышавшихся на два этажа на каждом конце лицевой стороны дома с колонным портиком, откуда, миновав несколько низких ступенек, можно было попасть на дорогу, ведущую в парк в отдалении. С каждой стороны от подъезда дом тянулся длинным непрерывным фасадом.

Переполненный радостью жизни и осознанием того, что кроме него лишь немногие могут совладать с этой большой лошадью, он был охвачен мыслями о своей миссии, состоявшей в том, чтобы сообщить Той, которая ждала его в этом белом доме, что наконец-то он посвятит своё время чему-то поистине важному, что он уже получил назначение и почти сразу уходит на корабле на новую войну. Он знал, что она будет гордиться тем, что он сделал, и будет ждать его. Затем он смутно осознал, как поникла его голова, когда кто-то силился поднять его, и жизнь растворилась в черноте; сновидец проснулся.

Добавлено в июне 1950 года

В июне 1950 года возникло следующее сновидение: короткое, почти мимолётное, но столь же ясное и чёткое в своей сути, как и прежние сцены, с тем же незабываемым воздействием. Оно, без сомнения, было навеяно тем, что незадолго до того вышеупомянутое сообщение было переписано из черновика набело, и всё происходившее вновь ожило в сознании.

Сновидец «А» увидел большую спальню; значительную часть одной её стены занимало большое окно с выступом, очень широкое, с оконным переплётом в раннем стиле короля Георга. На стенах были светлые обои с еле различимым узором. В центре стены с правой стороны, если стоять лицом к окну, был камин; а ещё в той же стене, между камином и окном, имелась дверца. Кровать под балдахином стояла по центру стены напротив окна, в левом углу этой же стены находилась входная дверь. Посередине левой стены стоял платяной шкаф или высокий комод из красного дерева. Кажется, был ещё туалетный столик с зеркалом, посередине окна, с чашей, стоящей справа.

Между камином и окном с выступом стоял «Б», в той же самой тёмной одежде для верховой езды: по-видимому, он только что приехал. У «А» было такое чувство, что «Б» ожидал багаж, который должны были доставить почтовой каретой. Он оглядывал комнату с большим удовольствием, и «А», как и раньше, читал его мысли: «Как приятно снова оказаться здесь; пройдёт немало времени, прежде чем я вернусь сюда». Она будет ждать «Б» внизу, потому что это её дом – длинный белый дом в парке, куда он приехал, чтобы попрощаться с ней.

Всё это возникло мгновенно, как вспышка: осознание комнаты, её обстановки, дома, парка и того, что происходило в уме «Б». Был ещё один важный момент: позади «Б», в той стене, где был камин, а точнее между окном с выступом и камином, была дверь, о которой «А» узнал, заглянув в ум «Б»; она вела в маленькую комнату или туалет, что показалось «А» странным, поскольку эта стена явно была торцевой – значит, никакой комнаты там не могло быть по определению.

Это сновидение было только мгновенным проблеском, но было оно кристально ясным, и его связь с прежними сновидениями не вызывала сомнений. В этом сне «А», казалось, стоял только на пороге комнаты.

Три комментария к сновидениям, добавленные Джоном Истом

1. Одна мысль пришла мне на ум уже после того, как я написал эти строки. Меня всегда озадачивало то, что «Б», действующее лицо, с которым происходили эти события, и он же в перевоплощённом «А», который видел эти сны, был очень юн, а между тем он присутствовал в кормовой каюте корабля на совещании старших офицеров непосредственно перед высадкой. В сценах на барже и последнего в его жизни вечера чувствовалось, что он наделён большими полномочиями. Это вполне можно было бы объяснить тем, что «Б» купил себе патент старшего офицера или даже командира полка. В те времена [в первой половине XIX столетия] такие вещи случались… Полками обычно командовали молодые люди, титулованные и богатые.

2. Стоит отметить, что последний сон, где «Б» был в спальне с большим окном с выступом, приснился в 1950 году и был немедленно записан на следующий день.

3. Все происшествия, мысли и ощущения всегда чётко отпечатывались в памяти сновидца, начиная с тех двух ночей. Сновидение было абсолютно непротиворечивым и во всех отношениях согласованным. Не было в нём ничего из того, что не могло бы произойти точно так, как приснилось. Последовательность событий была вполне логичной.

Комментарий

Во всех сновидениях Джон Ист в роли «А», видимо, был в основном наблюдателем «Б» и его действий. Это разделение на «А» и «Б» особенно чётко проявляется в третьем сне, когда «Б» стоял между камином и маленькой дверью у окна с выступом, ведущей в небольшое смежное помещение. «А» находился на другой стороне комнаты, возле входной двери в комнату из прихожей. В той комнате были только эти две двери.

Запросы Джона Иста для подтверждения подробностей его сновидений

В одно время, между первыми двумя сновидениями и третьим, Джон Ист спрашивал друга, который был специалистом по армейским униформам и военной истории, была ли какая-нибудь военная кампания в очень жарком и влажном климате, в течение которой военные носили униформу того типа, который он видел в своих снах, жили на баржах и долго ждали приказ об отправке домой. Его друг сразу ответил, что это описание подходит к первой англо-бирманской войне 1824–1826 годов (Doveton, 1852; Laurie, 1880; Trant, 1827).

Запросы Джона Иста привели его к дополнительным источникам информации, подтвердившим правдоподобие и даже точность описания в его сновидениях. Например, в своём сообщении о первом сновидении он заявил, что у него возникло впечатление, будто судно [военный транспорт] не относилось к военно-морскому флоту и что униформа офицеров была не военно-морской, но только похожей на неё. На самом деле отряды, участвовавшие в первой англо-бирманской войне, перевозили суда Ост-Индской компании (Laurie, 1880). Её офицеры носили униформу, напоминавшую военно-морскую, но несколько отличавшуюся от неё (Chatterton, 1914).

Ещё больше Джона Иста впечатлило то, что он узнал в иллюстрированном еженедельнике дом, Шредфилд-холл, к которому «Б» подъезжал во втором сне (после того, как его ударили ножом) и где он видел себя стоящим в комнате в третьем сновидении. В 1950 году в этом иллюстрированном еженедельнике были опубликованы несколько фотографий с видом на Шредфилд-холл, а также схема комнат на первом этаже[73]. Шредфилд-холл был длинным белым домом с колонным портиком с фронтальной стороны. В конце каждого крыла дома был эркер. Центральная часть дома имела три этажа, а не два, которые вспомнил «Б». Джон Ист полагал, что деревья к югу от дома на фотографиях, опубликованных в иллюстрированном еженедельнике, показались ему не такими, какими они были, когда «Б» (сновидец) подъезжал к дому. Он обратился к иллюстрированной книге, описывающей имения известных людей в начале XIX века (Neale, 1821). На изображении Шредфилд-холла в той книге было видно, что рощицы у южного конца дома, изображённого на фотографиях иллюстрированного еженедельника, в 1820 году не было; этот момент больше подходил к тому, как «Б» видел деревья у дома, когда подъезжал на лошади к его юго-восточному углу.

Наиболее впечатляющее подтверждение Джон Ист получил из схемы расположения комнат на первом этаже Шредфилд-холла, опубликованной в иллюстрированном еженедельнике. На ней было показано южное крыло дома, большая комната с выступающим окном и дверью рядом с этим окном, открывающуюся в смежную комнату меньшего размера. В издании утверждалось, что данное крыло дома было изменено во второй половине XVIII века, чтобы устроить более компактные спальни для владельцев дома. Комната с большим выступающим окном заметно ассиметрична, явно из-за более поздней перепланировки, в которой одна большая

[73] Уважение к частной жизни нынешних владельцев Шредфилд-холла требует от меня не публиковать никаких подробностей из этих статей в данном иллюстрированном еженедельнике, которые могли бы указать на их дом.

комната была поделена на две меньшего размера. У аналогичной комнаты с выступающим окном в северном крыле дома точно такой же размер, как у двух меньших в его южном крыле, вместе взятых. Джон Ист полагал, что комната, в которой стоял «Б» в его третьем сновидении, из-за своей столь необычной формы (она появилась после того, как была поделена большая комната) была уникальной. Он был убеждён в том, что Шредфилд-холл и был тем домом, который он видел во втором из своих снов 1927 года и во сне 1950 года.

Владельцы Шредфилд-холла внесены в справочники британских титулованных семейств. Из одного такого справочника Бёрка «Сословия пэров, баронетов и рыцарей» (Townend, 1826/1963) и из переписки с издателем «Пэрства» он узнал о том, что у владельца Шредфилд-холла были две незамужние сестры, Вильгельмина и Хелен, которые, по всей видимости, жили с ним. Он догадался, что эти сёстры, родившиеся в 1807 и 1808 годах, в 1824 году были бы слишком молоды для замужества. Поэтому он подумал, что «Б» влюбился в одну из них и решил подождать, когда она подрастёт, а тем временем отправиться на войну в Бирму, купив армейский офицерский патент. Сцены езды верхом к дому и ожидания в необычной комнате с выступающим окном имели место, когда он приехал попрощаться с девушкой, с которой был помолвлен.

Во время переписки со мной в 1960–1962 годах Джон Ист выражал полную уверенность в том, что его сновидения проистекали из подлинных воспоминаний предыдущей жизни. Однако он не прояснил этот случай, поскольку ничего не узнал о молодом человеке, события жизни которого соответствовали тому, что происходило с «Б» в этих снах.

Более поздние запросы для подтверждения подробностей сновидений

В моей переписке с Джоном Истом я задавал ему некоторые вопросы, касающиеся подробностей. Например, он описал комнату с выступающим окном, где в третьем сне «Б» стоял, предположительно, на втором этаже дома. Он упомянул девушку, встретиться с которой он приехал, как ожидавшую его «внизу». Я написал ему, что схема комнат, опубликованная в иллюстрированном еженедельнике, показывала разделённую комнату на первом, или нижнем, этаже, а не на втором. На это моё замечание Джон Ист ответил, что он допустил ошибку и должен был сказать, что «Б» ожидал в комнате с выступающим окном на первом этаже.

Во втором сне у «Б» была бирманская любовница, которая убила его, когда он обрадовался новости о возвращении домой. В более подробном отчёте о своём втором сновидении Джон Ист вспоминал, что «Б» ожидал весть о приказе ехать домой. В заметках, написанных сразу после второго сновидения, бирманская любовница называет их следующий танец последним, что предполагает некий намёк на отъезд «Б». Джон Ист объяснил это возможное несоответствие, указав на то, что офицеры и солдаты, конечно, ожидали приказ ехать домой вскоре, поэтому для них – как и для их любовниц – было резонно полагать, что любой танец может стать последним.

Помимо изучения фотографий и текста статьи о Шредфилд-холле я нашёл подтверждение точности описания Джоном Истом униформ, которые носили в британской армии в период первой англо-бирманской войны. Я также подтвердил то, что Джон Ист узнал об использовании судов Ост-Индской компании для транспортировки войск в Южную Азию и касательно униформ офицеров на этих судах (Chatterton, 1914). Я изучил гравюру Шредфилд-холла у Нила (1821) и отметил некоторое различие между деревьями с юго-восточной стороны особняка, как они показаны у Нила, и на фотографиях 1950-х годов. (Я не считаю это различие существенным.)

Попытки опознать человека, который был «Б» в сновидениях

Шредфилд-холл находится в Стаффордшире, поэтому разумно предположить, что такой человек, как «Б», приезжавший в Шредфилд-холл на лошади, чтобы встретиться там с девушкой, жил в Стаффордшире и, поступив в армию, вероятнее всего присоединился к Стаффордширскому полку. Мне повезло заручиться для этого случая помощью ныне покойного Гая Ламберта. Он был бывшим высокопоставленным чиновником в военном департаменте британского правительства и бывшим председателем Общества изучения сознания.

Он исследовал записи о тех британских полках, в которых на мундирах была жёлтая отделка, и выяснил, что в 31 из почти 100 полков кант на униформе был именно такого цвета. Тогда он исследовал те из них, среди боевых отличий которых была «Ава» (древняя столица Бирмы). Это указало бы на полки, участвовавшие в первой англо-бирманской войне. Он установил, что 10 полков были удостоены включить «Аву» в свои боевые отличия. Однако из всей этой группы только в двух полках была униформа с жёлтым кантом и «Ава» среди боевых отличий. Одним из них был 38-й Стаффордширский полк. И нужно отметить, что командующий британской армией во время первой англо-бирманской войны, генерал-майор сэр Арчибальд Кэмпбелл, был офицером 38-го полка.

В таком случае будет правильно предположить, что «Б» был младшим офицером 38-го полка, служившим в Бирме во время первой англо-бирманской войны.

Собственный сын сэра Арчибальда Кэмпбелла, лейтенант Джон Кэмпбелл, во время этой войны служил адъютантом своего отца. Однако он пережил войну, позже сделал успешную военную карьеру и был убит во время Крымской войны.

В 1970 году доктор Алан Голд привлёк моё внимание к книге «История южного Стаффордширского полка» (Vale, 1969). Я начал переписываться с её автором, полковником У. Л. Вейлом. Тот, в свою очередь заинтересовавшись этим случаем, смог сообщить мне о том, что в ходе первой англо-бирманской войны 38-й полк потерял убитыми двух офицеров и одного умершим от ран, а помимо них ещё девятерых, умерших от болезней. Понятно, что ни один офицер не был записан как «убитый своей бирманской любовницей». Очевидно, любой офицер, убитый так, как «Б», был бы приписан к умершим от болезней.

Мы не можем быть уверенными в том, что «Б» скончался от полученного им удара ножом, хотя я считаю это вероятным. В той части шеи, куда бирманка вонзила свой нож, много крупных кровеносных сосудов, и разрыв одного из них – по крайней мере в Бирме в 1826 году – привёл бы к смерти в течение нескольких минут. Теряя сознание, «Б» мысленно устремился в прошлое, в то время, когда он ехал прощаться с подругой в Шредфилд-холл. Это можно было бы воспринять как эпизод процесса обзора жизни, что бывает приблизительно в 13 % случаев с людьми, пережившими клиническую смерть и вернувшимися к жизни (Stevenson and Cook, 1995). Такие обзоры жизни могут иметь место и у тех, кто всё же умер, поэтому тот факт, что данное явление возникло в случае Джона Иста, ещё не означает, что «Б» был ранен или что он умер от удара ножом.

Столь же бесполезно в этом отношении и отсутствие родинки у Джона Иста. (В нашей переписке он сказал мне, что у него нет родинок на месте ранения «Б».) И если у одних, весьма многочисленных, исследуемых, которые утверждают, что они помнят свою предыдущую жизнь, отнятую у них, есть соответствующие родинки, то у не меньшего числа других они отсутствуют (Stevenson, 1997).

Мог ли «Б» жить во времена второй англо-бирманской войны?

В рассказе Джона Иста о его втором сновидении подчёркиваются скука и долгое ожидание приказа о возвращении домой после того, как война закончилась. Первая англо-бирманская война закончилась Яндабуским договором 24 февраля 1826 года. Полковник Вейл узнал из записей Стаффордширского (38-го) полка, что его переброска в Индию началась в марте, при этом отдельные подразделения задержались до апреля. Шесть недель не кажутся мне долгим периодом ожидания, однако этот срок, возможно, казался невыносимо долгим мужчине, которому не терпелось вернуться к своей подруге.

Многие элементы этих сновидений могут столь же хорошо соответствовать обстоятельствам второй англо-бирманской войны (1852–1853) В ней участвовал ещё один (80-й) Стаффордширский полк. Униформа была почти такой же (включая высокие воротнички или шарфы и жёлтые обшлага), войска по-прежнему транспортировались судами Ост-Индской компании, офицеры всё так же покупали свои патенты. На сей раз, однако, ожидание приказа об отправке домой было заметно более долгим, чем после первой англо-бирманской войны. Эта война продолжалась с 5 апреля 1852 до 20 января 1853 года, но приказ о возвращении домой 38-й полк ждал 10 месяцев.

Вторая англо-бирманская война уже не так, как первая, подходит нам, если учесть, что юная незамужняя девушка ждала тогда возвращения «Б» с войны, поскольку у владельца Шредфилд-холла в то время (1852 год) не было ни одной незамужней дочери 15-летнего возраста. Возможно, она была не в таком уж юном возрасте, когда была помолвлена со столь молодым человеком, как «Б». Если так, то мы не можем решить, первая или вторая англо-бирманская война больше соответствует общему описанию сновидений «Б».

Сходные черты характера у «Б» и Джона Иста

Джон Ист усматривал важные сходства между личностью «Б» (насколько это показали сновидения) и своим собственным характером. «Б», как он предполагал, должен был принадлежать к одной из помещичьих семей. Он был искусным наездником, питал некоторый интерес к военному делу и, возможно, был достаточно богатым для того, чтобы купить армейский офицерский патент. До вступления в армию он не сделал ничего «стоящего» в своей жизни.

Краткая автобиография, которую Джон Ист написал для меня, показывает, что свой ранний период жизни – по сути, вплоть до средних лет – он провёл как помещик, охотясь и просто стреляя в своё удовольствие. Образ жизни учёного был ему не по нутру; и он сделал бы военную карьеру, если бы не подвело зрение.

Нужно ещё добавить, что некоторые другие черты появились в характере Джона Иста после его первых двух сновидений, а возможно, и из-за них. Он увлёкся квантовой физикой, проштудировал и постиг «Физику и философию» Гейзенберга. Он читал труды У. Й. Эванса-Вентца, одного из наиболее крупных специалистов по тибетскому буддизму того времени. Он переписывался с Эвансом-Вентцем, и тот написал предисловие ко второй книге Джона Иста, изданной им перед смертью (East, 1960 б).

Как Джон Ист объяснял свои сновидения

Обилие подробностей в его сновидениях, касающихся первой англо-бирманской войны (а Джон Ист полагал, что это была именно она), и необычный поэтажный план здания Шредфилд-холла убедили Джона Иста в том, что его сны проистекали из воспоминаний прошлой

жизни в Стаффордшире первой четверти XIX века. В одном из своих сообщений об этих снах он писал: «Архитектурный план спальни и небольшой смежной комнаты, конечно, ассиметричен и необычен, и я очень сомневаюсь в том, что нечто подобное существует в каком-нибудь другом доме». Как и в случаях с другими сновидцами, видевшими яркие сны, уже то, что его сны были реалистичными и всегда оставались ясными в его памяти, добавляло ему уверенности в том, что события, которые он пережил (как «Б»), действительно происходили.

Комментарий

Выводы Джона Иста представляются мне логичными. Мы не можем исключить возможность того, что он, учитывая его образованность и широкую эрудицию, получил некоторое знание о первой англо-бирманской войне до того, как увидел свои сны. Но то, что он знал нюансы униформы, которую носили судовые офицеры и солдаты, кажется сомнительным. Ещё более невероятной была бы его осведомлённость об участии Стаффордширского полка в этой малоизвестной войне через общедоступные источники. Кроме того, нет никаких сомнений в том, что у него никогда не было возможности увидеть план комнат Шредфилд-холла до публикации этого плана в 1950-е годы. Мы можем усомниться в отдельных элементах, но не можем решительно отвергнуть все их в совокупности.

Трауде фон Хуттен

Краткий обзор случая и его исследование

Трауде фон Хуттен родилась в Дрездене, Германия, 7 января 1905 года. Её отец был лютеранским священником. Трауде была самым младшим ребёнком в большой семье. (Я так и не узнал, сколько у неё было братьев и сестёр.)

Когда Трауде было пять лет, она увидела сон, в котором она, очевидно, жила в замке в Средние века. В этом сне она переживала смерть обоих своих родителей из-за несчастных случаев, а затем и потерю мужа, который не вернулся из крестового похода. Этот же сон она видела в восьмилетнем возрасте, а потом и ещё раз, когда ей было 13 лет.

В возрасте 17 лет её пригласили на ужин, во время которого она сидела напротив женщины, с которой никогда прежде не встречалась. Эта женщина какое-то время пристально смотрела на неё, а затем вдруг сказала: «Знаете ли вы о том, что вы уже жили раньше на земле?» Прежде чем удивлённая Трауде успела что-то ответить, эта женщина продолжила говорить и рассказала ей о том, что она (Трауде) когда-то видела повторяющийся сон о предыдущей жизни. Затем она дала подробное описание той её жизни, которое удивительно точно соответствовало сновидению Трауде. Но Трауде тогда ещё ничего не знала о представлениях о перевоплощении. Позже она узнала о том, что эта женщина была известной ясновидящей.

В зрелом возрасте Трауде дважды была замужем и дважды овдовела. Её второй муж погиб, когда служил в немецкой армии, осаждавшей Ленинград во время Второй мировой войны. После войны она жила сначала в Мангейме, а затем в Мюнхене. Она работала переводчиком при американской армии в Германии до 1952 года, когда вышла на пенсию как вдова военнослужащего и уволилась с работы. В эти годы у неё больше не было значительных сновидений, и ничто не указывало на то, что её детские сны – это не пустые грёзы.

В детстве Трауде живо интересовалась Средневековьем. И хотя позже она вспоминала, что детство у неё было счастливым, она всё же предпочитала играть и мечтать в уединении. Ей нравилось забираться на склонившийся ствол орешника, стоявшего на их семейном участке, и сидеть в большом дупле. Она сказала, что делала это «ежедневно». Там она воображала себя

женщиной из Средних веков. (По-видимому, она начала вести себя подобным образом уже после пяти лет; именно в этом возрасте, по её более поздним воспоминаниям, она впервые увидела «сон о замке».)

До 15 лет она ни разу не была в средневековом замке. В этом возрасте родители взяли её с собой в турне по замкам Тюрингии. После этого она посетила множество замков, но ни один из них не вызвал у неё чувство сколько-нибудь близкого знакомства, пока однажды она не приехала в замок Трифельс в Пфальцграфстве Германии, ныне в составе земли Рейнланд-Пфальц.

Когда 6 мая 1956 года Трауде посетила замок Трифельс с подругой Кларой Хольцер, она сразу узнала в нём замок из своего повторявшегося сна. Глядя на этот замок, стоящий на вершине крутого склона, Трауде рассказала Кларе о том, что здесь её родители из прошлой жизни погибли в результате несчастного случая. Как только она сказала об этом, откуда ни возьмись появился какой-то старожил; он предупредил Трауде и Клару о том, как опасно находиться на крутом склоне, и в завязавшемся разговоре заметил, что князь, получивший этот замок от императора как феодальное поместье, трагически погиб на этом самом обрыве, вместе с женой. Это, казалось, подтверждало описание повторяющегося сна Трауде.

В 1956 году немецкая газета *Das Neue Blatt* предложила читателям присылать в редакцию рассказы о своих воспоминаниях о прошлых жизнях[74]. Трауде прислала в газету рассказ о своём сновидении, и *Das Neue Blatt* опубликовала его 24 мая 1956 года. В газетном сообщении не упоминается посещение Трауде замка Трифельс, поскольку она написала в редакцию раньше, чем съездила туда, а эта публикация вышла с задержкой.

Впоследствии по крайней мере ещё одно немецкое издание напечатало сообщение о сновидении Трауде, что и привлекло внимание доктора Гейнриха Вендта[75]. Он проявил заинтересованность в этом сновидении и сделал предположение о средневековом князе, к которому оно могло относиться. Он направил Трауде ко мне, и она прислала мне сообщение о своём сновидении в письме от 2 января 1968 года. В течение двух следующих лет я переписывался с ней о подробностях её сновидения и возможных соответствующих обстоятельствах её жизни. Она старательно отвечала на все мои вопросы. Она также прислала мне свидетельство от своей подруги Клары Хольцер, которая подтвердила заявление Трауде о том, что она признала в Трифельсе замок из её сновидения.

Трауде узнала Трифельс как замок из её сна, поэтому я начал наводить справки и получил помощь от доктора Гюнтера Штайна, помощника директора Исторического музея Пфальца, который находится в Шпайере на Рейне. Трифельс стоит примерно в 35 километрах к юго-западу от Шпайера, близ небольшого города Анвайлер. Доктор Штайн был соавтором официального путеводителя по Трифельсу, и маловероятно, чтобы кто-либо другой знал об этом замке больше, чем он. Как и доктор Вендт, он заинтересовался этим случаем и стал переписываться со мной, обсуждая возможности его проверки.

Я встретился с Трауде и побеседовал с ней 4 марта 1970 года в её доме в Мюнхене. Несколькими днями позже, 9 марта, мы с ней поехали в Шпайер, где встретились с доктором Штайном в музее, в его кабинете. Мы с доктором Штайном попросили Трауде описать, что она помнила о замке из её сна, и на основе её рассказа я сделал эскиз. На следующий день мы все вместе поехали в Трифельс. Через несколько недель, в апреле 1970 года, доктор Штайн прислал мне подробное описание нашего посещения Трифельса и своё мнение о соответствии увиденного нами (того, что относилось ко времени крестовых походов) тому, что мы услышали о сновидении Трауде. 10 марта мне также повезло встретиться с Кларой Хольцер, жившей в

---

[74] Рупрехт Шульц также откликнулся на предложение этой газеты. Насколько мне известно, газета опубликовала только те сообщения, которые были написаны им и Трауде фон Хуттен.

[75] Доктор Вендт, отставной судья, обладал значительными познаниями в области сверхъестественных явлений. Я несколько раз навещал его в Мангейме, где он жил. Он перевёл на немецкий язык мою первую книгу с сообщениями о случаях, указывающих на перевоплощение.

районе Трифельса. Доктор Штайн позже разрешил мне позаимствовать и скопировать страницы из регистра документов, в которых упоминался Трифельс.

Трауде фон Хуттен умерла в Бад-Гаштайне 8 декабря 1970 года.

Сон Трауде фон Хуттен

Этот сон состоит из трёх частей. Начинается он со сцены безрадостного одиночества. Затем возникает сцена, в которой сновидица объясняет своё несчастье, подробно повествуя о смерти её родителей в результате несчастного случая. В третьей части сна она является женщиной старшего возраста, ожидающей возвращения мужа из крестового похода; но он не возвращается со своими соратниками, и сновидица вновь остаётся одна.

Я перевёл сообщение об этом сновидении, которое Трауде прислала мне в своём первом письме, датированном 2 января 1968 года. Я выделил в её сновидении три части.

Я вижу своё материальное тело и ощущаю себя во плоти. Я осознаю, как складки моего длинного платья ниспадают на мои ноги, когда я иду. Я слышу, как скрипят подо мной деревянные половицы длинного зала… Чувство одиночества охватывает меня, безысходного одиночества.

Последние слабые лучи заходящего солнца льются сквозь готические окна. Я перехожу к открытому окну и выглядываю наружу. Чёрные ели, высотой в полгоры, плотно окружают её и производят сумрачное, почти зловещее впечатление. Далеко передо мной, до самого горизонта, простирается зелёная гладь земли с отдельными вкраплениями из маленьких замков. Я пристально смотрю вниз. Да, внизу, ниже того места, где я стою, произошло ужасное событие, которое одним махом изменило всю мою жизнь. В один день я потеряла обоих родителей из-за несчастного случая.

Тот осенний день отпечатался в моей памяти так ясно, как будто это было только вчера. Я видела мою стройную красивую мать, излучающую радость жизни. Она изящно села на своего белого коня, повернулась ко мне с улыбкой и, взмахнув стеком, галопом поскакала вниз. Очень скоро начинается гроза. Мой отец рано возвращается с охоты. Узнав о том, что его жена ещё не вернулась, он поворачивает свою лошадь обратно и скачет вниз с горы. Я слышу стук копыт его лошади о доски деревянного подъёмного моста. Когда спустя несколько часов мои родители не вернулись, я посылаю слуг искать их в лесу с факелами. Около полуночи они приносят моих родителей в замок на самодельных носилках, оба они мертвы. Дождь размыл горную тропу – конь моей матери поскользнулся, а затем несколько раз перевернулся и упал вниз с крутого обрыва, придавив мою мать. Сломанные кусты сразу указали моему отцу, искавшему её, где произошёл несчастный случай, но та же беда случилась и с ним.

Я испытываю чувство горестного одиночества в этом огромном замке. Я смотрю на единственных людей, окружающих меня, пару старых слуг. Мне страшно. Мне не даёт покоя отсутствие известий о судьбе моего мужа, который давно отправился в крестовый поход. Каждый день я поднимаюсь на зубчатые стены замка, чтобы увидеть издали его возвращение. А между тем с каждым днём мои надежды тают. Одним солнечным июньским днём я заметила вдали облако пыли. Оно приближалось. Потом я разглядела солнечные блики на латах, и из моей груди вырвался возглас ликования: «Они едут! Они едут!» Я разрыдалась, слёзы текли по моему исхудавшему лицу. Я вижу себя бегущей вниз по лестнице, хватающей шаль и скачущей вниз с горы. Потом я останавливаюсь, затаив дыхание, среди сельских жителей. Мой взгляд устремлён на кавалькаду, подъезжающую всё ближе и ближе. С развевающимися знамёнами, в сияющих латах, с полуоткрытыми забралами всадники подъехали, радостно приветствуемые толпой. Вскоре один из них спрыгнул с лошади и обнял жену, потом мать. Я слышу собственный шёпот: «Должно быть, мой любимый едет вслед за ними». Как зачарованная смотрю я

на каждого подъезжающего всадника. Внезапно один из них оставляет группу и направляет свою лошадь ко мне. Я уже готова протянуть к нему руки. Потом я замечаю, что у этого человека светло-серые глаза, и думаю: «Нет, он не может быть моим мужем. У моего мужа голубые глаза». Я безмолвно смотрю в эти чужие глаза и снова мрачнею, внезапно осознав правду. «Моего мужа нет среди этих людей. Он никогда не вернётся. Он мёртв». Окружающие меня люди словно окутываются туманом. Меркнет солнечный свет. Я чувствую, как силы покидают меня, словно жизнь медленно испаряется из моего тела. На этом мой сон заканчивается.

Обстоятельства и особенности этого сновидения

Трауде описывала своё сновидение как яркое. Она считала, что в этом сне в буквальном смысле заново проживала реальные события, чего не было в её обычных снах. Каждое последующее повторение этого сна во всех своих подробностях было тождественно сну, увиденному ею в первый раз. Она не знала, что могло вызвать это уникальное сновидение. Приходило оно спонтанно. Во все последующие годы она не раз хотела снова увидеть этот сон, но он не возвращался.

Когда она впервые увидела этот сон в возрасте пяти лет, то проснулась в слезах. К ней пришла мать, но она сказала ей, что не считает её своей настоящей матерью. В этом и во втором случае она описала матери свой сон, а в третий раз, когда ей было 13 лет, она не стала рассказывать ей о своём сне.

В отличие от воспоминаний Трауде о её обычных снах, сон о замке не стёрся из её памяти, когда она стала старше.

Комментарий

Сообщение Трауде о её сновидении, которое эта сновидица позже описывает как повторное проживание прошлой жизни, отличается по стилю от сообщений о большинстве других снов. Оно начинается с описания глубокой печали, которую вызвали события, рассказанные позже. Описывая вторую и третью части сна, Трауде применяла формы то прошлого, то настоящего времени. Вдобавок к этим особенностям, её сообщение содержит один элемент, в котором есть противоречие: отец сновидицы находит место, где погибла его жена, когда её конь поскользнулся. Сам он погиб вскоре после жены – никто не мог знать, что указало ему на то, где следует искать место, в котором встретила свою смерть его жена.

В каждом сообщении о каком-либо сновидении есть стремление перевести образы, обычно визуальные, в слова. Сокращения, упущения и искажения возникают почти неизбежно. Возможно, в сообщении Трауде о её сновидении таких видоизменений больше, чем обычно.

Дополнения к описанию, добавленные Трауде позже

В ходе нашей переписки, а также во время нашей встречи в Мюнхене и Шпайере, Трауде кое-что добавила к описанию своего сновидения. Она упомянула о том, что её мать ехала на коне с дамским седлом и что на ней была продолговатая конусообразная шляпа. Её волосы во второй части сновидения были заплетены в две косички; в третьей части сновидения, где она, по идее, была уже взрослой, её волосы были собраны на макушке. В той части сновидения она чувствовала, что находится в физическом теле более крупном, чем тело ребёнка, какое у неё тогда было.

Её описание плана Трифельса, с которого я сделал эскиз, включало дополнительные элементы – например, месторасположение главного входа в замок и этаж, на котором был расположен большой зал.

Подтверждения касательно первого приезда Трауде в Трифельс

В ноябре 1957 года Клара Хольцер написала короткое заявление, в котором подтвердила слова Трауде о том, как она узнала Трифельс и объявила о том, что прежде уже жила в нём. Я приведу цитату из её заявления:

В начале дороги, поднимающейся в гору (к замку), Трауде вдруг сказала мне: «Мне всё здесь знакомо. Когда-то раньше я уже жила здесь». Когда мы поднялись на гору и оказались перед замком, Трауде указала на равнинный участок слева от нас и сказала: «Прежде здесь были дома для прислуги, там были помещения для всадников, а ещё дальше был разводной мост». В тот момент появился смотритель замка, он подошёл к нам. Невольно услышав речь Трауде, он заметил: «Вы уже всё знаете здесь. Мне не нужно ничего показывать вам». Когда мы вошли в замок, Трауде сказала: «Лестница находится справа, а в прошлом она была слева». Смотритель подтвердил её слова. Когда мы достигли верхнего уровня, Трауде сказала, что в прошлом там был более просторный зал. Смотритель подтвердил и эти её слова.

В заявлении Клары Хольцер не упоминается старожил, описавший, как в Трифельсе в результате несчастного случая погибли князь и его жена. Когда я встретился с ней в 1970 году, минуло почти 14 лет с того дня, как она вместе с Трауде посетила Трифельс. Клара Хольцер в то время была серьёзно больна; она сказала, что из-за болезни её память ослабела. Она ничего не смогла вспомнить о старожиле и его рассказе.

Неудавшиеся попытки проверить сновидение

С XII по XIV век, во времена Священной Римской империи, Трифельс был важным замком (Sprater and Stein, 1971). Как Кайзербург (имперская крепость) он имел большое военное значение. В нём сохранялись имперские знаки отличия, а также содержалось много политических заключённых в череде неутихающих войн. Из этих заключённых наиболее известным был содержавшийся там в 1193 году английский король Ричард I. С упадком средневековой Германской империи Трифельс утратил своё большое значение, которым он прежде обладал. Несмотря на некоторые попытки ремонта замка и даже его восстановления, он всё равно ветшал и разрушался, в XVII веке он был окончательно заброшен. После этого местное население растащило его на строительные материалы. В XIX веке немцы снова заинтересовались историей своей страны и начали среди прочего изучать места былой славы, среди которых был и Трифельс. Правительство Баварии, на чьей территории тогда находился этот замок, запретило использование его построек для строительных нужд. В 1938 году Германское (нацистское) правительство начало реставрацию замка, которая продолжалась, с перерывами, до 1954 года. Однако эта реставрация замка не подразумевала его восстановление в том виде, в каком он существовал во времена Средневековья. По этой причине доктор Штайн написал мне в своём письме от 13 января 1970 года:

Если женщина, с которой вы ведёте переписку [т. е. Трауде] посетила Трифельс после 1954 года, то на неё, возможно, произвела впечатление недавно отстроенная секция замка; к сожалению, она никоим образом не соответствует предыдущей структуре здания; напротив, она основана на фантазиях архитектора, профессора Эстерера, перенесённых им на эскиз.

Несмотря на это затруднение, доктор Штайн воспринял сновидение Трауде с достаточной серьёзностью для того, чтобы выслушать её описание замка и посетить его вместе с нами. Эта поездка показала, что в одном отношении Трауде явно ошиблась. Она поместила основной вход на северную сторону замка, тогда как он был на северо-восточной стороне. Северная сторона возвышалась над крутым, напоминающим утёс склоном, абсолютно непригодным для подъезда к замку. Лестницы, ведущие к главной части замка, были «восстановлены» на западной стороне. Ранее они не могли быть на этой стороне, но никто не знает, на какой стороне они находились. (Смотритель, заверивший Трауде в том, что она была права относительно того, где были лестницы, не мог иметь точного знания об их предыдущем местонахождении.) Однако в некоторых отношениях Трауде могла верно описать замок в его прежнем виде. По мнению доктора Штайна, по большей части рассказ Трауде о плане этого здания, возможно, был правильным, но доказать это нельзя. В своём послании от апреля 1970 года он писал:

Я должен сказать, что не могу с уверенностью назвать Трифельс замком из сновидения [Трауде], хотя многое говорит в пользу этого толкования, и не так уж много – против него.

Неубедительность тождества между описанием Трауде того, каким она, как ей казалось, вспомнила Трифельс в своём сне, и наиболее полной информацией, которой мы располагаем о том, каким здание было в прежние времена, это ещё не всё, что мешает назвать Трифельс замком из сновидения. Большое значение Трифельса во времена расцвета средневековой Германской империи послужило причиной того, что за тот период было оставлено достаточно много записей о его хозяевах, или владельцах (а также о его узниках). В них не сообщается ни об одной гибели в результате несчастного случая кого-либо из владельцев этого замка как вместе с женой, погибшей одновременно с ним, так и без таковой.

Доктор Штайн никогда не слышал ни историй, ни легенд о владельце этого замка, который бы погиб в результате несчастного случая, на что указывает сновидение Трауде. Подвергнув сомнению свою компетентность в данном вопросе, доктор Штайн обратился за советом к фольклористу Виктору Карлу, изучившему легенды этой области; тот никогда не слышал ни об одном эпизоде, который соответствовал бы второй части сновидения Трауде.

Сон Трауде мог относиться не к владельцу замка Трифельс, а к какому-нибудь другому кастеляну этой области или же, коли на то пошло, другой области Германии. Элемент участия в крестовом походе ограничивает действие определённым периодом времени, а именно годами первых пяти крестовых походов (в которых участвовали немцы), то есть с 1096 по 1229 год. Следующее ограничение вытекает из наследования, согласно сновидению Трауде, этого замка дочерью. Во времена Высокого средневековья замки обладали преимущественно, и почти исключительно, военным значением; одинокая женщина не могла стать владелицей замка. Доктор Штайн заверил меня в том, что нет ни одной записи о таком наследовании в Германии в течение XII и XIII веков.

И доктор Вендт, и доктор Штайн предлагали кандидатуру Маркварда фон Анвайлера, видного дворянина конца XII столетия. Он был близким соратником императора Генриха VI, назначившего его губернатором Анконы (в Италии) и герцогом Равенны. Его имя значится в списке документов, в которых упоминается Трифельс (Biundo, 1940). Он наверняка бывал в Трифельсе и, возможно, довольно часто, но он нигде не обозначен как «из Трифельса». Кроме того, хотя он и участвовал в Третьем крестовом походе, но благополучно вернулся из него и позже умер на Сицилии.

Доктор Штайн говорил и о другом кандидате, который мог быть мужем героини сновидения, а именно о Людвиге IV, ландграфе Тюрингии. Его замок в Вартбурге расположен недалеко от Дрездена, где выросла Трауде; она посетила его во время своего турне по замкам с родите-

лями, когда ей было 15 лет. Людвиг ушёл в Шестой крестовый поход и не вернулся из него. Он умер по пути в Отранто, в Италии, 11 сентября 1227 года. Его вдове не пришлось долго ждать вести о его смерти: примерно два месяца. На самом деле Людвиг унаследовал свои владения от отца, а не получил их через жену, которой была венгерская принцесса Елизавета, позже канонизированная как Святая Елизавета венгерская (Ancelet-Hustache, 1963; Lemmer, 1981).

Не думаю, что мы сможем найти средневекового немецкого дворянина, который соответствовал бы уже озвученным мной требованиям: наследование большого замка дочерью, муж которой ушёл в крестовый поход и не вернулся. Если бы мы и сделали это, то один момент всё равно выпал бы из контекста. Продолговатые конические шляпы женщины носили в конце XV века, но не ранее. Однако такие шляпы издавна принято отождествлять с ранним Средневековьем. На карикатуре в *The New Yorker* (11 июля 1970 года) изображена женщина в средневековой одежде и как раз с такой шляпой на голове; она пытается отговорить мужа, закованного в тяжёлые латы, идти в крестовый поход.

Комментарий

Этот случай является неразрешённым, и я не думаю, что он когда-нибудь будет разрешён. Я считаю его ещё одним уроком важности независимых проверок заявлений исследуемых.

Вместе с тем мы можем спросить себя о происхождении этого сновидения или, быть может, правильнее сказать, этого сообщения о сновидении, адресованного мне и другим людям, воспринявшим его всерьёз. Одно время я думал, что Трауде занялась мистификацией. Однако это означало бы, что она упустила возможность реализоваться на сцене как хорошая актриса; она не выказала ни малейшего намёка на неискренность на протяжении всей нашей переписки и в течение всего времени, которое мы провели вместе, а это в общей сложности примерно два с половиной дня.

Более вероятное объяснение предполагает, что Трауде ошибочно назвала возраст, в котором она в первый раз увидела «замок во сне». Если бы она увидела впервые этот сон не в пять лет, а в более позднем возрасте – скажем, после восьми лет, – то к тому моменту она могла бы уже усвоить достаточный объём истории Германии, где немало внимания уделяется замкам, сведения о которых и легли в основу её сновидения. К этому времени она уже лазила на орешник и предпочитала грёзы о Средневековье играм с другими детьми.

Сновидения Трауде были в не меньшей степени, чем у нас с вами, подвержены влиянию сиюминутных веяний времени. 11 марта 1970 года, когда мы с ней прощались, она сказала мне, что той ночью, которую она провела в гостинице в Мангейме, ей приснилось, что «все обитатели Трифельса» (одетые в средневековые одежды) пришли к ней и заверили её в том, что прежний вход в замок действительно находился на северной стороне. Это сновидение противоречило очевидной истине, которую мы лицезрели днём ранее: такой склон, больше походивший на отвесную стену, на северной стороне делал существование любого входа там неправдоподобным, а то и вовсе невозможным.

В этом случае есть и другие нестыковки. Например, как понять тот эпизод со старожилом, столь своевременно появившимся, чтобы подтвердить сновидение Трауде? Он мог возникнуть в воображении Трауде позже; на это указывает то, что Клара Хольцер не смогла вспомнить этого человека. Им мог оказаться и просто доброжелательно настроенный местный житель, который, случайно услышав речь Трауде, обращённую к Кларе, по доброте душевной подтвердил то, что она сказала.

Нам нужно также понять связь между описанием сновидения Трауде и сведениями, сообщёнными той женщиной, тогда совершенно ей незнакомой, с которой Трауде встретилась на приёме, когда ей было 17 лет. У меня нет никаких причин полагать, что Трауде выдумала эту женщину, хотя я и не могу исключить такую возможность; заметим, что эта женщина была –

о чём Трауде, по её словам, узнала позже – необычайно одарена в телепатии и «прочла» сновидение в уме Трауде.

Остаётся рассмотреть и такое объяснение, согласно которому сновидение Трауде содержало некоторые элементы воспоминаний о предыдущей жизни, которые её ум на своём бессознательном уровне снабдил подробностями; всё это она запомнила и изложила спустя много лет. Я не могу поставить точку в этом деле без того, чтобы не задаться вопросом, для чего маленькому ребёнку нужно было увлекаться немецким Средневековьем так сильно, как Трауде, по её заверениям. Найдётся, в конце концов, немало других эпох и мест, в которых ребёнок может черпать пищу для своих фантазий. Реально существовавшая прошлая жизнь могла повлиять на выбор страны и времени новой жизни для развития этих фантазий.

Луиджи Джоберти

В этом случае повторяющееся сновидение у исследуемого сопровождалось сильным волнением. Позже у него были другие сновидения и образы, возникавшие наяву, которые он считал воспоминаниями о предыдущей жизни. Ни одно из сновидений или возникавших наяву образов не были проверены, а один из них оказался несоответствующим действительности.

Краткий обзор случая и его исследование

Луиджи Джоберти родился в Венеции 12 октября 1958 года. Он был третьим ребёнком и единственным сыном своих родителей, Андреа Джоберти и его жены Моники. У него были две старшие сестры. Андреа Джоберти был офицером итальянских военно-воздушных сил. Умер он в 1977 году в возрасте 60 лет. Во время Второй мировой войны Андреа участвовал в боевых действиях. Формально семья была католической. Однако Моника Джоберти верила в перевоплощение. Люди верили, что у её матери была способность предчувствовать чью-то внезапную смерть. В 1970-е годы семейство жило во Флоренции.

О раннем детстве Луиджи я узнал не много примечательного, разве что о болезни, описанной его матерью как энтероколит. По её словам, во время этой болезни Луиджи лежал при смерти. Когда ему было два года, он был привит от полиомиелита. Вскоре после этого обнаружили, что у него ухудшилось зрение, и с трёхлетнего возраста он носил очки.

В эти годы он сказал, что хочет быть лётчиком, как его отец. Он очень интересовался самолётами и рисовал их. Его мать сказала, что в детстве он был интровертом и вообще более серьёзным ребёнком, чем другие дети его возраста. Учителя в школе говорили, что благодаря своему поведению он казался старше своих сверстников. В раннем детстве он не заговаривал ни о каких воспоминаниях о прошлой жизни.

Когда ему было примерно 11 лет, он увидел кошмарный сон о том, что он летел в военном самолёте, но был сбит и врезался в землю. Это сновидение возвращалось, возможно, десяток раз в течение нескольких месяцев. У него были и некоторые другие необычные сновидения, а также возникали образы наяву, которые в своей совокупности составляли последовательный пересказ событий, происходивших до того, как самолёт был сбит. Он считал, что когда-то был британским военным лётчиком, сбитым из немецких зенитных орудий во время битвы при Монте-Кассино в 1943–1944 годах. Он верил, что тогда его звали Джоном Грэхемом.

Опыт Луиджи попал в поле зрения моей знакомой Зои Алацевич, также проживавшей во Флоренции. Она и её муж были итальянцами, а славянское имя её мужа происходило из его далматинских корней. Зоя Алацевич была спиритуалистом и, как и большинство европейских спиритуалистов, верила в перевоплощение. Она прислала мне краткий обзор этого случая в письме, датированном 15 января 1978 года. Этот случай обещал быть очень интересным, поскольку исследуемый включил в свои заявления имя и фамилию лётчика, которого он видел

во сне. Поэтому я написал Луиджи и попросил его прислать мне полный отчёт о своём сновидении и связанных с ним переживаниях. Он ответил длинным письмом, датированным 16 марта 1978 года. (Он написал его по-английски, показав очень хорошее, хотя и не совершенное, знание языка.) За этим последовала переписка между нами, длившаяся какое-то время. В конце 1978 года я получил возможность приехать во Флоренцию и 3 декабря долго разговаривал с Луиджи и его матерью. Во время нашей беседы сам Луиджи говорил мало (возможно, из-за застенчивости) по-английски. Его мать говорила по-итальянски, а Зоя Алацевич (наша встреча состоялась в её квартире) переводила для меня её речь на французский язык.

Во время моего разговора с Луиджи и его матерью ему было 19 лет. Тогда он изучал астрофизику в колледже близ Флоренции. Его слабое зрение помешало исполнению его желания стать лётчиком.

В 1979 году я продолжал переписываться с Луиджи, стараясь, главным образом, распределить по двум группам образы Луиджи, виденные им во сне и наяву.

Луиджи называл имя и фамилию того британского военного лётчика, поэтому я подумал, что у меня будет возможность сверить полученные сведения с записями британского министерства обороны. С этой целью я написал в министерство обороны, но его сотрудники не смогли подтвердить, что человек, представленный в рассказе Луиджи, когда-либо существовал. Я счёл своим долгом сообщить об этом отрицательном результате Луиджи, и сделал это. После этого я получил от него несколько дружеских писем, но в конце 1979 года наше общение прекратилось.

Исходный и повторяющийся сон Луиджи

Ниже я привожу первое сообщение о сновидении, которое Луиджи отправил мне в своём письме от 16 марта 1978 года:

Я управлял подбитым самолётом, который в конечном итоге рухнул на землю. Не успел я выбраться из кабины, как главный бак взорвался, и горящее топливо хлынуло мне в лицо… Вздрогнув, я проснулся в совершенно обескураженном состоянии.

Это сновидение возвращалось приблизительно девять или десять раз в течение следующих трёх месяцев.

Луиджи тогда было примерно 11 лет. После этого он не видел этот сон до октября или ноября 1978 года, когда сон снова приснился ему. Я не узнал, почему это произошло именно в те дни после столь долгого перерыва.

Отличительные черты исходного сновидения. Для Луиджи это сновидение было опытом проживания или, как он позже думал об этом, повторного переживания события. В письме от 25 марта 1979 года он написал: «Я наблюдал эту сцену с позиции [глазами] лётчика. Я не смотрел на этого лётчика как сторонний наблюдатель». В том же письме он написал, что после того, как самолёт рухнул, «я ясно почувствовал жар и запах топлива, чего-то среднего между керосином и бензином. Правда, я ничего не видел. Я воспринимал всё вокруг другими органами чувств, что было, возможно, самым прискорбным в моей ситуации… Мне становится не по себе [теперь], когда я вспоминаю обо всём этом».

Дополнительные образы, отмеченные Луиджи после исходного сновидения

В своём письме от 16 марта 1978 года Луиджи, описав то, что я назвал его исходным сновидением, дополнил его описание нижеследующим текстом:

Позже я начинаю «видеть» картины жизни этого лётчика; казалось, [что] я смотрел фильм, в котором главным актёром был этот молодой англичанин… Это было похоже на радиопомехи во время магнитной бури. Пока я думал о чём-то совершенно далёком от этой истории [о крушении самолёта], в моём сознании внезапно пронеслась череда кадров, и я был не в силах думать о чём-либо ещё. Кроме того, я не видел последовательность событий так, как вы прочли [их]. Я вспоминал несвязанные между собой эпизоды, и мне пришлось изрядно потрудиться для того, чтобы связать все [эти] эпизоды в одну историю. С тех пор это явление стирается в течение года: возможно, потому, что мои занятия отнимают у меня гораздо больше времени, чем в прежние времена… Должен отметить, что основную часть того, о чём вы прочли, я вспомнил, вполне очнувшись от сна.

Словосочетание «вы прочли», дважды встречающееся в этом письме, относится к материалу, касающемуся образов, которые пришли к Луиджи после того, как он увидел исходный сон. Как он и написал, он связал их в нижеследующую историю, из которой я убрал ряд наименее важных уточнений.

Он был шотландцем, звали его Джон Грэхем, родился в Глазго, ориентировочно, в 1920 году. Достигнув зрелости, он стал лётчиком. Он женился на шотландской девушке по имени Энн Ирвин (или Ирвинг), которая работала официанткой в пабе возле его авиабазы. Они уехали в Лондон, где жили недалеко от станции Виктория. У них был ребёнок. Как пилот истребителя он участвовал в битве за Британию (с августа по октябрь 1940 года). Его самолётом был «Спитфайр» с литерами YLZ на фюзеляже. Энн и их ребёнок погибли, когда немецкая бомба упала на здание, в котором они жили и надеялись укрыться, и разрушила его. Это озлобило его до такой степени, что после воздушного боя с немецкими самолётами он сознательно атаковал с бреющего полёта судно (по-видимому, немецкое), которое спасало людей из воды [вероятно, в Ла-Манше]. За этот дурной проступок он попал под трибунал, но был оправдан или освобождён от ответственности благодаря своей ранее проявленной в бою храбрости. Его послали в кампанию против немцев в Италии. В сражении при Монте-Кассино в 1943–1944 годах он сражался на самолёте «Спитфайр», предназначенном для уничтожения немецких зенитных орудий. Его самолёт был сбит снарядом из немецкой зенитки. Оказавшись на земле, он был ещё способен связаться по радио со своим командиром.

Как и в случае с исходным сновидением, опыт более поздних образов сопровождался сильными чувствами. Он писал (7 июня 1978 года): «… Когда я вижу эти эпизоды, то не остаюсь безучастным наблюдателем… Если я вижу опасную ситуацию или особый накал боя, то осознаю, что сердцебиение у меня ускоряется, кулаки сжимаются, а мышцы спины напрягаются».

В своём письме от 25 марта 1979 года Луиджи упомянул о том, что он видел несколько снов, хотя первый из них (о крушении его самолёта) был гораздо более существенным. На мой взгляд, основная часть более поздних образов приходила к нему, как он сам написал, когда он бодрствовал. Однако два из них пришли к нему во сне. Он сказал, что сцены того, как его жена и ребёнок погибли, когда немецкая бомба попала в здание, в котором они жили, он увидел во сне. Он также видел сны о воздушных боях с немецкими самолётами и отмечал, что каждый раз ему снились сражения, не повторяющиеся в других снах.

Обычные источники информации, доступные Луиджи, к которым он обращался

Профессия отца Луиджи – он был военным лётчиком, служившим в итальянских ВВС на протяжении всей Второй мировой войны, – с избытком обеспечивала Луиджи информацией

из обычных источников о той войне и о некоторых главных её событиях, таких как битва за Британию, бомбёжки Лондона и сражение при Монте-Кассино. Я не хочу, чтобы мои читатели думали, будто такие темы никогда не упоминались в присутствии Луиджи, когда он был ребёнком. В семье наверняка были какие-то книги о той войне и, возможно, военные реликвии.

Не говоря уже об этих источниках, Луиджи признал, что он пытался проверить некоторые элементы своих снов и образов наяву. Я не узнал, когда он начал пытаться подтвердить свой опыт. Эти попытки он предпринял, конечно, в годы, предшествующие нашей переписке. В 1977 году он полагал, что знает (не догадываясь о том, откуда у него это знание) цвета шотландского клана Грэхем, и нарисовал их эскиз в цвете. Тогда же он проверил правильность своего эскиза по книге, которую он описал как «энциклопедию»[76].

В июне 1978 года Луиджи купил итальянский журнал *Storia della Aviazione,* № 67, который был посвящён в основном военным самолётам времён Второй мировой войны. В нём он почерпнул подробные сведения о британском самолёте «Спитфайр», на котором, как верил Луиджи, летал и потерпел крушение Джон Грэхем.

В какой-то мере Луиджи осознавал – хотя, как мне кажется, не вполне ясно – вероятность получения знаний обычным способом, которые повлияли на его сообщения о снах и образах наяву. В своём письме от 25 марта 1978 года он писал: «Я попытался отделить то, что чувствовал, от того, что позже представлялось мне истолкованием моего сна». (Это относится к сообщению Луиджи о его исходном сновидении.)

Подтверждения Моники Джоберти

Моника Джоберти помнила, что Луиджи рассказал ей о своих снах вскоре после того, как он увидел их. Она сказала, что тогда ему было лет 10 или 11. Особенно ей запомнились сильные эмоции, проявлявшиеся в нём, когда он рассказывал о сновидении, в котором он увидел, как потерпел крушение на своём самолёте. Он был старше 10, но младше 11 лет, когда увидел этот сон.

Моника также помнила, как Луиджи рассказывал о том, что в предыдущей жизни у него были жена и ребёнок и что оба они были убиты в Лондоне «немцами». Она помнила и его рассказ о том, как в прежней жизни он стрелял в спасателей на судне, пытавшихся спасать раненых немцев, оказавшихся в воде.

Однажды, когда Луиджи было примерно 11 лет, он проезжал вместе с матерью мимо Кассино; тогда он заметил: «В этом месте я погиб».

Независимые проверки описания переживаний Луиджи

Летом 1978 года я написал в канцелярию (в Глостере, Англия) министерства обороны, в которой хранились записи о служащих королевских ВВС, и спросил, могут ли там подтвердить факт существования Джона Грэхема. Я упомянул некоторые элементы снов и образов наяву Луиджи. Там просмотрели записи, но о Джоне Грэхеме ничего не нашли. Я подумал тогда, что поиск мог быть выполнен формально, поэтому Эмили Келли (в то время помогавшая мне в моих исследованиях) попросила их продолжить поиски. От себя она добавила, что интересующий нас Джон Грэхем погиб в Италии близ Монте-Кассино и, возможно, там же и был похоронен. Тогда был произведён второй поиск, в том числе среди неофицерских званий. Служащий министерства обороны, с которым мы вели переписку, также сделал запрос о Джоне Грэхеме

[76] При сопоставлении с образцами шотландского клетчатого орнамента Грэхемов, предоставленными Монкриффом и Хиксом (1967), и в эскизе Луиджи, и на иллюстрации «энциклопедии» цвета – преимущественно зелёные и синие, а также чёрные и белые – правильны, тогда как сам рисунок орнамента на ткани неправильный в обоих случаях.

в Комиссию Британского Содружества наций по уходу за военными захоронениями. Оба эти более поздние исследования не выявили никаких следов Джона Грэхема.

Комментарий

Редко когда удаётся доказать, что озвученная предшествующая личность не могла существовать, но в данном случае, как мне кажется, я сумел сделать это. Во Вторую мировую войну в королевских ВВС Великобритании не было лётчика по имени Джон Грэхем.

Из этого я невольно заключаю, что значительная часть образов Луиджи, касающихся Джона Грэхема, проистекает из обычных источников и фантазий. Однако может статься, что у исходного сновидения было какое-то другое начало и оно даже коренилось в предыдущей жизни. Не имея подтверждений этого источника, мы можем лишь догадываться о нём. И всё же представляется правомерным рассматривать и такую возможность. Если мы отвергнем её, то всё равно останется вопрос о том, почему десятилетний мальчик неожиданно увидел несколько кошмарных снов подряд о том, как он был лётчиком-истребителем, погибшим в сражении.

Сообщения о случаях: разное

Рупрехт Шульц

Этот случай содержит две необычные особенности. Во-первых, переписка, выдержки из которой я буду приводить, содержит записи о воспоминаниях исследуемого, которые он сделал перед тем, как попытался проверить их. Во-вторых, исследуемый родился приблизительно за 5 недель до смерти предшествующей личности.

Краткий обзор случая и его исследование

Рупрехт Шульц родился в Берлине, Германия, 19 октября 1887 года. Его отец был католиком, а мать относила себя к протестантской (евангелистской) церкви. Тем не менее они, по всей видимости, терпимо относились к идее перевоплощения. Когда Рупрехту было 10 лет, умерла его старшая сестра Роза. Через несколько месяцев его мать родила двойняшек, которые внешне заметно различались. Одна из двойняшек так сильно походила на умершую старшую сестру, физически и темпераментом, что и её назвали Розой[77].

Рупрехт Шульц мало интересовался книжными знаниями; когда ему было 18 лет, он бросил школу и открыл собственное дело. К тому времени ему исполнилось 20 лет, и у него было больше 20 работников. Позже он говорил, что первым предложил населению услуги прачечной, которая снискала наибольшую популярность у матерей младенцев, с нетерпением ожидавших доставки свежих пелёнок. В конечном итоге его компания насчитывала уже 200 сотрудников. Он и его жена владели шестью домами и виллой. У них был личный шофёр. Короче говоря, они были богаты. Рупрехт Шульц был активен и в общественной жизни. Он стал членом Совета Торговой палаты и представителем муниципального совета своего района Берлина.

Затем, в 1939 году, началась Вторая мировая война. Во время войны многое из того, что принадлежало ему, было повреждено или разрушено в ходе бомбёжек Берлина антигитлеровской коалицией. Ещё больше затронуло его разделение Берлина после войны, на западный и восточный секторы. Оставшаяся его собственность была разграблена. До войны Рупрехт Шульц обожал Берлин, но впоследствии он разлюбил этот город за его закрытость. В возрасте 68 лет он свернул свой бизнес, к тому времени сильно сократившийся, и переехал с женой во Франкфурт (на Майне), где и умер в 1967 году в возрасте почти 80 лет.

В детстве у Рупрехта Шульца была привычка, когда его ругали, показывать жестом, будто он стреляется. Со временем я ещё к этому вернусь.

Успешность его предприятия между двумя мировыми войнами позволяла ему много путешествовать. Он посетил Италию и Турцию, где у него были переживания дежавю, сопровождавшиеся неясными, непроверяемыми воспоминаниями о прошлых жизнях в некоторых городах, которые он исходил вдоль и поперёк.

Более отчётливые воспоминания стали приходить к нему лишь в начале 1940-х годов, когда ему было за пятьдесят. Их лейтмотив заключался в том, что он был бизнесменом, имеющим дело с кораблями, что он видел себя в тёмной конторе, просматривающим бухгалтерские книги, которые вынимал из старого сейфа, что он счёл себя разорённым и застрелился. Эти воспоминания, казалось, включали в себя проверяемые элементы. Он записал некоторые из

[77] Это пример устойчивого верования среди некоторых европейцев в то, что умерший ребёнок (или другой член семьи) может повторно родиться в этой же семье (Bergunder, 1994). Случай Алессандрины Самоны (Часть II этой книги) даёт ещё один пример подобного верования и некоторое его объяснение.

них в дневник, который сохранил. Он также продиктовал сообщение о них своему секретарю, Ингрид Воллензах, которая его в этом поощряла и даже уговаривала попытаться проверить воспоминания. И хотя он полагал, что сделать это не так уж и трудно, тем не менее из-за войны и её последствий возможность проверить их появилась только в 1950-е годы.

Наконец в мае и июне 1952 года он взял отпуск и посвятил это время исследованиям. Убеждённый в том, что его предыдущая жизнь, которую он, как ему казалось, вспомнил, прошла в небольшом приморском портовом городе Северной Германии, он направил его описание муниципальным чиновникам полудюжины городов. Первым делом он исключил Гамбург, Бремен и Киль как слишком крупные. Без них оставалось ещё более полудюжины возможных вариантов, морских портов меньшего масштаба, а именно Любек, Эмден, Фленсбург, Бремерхафен, Вильгельмсхафен, Росток и Висмар. Из них, как он полагал, наиболее вероятным городом был Вильгельмсхафен; но он написал всем им и, для большей надёжности, ещё и в Бремен, Гамбург и Киль. Делая вид, будто он ищет какого-то предка для составления истории своей семьи, Шульц просил сообщить ему о человеке, жившем и скончавшемся в 1880-е годы, прикладывая его описание, составленное по воспоминаниям. Все города, за исключением одного, ответили на его запросы отрицательно. Но из Вильгельмсхафена он получил письмо (датированное 24 июля 1952 года), в котором были вкратце упомянуты жизнь и самоубийство (в 1890 году) судового маклера и торговца лесом, который мог быть тем самым человеком, которого надеялся найти Рупрехт Шульц.

В первом письме из Вильгельмсхафена приводилась фамилия семейства предполагаемой предшествующей личности – Коль. Рупрехт Шульц сразу понял, что фамилия Коль слегка урезана, и в более позднем письме (датированном 11 сентября 1952 года) из Вильгельмсхафена эта фамилия была исправлена на Колер. В письме из муниципалитета также были имя и адрес Людвига Колера, всё ещё здравствующего сына Гельмута Колера.

Почти сразу после получения имени и адреса Людвига Колера Рупрехт Шульц написал ему 17 сентября 1952 года. Первым делом извинившись за вмешательство в частную жизнь семьи незнакомого человека, он описал свои воспоминания и спросил Людвига Колера, соответствуют ли они событиям жизни и смерти его отца. На его счастье, Людвиг Колер ответил любезностью и в письме (датированном 21 сентября 1952 года) подтвердил, что воспоминания Рупрехта Шульца отражают события, предшествующие смерти его отца. Этот человек, Гельмут Колер, был торговцем лесом, судовым маклером и оператором пилорамы. Он покупал за границей древесину, обрабатывал её на своей лесопилке и продавал. В 1887 году он играл на повышении цен на пиломатериалы, просчитался и потерял много денег. Тогда он сговорился со своим бухгалтером, чтобы тот сфальсифицировал отчётность, но бухгалтер испугался и сбежал, прихватив всю имевшуюся наличность. У Гельмута Колера случился нервный срыв, и он застрелился.

Осенью 1952 года Рупрехт Шульц и Людвиг Колер обменялись ещё несколькими письмами. Однако встретились они лишь в октябре 1956 года, когда Рупрехт Шульц впервые в жизни приехал в Вильгельмсхафен. Ранее, в 1956 году, случай «поисков Брайди Мёрфи» (Bernstein, 1956/1965) получил сенсационную огласку в Германии (а также в других странах). Как я уже упоминал в рассказе о Трауде фон Хуттен, немецкая газета *Das Neue Blatt* предложила своим читателям присылать сообщения о предполагаемых воспоминаниях о прошлых жизнях. Газета получила «сотни заявлений», но редакторы сочли достойными публикации только сообщения Трауде фон Хуттен и Рупрехта Шульца; при этом сообщение о случае Рупрехта Шульца было решено опубликовать только после того, как во Франкфурт к Рупрехту Шульцу командировали репортёра, чтобы он взял у него интервью, а ещё одного репортёра послали для интервью к Людвигу Колеру, в Вильгельмсхафен.

Сообщение в *Das Neue Blatt* привлекло внимание доктора Ганса Бендера, директора *Института* пограничных областей психологии и *психогигиены* во Фрейбурге. В августе 1960

года он встретился с Рупрехтом Шульцем и побеседовал с ним. Он взял на время и скопировал различные документы, в основном письма и заметки, сохранённые Рупрехтом Шульцем. Он пересылал их мне, а я снимал с них копии. В 1960 году доктор Карл Мюллер поговорил с Рупрехтом Шульцем, а также получил копии некоторых относящихся к делу документов. Доктор Мюллер рассказал мне об этом случае в 1962 году. Он передал мне лишние копии некоторых документов.

Я приехал во Франкфурт 2 мая 1964 года и долго беседовал с Рупрехтом Шульцем и его женой Эммой. После этого я переписывался с ним до самой его смерти.

Впоследствии, 8 декабря 1970 года, я ещё раз встретился с Эммой Шульц в Бонне, куда она переехала, чтобы быть ближе к дочери, с которой я также коротко поговорил. Эмма Шульц позволила мне исследовать некоторые оригиналы документов, которые она сохранила для того, чтобы я мог сравнить их с имевшимися у меня копиями. Она также дала мне адрес семьи Колер в Вильгельмсхафене.

К тому времени Людвиг Колер уже умер, но я, надеясь получить ещё какие-то полезные сведения, написал его сыну Эрнсту Колеру. Он ответил дружелюбно, после некоторой последовавшей за этим переписки я договорился о встрече с ним и его старшей сестрой Гертрудой. Эта встреча состоялась 15 октября 1971 года в доме Гертруды и её мужа, они жили в Эмдене. Гертруда родилась в 1910 году, а Эрнст – в 1915 году. Не стоит удивляться тому, что они смогли внести от себя не так много дополнительной информации по этому случаю. Некоторые из их утверждений не согласовались с более ранними заявлениями их отца, позже я ещё скажу об этих несоответствиях.

Даты смерти Гельмута Колера и рождения Рупрехта Шульца имеют в данном случае особое значение, потому что они представляют собой то, что мы называем «аномальными датами». Для того чтобы убедиться в том, что я узнал правильные даты, я переписывался с городскими отделами регистрации актов гражданского состояния в Вильгельмсхафене и в Берлине. Рупрехт Шульц родился в той части Берлина, которая в 1970-е годы называлась Восточным Берлином. Я заручился поддержкой должностных лиц в Западном Берлине, и они любезно изучили этот вопрос со своими коллегами из Восточного Берлина. Наконец, они получили для меня копию свидетельства о рождении Рупрехта Шульца.

Здесь заслуживают упоминания два других содействия. Первое – обмен письмами между доктором Мюллером и Ингрид Воллензах, которая, как я уже говорил, была секретарём Рупрехта Шульца в 40-е годы, когда он восстанавливал свои воспоминания (его дневник был утрачен во время войны под бомбёжками Берлина). Второе – документ, датированный 1 августа 1952 года, представляющий собой запись воспоминаний Рупрехта Шульца, сделанную им после того, как он начал делать запросы в морские порты, получил первый ответ из Вильгельмсхафена, но ещё не переписывался с Людвигом Колером.

Обстоятельства восстановления воспоминаний Рупрехта Шульца

В августе 1960 года Рупрехт Шульц сделал следующее (записанное на магнитофон) заявление доктору Бендеру.

Они [воспоминания] пришли ко мне во время бомбардировок Берлина в годы войны [Второй мировой войны; в другом месте Рупрехт Шульц упомянул годы: 1942–1943]. Сигнал воздушной тревоги звучал для нас 700 раз; не каждый раз сирена сопровождалась воздушным налётом, но бомбили нас часто. Каждую ночь мы дежурили [чтобы поднять тревогу в случае пожара]. Я вёл дневник, несмотря на то, что это было запрещено. Часы дежурства чередовались; по субботам я привык заниматься своим бизнесом, поэтому брал часы дежурства с вечера субботы до утра понедельника. Моё предприятие находилось на Брайтенштрассе, напротив

старого Берлинского дворца. Это здание было построено во времена Тридцатилетней войны и было внесено в реестр исторических памятников. Мне разрешалось лежать на кушетке, но я должен был оставаться полностью одетым, в состоянии боевой готовности. (Эту обязанность нельзя было возлагать на кого попало.) В такие часы [дежурства] я иной раз доделывал работу, накопившуюся за неделю на моём предприятии. Как я уже сказал, здание было старое и романтичное; сейф был древний, из соображений секретности стоявший не на открытом месте, а как бы скрытый в своего рода коридоре, едва освещавшемся. Обычно я подходил к этому сейфу, брал [и проверял] бухгалтерские книги. Так всё и началось. Мне пришло на ум, что эти бухгалтерские книги показывают, как у нас идут дела. Тогда всякий раз, когда я подходил к этому сейфу и вынимал из него бухгалтерские книги, я говорил себе: «Когда-то в прошлом ты уже бывал в такой ситуации. Что же представляла собой эта [прежняя] ситуация?» Это чувство усиливалось, а затем я увидел – не находясь в трансе или в сонливом состоянии, но практически воочию – свой образ из прошлого. В тот день на мне была одежда для торжественных вечерних приёмов, с высоким воротником: я пришёл с какого-то мероприятия в честь знаменательного дня. Я был разорён. Мой работник убежал с деньгами, присвоил их и скрылся. Я сел за бухгалтерские книги и увидел, что выхода нет. Всё было кончено. Тогда я, уединившись в комнате, пустил пулю себе в голову, в правый висок. И если вы назовёте это образным ясновидением, то я – воспоминаниями.

В другом заявлении (датированном 8 июня 1960 года) Рупрехт Шульц особо подчеркнул сходства между его ситуацией в 1942–1943 годы и ситуацией в предыдущей жизни. Он писал:

Обстановка в моей прошлой жизни была похожа на ту, в которой я оказался тогда. Сейф был расположен примерно в том же месте, бухгалтерские книги очень напоминали прежние.

2 мая 1964 года во время моей встречи во Франкфурте с Рупрехтом и Эммой Шульц я сделал следующее примечание:

Когда у РШ впервые возникли эти воспоминания, они были нечёткими, смутными, но в течение следующих недель всё более прояснялись. Эти воспоминания возникали у него только в тех случаях, когда он сидел в конторе, дежуря по воскресеньям. В такие часы он сохранял неослабное внимание. Тогда он вновь эмоционально переживал ситуацию, которую вспоминал. Эти видения из прошлого разворачивались для него как внутренние образы, а не проецировались вовне.

Письменные свидетельства и другие заявления Рупрехта Шульца, сделанные перед их проверкой

Как я уже говорил, Рупрехт Шульц потратил отпуск весны 1952 года на составление писем с запросами в морские порты Северной Германии. Первый письменный документ касательно его воспоминаний, который у нас есть, получен из этих писем, в которых он сделал вид, будто ищет сведения о своём предке, имени которого он не знает. Письмо в муниципалитет Вильгельмсхафена (датированное 30 мая 1952 года) было следующего содержания:

В надежде прояснить историю моей семьи я пытаюсь узнать больше о моём предке или, возможно, родственнике… Он умер между 1870 – а возможно, и ранее – и 1885 годами. Проживал он в каком-то морском порту Германии и имел отношение к отгрузке, фрахту или чему-то подобному. Ему было примерно 40 лет. Возвратившись с какого-то мероприятия, он застрелился из-за трудностей финансового характера.

В первом ответе из Вильгельмсхафена говорилось, что человеком, которого Рупрехт Шульц пытался отыскать, мог быть судовой маклер и торговец пиломатериалами по фамилии Коль, покончивший с собой в 1890 году.

Рупрехт Шульц снова послал в Вильгельмсхафен запрос о подробностях случая торговца лесом Коля. Ещё раньше, чем пришёл ответ, 1 августа 1952 года, он написал отчёт о своих воспоминаниях. В нём содержалось мало подробностей, дополняющих то, что я уже описал, поэтому я не привожу его здесь. Однако в нём была лучше описана *одежда для торжественных вечерних приёмов*, а именно сюртук с жёстким белым воротником; именно такая одежда была на покончившем с собой человеке, которым, по мнению Рупрехта, был когда-то он сам. В нём также сообщалось, что, как он полагал, его предыдущая жизнь прошла в маленьком, а не в большом морском порту. (Мы должны отметить, что из даты этого заявления следует, что тогда он уже узнал о том, что судовой маклер из Вильгельмсхафена покончил с собой в конце XIX столетия.)

Следующее письмо из муниципалитета в Вильгельмсхафене (датированное 11 сентября 1952 года) открыло полное имя этого лесопромышленника: Гельмут Колер. В нём также сообщались имя и адрес ещё здравствующего сына Гельмута Колера, Людвига.

Рупрехт Шульц почти сразу написал Людвигу Колеру. В его письме от 17 сентября 1952 года были такие строки:

С самого детства у меня всегда было интуитивное ощущение, неизменное в своей сути, что [в предыдущей жизни] я, так или иначе, был связан с судостроением или торговым флотом и что я застрелился. Я находился в расцвете лет. Что касается места [той жизни], то я знал, что прошла она в старом маленьком или среднем морском порту; позже я стал всё больше склоняться к мысли о том, что этим морским портом был Вильгельмсхафен. Далее, этот человек [которым я был], по всей видимости, находился в старинном доме. В нём была маленькая комната с сундуком или чем-то наподобие сейфа либо шкафа для хранения документов, в котором лежали важные бумаги, бухгалтерские книги и, вероятно, какая-то сумма денег. Этот человек [которым был я] был одет в тёмный костюм в стиле той эпохи, как будто он пришёл с какого-то заседания или с необычайно важного мероприятия. Что касается даты этого события – самоубийства человека [которым я был], – то это, как мне кажется, произошло приблизительно в 1885 году.

В 1960 году доктор Мюллер написал бывшему секретарю Рупрехта Шульца, Ингрид Воллензах, всё ещё проживавшей в Берлине. Он получил от неё два письма, датированные 24 сентября и 30 сентября 1960 года.

В первом своём письме Ингрид Воллензах писала:

Я рада сообщить вам о том, что до сих пор помню об опыте, описанном в вашем письме.

И я не забыла слова господина Шульца о том, что события [из его воспоминаний] произошли в каком-то маленьком морском порту, похожем на Вильгельмсхафен[78]. Всё это было явно не в таком большом морском порту, как Гамбург.

Я также помню мысль о каком-то торжестве, потому что с ним была связана предназначенная для таких случаев одежда, о которой мы говорили.

Обращая ваше внимание на то, что в заявлении от 1 августа 1952 года господин Шульц сказал, что в предыдущей жизни он был один в своей конторе, я хотела бы ещё упомянуть о

[78] Доктор Мюллер в своём запросе поинтересовался у Ингрид Воллензах, не упоминал ли Рупрехт Шульц непосредственно сам порт Вильгельмсхафен.

том, что господин Шульц привык трудиться на своём рабочем месте один – после того, как все разошлись по домам, – в том числе в выходные и праздничные дни.

Во втором письме она писала:

Памятуя о вашем письме, касающемся воспоминаний господина Рупрехта Шульца, я снова обдумала всё это и сейчас изложу кое-что ещё, отложившееся в моей памяти.

Его предприятие, как отмечалось, было связано с обработкой древесины. Этот человек [из воспоминаний] в день какого-то празднества сидел в своей конторе один. Он изучил свои бухгалтерские книги и обнаружил, что вероломный работник обманул его; следовательно, ему грозило банкротство. Если я правильно помню, также было упомянуто и орудие самоубийства – револьвер, лежавший в столе.

Пожалуй, вы зададитесь вопросом, возможно ли, чтобы я помнила все эти подробности по прошествии стольких лет. Но дело в том, что господин Шульц не просто надиктовал мне своё сообщение, которое я напечатала. Что касается этого случая, то господин Шульц говорил со мной на эту тему и раньше, и мы обсуждали всё это с ним и позднее.

Проверка заявлений Рупрехта Шульца

Первый ответ из муниципалитета Вильгельмсхафена на письменный запрос Рупрехта Шульца был датирован 24 июля 1952 года. В этом письме говорилось о том, что человек, которым интересовался Рупрехт Шульц, мог быть «судовым маклером и торговцем лесом Колем, покончившим с собой в 1890 году».

Второе письмо из Вильгельмсхафена было датировано 11 сентября 1952 года, в нём содержался ряд верных и более точных сведений. В нём были приведены имя и фамилия Гельмута Колера, он был назван торговцем пиломатериалами и оператором пилорамы, а также сообщалось о том, что он застрелился в возрасте 54 лет 23 декабря 1887 года. (Эта дата была всё же неверной.) В этом письме были приведены имя и адрес в Вильгельмсхафене сына Гельмута Колера, Людвига.

Получив эту информацию, Рупрехт Шульц написал 17 сентября 1952 года Людвигу Колеру. Выше я процитировал соответствующие отрывки из его письма. Людвиг Колер сразу ответил на письмо Рупрехта Шульца 21 сентября. Отметив вначале, что ему неприятно раскрывать сторонним лицам жизнь своей семьи, он заявил, что считает своей обязанностью ответить на вопросы Рупрехта Шульца, поскольку понимает, насколько важно для него это дело. Он также заметил, что во время событий, о которых говорил Рупрехт Шульц, сам он был ещё ребёнком. (Людвиг Колер родился в 1875 году; таким образом, ему было 12 лет, когда его отец покончил с собой.)

Далее он пишет:

У моего отца, Гельмута Колера, был солидный бизнес в Вильгельмсхафене, включавший в себя торговлю лесом и лесопилку. Мы жили тогда на Фридрихштрассе, 25; прямо рядом с нами стояло одноэтажное здание, которое использовалось под конторы. Это здание стояло фасадом на север и имело настолько маленькие окна, что в нём всегда было темно. В углу одной из комнат стоял несколько устаревший сейф, о котором вы упомянули. В нём хранились деньги, бухгалтерские книги, а также касса и важные бумаги. Обычно мой отец носил тёмную одежду; всякий раз, когда он выходил на улицу, на его голове был цилиндр.

Купленный лес он вывозил морем из Данцига, Кёнигсберга и Мемеля, но по большей части из Норвегии, Швеции, Финляндии, России и Америки. В 1888 году[79] он по ошибке заключил, что таможенные пошлины повысятся, и купил за границей необычайно большое количество леса. К сожалению, это предположение было неверным, потому что цена на лес упала, причём гораздо сильнее, чем повысились таможенные пошлины. Тогда у него возникли трудности с оплатой счетов. Чтобы преодолеть этот кризис, он договорился со своим бухгалтером, который был его «правой рукой» и пользовался его полным доверием, что тот фальсифицирует записи их валютных операций. Оба они думали, что как-нибудь выпутаются, когда курс валюты упадёт. Однако этого не произошло. Бухгалтер испугался ареста и сбежал в Америку, присвоив значительную сумму из доступных ему фондов компании. Мой отец совсем пал духом и застрелился в День молитвы и покаяния[80]. Компании пришлось объявить о банкротстве, хотя в действительности никакой необходимости в этом не было: несмотря на то, что здания, лесопилка и имевшийся в наличии лес были распроданы на принудительном аукционе, деньги были возвращены всем кредиторам.

В письме Рупрехта Шульца от 26 сентября 1952 года, в котором он благодарил Людвига Колера за его содержательный ответ от 21 сентября, он спросил Людвига, стрелял его отец себе «в правый висок или в сердце». В ответе, датированном 30 сентября, Людвиг Колер написал, что ему известно только о том, что отец стрелял себе в голову.

Таблица 2 содержит перечень всех проверенных пунктов, в отношении которых у нас есть доказательства того, что Рупрехт Шульц написал их сам или надиктовал своему секретарю раньше, чем они были верифицированы.

Таблица 2. Краткий обзор подробностей воспоминаний Рупрехта Шульца

Заявление	Письмо или другая ранняя запись	Подтверждение	Комментарий
1. Его бизнес был связан с кораблями	Письмо Р. Шульца к Л. Колеру от 17 сентября 1952 г. Письмо от 30 мая 1952 г., написанное Р. Шульцем в муниципальное управление Вильгельмсхафена	Письмо из муниципального управления Вильгельмсхафена от 24 июля 1952 г. Письмо от Л. Колера к Р. Шульцу от 21 сентября 1952 г.	
2. Его бизнес был связан с лесоматериалами	Письмо И. Воллензах к К. Мюллеру от 30 сентября 1960 г.	Письмо Л. Колера к Р. Шульцу от 21 сентября 1952 г.	

[79] Людвиг Колер накинул год к дате смерти своего отца.

[80] По-немецки этот праздник называется «Buss- und Bettag», Днём покаяния и молитвы. Он всегда выпадает на одну из сред ноября. В 1887 году это было 16 ноября.

3. Он жил в небольшом или средней величины морском порту, скорее всего в Вильгельмсхафене	Письмо Р. Шульца к Л. Колеру от 17 сентября 1952 г. Письмо И. Воллензах к К. Мюллеру от 24 сентября 1960 г.	Письмо Л. Колера к Р. Шульцу от 21 сентября 1951 г.	Р. Шульц уже узнал из письма от 24 июля 1952 г. из Вильгельмсхафена о том, что человек по имени Коль (так было написано в исходном тексте), живший в Вильгельмсхафене, держал лесоторговое предприятие и совершил самоубийство. Письмо Р. Шульца от 30 мая 1952 г. в муниципальное управление Вильгельмсхафена, касательно какого-то германского морского порта без указания его размеров
4. У него был старомодный дом	Письмо Р. Шульца к Л. Колеру от 17 сентября 1952 г.	См. комментарий	Эрнст Колер сказал мне, что сам жилой дом был построен недавно (в 1887 г.), но стоял он в окружении более старых строений. Примыкавший к этому зданию дом, уступавший ему в размере и служивший конторой, в которой был установлен сейф, по всей видимости, был построен давно, потому что Людвиг Колер сказал, что его окна были маленькими и что в нём было темно
5. У него был старинный сейф	Заметки Р. Шульца от 1 августа 1952 г.	Письмо Л. Колера к Р. Шульцу от 21 сентября 1952 г.	

6. Он хранил документы, бухгалтерские книги и деньги в этом сейфе	Письмо Р. Шульца к Л. Колеру от 17 сентября 1952 г.	Письмо Л. Колера к Р. Шульцу от 21 сентября 1952 г.	
7. Этот сейф был установлен в небольшой и плохо освещавшейся комнате	Письмо Р. Шульца к Л. Колеру от 17 сентября 1952 г.	Письмо Л. Колера к Р. Шульцу от 21 сентября 1952 г.	Этот сейф был установлен в углу тёмной комнаты
8. Он подошёл к этому сейфу, взял из него бухгалтерские книги и, изучив их, пришёл к выводу о том, что он разорён	Заметки Р. Шульца от 1 августа 1952 г.	Чёткого подтверждения нет, но этот вывод можно сделать, опираясь на письмо Л. Колера к Р. Шульцу от 21 сентября 1952 г.	В первом письме Р. Шульца в муниципальное управление Вильгельмсхафена упоминалось лишь о «финансовых затруднениях»
9. Его предал вероломный работник, до крайности расстроивший его дела	Письмо И. Воллензах к К. Мюллеру от 24 сентября 1960 г.	Письмо Л. Колера к Р. Шульцу от 21 сентября 1952 г.	

10. Он убил себя, выстрелив в правый висок	Заметки Р. Шульца от 1 августа 1952 г.	Отчасти верно; письмо Л. Колера к Р. Шульцу от 30 сентября 1952 г.	Людвиг Колер знал, что его отец выстрелил себе в голову, но не знал, куда именно
11. В тот день, когда он застрелился, он побывал на каком-то важном мероприятии	Письмо Р. Шульца к Л. Колеру от 17 сентября 1952 г. Письмо от 30 мая 1952 г., написанное Р. Шульцем в муниципальное управление Вильгельмсхафена. Письмо И. Воллензах к К. Мюллеру от 30 сентября 1960 г.	Письмо Л. Колера к Р. Шульцу от 21 сентября 1952 г.	То был День «покаяния и молитвы»
12. Когда он застрелился, на нём была одежда *для торжественных вечерних приёмов*, на одном из них он и побывал. Он был одет во фрак с жёстким белым воротником	Заметки Р. Шульца от 1 августа 1952 г.	Возможно, так и было, но независимого подтверждения нет; см. комментарий	На имеющейся у меня фотографии Гельмута Колера он запечатлён в чёрном фраке с жёстким белым воротником. Рупрехт Шульц сказал, что Людвиг Колер подтвердил это в разговоре с ним, когда они встретились в Вильгельмсхафене

13. На нём была тёмная одежда	Письмо Р. Шульца к Л. Колеру от 17 сентября 1960 г.	Письмо Л. Колера к Р. Шульцу от 21 сентября 1952 г.	
14. Это самоубийство произошло примерно в 1885 г.	Письмо Р. Шульца к Л. Колеру от 17 сентября 1952 г.	Г. Колер умер 23 ноября 1887 г. После того как он выстрелил в себя, он прожил ещё неделю	В своём письме, датированном 30 мая 1952 года, в муниципальное управление Вильгельмсхафена Р. Шульц назвал временной отрезок между 1870 и 1885 годами. Ещё до того, как он написал письмо Л. Колеру 17 сентября, ему сообщили из Вильгельмсхафена о том, что Г. Колер умер в 1887 г.
15. Он находился в расцвете лет, ему было примерно 40 лет	Письмо Р. Шульца к Л. Колеру 17 сентября 1952 года. Заметки Р. Шульца от 1 августа 1952 г.	См. комментарий	В свидетельстве о смерти Гельмута Колера значилось, что на момент его гибели ему было 53 г.

Посещение Рупрехтом Шульцем Колеров в Вильгельмсхафене

В октябре 1956 года Рупрехт и Эмма Шульц приехали в Вильгельмсхафен, где они встретились с Людвигом Колером. Во время войны Вильгельмсхафен сильно бомбили, и в тот год в нём ещё оставались руины. Рупрехт Шульц полагал, что он узнал ратушу и старую арку. Он отметил, что смог узнать на фотографиях сыновей Гельмута Колера, запечатлённых среди большой группы школьников, но не сумел узнать его дочерей. У нас нет никаких подтверждений ни одного узнавания, которое, как полагал Рупрехт Шульц, он сделал.

Изначальная неосведомлённость Рупрехта Шульца о Вильгельмсхафене

В своём письме к Людвигу Колеру от 17 сентября 1952 года Рупрехт Шульц заявил:

Я никогда не бывал в Вильгельмсхафене. У меня нет там ни родственников, ни кого-либо ещё, с кем я поддерживал бы связь. Несмотря на то, что мне хотелось приехать туда, я всё же никогда не делал этого из-за неотложных дел в моём предприятии, а также из-за того, что перемещаться по стране во времена Гитлера и в последующие годы было нелегко.

Рупрехту Шульцу «хотелось» поехать в Вильгельмсхафен единственно из-за его убеждённости в том, что там он жил и умер; у него не было никакого другого интереса к городу, расположенному примерно в 370 километрах к северо-западу от Берлина, в бухте на побережье Северного моря.

Дополнительные биографические сведения о Гельмуте Колере

Из моих бесед и письменных свидетельств, оказавшихся в моём распоряжении, я узнал несколько подробностей о жизни Гельмута Колера в дополнение к тому, что уже было упомянуто в процитированных мной письмах Людвига Колера к Рупрехту Шульцу.

Гельмут Колер родился в Вильгельмсхафене 7 января 1834 года. Он женился на своей двоюродной сестре, и у них было по меньшей мере трое детей, два сына и дочь. Людвиг Колер, второй сын, родился также в Вильгельмсхафене 9 мая 1875 года.

В 1887 году в Вильгельмсхафене издавалась только одна газета, *Wilhelmshaven Zeitung*. 24 ноября 1887 года в ней напечатали небольшую заметку о смерти Гельмута Колера, назвали её «безвременной и скоропостижной», но ничего не сообщили о её причине.

Возвратившись из своей первой (и, думаю, единственной) поездки в Вильгельмсхафен, Рупрехт Шульц сделал запись о том, что он узнал во время посещения этого города. Он узнал – возможно, от Людвига Колера, – что «в тот День покаяния и молитвы всё семейство побывало в (евангелистской) церкви. Затем все вместе собрались дома на ужин. Неожиданно Гельмут Колер встал, пошёл в свою контору и застрелился. Это произошло между 2 и 3 часами пополудни».

Противоречивые свидетельства внуков Гельмута Колера

Внуки Гельмута Колера, Гертруда Колер-Шмидт и Эрнст Колер, родились, соответственно, в 1910 и 1915 годах. Они не согласились с заявлениями из писем своего отца к Рупрехту Шульцу в двух пунктах.

Во-первых, они сказали, что дом, связанный со смертью Гельмута Колера, был не старомодным, а современным, хотя и окружённым старыми зданиями. Однако, на мой взгляд, меньшее примыкающее к дому здание, используемое в качестве конторы, где Гельмут Колер держал свой сейф, по всей видимости, было старым, потому что, по описаниям Людвига Колера, у него были маленькие окна, а внутри него царил полумрак.

Во-вторых, эти более поздние свидетели отрицали, что их дед был причастен к какой-либо фальсификации записей. Гертруда Колер-Шмидт сказала, что самоубийство её деда стало потрясением для всей семьи и что она узнала о смерти деда от своей тёти, когда ей (Гертруде) было лет 20. А в то время после смерти её деда прошло уже больше 40 лет.

Комментарий

У Людвига Колера не было причин выдумывать историю о том, как его отец пытался смошенничать, если бы это было не так. Поэтому я думаю, что его сестра (тётя Гертруды) скрыла от Гертруды правду о непорядочном поступке её деда, столь не красящем его.

Даты рождения и смерти

Рупрехт Шульц сказал, что он родился в Берлине 19 октября 1887 года. Я получил копию его свидетельства о рождении.

Я также получил копию свидетельства о смерти Гельмута Колера, умершего в Вильгельмсхафене 23 ноября 1887 года. Оно подтверждает правильность даты из копии некролога, опубликованного в *Wilhelmshaven Zeitung* 24 ноября 1887 года, где было сказано, что он скончался «вчера, безвременно и скоропостижно».

Гельмут Колер, должно быть, прожил ещё приблизительно неделю после того, как он выстрелил в себя. В 1887 году День молитвы и покаяния был в среду, 16 ноября. Таким образом, со дня рождения Рупрехта Шульца до смерти Гельмута Колера прошло примерно пять недель[81].

Сведения о поведении Рупрехта Шульца

Особенности поведения Рупрехта Шульца, связанные с предыдущей жизнью. Рупрехт Шульц помнил, что в детстве всякий раз, когда он огорчался или получал выволочку, он складывал кисть руки в виде пистолета с вытянутым указательным пальцем, подносил её к виску и объявлял: «Стреляюсь!», причём делал это так часто, что мать начали раздражать и беспокоить его выходки. Она увидела в них предзнаменование какой-то грядущей беды и запретила ему впредь вести себя таким образом.

С юных лет Рупрехт Шульц был неравнодушен к револьверам. Он интересовался ими гораздо больше, чем любым другим оружием. Вместе с тем он понимал, что общение с револьвером по большому счёту не доставляет ему приятные ощущения.

Рупрехт Шульц также описал имевшийся у него с детства живой интерес к кораблям и судоходству. Он коллекционировал модели и картинки с кораблями. Этот интерес никак не мог быть вызван его занятиями в Берлине, в городе, расположенном далеко от моря, через который протекала только одна небольшая река.

Рупрехт Шульц писал (в письме ко мне от 26 мая 1964 года), что в финансовых вопросах он был чрезвычайно осторожен и избегал любых проектов, в которых усматривал риск потерять деньги. Среди родственников и в кругу друзей у него была репутация человека «осмотрительного». Он приписывал эту черту финансовой катастрофе в предыдущей жизни, когда он пошёл на риск и просчитался.

Отношение Рупрехта Шульца к самоубийству

Что касается самоубийства в предыдущей жизни, то Рупрехт Шульц не сожалел о нём и не одобрял его. Однако он полагал, что в некоторых жизненных ситуациях самоубийство

[81] Исследуемые других случаев с аномальными датами: Джасбир Сингх, Хоакин Раджсутхаджарн, Смрити Кана Кунда, Судхир Растоги, Сумитра Сингх и Манджу Бхаргава.

является рациональным решением. Он назвал ужасные условия жизни в Германии во время Второй мировой войны как подчас оправдывающие самоубийство. Это был один из способов избежать ситуации, ставшей невыносимой.

Отношение взрослых, причастных к данному случаю

Рупрехт Шульц понял Людвига Колера, сразу заявившего в начале их переписки о том, что подробности жизни семьи Колер не должны подлежать огласке, и согласился исполнить его просьбу. Поэтому Людвиг Колер рассердился, когда Рупрехт Шульц, откликнувшись на обращение *Das Neue Blatt,* написал в эту газету и описал им свой опыт. Газета опубликовала его письмо, заменив фамилию Колеров псевдонимом (не тем, который использовал я), но это не успокоило Колеров. Рупрехт Шульц и сам был несколько раздражён тем, что СМИ пытались сделать сенсацию из его опыта. Вдобавок к *Das Neue Blatt* заметки об этом случае появились по меньшей мере в ещё одной газете и в национальном иллюстрированном журнале.

Рупрехт Шульц не делал никаких попыток извлечь выгоду из своего опыта. Он отвечал корреспондентам, прочитавшим о его случае в *Das Neue Blatt* или узнавшим о нём из других источников; раз или два он выступил с публичной лекцией. И он сотрудничал с серьёзными исследователями, среди которых были профессор Ганс Бендер, доктор Карл Мюллер и я. Насколько мне известно, он ничего не заработал на этом деле, если не считать досужего внимания той части публики, которая прознала о его опыте благодаря СМИ.

Формула воспоминания прошлой жизни от Рупрехта Шульца

В письме к доктору Мюллеру, датированному 24 июня 1959 года, Рупрехт Шульц вывел своего рода формулу воспоминания прошлой жизни. Он писал, что для этого требуются сразу три составляющие:

А. Человек должен быть необычайно чувствительным, напоминая в этом сейсмограф, но не должен легко выходить из себя, словно он – «комок нервов».

Б. В прошлой жизни должно было произойти какое-то необычное происшествие, оказавшее глубокое воздействие на внутреннее «я».

В. В текущей жизни человек должен столкнуться с каким-то местом, предметами или событиями, которые запустят процесс воспоминаний прошлой жизни.

Комментарий

Слабость этого случая состоит в том, что, в отличие от множества более убедительных случаев в Азии, здесь я не мог собрать армию свидетелей, которые могли бы подтвердить заявления исследуемого. Рупрехт Шульц остаётся почти единственным рассказчиком о своих заявлениях до того, как они были проверены. И всё же у нас нет причин сомневаться в подлинности переписки между ним и Людвигом Колером, которая дала подтверждение этих заявлений. Письмо Рупрехта Шульца от 17 сентября 1952 года даёт нам замечательную компиляцию важнейших заявлений, которые мы хотели видеть.

Но можно ли сказать, что мы разрешили этот случай, если исследуемый не назвал никаких конкретных имён, но сообщил лишь название одного морского порта, да и то не очень уверенно [82]? Отвечая на этот вопрос, мы должны согласиться с тем, что многие заявления

[82] В случае Индики Гунератне, как и в этом случае, присутствовало мало имён собственных: только название города и

Рупрехта Шульца могли бы относиться к великому множеству предпринимателей из германских северных морских портов. Но найдётся ли другой такой человек, как Гельмут Колер, к которому они будут столь же применимы в их совокупности? Несомненно, и некоторые другие немецкие предприниматели, испытывая денежные затруднения, стрелялись, пав духом из-за своего разорения. Но сколько из них, проживая в каком-нибудь маленьком северном морском порту, совершили самоубийство в знаменательный день религиозного праздника? Сколько из них хранили документы в старомодном сейфе, скрытом в углу маленькой тёмной комнаты? Мы не можем исключать того, что речь могла идти всё-таки о другом человеке, умершем так же, как и Гельмут Колер, но вероятность обнаружения такого человека, по моему мнению, ничтожно мала.

Столь же маловероятным представляется мне и то, что Рупрехт Шульц мог узнать каким-то обычным способом о коммерческих делах Гельмута Колера, приведших его к самоубийству, поскольку он жил в морском порту (в Вильгельмсхафене), в 370 километрах от Берлина, в котором Рупрехт Шульц провёл всю свою жизнь, пока не переехал во Франкфурт.

В силу этих причин я расцениваю этот случай как один из наиболее сильных и убедительных из числа исследованных мной.

Эдвард Райалл

В 1974 году исследуемый в этом случае Эдвард Райалл опубликовал в виде книги свой пространный отчёт о том, что он считал воспоминаниями о прошлой жизни в Англии XVII века (Ryall, 1974). Я одобрил идею написать эту книгу и от себя добавил к ней длинное предисловие, а также приложение с подтверждениями некоторых сведений, включённых в рассказ Райалла.

В принципе, публикация книги Райалла сделала бы сообщение об этом случае непригодным для его включения в данную работу. Исключение сделано по двум причинам. Во-первых, я значительно расширил границы моего собственного исследования этого случая и многое узнал из своих бесед со знатоками истории английского графства Сомерсет, в котором, как полагал Райалл, он жил прежде. Во-вторых, с их помощью я стал иначе смотреть на этот случай и считаю своим долгом довести до моих читателей эту мысль.

Краткий обзор случая и его исследование

Эдвард Райалл родился в Шоберинессе, Эссекс, Англия, 21 июня 1902 года. Его родителями были Джордж Райалл и его жена Энни. Энни Райалл умерла, когда Эдварду было три года; пока его отец не женился повторно, Эдварда до шестилетнего возраста растила бабушка по матери. Джордж Райалл был разнорабочим. Эдвард Райалл ходил в местные начальную и среднюю школы, а также получил аттестат по окончании кембриджской средней школы. Затем, за вычетом службы в армии в годы Второй мировой войны, он пробовал себя на разных поприщах, по большей части в конторской работе. Женился он в 1924 году, в возрасте 22 лет.

Эдвард Райалл писал, что ещё в раннем детстве он начал осознавать в своём уме образы – картины, а также необычные слова, которые, как ему казалось, исходили из какого-то иного времени и пространства. Он решил, что уже жил раньше. Иногда он пробалтывался о каких-то своих предположительных воспоминаниях. Он вспоминал, что иногда использовал слова, неизвестные в Эссексе, – например, слово «rhine» для обозначения сточной канавы (в Эссексе такую канаву называли словом «dyke»). Бабушка Эдварда Райалла считала, что её внук чудит,

---

имя служащего. Индика не назвал имена членов семьи, зато снабдил меня достаточным количеством других сведений, чтобы убедить меня в том, что описанный им человек, живший в городе, название которого он сообщил, действительно существовал.

и ругала его, когда он заявлял ей о том, что у него нет «бабули». Однако он не пытался сделать ещё кого-либо слушателем его связного рассказа о своих воспоминаниях; к тому же никто и не просил его об этом, что было неудивительно, если знать о том, что произошло в 1910 году, когда ему было примерно восемь лет. Отец повёл его в сад у их дома, чтобы показать ему комету Галлея, которая тогда вновь появилась и ярко засверкала на небе спустя более чем 75 лет. Эдвард Райалл, не задумавшись, сказал отцу, что он уже видел и показывал её «своим» сыновьям. Отец строго отчитал его за столь нелепое замечание и предупредил о страшных последствиях такого поведения: он точно отправит Эдварда в психиатрическую клинику, если тот продолжит говорить такую чепуху. Эдвард Райалл хорошо усвоил предостережение отца и на протяжении многих лет молчал о своих воспоминаниях прошлой жизни. Даже его жена узнала о них лишь в 1970 году. И поскольку Джордж Райалл отбил у своего сына охоту откровенничать, заявления Эдварда Райалла не могут подтвердить люди более старшего возраста или даже его сверстники, которые узнали о них, только когда он опубликовал свою исповедь в возрасте 68 лет.

Запуганный отцом, Эдвард Райалл больше не говорил о своих прозрениях, однако это не помешало ему сохранить их в памяти и даже продолжать всё лучше видеть прошлую жизнь, все воспоминания о которой он сберёг в своей феноменальной памяти и перенёс их на бумагу, лишь когда ему было около семидесяти лет, в 1970 году. Позже он сказал, что первые его воспоминания о предыдущей жизни возникли у него в детстве, а самые яркие картины из неё он увидел в подростковом возрасте. Однако до 1962 года эти воспоминания оставались разрозненными. В том году он и его жена совершили автобусную поездку в Девон, во время которой они проехали часть Сомерсета, но не остановились там. В Сомерсете он вдруг понял, что его предыдущая жизнь прошла в этом графстве[83]. В 1970 году он прочёл в (лондонской) *Daily Express* обращение к читателям с предложением присылать сообщения о воспоминаниях о прошлых жизнях. Он решил прервать молчание и послал в газету короткое описание своего случая. 4 мая 1970 года в *Daily Express* вышла статья о его заявлении. Друзья в Англии прислали мне эту газетную вырезку. Статья мне понравилась, и я начал переписываться с Эдвардом Райаллом. Впоследствии я несколько раз встречался с ним в его доме в Хадли, в Эссексе. Я поощрял Эдварда записывать как можно больше подробностей о его прошлой жизни, какие только сохранились в его памяти. Позже я предложил ему написать книгу о его опыте, а когда он написал её, помог ему найти издателя и написал предисловие к его книге, которую он озаглавил «На второй круг» (Second Time Round). Тем временем я начал искать подтверждение существования людей из его рассказа и проверять правильность множества содержавшихся в нём сведений. Мои ревизии и использованные мной источники составили приложение к книге «На второй круг».

Я продолжал исследовать этот случай и после смерти Эдварда Райалла. Незадолго до его смерти я узнал о том, что изучение приходских книг не выявило никаких следов существования почти двух десятков человек, которых Эдвард Райалл назвал членами семьи Джона Флетчера и кругом его друзей. Он умер прежде, чем я успел обсудить с ним отрицательный результат поисков. Умер он совершенно неожиданно, у себя дома, 4 февраля 1978 года.

Ниже я привожу краткий обзор главных событий, о которых рассказывает книга «На второй круг».

---

[83] Он мог и ранее почувствовать, что образы в его уме относятся к Сомерсету. В 1980 году его сын Раймонд рассказал мне о том, что в 17-летнем возрасте он принял участие в одном велопробеге, с заездом в Сомерсет. Когда он вернулся домой, отец спросил его, побывал ли он в Уэстонзойленде (он проезжал его). Эдвард Райалл объяснил свой вопрос тем, что он встречался с кем-то из Уэстонзойленда. Раймонд Райалл и его мать, подтвердившая сообщение Раймонда, позже предположили, что Эдвард Райалл подразумевал кого-то из своих армейских сослуживцев.

Основные события, описанные в книге «На второй круг»

Эдвард Райалл писал, что он вспомнил жизнь мелкого землевладельца, которого звали Джон Флетчер. Он родился в 1645 году, а умер в 1685 году. Джон Флетчер жил там же, где и умер: в Сомерсете, на другом краю Англии относительно Эссекса, где родился и жил Эдвард Райалл. (Эдмунд Галлей наблюдал комету, позже названную его именем, когда она появилась недалеко от Земли в 1682 году, т. е. в пределах указанного периода жизни Джона Флетчера.) Эдвард Райалл писал, что он вспомнил очень много событий из различных периодов жизни Флетчера. Неполный список этих событий включает в себя: смерть отца Джона Флетчера, Мартина Флетчера, после того, как его боднул бык; любовный роман Джона Флетчера и Мелани Пуле, принадлежавшей к известной семье Сомерсета; поездку в Мендипс с близким другом Флетчера, Джереми Брэггом, закончившуюся тем, что Джон Флетчер случайно провалился в дыру в земле и оказался в шахте свинцового рудника; ухаживание и женитьба Джона Флетчера; покупку им в Аксмуте на редкость быстрой лошади у капитана испанского судна; укрывание Джозефа Аллейна, лишённого сана священника, от разыскивавших его констеблей; прелюбодеяния, разрешаемые традицией Сомерсета в те времена, совершённые Джоном Флетчером и Джереми Брэггом; и, наконец, роль проводника, исполненная Джоном Флетчером для мятежной армии герцога Монмута во время ночного марша, совершённого с целью застать врасплох войска короля Якова II, разбившие лагерь близ Уэстонзойленда. (Эдвард Райалл поместил дом и ферму Джона Флетчера на окраину Уэстонзойленда.) Рассказ об этих и других событиях, впрочем, занимает лишь часть – возможно, меньшую – книги Эдварда Райалла. В ней он уделяет много внимания подробному описанию повседневной жизни фермера и его друзей в Сомерсете XVII века.

Три типа сведений, представленных Эдвардом Райаллом

Для того чтобы изучить свидетельства сверхъестественных процессов, мы можем разделить эти предполагаемые воспоминания на три группы. Первая группа состоит из событий, имеющих отношение к выдающимся личностям в истории Англии второй половины XVII века. В частности, Эдвард Райалл вспомнил важный момент касательно событий восстания герцога Монмута против короля Якова II. Монмут, незаконнорожденный сын Карла II, бросил вызов праву своего дяди на трон Англии. После ряда неудач и ошибок восстание Монмута потерпело фиаско и в конце было подавлено в битве при Седжмуре, в котором Джон Флетчер погиб. Сообщение Эдварда Райалла об этих событиях в главном точны, насколько мы можем проверить их по современным источникам. Самая большая неточность в нём – заявление о том, что Джон Флетчер был, хотя бы часть пути, проводником через торфяники, когда герцог Монмут пытался неожиданно напасть ночью на отряды роялистов, посланных подавить восстание. Самые близкие к тому времени источники (и более поздние авторы) прямо или косвенно указывают на то, что проводником армии Монмута был человек, которого звали Годфри. Однако Годфри – фигура сомнительная, поэтому можно предположить, что у офицеров Монмута были ещё какие-то проводники; но из этого не следует, что Джон Флетчер Эдварда Райалла был одним из них.

Эта первая группа воспоминаний не содержит ничего интересного для тех, кто изучает сверхъестественные явления. Все события и задействованные в них люди хорошо известны широкому кругу читателей, или же сведения о них являются общедоступными и, в чём можно практически не сомневаться, известными даже недостаточно образованным англичанам. Эдвард Райалл отрицает, что он когда-либо читал что-то о герцоге Монмуте и его восстании, не считая нескольких параграфов школьного учебника. Однако у него был широкий круг

интересов и на зависть цепкая память. Поэтому мы, как мне кажется, должны предположить, что все конкретные сведения о главных событиях, известных историкам, которые включены в его книгу, он мог получить обычным способом.

Второй тип сведений из воспоминаний относится к событиям, произошедшим с людьми, не упоминаемыми в исторических книгах – даже в самых узкоспециализированных – об обсуждаемой эпохе. Эдвард Райалл упомянул имена приблизительно 20 человек, входивших в состав семьи Джона Флетчера и в круг его друзей. Большинство из них вряд ли были известны за границами их графства или даже за пределами их приходов. И всё же в своих собственных приходах эти люди, судя по описаниям Эдварда Райалла, имели вес; о существовании этих людей должны были свидетельствовать записи в местных метрических книгах. Их имена должны были встречаться в записях рождений, крещений, браков и смертей. Благодаря жителям Англии, с которыми я переписывался, я изучил множество записей приходов и графств, желая напасть на след кого-нибудь из всей этой разношёрстной компании, упомянутой Эдвардом Райаллом. Эти исследования потерпели полную неудачу как в отношении Джона Флетчера и всех членов его семьи, так и Джереми Фуллера, на дочери которого, Сесилии, Джон Флетчер, как уверял Эдвард Райалл, был женат. Не удалось отыскать и какие-либо признаки существования Джереми Брэгга и его жены Кэтрин. Мы проверили имена и некоторые сведения, сообщённые Эдвардом Райаллом касательно священников ряда приходов и кузнеца Эндрю Ньюмана. Тем не менее что-то об этих людях всё же было напечатано, и информацию о них, в принципе, можно найти, если хорошо поискать.

Неудача первых проверок записей до того удивила меня, что я приступил к повторному поиску записей о 12 наиболее значительных людях, упомянутых в книге «На второй круг». Это тоже окончилось ничем.

Почему мы не нашли свидетельства о Джоне Флетчере или других людях, которые, по словам Эдварда Райалла, принимали участие в семейной и общественной жизни Джона Флетчера? Я вижу несколько возможных объяснений этой неудачи. Прежде всего метрические книги конца XVII века в Англии далеки от совершенства. Во времена политических волнений многие священнослужители были изгнаны из своих приходов, а те, которые остались, часто должны были всё своё внимание направлять на решение более насущных вопросов, чем сохранение записей. Вдобавок к этим пробелам в метрических книгах некоторые записи были утрачены из-за пожаров, сырости и по небрежности. Почерк в сохранившихся метрических книгах в лучшем случае трудночитаем, а местами и вовсе неразборчив. (Я сам это наблюдал, когда исследовал некоторые записи в церкви в Уэстонзойленде.) Однако мы не можем быть уверены в том, что сумеем объяснить все свои разочарования, приписав их утратам записей или изъянам в них.

Третий тип сведений, наличествующих в воспоминаниях Эдварда Райалла, касается будничной жизни в Сомерсете конца XVII века. В книге «На второй круг» содержится много упоминаний о продуктах питания, одежде, домашней обстановке, обычаях, праздниках, монетах, газетах, лекарствах и других сторонах жизни той эпохи. В дополнение к тому, что я могу с уверенностью назвать исчерпывающим освещением предметов обсуждения, включённых Эдвардом Райаллом в его книгу, он обладал большими познаниями и в иных областях и делился ими в переписке со мной и с другими людьми, но не использовал их в своей книге. Этот дополнительный материал в целом представлял собой описания столь же трудно проверяемые, как и многие из тех, что были упомянуты в книге «На второй круг», но также в основном имеющие вид конкретных фактов. Обычно образованные люди могут знать или догадываться о том, что могло быть в этих описаниях. Другим же – по крайней мере мне – потребовалось приложить немало усилий для того, чтобы проверить их. Читатели выражали сомнения в некоторых фактах либо в отзывах на книгу, либо в переписке со мной, из-за чего мне приходилось то и дело возвращаться, чтобы вновь удостовериться в правильности данных.

Упущения и ошибки в утверждениях Эдварда Райалла

Некоторые из тех, кто прочёл книгу «На второй круг», сочли её стиль несколько искусственным, «староанглийским», и я соглашусь с этим замечанием. Она имеет форму исторического романа. И тем не менее, на мой взгляд, фактические ошибки Эдварда Райалла важнее его манеры излагать материал.

Он использовал несколько архаичных слов. Например, слово «lugger» (люггер, небольшое парусное судно) не использовалось до XVIII века. Имя прилагательное «stiff» (крепкий) для напитков с высоким содержанием алкоголя стали употреблять только с XIX века. Слово «goodies» для обозначения сладостей в XVII веке звучало как анахронизм, его стали использовать в таком значении лишь с XVIII века. Выражение «of that ilk» (и тому подобное) бытует только в Шотландии. Эдвард Райалл цитировал молитву на современном итальянском языке так, словно это была латынь. Он описал местоположение фермы, недалеко от Лайм-Реджиса в Дорсете, принадлежавшей, как он написал, брату Джона Флетчера, Мэтью; но записи показывают, что ферма, расположенная в данном месте, во времена Джона Флетчера находилась в собственности семьи Джонсов. По описаниям Эдварда Райалла, испанское судно стояло в доке в Аксмуте (на побережье Дорсета), куда Джон Флетчер ездил за галькой для города Бриджуотера; но во времена Джона Флетчера гавань в Аксмуте была перекрыта песчаной отмелью. Галька была доступна не только там, но и в местах гораздо более близких к Бриджуотеру, чем Аксмут. Семья Пуле из округа Хинтон Сент-Джордж известна в Сомерсете, но в её родословных нет никаких сведений о дочери по имени Мелани, которая, как сказал Эдвард Райалл, была ребёнком второго барона Пуле. Эдвард Райалл писал о том, что Мелани своей неразборчивостью в знакомствах и связях позорила семью, и за это отец отослал её к родственникам в Бейсинг (в Хэмпшире) и удалил её имя из списка членов семьи; у Пуле когда-то была линия родства в Бейсинге, но их жилище там во время гражданской войны 1640-х годов превратилось в цитадель роялистов, и войска Кромвеля искоренили эту ветвь. Эдвард Райалл правильно описал преподобного Томаса Холта как приходского священника Уэстонзойленда во времена Джона Флетчера; но он написал, что Холт оставался приходским священником в течение всей жизни Флетчера, хотя в действительности он был изгнан парламентом в 1640-е годы и получил право проживать в Уэстонзойленде лишь в 1660 году.

Ошибки, которые я упомянул, представляются мне серьёзными, однако мы должны сопоставлять их со всей громадой описываемых им вещей, а зачастую и скрытых предметов или обычаев, где ни один критик не подверг сомнению точность Эдварда Райалла или где критик ошибался, а Эдвард Райалл был прав. Примером из этой второй части может послужить то, как Райалл применял слова «leman» (любовник), «shaker» (человек, религиозное рвение которого проявляется в телесных движениях) и «vastly» (значительно)[84]. Заявление Эдварда Райалла о том, что ферма Джона Флетчера располагалась на западном краю Уэстонзойленда, подвигло одного критика оспорить то, что земля в указанном месте была огорожена во времена Джона Флетчера. Доктор Роберт Даннинг, редактор *Victoria History of Somerset*, сказал мне (когда я встретился с ним в Тонтоне 19 сентября 1988 года), что огороженная ферма вполне могла существовать в XVII веке в месте, обозначенном Эдвардом Райаллом как ферма Джона Флетчера.

Книга «На второй круг» в избытке содержит зачастую подробные описания амурных обычаев в Сомерсете в конце XVII века. Некоторые критики пытались опровергнуть описанный

[84] Для того чтобы узнать, какие слова и фразы были употребительны в Англии в XVII веке, я воспользовался Оксфордским английским словарём.

Райаллом договорной «обмен жёнами» в Сомерсете, но Квайф (1979) подтвердил существование такой практики.

Для того чтобы показать разнообразие ссылок Эдварда Райалла на места и объекты его времени и местожительства, я укажу на: правильное расположение трёх ветряных мельниц в районе Уэстонзойленда; степень доктора медицины, заслуженную вторым лордом Пуле; гравитационные часы, изготовленные Хабрехтом (или Хэбрехтом); роялистскую монету, выпущенную в замке Понтефракт в 1649 году после казни короля Карла I; строку из поэмы (не совсем верно процитированную) Финеса Флетчера, в которой говорится о том, что он был родственником Джона Флетчера; северное сияние (aurora borealis), наблюдавшееся ночью перед битвой при Седжмуре; подковы в виде замочной скважины. Мы не смогли бы проверить эти сведения, если бы они не существовали в опубликованных источниках; я перечисляю их только для того, чтобы показать, что, если Эдвард Райалл почерпнул их из таких источников, значит он прочитал гораздо больше книг, чем признавал. Я думаю, что важно обратить внимание также на то, что ему не приходилось что-то долго и мучительно вспоминать для того, чтобы продемонстрировать свою широкую эрудицию касательно Сомерсета конца XVII века. Он отвечал на множество вопросов, задаваемых ему любопытствующими (журналистами, к примеру), столь же быстро, сколь и точно.

Эдвард Райалл сказал, что до того, как к нему начали приходить воспоминания, он никогда не пытался исследовать социальную историю Сомерсета конца XVII века. Он вырос в Эссексе, вдали от Сомерсета, поэтому не мог слышать в детстве никаких рассказов об этом графстве от старших и сверстников. Конечно, оба эти графства, Эссекс и Сомерсет, находятся в Англии и в XVII веке имели много общего, как и в наши дни. У них также были и остаются значительные различия, с которыми Эдвард Райалл, как представляется, был хорошо знаком – в любом случае он обладал знаниями, которые мы вправе ожидать от фермера из Сомерсета или социального историка. Были ли у него эти знания? Я посоветовался с четырьмя видными историками, специализирующимися в социальной истории Сомерсета и Дорсета, на предмет точности описаний в книге «На второй круг». Ими были: Питер Эрл, автор истории восстания Монмута (Earle, 1977), У. Макдональд Уигфилд, автор и редактор двух книг о восстании Монмута (Wigfield 1980, 1985), Роберт Даннинг, один из издателей *Victoria History of Somerset* (1974) и автор книги о восстании Монмута (Dunning, 1984), а также Джон Фаулз, бывший хранитель музея в Лайм-Риджисе, Дорсет. Двое из этих экспертов раскритиковали книгу «На второй круг» за имеющиеся в ней серьёзные погрешности, один счёл её мистификацией. Двое других, напротив, одобрили эту книгу, причём один из них утверждал: «По-моему, в этой книге меньше ошибок, чем в любой другой из прочитанных мной книг, посвящённых восстанию Монмута»[85].

Важные сведения о личности Эдварда Райалла

Во время моих встреч с Эдвардом Райаллом в Хадли его жена Уинифред была дома, но она ничем не проявила себя, если не считать того, что она угощала нас чаем. После смерти Эдварда Райалла я дважды навещал её, в 1980 и 1981 годах; тогда она рассказала мне кое-что интересное о своём муже, каким она его знала, особенно в последние годы их совместной жизни.

Хотя во время своей поездки через Сомерсет в 1962 году он испытал сильные чувства и впервые в жизни, по его словам, узнал места, которые он когда-то вспомнил, тем не менее она узнала о заявлении мужа о том, что он вспомнил прошлую жизнь, только в 1970 году, когда

[85] Я не называю имён авторов этих противоречивых суждений. Одно мнение я узнал во время беседы, другие же выявились в переписке. Я получил разрешение цитировать только одного из этих историков, с которыми я советовался.

лондонская *Daily Express* опубликовала его первое сообщение о своих воспоминаниях. Сама она не верила в перевоплощение и не интересовалась им. Сочинению мужа она уделила мало внимания.

Уинифред Райалл сказала, что библиотека её мужа была скудной, и показала мне то немногое, что было в их доме; после смерти мужа она не раздавала его книги. Читал он, однако, очень много и часто брал книги из библиотеки Хадли. А брал он сразу от одной до трёх книг. Иногда он просил жену возвращать книгу раньше, чем успевал дочитать её. В тот период (1971–1974), когда он писал книгу «На второй круг», книг он брал ничуть не больше. При этом он ни разу не отправился в далёкую поездку без жены. (Тем самым исключается возможность того, что он тайно пользовался Британской библиотекой или библиотекой Кембриджского университета.) Мне было интересно, имел ли Эдвард Райалл доступ к книгам по межбиблиотечному обмену в публичной библиотеке Хадли, но я так и не сумел выяснить, пользовался ли он такими услугами. До 1974 года он никогда не ездил в Сомерсет без жены. Она ни разу не видела, чтобы он делал заметки, когда они были в Сомерсете, хотя однажды он кое-что записал, когда они возвратились из поездки оттуда.

Уинифред Райалл сказала, что после того, как её муж вышел на пенсию, по временам его поведение менялось. Ему начинало казаться, что другие члены его семьи и сторонние люди «настроены против него». Она считала такое его мнение несправедливым, потому что дети относились к нему с теплотой. Тем не менее у него бывали «причуды», когда он, бывало, уходил из дома на несколько часов. Когда он возвращался, его настроение было более бодрым.

Уинифред Райалл не считала книгу мужа мистификацией, но она не могла отрицать (или подтвердить) то, что в неё примешались какие-то из его фантазий.

В 1981 году я также встретился с дочерью Райалла, Айрис Драйвер. Она подтвердила то, что уже сказала её мать об отчуждении её отца от семьи после его выхода на пенсию. Он, случалось, «сидел и думал»; один или два человека говорили, что у него было «раздвоение личности». По её мнению, книга «На второй круг» не была мистификацией.

В дополнение к вышеупомянутым беседам я переписывался с одним другом Эдварда Райалла, а также с его непосредственным начальником на его последнем месте работы. Оба они подтвердили его репутацию честного человека, но мало что могли сказать о том, была ли у него возможность получить материал для книги «На второй круг» из обычных источников.

Комментарий

В предисловии, написанном мной для книги «На второй круг», я рассмотрел различные варианты истолкования предполагаемых воспоминаний Эдварда Райалла, в том числе мистификацию и амнезию на источник (криптомнезию) (Stevenson, 1983). Изучив все варианты объяснения, которые только пришли мне на ум, я в конце концов заявил о том, что – как я считал в то время – перевоплощение является наилучшим объяснением случая Эдварда Райалла (Stevenson, 1974c). Однако я оставил за собой право изменить своё мнение касательно этого случая, что и сделал позднее.

Я больше не могу думать, что буквально все воспоминания, как мы будем их называть, Эдварда Райалла проистекают из прошлой жизни, поскольку кое-что из её описания явно неверно. Кроме того, поиск людей, не имевших никакого исторического значения (относящихся ко второму типу сведений, описанному мной выше), с целью подтверждения их существования, продолжался и после смерти Эдварда Райалла, но, как я уже сказал, оказался безуспешным. Если бы мы нашли признаки существования кого-то из этих людей, то я мог бы дать рациональное объяснение тому, что нам не удалось найти записи о других людях, изъянами в метрических книгах, которые, конечно, имеют место. Эти изъяны в самом деле могли бы стать объяснением того, почему мы не сумели отыскать названные Эдвардом Райаллом имена чле-

нов семьи Джона Флетчера и его друзей. Но я не люблю затыкать дыры подобным способом, мы должны рассмотреть другие возможности.

Одна из этих возможностей заключается в том, что Эдвард Райалл неправильно вспомнил имена или даже выдумал некоторые из них. Фамилии, которые он дал, были довольно обычными в той части Сомерсета, где в XVII веке жил Джон Флетчер; и если Эдвард Райалл вспомнил фамилии, но не сумел правильно воспроизвести имена, то он мог подставить к фамилиям неправильные имена. Это объяснило бы неудачу в подтверждении существования людей, которых так звали. Может быть, он добавил имена, которые пришли ему в голову, без понимания того, что они неверны; возможно, он придумал имена, которые счёл пригодными для того, чтобы заполнить ими пробелы там, где он вспомнил не полное имя. Я нахожу это объяснение абсолютно неудовлетворительным, потому что оно означает, что Джон Флетчер лучше запомнил имена своих чем-то прославившихся современников, чем имена своих родственников и друзей. Правдоподобно ли это? Если я вдруг воскресну после своей смерти, то неужели я буду помнить, скажем, имя президента Джимми Картера, но забуду имена моих жён? И если я в самом деле забуду их имена или своё собственное имя, то будет для меня естественно сказать, что я не помню, или назвать (с наилучшими намерениями) ложное имя, которое покажется мне правильным? Ответы на вопросы такого рода, без сомнения, неразрывно связаны с тем человеком, о котором их задают, и с тем человеком, который задаёт их.

И всё же я выскажу своё нынешнее мнение об этом случае. Я до сих пор верю, что Эдвард Райалл не лгал, когда говорил, что он почти ничего не читал о Сомерсете XVII века и никогда не пытался – пока к нему не пришли его воспоминания – изучать этот период истории. Поэтому я склонен полагать, что у него было некое сверхъестественное знание о Сомерсете XVII века, которое могло прийти из той жизни, которую он провёл в том месте и в то время. С возрастом он стал всё больше погружаться в свои воспоминания, каковыми мы их считаем. Он подолгу размышлял о них и, по-видимому, сделал их предметом своих уединённых дум. (Уверенность в том, что он вспомнил прежнюю жизнь, позволила ему «узнать» одну молодую женщину, которая через замужество пришла в его семью как перевоплощение Сесилии Флетчер.) Должно быть, именно поэтому книга «На второй круг» в конечном итоге приняла вид исторического романа, материал для которой был получен отчасти из обычных источников, о чём он уже не помнил, отчасти сверхъестественным путём и без искажений и ещё отчасти в виде фантазий, не имеющих ничего общего с реальностью. Ранее я уже говорил о том, что мы могли бы рассмотреть толкование такого рода для редких результатов возвращения под гипнозом в мнимые прошлые жизни (Stevenson, 1987/2001)[86]. Эдвард Райалл мог погружаться в состояние, сходное с состоянием тех, кто находится под гипнозом или медитирует. В таком состоянии подлинные воспоминания и разного рода образы могут беспрепятственно перемешиваться, становясь неразличимыми.

Сверхъестественные моменты в этом случае мы могли бы объяснить и ретрокогницией (т. е. описанием прошедших событий, в том числе значительно удаленных во времени, человеком, не имеющим сведений об этих событиях, с помощью экстрасенсорного восприятия). Продолжает ли прошлое существовать где-либо? И если оно сохраняется, то можем ли мы иногда «читать» его и сообщать о нём окружающим? Складывается впечатление, что отдельным людям это удаётся. Некоторые из них представили убедительный рассказ об имевшихся

[86] Несмотря на то, что сеанс регрессивного гипноза может иметь пользу для здоровья, пусть и не вполне определённую, всё же улучшение состояния пациента не оправдывает эту методику (Stevenson, 1994). Большинство «предшествующих личностей», вызванных в ходе сеанса регрессивного гипноза, являются плодами фантазии, с нулевой ценностью в подтверждении какого-либо процесса сверхъестественного типа. Эксперименты показали, что внушения, прямые или завуалированные, способны легко повлиять на характер вызванной «предшествующей личности» (Baker, 1982; Spanos et al., 1991; Spanos, 1996). В других экспериментах было установлено, что содержание и даже мелкие подробности «предшествующей личности» были связаны с печатным или устным источниками, доступным исследуемому (Bjorkhem, 1961; Harris, 1986; Kampman, 1973, 1976; Kampman and Hirvenoja, 1978; Venn, 1986; Wilson, 1981; Zolik, 1958,1962).

у них проблесках и видениях в отношении, надо полагать, событий прошлого (Ellwood, 1971; Spears, 1967). Ряд экспериментальных исследований также показал способность людей читать прошлое (Geley, 1927; Osty, 1923). Всё же я не думаю, что ретрокогниция применима к случаю Эдварда Райалла для объяснения как сверхъестественных моментов, так и воспоминаний о прошлой жизни. Ретрокогниция, насколько мне известно, представляет собой либо мимолётные вспышки – например, картины сражения, либо некие образы в процессе ясновидения. Для тех, кто доверяет Эдварду Райаллу так же, как и я, приемлема версия, что у него была череда очевидных воспоминаний примерно в восьмилетнем возрасте, после чего он дополнял их разнообразной информацией до тех пор, пока в 1974 году не опубликовал свою книгу, в возрасте 72 лет.

Питер Эйвери

Опросы показывают, что у большинства людей в определённый момент жизни случалось переживание необъяснимого родства с каким-то местом или событием. Например, из 182 студентов Абердинского университета 115 (63 %) сообщили о такого рода переживаниях (McKellar, 1957)[87]. Физиологи и психиатры предложили несколько вариантов толкования этих переживаний, которые обычно называют «дежавю» (Hermann, 1960; Neppe, 1983). Описания этих переживаний, входящих в единую категорию под общим названием «дежавю», варьируются от одного сообщения к другому, поэтому кажется маловероятным, чтобы одно единственное объяснение могло прояснить суть вопроса.

Сно и Линссен (1990) сделали обзор психологических и неврологических объяснений, предложенных различными авторами для переживаний этого рода. В свой список они включили и предполагаемые воспоминания о прошлой жизни. Некоторые люди, отличавшиеся благоразумием, предложили такое толкование своего опыта дежавю. Например, Чарльз Диккенс (1877) писал о переживании, испытанном им в Италии:

На закате я прошёл немного пешком, пока лошади отдыхали, и наткнулся на сцену, которая вызвала во мне необъяснимое, но всем нам знакомое ощущение, будто я уже когда-то видел это, и которую я до сих пор ясно вижу перед собой. В ней не было ничего примечательного. В кроваво-красном освещении печально поблёскивала полоска воды, подёрнутая вечерней рябью; у краев её было несколько деревьев. На переднем плане (вида Феррары) стояла группа притихших крестьянских девушек; опершись о перила мостика, они смотрели то в небо, то вниз, на воду. Издалека доносился глухой гул колокола; на всём лежали тени наползающей ночи. Если бы в одной из моих прошлых жизней я был убит именно в этом месте, то и тогда я не мог бы вспомнить его отчётливее и с таким содроганием. Даже и теперь воспоминание о том, что я действительно увидел, так сильно подкреплено у меня памятью воображения, что я вряд ли когда-нибудь забуду это место [стр. 37].

Писатель и государственный деятель Джон Бакен описал в своей автобиографии (Buchan, 1940) больше одного переживания дежавю, их он истолковал как воспоминания о прошлых жизнях. Он писал:

Я вижу, что нахожусь в месте, которое не мог посетить прежде, однако оно хорошо знакомо мне. Я знаю, что когда-то я уже действовал на этой сцене и что я сыграю свою роль и на этот раз [стр. 122].

---

[87] Палмер (1979) обнаружил даже ещё более широкую сферу распространения (76 %) сообщений о таком опыте при опросе студентов и горожан в университетском кампусе в США. Неппе (1983), а также Сно и Линссен (1990) объединили результаты нескольких других опросов – в каждом из них сообщения о наличии переживаний такого рода составляли от 25 % и выше.

Ни один из тех, о чьём опыте я только что рассказал в виде цитат, не демонстрировал никаких признаков особых воспоминаний о прошлой жизни; и они не утверждали, что у них были такие воспоминания. Некоторые люди, у которых были такие воспоминания, в том числе и подтверждённые, иногда показывали близкое знакомство с местами, в которых, по их мнению, они жили в какой-то из прошлых жизней. Они комментировали изменения в строениях или искали какие-то из них в том месте, где они когда-то находились во время другой жизни, которую они, по их уверениям, вспомнили[88].

Изложение этого случая

Исследуемый в этом случае, Питер Эйвери, родился 15 мая 1923 года в Дерби, Англия. По окончании средней школы он поступил в Ливерпульский университет. Служба в торговом флоте и в армии в годы Второй мировой войны прервала его обучение, которое после войны он возобновил в Школе восточных и африканских исследований Лондонского университета. Закончил он её в 1949 году. Он овладел арабским и персидским языками, благодаря знанию которых был назначен старшим преподавателем этих языков в Англо-иранскую нефтяную компанию. Первое своё назначение он получил в Абадане, на юго-западе Ирана. Первый опыт дежавю случился у него во время работы в этом городе. В 1951 году правительство Ирана национализировало нефтедобывающую промышленность, тогда же Питер Эйвери переехал в Багдад, где преподавал английский язык сначала в иракском Военно-штабном колледже, а затем в багдадском Колледже гуманитарных и естественных наук. В 1952 году он издал (вместе с Джоном Хит-Стабсом) переводы персидского поэта Хафиза. В 1955 году он вернулся в Иран, где получил работу инженера в гражданской дорожно-строительной компании.

В 1958 году его приняли преподавателем на кафедру персидского языка в Кембриджский университет. В этой должности он оставался до 1990 года; когда же он перестал читать лекции, то продолжил свои исследования и писательство в должности члена совета Королевского колледжа Кембриджского университета, куда он получил назначение сразу, как только приехал в Кембридж. Питер Эйвери, заслуженно считающийся знатоком фарси, лучше всего известен широкому кругу читателей как переводчик классических персидских поэтов, таких как Хафиз и Омар Хайям. Он также много писал об истории Ирана, с самого его зарождения и вплоть до настоящего времени.

Питера Эйвери я впервые встретил в сентябре 1992 года, в доме моего друга в Кембридже, у которого я тогда остановился. Он рассказал о двух своих переживаниях дежавю, которые случились у него много лет назад, в Иране и Пакистане. Впоследствии я попросил его описать свой опыт в письменной форме и теперь могу привести здесь эти отчёты, которые он прислал мне в письме, датированном 14 января 1993 года. В своём заявлении он сперва описал свой второй, более эмоциональный опыт, и только затем первый опыт:

1. Моим компаньоном в Исфахане зимой 1945–1950 годов был инженер по подготовке кадров Англо-иранской нефтяной компании господин Джон Эванс. В 1949 году я, тогда ещё новоиспечённый специалист в области персидского и арабского языков, приехал в Иран в качестве сотрудника отдела подготовки кадров. Примерно через шесть месяцев я получил разрешение съездить в Исфахан[89] из Абадана вместе с тем инженером [по подготовке кадров] в

[88] Группа исследуемых, заявивших о том, что они помнят какую-то прошлую жизнь, и слова их были подтверждены, также продемонстрировавшие близкое знакомство с местами, где, как они полагали, была их прошлая жизнь, включает в себя следующие имена: Сварнлата Мишра, Пракаш Варшнай, Пармод Шарма, Рабих Элавар, Хоакхун Раджсутхаджарн и Савитри Деви Патхак.

[89] Исфахан (иногда первая буква произносится как «э») находится в центральном Иране, примерно на полпути между

командировку из представительства в Лондоне. Приехав в Абадан, я уже не покидал этот город и южные нефтяные месторождения, поэтому ничего не узнал о центральном Иране напрямую; меня выбрали на роль сопровождающего господина Эванса в его поездке в Тегеран и Исфахан не только из-за [моего] умения говорить на фарси, но и из-за моего стремления, находившего понимание у моих начальников, покинуть пустоши с нефтедобывающими предприятиями и что-то увидеть в стране, которую я изучал.

В Исфахан мы приехали вечером. На другой день после завтрака я сообщил господину Эвансу маршрут, который мы пройдём от нашей гостиницы до площади Майдан-и-Шах и до базара. Узнав, сколь хорошо я ориентируюсь на местности, он выразил столь откровенное удивление, что его чувство не нуждалось в каком-то объяснении. Мы отправились в путь; как я и предвидел, мой маршрут оказался верным. Нашей последней достопримечательностью в то утро, по пути назад, была мечеть с синим куполом, стоявшая в саду медресе Мадар-и-Шах, Богословской школы матери шаха Солтана Хусейна, [который был] шахом Сефевидов, убитым после нашествия афганцев в 1722 году[90]. После утреннего осмотра достопримечательностей я немного утомился; первое знакомство с Исфаханом было, конечно, волнующим переживанием. Хотя я уже знал, как и большинство людей, о красоте этого города, тем не менее я, редко заглядывающий в путеводители до окончания осмотра того, о чём в них сообщается, из чего Исфахан не стал исключением (на самом деле я никогда не читал путеводитель по Исфахану), был, конечно, очарован всем, что мы увидели; но настоящее потрясение я испытал уже в Медресе, как только мы вошли в его сад во внутреннем дворе.

Я плакал навзрыд от возникшего у меня всепоглощающего чувства, что я наконец-то возвратился домой. Я сидел на парапете у водоёма. Господин Эванс из деликатности удалился. Позже он сказал, что это показалось ему лучшим, что он мог сделать: дождаться, когда я перестану плакать и присоединюсь к нему. Мы почти не обсуждали моё поведение, которого я стыдился в присутствии одного из моих работодателей, хотя он ничем не показал, что осуждает меня, и был со мной учтивым и обходительным. Так закончилось то утро, в которое я непрестанно испытывал небывалое для меня чувство близкого знакомства с городом, в котором никогда прежде не бывал и о географии которого ранее не имел ни малейшего представления.

2. Мой первый опыт, и до сего дня лишь ещё один из двух имеющихся у меня, встречи с тем, что моя тётя назвала «духом места», но только «духом» в очень личном смысле (мы часто понимаем это в менее личном смысле), случился, как помнится, в 1944 году в Лахоре[91] и, опять же, во время моего первого посещения древнего города. Я был офицером королевского индийского военно-морского флота, был мне 21 год, почти 22 года… Мой сослуживец, индиец, у которого отец был выдающимся востоковедом, (ныне покойный) Хан Бахадур Мухаммад Шафи, директор Пенджабской школы востоковедения, пригласил меня прийти к ним, чтобы пообщаться с его отцом, поскольку он знал о моём уже пробудившемся тогда интересе к исламской литературе и истории. Его отец был удивительным человеком, он показал мне замечательные персидские рукописи с миниатюрами: книги, купленные им после падения падишаха Афганистана Аманулла, когда, по его словам, сокровища из королевской библиотеки в Кабуле перекочевали через Хайберский проход в Северную Индию.

Абаданом и Тегераном. Он расположен на реке Заянде. Его поочередно завоёвывали арабы, турки и монголы, потом он возвратился к персам и достиг зенита политической и культурной значимости при правлении династии Сефевидов (1502–1736 гг.). Шах Аббас I (Великий) (1587–1629 гг.) сделал его столицей Персии в 1598 году. В 1722 году Исфахан был захвачен афганцами, в результате чего начался период его упадка. В конце XVIII века столица Персии была перенесена в Тегеран. При шахе Аббасе I Исфахан украшали великолепные дворцы, сады и улицы (Luckhart, 1960).

[90] Набожная мать шаха Солтана Хусейна строила эту богословскую школу (медресе) и смежный с ней караван-сарай с 1706/7 до 1714/15 годов (Lockhart, 1958).

[91] В наше время Лахор – столица провинции Пенджаб в Пакистане. В годы правления моголов в Индии и под властью сикхов он получил большое значение. В 1849 году Лахор был завоёван британцами.

Однажды ранним утром, не дожидаясь дневной жары, мы отправились в путь в тонгах, двуколках, запряжённых лошадьми, где пассажир сидит спиной к извозчику, в Шалимар Ба, роскошный сад, разбитый императорами моголов, место остановок по пути их ежегодных переездов из Дели в Кашмир[92]. Он расположен чуть далее Лахора. Впоследствии я прочёл статью Хана Бахадура об этом саде в одном научном журнале, но в то утро, во время нашего посещения сада я ещё ничего не знал о нём. Мы пришли туда для того, чтобы он рассказал мне о его истории, но, когда мы, оставив двуколки, вошли в сад через малозаметную дверь в стене, я сказал, что этот проём не всегда был в этом месте: прежде он был устроен в стене на другом конце ограждения. Он согласился. В саду я попросил дать мне время для прогулки в одиночестве, на что он сразу согласился, добавив: «Кажется, вы уже всё здесь знаете». Присоединившись к нему позднее, я заметил, что павильон в центре не относится к саду. «Совершенно верно», – ответил он. Это был шамиана, летний домик на крыше усыпальницы императора, на другом краю Лахора, с видом на реку Равви. В своё время сикхский правитель Ранжит Сингх перенёс его в тот сад. Лорд Керзон, тогдашний вице-король Индии, заметил, что домик находится не на своём месте, и предписал департаменту древностей восстановить его там, где ему надлежало быть, но сделано это не было.

Хотя переживание дежавю в Шалимар Ба в Лахоре было у меня не настолько потрясающим, как в Исфахане, я испытал, без сомнения, похожее ощущение того, что уже бывал там прежде; я понимал, что прекрасно ориентируюсь там, что я возвратился, так сказать, в свой родной город, то есть туда, где я когда-то был «дома», но это чувство в Медресе в Исфахане были более пронзительным, чем в Лахоре, где всё ограничилось садом и не распространялось на всё окружающее.

В 1992–1993 годы, когда Питер Эйвери описывал мне свои переживания, не было никакой возможности независимого подтверждения его заявления о том, что у него изначально были знания об Исфахане и Лахоре, не приобретённые обычным способом. Впоследствии я встречался с ним ещё несколько раз во время моих более поздних поездок в Кембридж. Он не уставал повторять, что никогда не читал никаких путеводителей и других книг, способных дать ему сведения об Исфахане и Лахоре, которые были у него, когда он впервые побывал в этих городах.

Заявления Питера Эйвери показывают, что он считал прошлые жизни источником необычных знаний, которые, как он полагал, у него имелись. Однако он не выказал фанатичного пристрастия к этому варианту объяснения. В качества другого объяснения он рассматривал некую вероятную наследственную память. Одним из его прямых предков был известный пират XVII века, грабивший корабли в Индийском океане. Среди его достижений был захват корабля, на котором какая-то могольская принцесса ехала в Мекку. Однажды отец Питера Эйвери высказал мысль о том, что причиной повышенного интереса его сына к исламскому Востоку мог быть ребёнок, которого родила капитану Эйвери пленённая им принцесса; но о таком отпрыске не осталось никаких свидетельств. Упоминание Питером Эйвери такой возможности говорит о его умении критически осмысливать различные варианты объяснения своих переживаний.

Генриетта Рус

У исследуемой в этом случае Генриетты Рус никогда не было образных воспоминаний о прошлой жизни. Я включил этот случай в свою книгу потому, что некоторые её переживания указывают на то, что в некой прошлой жизни она была Росарио (или Росарито) Вейсс, доче-

[92] Эти сады были разбиты в 1637 году по приказу императора моголов Шаха-Джахана.

рью Леокадии Вейсс, которая была возлюбленной и верной подругой испанского живописца Франциско Гойя (1746–1828 годы).

Краткий обзор случая и его исследование

Генриетта Рус родилась в Амстердаме, Голландия, в 1903 году. Я не узнал имён её родителей. Её отец был торговцем алмазами средней руки.

В ранние годы в Генриетте проявилась необычайная одарённость в изобразительном искусстве и в музыке. В возрасте 22 лет она вышла замуж за венгерского пианиста по фамилии Вейсц. Когда ей было приблизительно 30 лет, она развелась с Вейсцом, но не стала возвращать себе девичью фамилию, а оставила прежнюю, Вейсц, которая, как ей казалось, добавляла ей шарма.

Иллюстрация 18. Картина, написанная Генриеттой Рус в 1936 году, на скорую руку и в полной темноте (с любезного разрешения Генриетты Рус)

В то время она посвятила себя живописи, отодвинув музыку на второй план. Она заслужила стипендию, позволявшую ей учиться в Париже, куда отправилась в 1934 году в возрасте 31 года. Там, в Париже, года через два после переезда, однажды ночью она ощутила зов, почти приказ, подняться с постели и писать до самого утра. Она подчинилась этому зову, подошла к своему мольберту в темноте, какое-то время писала, а затем снова легла спать. Утром она обнаружила, что написала голову красивой девушки (илл. 18).

Она показала этот портрет одной близкой подруге, рассказав ей о том, как она написала его ночью. Подруга предложила отнести картину к ясновидящей, которой она доверяла. Генриетта согласилась, хотя и без особого желания. На сеансе у этой ясновидящей Генриетта положила портрет на стол, где уже были разложены разные психометрические предметы[93], принесённые другими людьми, пришедшими на этот сеанс. Ясновидящая подняла портрет и сказала, что она увидела перед собой буквы, составившие имя ГОЙЯ. Тогда казалось, что Гойя вышел на связь и сказал, что он благодарен Генриетте за то, что она приютила его в Южной Франции, когда он был вынужден покинуть Испанию.

Несмотря на свои занятия искусством, Генриетта почти ничего не знала о личной жизни Гойи, поэтому то, что сказала ясновидящая, не имело для неё смысла. Случилось, однако, так, что в тот же день её пригласил в гости один музыкант, у которого была биография Гойи. Генриетта взяла у него почитать эту книгу и, как только пришла домой, сразу углубилась в чтение. Она очень удивилась, узнав о том, что женщина по имени Леокадия Вейсс (со своей дочерью Росарио) приютила Гойю в Бордо, когда он в конце жизни уехал из Испании в добровольное изгнание.

Генриетта ни разу не заговорила о своём опыте до 1958 года, когда один её знакомый, которому она описала свой опыт, посоветовал ей написать полный отчёт о нём и послать его в Американское общество изучения сознания. Она так и поступила, а Лаура Дейл, которая была в то время редактором, переслала её отчёт мне (я привожу этот отчёт ниже).

Я начал переписываться с Генриеттой о подробностях её опыта и, с её разрешения, включил краткий рассказ о её случае в мой первый труд о случаях, указывающих на перевоплощение (Stevenson, 1960). В 1960 году я встретился с Генриеттой в Нью-Йорке, где она тогда проживала. После этого я встречался с ней много раз, когда бывал в Нью-Йорке. У меня есть записи о семи встречах между 1961 и 1976 годами. После 1976 года мы встречались редко, но продолжали обмениваться рождественскими открытками и новостями почти ежегодно вплоть до её смерти в Нью-Йорке 1 мая 1992 года.

Эти переживания были у Генриетты более чем за 20 лет до того, как она написала отчёт о них и я узнал об этом. К 1958 году уже не было никаких возможностей подтвердить какое-либо из её заявлений о её опыте. Однако всё ещё имелась возможность исследовать в этом случае два вопроса, первый из которых заключается в том, были ли у Генриетты Рус какие-либо переживания, подобные трансу, в котором она, по-видимому, писала картину под чьим-то влиянием, а второй – в том, какая из двух женщин, проживавших тогда с Гойей в Бордо, – Леокадия Вейсс или её дочь Росарито – вероятнее всего, была той личностью, которая, если ясновидящая была права, переродилась Генриеттой Рус.

Перед тем как мы обратимся к этим вопросам, я приведу больше сведений о ранней жизни Генриетты Рус до момента её необычного переживания в Париже; затем я процитирую отчёт о её опыте, написанный ею в 1958 году.

Ранние годы жизни Генриетты Рус

Необычайные способности к рисованию Генриетта Рус проявила раньше, чем приобрела какие-то другие навыки. В возрасте пяти лет она сделала цветными карандашами портрет отца, на котором он был вполне узнаваем. В 12 лет она нарисовала картину маслом, изобразив двух птиц. (Я видел эту работу в её студии; мне показалось, что эта картина или намного более старая или как минимум сделана гораздо более опытным художником.) В 16 лет она начала

[93] Многие ясновидящие и медиумы полагают, что касание и удерживание предмета, принадлежавшего умершему, облегчает установление связи с этим человеком после его смерти. Ости (1923) описал примеры использования психометрических объектов французскими медиумами.

увлечённо писать миниатюры и продолжила бы это занятие, если бы не побоялась испортить зрение за такой работой. В 18 лет она написала портрет матери.

В детстве Генриетта Рус была тихоней и предпочитала сидеть дома, рисовать или читать. Мать уговаривала её больше общаться, но девочке не хотелось этого. А хотела она изучать живопись. Однако родители считали, что такая профессия не к лицу юной девушке из уважаемого семейства Амстердама, поэтому не разрешили ей заняться изучением живописи.

Как я уже говорил, в возрасте 22 лет она вышла замуж за венгерского пианиста Франца Вейсца[94]. Позже она думала, что её больше привлекла его фамилия, чем его личные качества. Однако брак освободил её из-под родительской опеки, поэтому в возрасте 24 лет она начала брать уроки живописи в (голландской) Королевской академии искусств. Примерно в возрасте 30 лет она развелась с Вейсцом и вскоре после этого уехала во Францию, страну, которую она скоро полюбила. И хотя в школе французский язык давался ей нелегко, во Франции она быстро его освоила и через несколько месяцев могла уже бегло говорить на нём. Она прожила во Франции – сначала в Париже, затем в Ривьере – приблизительно 20 лет, зарабатывая на жизнь своими картинами. Художницей она была искусной и обладала собственным стилем, но испытывала сильный интерес к копированию и одно время была даже штатным копировщиком в Лувре.

Примерно в 1954 году Генриетта эмигрировала в США, где и жила до самой своей смерти.

Необычный опыт Генриетты Рус в бытность её художницей в Париже

Хотя это и повлечёт за собой некоторые повторы того, о чём я уже сказал, тем не менее будет лучше, если я процитирую следующее письменное заявление Генриетты Рус о её переживаниях, которое она записала 10 января 1958 года.

Мои занятия в амстердамской Королевской академии приносили мне королевскую награду (подарок лично от королевы Вильгельмины) три года подряд; я использовала её на поездки для работы за границей, в Париж. Денег не хватало, и я останавливалась в маленьком гостиничном номере. У меня была подруга-француженка, которую я очень любила. Меня смущало в ней лишь то, что она верила в оккультизм и уповала на него. Я считала её веру истеричной и абсолютно экзальтированной. Я совершенно не верила в такие вещи! Несколько лет я была замужем за известным венгерским пианистом по фамилии… Вейсц. Этот брак был неудачным, мы развелись. Дело было во мне, ведь я не любила его так, как надеялась полюбить… Но удивительно то, что на протяжении многих лет я хотела, чтобы меня называли госпожой Вейсц. Мама часто спрашивала меня: «Зачем ты продолжаешь носить эту фамилию? Если ты развелась, то верни себе девичью фамилию» (в Голландии так и поступают). А я всякий раз отвечала ей: «Не знаю, у меня есть какое-то странное чувство. Я не могу объяснить его, но эта фамилия мне идёт. Я чувствую, что неразлучна с ней, что она ближе мне, чем моя собственная фамилия, Рус. Всякий раз, когда я называю себя этой фамилией, у меня возникает такое чувство, будто я говорю о ком-то другом». В общем, я решила быть госпожой… Вейсц-Рус.

Это вступление необходимо; оно имеет большое значение для того, что будет дальше.

Всё это происходило перед войной[95]. Однажды вечером, когда я была в моём гостиничном номере в Париже, после целого дня работы над чьим-то портретом я почувствовала недо-

[94] Вейсц – это венгерский вариант написания фамилии Вейсс, которую можно встретить в Германии и во Франции. В большинстве биографий Гойи и статей о нём эта фамилия пишется как Вейсс, но иногда как Вейс.

[95] Подразумевается Вторая мировая война. Генриетта Рус позже датировала этот опыт (вероятно) 1936 годом.

могание. Мне стало дурно; появились страшная головная боль, сердцебиение, одышка. Тогда я легла спать в девять часов вечера, в надежде восстановить силы крепким сном. Внезапно я услышала (не думаю, что в действительности я слышала этот голос ушами – скорее где-то во лбу, между глаз) слова: «Не будь такой ленивой, встань и поработай». Сначала я не придала этому никакого значения, повернулась на другой бок и попыталась заснуть… Но потом эти слова прозвучали во второй раз. Я испытала недоумение, но всё же осталась в кровати и изо всех сил пыталась заснуть, но голос прозвучал в третий раз, и теперь уже совершенно отчётливо и громко: «Не будь такой ленивой, встань и поработай». Тогда я встала, потому что всё равно заснуть я не смогла бы, и спросила себя: «Неужели я схожу с ума? С какой стати я должна работать по ночам?!» Но несмотря ни на что, я всё же взяла свой мольберт и вознамерилась поставить его под крошечной электрической лампочкой, свисавшей с потолка (что типично для всех дешёвых гостиничных номеров Парижа), но какая-то сила, вошедшая в меня, унесла его в самый тёмный угол комнаты, подальше от света, поэтому *я ничего не могла разглядеть.* Моя палитра, всё ещё полная красок, была на столе, как и небольшая доска с натянутым на неё холстом. Я взяла их и начала писать, едва осознавая, что делаю, в лихорадочной спешке, и это длилось 45 минут, пока вдруг не почувствовала, что моя правая рука стала невероятно тяжёлой. Я отложила кисти. Поняв, что я прекрасно себя чувствую, что у меня не болит голова, что во мне больше нет внутреннего томления, я вернулась в кровать и почти мгновенно заснула. Когда на следующее утро я проснулась в шесть часов, хорошо выспавшись, то сразу вспомнила… Свой сон?.. А может быть, я в самом деле что-то писала?.. Я вскочила с кровати и увидела перед собой красивый небольшой портрет молодой женщины… Её взгляд был устремлён вдаль, к чему-то нереальному, невидимому. Меня бросило в дрожь. Что это было? Как объяснить это явление?!

Я решила пойти к подруге, которая жила всего лишь через квартал от меня, и еле дождалась девяти часов утра. После того как я рассказала ей о случившемся, она, конечно, сразу захотела прийти ко мне. Когда она увидела портрет, то чуть не разрыдалась и воскликнула: «Какая прелесть, Генриетта! Какая же ты молодец! Знаешь, что мы сделаем? Мы отнесём твою картину на заседание общества изучения сознания. По четвергам к ним приходит днём одна ясновидящая, необыкновенно одарённая. Возьми с собой туда свой маленький холст». «Ну уж нет, – ответила я. – Я не стану заниматься всяким вздором, в который не верю!» Но она так уговаривала меня, что я в конце концов сдалась и подумала, что в любом случае это будет забавно.

И мы пошли. Излишне говорить, что там меня никто не знал. Комната, в середине которой сидела пожилая и чрезвычайно просто и даже бедно одетая женщина, была переполнена. Рядом с ней стоял маленький столик, на который каждый мог положить предмет, о котором он или она хотел что-то узнать. Я устроила свою картину среди по меньшей мере дюжины других предметов, уже лежавших там, и села в укромное место. Новые люди всё прибывали. Я разговаривала с подругой. В комнате было ещё очень шумно… Но эта старуха уже успела схватить мою картину и впасть в «транс». Она запрокинула голову; глаза закрылись, она сильно побледнела, её губы задрожали. И она медленно, поначалу очень медленно, начала говорить…

И вот что она тогда сказала: «Я вижу очень крупные золотые буквы. Передо мной составилось имя: ГОЙЯ… Сейчас он обращается ко мне с речью. Этот человек говорит, что он был великим испанским живописцем. Ему пришлось бежать из родной страны от своих врагов, и вы были той, кто приютил его в своём доме в большом южном городе во Франции до конца его жизни. И он до сих пор так благодарен вам за это, что хочет наставлять вас. Но он недоволен, ведь вы слишком сильно сопротивляетесь, и вы также сильно привязаны к своему академическому образованию[96]. Вы никогда не расслабляетесь и не позволяете ему вести вас, вы сопро-

[96] Столь неприязненное отношение к суровому академизму в преподавании живописи было типичным для Гойи. Халл

тивляетесь ему, поэтому он заставил вас писать в темноте, чтобы вы не могли видеть то, что делаете. Он говорит: «Вы достигаете прекрасных результатов простыми средствами. Краски на ваших картинах теплые, и всё в них хорошо».

Должно быть, эта женщина говорила в этом духе минут 15, не меньше. Сначала я с недоумением глядела в её сторону, но, когда мы с подругой наконец вышли, я успокоилась. Моя подруга, конечно, была невероятно возбуждена. Уверенная в своём триумфе, она сказала: «Что теперь скажешь?» Но я ответила: «Не знаю, всё это очень странно. В телепатию я действительно верю и думаю, что она объясняет произошедшее. Я знаю, что я художница, и осознаю, что писала картину в темноте. Я знаю, что у меня академическое образование, и понимаю, что я пользуюсь простыми средствами. Ты знаешь об этом не хуже меня. Наверно, она прочитала наши мысли. Только один момент смущает меня… Гойя в этой истории. Я ничего не знаю о его жизни». (Дело в том, что в то время об этом человеке ничего не читали ни я, ни моя подруга, которая занималась бизнесом.) Вот так закончился тот день. Я всё ещё была полна сомнений.

Нужно ещё сказать, что в тот же вечер меня впервые пригласили в дом одного известного французского музыканта. Как только я вошла в комнату, моё внимание сразу приковала одна из книжных полок. Какое заглавие я увидела первым? «Жизнь Гойи» *(La vie de Goya).* Я рассказала хозяйке о том, что произошло со мной в тот день, и призналась, что мне не терпится прочесть эту книгу. Она позволила мне взять её домой; оказавшись в своей комнате, я немедленно открыла её где-то посредине, и то, что я увидела, было столь потрясающим, что я не верила собственным глазам! А увидела я мою собственную фамилию: Вейсц.

«Вейсц» – именно так и было написано. А при фамилии было имя Леокадия[97]. Леокадия Вейсц была подругой Гойи в Бордо (большом южном городе во Франции, о котором говорила эта женщина [ясновидящая]), он жил в её доме до самой смерти.

Наконец-то нашлось объяснение моему желанию сохранить эту фамилию: когда-то прежде я уже носила её! Мне словно кто-то говорил: «А ты ещё не хотела верить – так вот же тебе доказательство».

Потеря Генриеттой Рус влечения к фамилии Вейсц

После своего необычного опыта в Париже, который имел место (ориентировочно) в 1936 году, Генриетта Рус почувствовала, что властное притяжение фамилии Вейсц исчезло почти немедленно. Тогда она без труда отказалась от этой фамилии и с тех пор подписывала свои картины просто «Рус», а не «Вейсц-Рус», как она это делала со времени своего замужества, а потом ещё три года после развода вплоть до этих переживаний в Париже.

Более поздний опыт непривычно быстрого рисования у Генриетты Рус

После первого опыта быстрого рисования в темноте, полученного в Париже, у Генриетты были четыре других сходных с ним опыта, когда она писала с необыкновенной скоростью, непринуждённостью и мастерством.

(1987) писал: «Гойя стремился освободить молодых художников от формул в стиле смирительной рубашки, каким учат в академиях, поощрял их раскрывать божественную природу во всех её проявлениях. Этот призыв освободить художника вылился в его обращении к [королевской] Академии [в Сан-Фернандо] 14 октября 1792 года [Гойя, 1981, стр. 310–312]. И он действительно верил в то, о чём говорил» [стр. 77].

[97] Когда я впервые встретился с Генриеттой, она вспомнила название (по-французски) этой книги, которую она одолжила и прочла. Книга называлась *La vie de Goya.* Тогда она не смогла вспомнить, как звали автора. Однако в 1966 году она была уверена в том, что книга с таким названием была биографией, которую написал Эухенио д'Орс (1928). Во французском переводе этой работы фамилия Леокадии и Росарио была написана как Вейсс.

Наиболее примечательный из этих опытов имел место в 1953 году, когда Генриетта жила в Ницце и перебивалась случайными заработками, работая портретисткой. Ей поручили написать портрет одного пожилого богатого человека, который не хотел, чтобы его рисовали, но всё-таки неохотно согласился по настоянию дочери. Когда Генриетта пришла к нему домой, на большую виллу на Ривьере, она встретила там не только самого натурщика поневоле, но и всё его семейство вместе с детьми и домашними животными, скучившееся в одной комнате, где она должна была работать. Люди толпились вокруг неё, и атмосфера была гнетущей. Вдобавок, много работавшая до этого дня, она была изнурена и обессилена. Она подумала, что в таких обстоятельствах написать портрет будет невозможно. Она установила свой мольберт и взяла краски, но тут почувствовала неодолимое отчаяние и усталость. В этот момент она стала горячо просить в мыслях Гойю помочь ей. Почти сразу она нашла в себе силы писать и очень скоро изобразила на холсте своего натурщика с удивительным сходством. Вся семья была в восторге от того, что она сделала лишь за несколько минут, и тогда же отношение натурщика к ней переменилось, и впредь он уже не капризничал. Этот портрет стал одной из самых удачных её работ, он был написан не в темноте.

В своём втором опыте (также во Франции) Генриетта, казалось, писала машинально, словно в полуобморочном состоянии. Ко времени нашего с ней разговора об этом, в 1960 году, она забыла подробности обстоятельств, в которых это произошло. Она поминала, что и на этот раз на неё воздействовала какая-то неведомая сила – так вновь возникла ситуация, очень напоминавшая тот день, когда она в 1953 году написала портрет в Ницце. Это был портрет маленькой девочки, тонкой, как тростинка.

Третий случай такого же типа произошёл в 1960 году, когда Генриетта (тогда уже жившая в США) получила заказ написать портрет с фотографии. Она никак не могла заставить себя взяться за эту работу, а затем неожиданно приступила к ней и закончила её очень быстро. Она описала мне этот опыт в нашей беседе, а также в письме, датированном 30 января 1961 года, из которого я процитирую следующее описание:

В прошлом я много раз хотела написать этот портрет. Стоило мне вознамериться взяться за работу, как что-то удерживало меня от этого, и каждый раз я опускала кисть, не успев коснуться ею холста. На этот раз я даже не думала о работе над этим портретом, как вдруг (за несколько секунд!) я встала перед своим мольбертом и сделала портрет за полтора дня. Всё вокруг меня исчезло, суета мира не касалась меня, я забывала даже поесть. Когда у меня иногда звонил телефон, я отвечала, что сейчас не могу говорить. Я ощущала то же упоение, что и в тот раз, когда писала «лицо девушки» [здесь Генриетта имеет в виду портрет, написанный ею в Париже приблизительно в 1936 году]. Меня до сих пор не покидает это чувство недоумения, и я то и дело задаюсь вопросом о том, как же я это сделала!

В конце своего письма Генриетта прокомментировала успех этого портрета, который не только она, но и другие люди считают одной из лучших её работ. В том же письме она также ответила на вопрос, заданный мной прежде, когда я хотел выяснить, пыталась ли она в том случае призвать на помощь Гойю, сознательно обратившись к нему с просьбой. Она ответила: «В тот раз я не звала на помощь Гойю, поскольку не находилась в безвыходном положении, как тогда в Ницце».

Четвёртый случай такого рода произошёл в 1965 году. Генриетте снова поручили написать портрет, на этот раз довольно важный, поскольку в случае успеха за ним могли последовать дальнейшие заказы. Однако тогда не было ощущения невыносимости ситуации, как в ситуации в Ницце, в 1953 году. Я снова приведу её собственное описание этого опыта из письма ко мне, датированного 28 января 1966 года:

Дело в том, что вопреки своей обычной манере писать портрет с фотографий я начала эту работу немедленно, почувствовав непреодолимое желание выполнить её. Вообще-то, мне нужно держать фотографию перед собой примерно неделю для того, чтобы в процессе ежедневного созерцания её, как можно чаще, ощутить этого человека перед тем, как начать наносить краски на холст. На сей раз у меня было такое чувство, будто я знаю. Мне было известно и то, какие у неё [женщины, чей портрет она должна была написать] были черты лица и какую одежду она обычно носила. На самом деле когда её зять предупредил меня о том, что она никогда не носила одежду чёрного цвета (как на фотографии), но всегда синего цвета, я уже изобразила её на портрете в синем платье. Обычно я боюсь показывать портреты семье, поскольку не знаю, какой будет их реакция… В конце концов, она была для них родным человеком. На этот раз у меня не было опасений! Я просто знала о том, что написала её именно такой, какой она была! По сути дела, этот портрет появился очень быстро и легко, без какого-либо принуждения. Всё это кажется мне удивительным… Мой порыв был необычайным. Делая портрет с фотографий, я, как правило, не испытываю большого вдохновения.

Генриетта Рус написала этот портрет за два дня, то есть очень быстро.

Такие случаи, как четыре только что упомянутые и первый, парижский, около 1936 года, были исключительными в карьере художницы Генриетты Рус. Они происходили в пределах почти 30-летнего периода. Она не заявляла о том, что постоянно находилась под влиянием Гойи в своих ежедневных занятиях живописью. В этом смысле она не высказывала и никаких догматических суждений о влиянии Гойи даже в этих пяти особых случаях. Она лишь настаивала на том, что они имели некоторые общие особенности и контрастировали с её обычным опытом в живописи. В этих особых случаях она обычно утомлялась или по какой-то иной причине писала через силу. Затем она совершенно неожиданно «оказывалась», если так можно выразиться, способной писать с гораздо большей скоростью, мастерством, непринуждённостью и уверенностью, чем обычно. Она никогда не осознавала никакого «присутствия», под которым я разумею какое-либо ощущение характерных черт другой личности. Только в первом случае из всех эпизодов (в Париже) она писала в темноте.

Комментарий

Гойя часто писал очень быстро (Hull, 1987), и об этом стоит упомянуть в связи с необычной скоростью рисования Генриетты Рус в тех случаях, когда, как она верила, ей помогал дух Гойи.

Знания Генриетты Рус о Гойе до 1936 года

Генриетта немногое знала о Гойе как о художнике и была абсолютно уверена в том, что она ничего не знала о его личной жизни и точно не слышала о его изгнании в Бордо. Во время её обучения в Королевской академии искусств в Амстердаме у неё не было курса по истории искусств.

Определение наиболее вероятной предшествующей личности

Как узнала Генриетта, Гойя жил в Бордо с Леокадией Вейсс. Казалось бы, естественно предположить, что если этот случай наилучшим образом объясняется перевоплощением и временной одержимостью, то предшествующую личность Генриетты можно увязать с Леокадией Вейсс. Но была ли она Леокадией? Генриетта сама первая выразила сомнение в этом в ходе

одной из наших встреч, в 1966 году. Она приобрела экземпляр *La vie de Goya д'*Орса (1928), биографию, которую она читала в Париже в 1936 году. Она ещё раз перечитала пассажи, касавшиеся Леокадии Вейсс. Там нигде не было сказано о том, что Леокадия когда-либо рисовала; но у неё была дочь по имени Росарио, которую часто называли Росарито, которая рисовала. Генриетта предположила, что в таком случае она, возможно, в предыдущей жизни могла быть именно Росарито, а вовсе не Леокадией.

Это предположение подвигло меня исследовать сведения о жизни Леокадии и Росарито с целью узнать, были ли у Росарито другие черты, общие с Генриеттой, кроме умения рисовать. Для этого я изучил другие биографии Гойи и некоторые статьи, описывающие его последние годы во Франции. Вооружившись этими знаниями, я стал расспрашивать Генриетту (во время беседы в 1968 году) о её интересах, симпатиях и антипатиях, а также о других относящихся к делу сторонах её жизни. Свои вопросы я строил таким образом, чтобы она не могла догадаться о том, какие ответы я от неё ожидал; по правде сказать, я и сам не был уверен, какие ответы мне следует ждать от неё. Генриетта Рус уже была знакома с некоторыми страницами из жизни Гойи (и жизни Вейссов), поскольку она к тому времени прочитала биографию д'Орса, хотя и отрицала, что читала что-то ещё.

Далее я вкратце опишу биографию Леокадии Вейсс и её дочери, Росарио[98]. После этого я сведу воедино соответствующие сходства между их жизнями и чертами Генриетты.

Леокадия Вейсс

После возвращения династии Бурбонов, когда Фердинанд VII в 1814 году взошёл на трон Испании, Гойя начал чувствовать себя в Мадриде всё неуютнее. Сам он был прощён за его заигрывания с французским режимом во время узурпации власти Жозефом Бонапартом и снова назначен придворным живописцем. Однако деспотический режим короля Фердинанда нравился ему всё меньше, и в 1819 году он уехал из Мадрида в сельскую местность. В дом, купленный им в деревне, въехала в роли отчасти любовницы, отчасти экономки родственница Гойи (вероятно, троюродная сестра) Леокадия Вейсс. В девичестве Леокадия Соррилья, она родилась в 1790 году и была, таким образом, более чем на 40 лет младше Гойи. Она вышла замуж за немца по имени Исидро Вейсс, которому родила двоих детей, Гильермо и Марию дель Росарио, чьё ласкательное имя звучало как Росарито. Дочь Росарио родилась в 1814 году. Примерно между этим и 1819 годом Исидро Вейсс развёлся с Леокадией, но она оставила себе его фамилию.

Гойя и Леокадия жили вместе недалеко от Мадрида до 1824 года. В это же время Гойя чувствовал такое отвращение к испанскому правительству, которое недавно подавило движение оппозиции с помощью французских войск, что решил покинуть страну. Он попросил дать ему разрешение отправиться во Францию для поправки здоровья и получил его. Тогда он переехал в Бордо, где Леокадия снова вела домашнее хозяйство. С ними была и Росарио. Гойя дважды ненадолго возвращался в Испанию после 1824 года, но, по сути дела, жил в изгнании во Франции (преимущественно в Бордо) до самой своей смерти в 1828 году.

Леокадия увлеклась политикой, была сторонницей либералов и, кажется, прикладывала некоторые усилия к тому, чтобы пробудить интерес к политике и у Гойи (он был склонен смотреть на политиков всех фракций как на одинаково не заслуживающих его внимания и одобрения). У неё был вспыльчивый характер; современники писали о бурных ссорах (с последую-

[98] В качестве вторичных источников сведений о Леокадии и Росарио Вейсс я использовал книги и статьи Батикла (1986), Галла (1987), Лафонда (1907), Санчеса Кантона (1951) и Стокса (1914). Фок и Эчеверрия (1982) дают ценную подборку сведений о жизни Гойи в Бордо. Исследованные мной первичные источники – это письма самого Гойи (Goya, 1981), свободолюбивого поэта Леандро Фернандеса Моратина (Moratin, 1929) и Леокадии Вейсс (Bordona, 1924). Работа д'Орса, которую я уже цитировал, грешит неточностями, написана почти как роман и лишена каких-либо ссылок.

щими примирениями) между ней и Гойей. Она была человеком неугомонным и общительным, любила выйти из дома и погулять по городу. Особое удовольствие она получала от цирков и ярмарок и зачастую с большим или меньшим успехом тянула за собой состарившегося и оглохшего Гойю на такие увеселения в Бордо. Она не писала картины и, кажется, мало интересовалась искусством, но никто не сомневался в её преданности Гойе как человеку.

В Бордо Гойя продолжал писать и делать эскизы. Кроме того, Фердинанд VII продолжал выплачивать ему жалованье как придворному живописцу и в конце заверил Гойю в том, что тот будет до конца жизни получать содержание. Таким образом, пока Гойя был жив, он, Леокадия и Росарио жили безбедно.

Весной 1828 года Гойе, родившемуся 30 марта 1746 года, было 82 года. 2 апреля у него случился инсульт, он был прикован к постели. Очевидно, тогда он понял, что ничем не обеспечил Леокадию и Росарио на случай своей смерти, поэтому стал жестикулировать и бормотать о том, что желает составить завещание в их пользу. Присутствовавшая при этом его невестка сказала ему, что он уже написал завещание (это было правдой: он уже написал прежде завещание, в достаточной мере обеспечивавшее его сына Хавьера, в 1811 году; но в нём ничего не говорилось о Леокадии, которая тогда ещё не вошла в его жизнь). В результате новое завещание он так и не написал; когда 16 апреля 1828 года он умер, Леокадия и Росарио остались почти без средств. Леокадия обратилась за помощью к друзьям, а потом и к французскому министру внутренних дел. Она и Росарио вернулись в Мадрид, где Росарио имела некоторый успех как художница.

Леокадия Вейсс умерла в 1856 году. Тогда ей было примерно 70 лет.

Росарио Вейсс

Росарио Вейсс родилась в 1814 году, вероятно, в Мадриде. Её отец покинул семью вскоре после её рождения, а в 1819 году, когда ей едва исполнилось пять лет, её мать и Гойя стали вместе вести домашнее хозяйство. С того времени и до самой смерти Гойи она почти всё время жила с ним, сначала в Испании, потом в Бордо.

Все свидетели, жившие в то время, отмечали тёплое отношение Гойи к Росарио и её привязанность к нему. Один биограф намекает, что у Леокадии Вейсс было «особое право» на Гойю благодаря её славному, шаловливому ребёнку (d'Ors, 1928). Гойя иногда называл её дочкой, но мы должны расценивать это как знак их привязанности друг к другу, а не как указание на его отцовство.

Когда они втроём переехали в Бордо, Росарио было 10 лет. Она уже успела проявить рано развившиеся способности в искусстве и хотела стать живописцем. Гойя старался всячески поощрять её к этому. Сам он потратил немало времени на её обучение, но был не очень хорошим преподавателем. Он устроил её ученицей к другим художникам Бордо. О её талантах он с энтузиазмом писал и рассказывал. В одном письме он написал: «Этот удивительный ребёнок хочет заниматься миниатюрами, и я тоже желаю этого, поскольку она, может быть, ценнейший уникум в своём роде, благодаря своим умениям в таком возрасте» (Lafond, 1907, стр. 124; перевод Яна Стивенсона). Он хотел послать её учиться в Париж, но этот план не осуществился[99].

Как я уже говорил, Гойя собирался обеспечить Росарио (и Леокадию) в пересмотренном завещании, но так и не сделал это. Позже Росарио и её мать вернулись в Мадрид, где она прослыла неплохим художником-копировщиком картин в Прадо. Занималась она и литографией. В 1840 году она была назначена преподавателем рисования у королевы Изабеллы II, дочери

[99] Два биографа Гойи догадались о том, что Росарио позировала для одной из последних картин Гойи «Молочница из Бордо», которую он написал в 1827 году (Baticle, 1986; d'Ors, 1928). Росарио в 1827 году было 13 лет.

Фердинанда VII, которая была ещё ребёнком. Вскоре после этого во время мятежа она была схвачена по пути во дворец; сильный испуг, пережитый ею в тот момент, вызвал у неё чрезвычайное возбуждение и привёл её к смерти 31 июля 1840 года, в возрасте 26 лет (Lafond, 1907)[100].

Росарио обожала животных, насколько это можно судить по огромному количеству рисунков животных, сделанных Гойей, очевидно, для неё, когда она была ребёнком. Вместе с тем можно предположить, что и Леокадия Вейсс любила животных, если вспомнить её пристрастие к цирку. По-видимому, Росарио была ласковым ребёнком, не перенявшей от матери её язвительность и эмоциональную неустойчивость. Изгнанному Гойе было отрадно видеть её живость и весёлый нрав.

Вдобавок к своему художественному мастерству, Росарио интересовалась музыкой и в детстве начинала учиться игре на фортепьяно. Когда после смерти Гойи Леокадия была вынуждена продать это фортепьяно, когда они считали гроши, Росарио ужасно огорчилась (Bordona, 1924).

Важные для нас вехи жизни и личности Генриетты Рус

Я уже описывал рано развившиеся художественные способности Генриетты, её интерес к миниатюрам и искусное копирование. Теперь я опишу некоторые её индивидуальные особенности, которые мы можем сравнить с особенностями Леокадии и Росарио Вейсс.

В музыкальном отношении Генриетта была одарена почти так же, как и в живописи. Она состоялась как пианистка и, при желании, могла бы сделать игру на фортепьяно своей профессией.

Генриетта сказала мне, что она всегда любила животных, политикой же совсем не интересовалась. Жизнь она предпочитала вести тихую и мало интересовалась общественными событиями или другими вещами за пределами круга её интересов. Она старалась по возможности избегать любых скоплений народа, будь то в подземке, на концерте, в театре, в цирке и в других общественных местах. Она любила музыку, но сказала, что не придёт на концерт на большом стадионе имени Льюисона в Нью-Йорке, даже если ей предложат 1000 долларов; однажды она даже покинула оперу в конце первого акта, потому что ей стало не по себе в толпе зрителей. Когда она ходила в кино, то сразу изучала, где находятся двери для выхода. Слово «фобия» не покажется слишком сильным для описания её неприязни к скоплениям людей.

В детстве и ранней юности Генриетта была сдержанной и даже робкой. С годами она научилась не стесняться выражать твёрдость и настойчивость.

В детстве (да и в зрелом возрасте) Генриетта не испытывала особенного интереса или влечения к Испании. Она никогда не пыталась изучать испанский язык. К Франции она также не испытывала в молодости особого интереса, хотя после того, как она пожила там в зрелом возрасте, сильно привязалась к этой стране.

В своей живописи Генриетта была склонна подражать стилю мастеров XVII–XVIII веков. Стиль импрессионистов её не волновал, в равной мере она избегала «фотографической» точности некоторых портретистов. Она гордилась своим отказом льстить натурщикам и старалась отображать их характер таким, каким она видела его, а не таким, каким им хотелось увидеть его на картине. (В этом смысле она походила на Гойю, который прославился откровенностью своих портретов.) Однако ничуть не меньше она хотела изображать лучшие черты характера, когда находила их.

[100] Бордона (1924) утверждал, что Росарио умерла в 1843 году, на три года позже той даты, которую сообщает Лафонд. Халл (1987) и Стокс (1914) принимают дату 1840 г.

В таблице 3 я составил список различных опытов и черт характера трёх личностей, сведения о которых я почерпнул из доступной мне информации. Те пункты, которые были приведены в жизнеописании Гойи д'Орсом, книгу которого Генриетта прочла до моего разговора с ней о её собственных чертах и опытах, я отметил звёздочкой. Её знание о некоторых подробностях жизни Росарио и Леокадии могло повлиять на её ответы на мои вопросы о ней самой.

Комментарий

Эта последняя возможность может ослабить, но вряд ли исключить преобладающие свидетельства соответствий между Росарио и Генриеттой в их сравнении с таковыми между Леокадией и Генриеттой. Я полагаю, что Генриетте было всё равно – по крайней мере на уровне сознательного ума, – была она перерождением Леокадии или Росарио.

Два более поздних случая, имеющие некоторое сходство

Очевидная слабость этого случая состоит в том, что он абсолютно зависим от неподтверждённых воспоминаний самой Генриетты Рус. Неизменность описания ею своих опытов в течение всех 30 лет после нашего знакомства несколько сглаживает этот недостаток, но не удаляет его.

Если мы примем перевоплощение как наилучшее объяснение этого случая, тогда он станет одним из немногих, в которых у нас есть свидетельство о переносе из одной жизни в другую таланта, в данном случае к рисованию, поскольку и Росарио Вейсс, и Генриетта продемонстрировали эту свою способность ещё в детстве.

Таблица 3. Краткий обзор опытов и черт Леокадии Вейсс, Росарио Вейсс и Генриетты Рус

Опыты и черты	Леокадия Вейсс	Росарио Вейсс	Генриетта Рус
Рано развившиеся навыки в живописи*	Не художник	Да	Да
Интерес и искусность в копировании	Не художник	Да	Да
Интерес к написанию миниатюр*	Не художник	Да	Да
Любовь к животным	Да	Да	Да
Игра на фортепиано	Неизвестно	Да	Да
Скверный характер*	Да	Нет	Нет
Боязнь толпы	Нет	Неизвестно, но умерла вследствие испуга, оказавшись в толпе мятежников	Да
Интерес к политике*	Да	Неизвестно	Нет
Любовь к цирку, ярмаркам, скачкам и т. п.*	Да	Неизвестно	Нет, за исключением цирковых представлений с участием животных
Любовь к общественным и другим мероприятиям вне дома	Да	Неизвестно	Нет

Пункты, отмеченные звёздочкой, были освещены в книге д'Орса о жизни Гойи (1928) – значит, Генриетта Рус узнала об этом обычным способом ранее, чем она ответила на вопросы о себе.

Я знаю только ещё два случая, когда художники утверждали, что они писали, находясь под воздействием личности, лишённой тела. Это случаи Фредерика Томпсона и Огюстена Лесажа.

Случай Фредерика Томпсона скрупулёзно исследовал Дж. Г. Хислоп, который опубликовал о нём обстоятельный доклад (1909), а также более короткий рассказ (1919). Исследуемый был американским гравёром, почти не имевшим интереса и способностей к рисованию и никогда не учившимся этому. Тем не менее в 1905 году он неожиданно начал регулярно испытывать сильное желание рисовать. Ему казалось, что побуждения к этому приходили к нему от довольно известного художника Роберта Свейна Гиффорда. Томпсон знал о Гиффорде немного; ему не было известно о том, что он умер примерно за шесть месяцев до того, как он почувствовал желание рисовать.

«Побуждаемый Гиффордом», Томпсон начал писать картины с завидным мастерством, удивившим не только его самого, но и других людей. Он сделал несколько эскизов и картин, все они были выдержаны в жанре сельского пейзажа. Этот внутренний зов приводил его в отдалённые уголки Новой Англии, где он писал различные сцены, которые, как он узнал позже, любил писать Гиффорд. У этих пейзажей Томпсона есть близкое сходство с работами Гиффорда, и всё же он отрицал какие-либо ранее существовавшие у него знания об этих работах или возможность получения их обычным способом. После длительного исследования Хислоп сделал вывод о том, что этот случай менее всего объясняется наличием сверхъестественной связи, установленной кем-то с Томпсоном, и что довод о посланиях умершего Гиффорда для объяснения этого случая состоятелен не более, чем любой другой.

Справедливое суждение по этому случаю можно сделать только после изучения обширных отчётов Хислопа. Здесь я просто хочу обратить ваше внимание на форму некоторых переживаний Томпсона. Со временем у него появились определённые зрительные и слуховые галлюцинации, но поначалу он испытывал только простые впечатления и побуждения. Рассказывая о себе, Томпсон писал:

…Я помню, что в то время, когда я делал набросок, у меня возникало впечатление, будто я и есть сам господин Гиффорд. Перед тем как приступить к работе, я говорил себе, что господин Гиффорд хочет сделать набросок, хотя тогда я не знал о том, что он умер в начале года [Hyslop, 1909, p. 32].

Описания Томпсоном его побуждений к рисованию очень похожи на сообщения некоторых исследуемых в случаях, связанных с телепатической передачей информации (Stevenson, 1970a). Они часто рассказывают о нарастающей силе, толкающей их вернуться к какому-то человеку или в какое-то место; при этом они чувствовали, что там стряслась беда. Переживания Томпсона отличались от них тем, что он приписывал их умершей личности, несмотря на то, что, по его словам, когда они стали возникать, он не знал о том, что Гиффорд умер. Влечение Томпсона к занятиям живописью сохранялось у него несколько лет, что также отличает его случай от тех, где телепатическая передача информации происходит с участием живых агентов: там продолжительность побуждений к действию гораздо меньше.

Огюстен Лесаж был французским шахтёром. В возрасте 35 лет (в 1911 году) он вдруг взялся рисовать, хотя прежде не испытывал никакого интереса к этому занятию и никогда не обучался ему (Bondon, 1947; Dubuffet, 1965; Osty, 1928). Он писал маслом и, как правило, на очень больших холстах. Сначала он рисовал только довольно своеобразные схемы, с множеством мелких деталей и без различимых людей или предметов. Позже он начал изображать людей, животных и предметы на своих картинах, в тематике которых к тому времени уже проявился древнеегипетский или какой-то иной восточный лейтмотив. И хотя картины Лесажа пестрели различными сценами, типичными для Востока, от этого они не становились образцами какого-то определённого стиля в искусстве, будь то восточного или западного. Некоторые из его более поздних картин содержали египетские иероглифические символы. Чаще всего эти символы просто точно воспроизводились по отдельности и не упорядочивались каким-либо

осмысленным образом, то есть Лесаж, очевидно, писал эти символы, не понимая их, по сохранившимся в его уме воспоминаниям. Несмотря на то, что живопись Лесажа удостоилась некоторого благосклонного внимания со стороны художественных критиков Франции между 1920 и 1940 годами, его картины можно рассматривать только как пример незрелого, или примитивного, искусства. Я упоминаю их здесь только потому, что Лесаж называл себя рисующим медиумом и верил, что его картины создавались под влиянием людей, лишённых телесной оболочки. Однако в его случае, в отличие от случаев Фредерика Томпсона и Генриетты Рус, ничто не указывает на наличие сверхъестественных явлений.

Комментарий

В сообщениях о других случаях я часто обращал внимание на какие-то проявлявшиеся исследуемым того или иного случая чувства, имевшие параллели с обстоятельствами жизни умершего человека, которую вспомнил исследуемый, и, в особенности, с эпизодом его смерти. Самые обычные чувства для человека во всех этих случаях – это мстительность (по отношению к тем, кто ответствен за его смерть в прошлой жизни) и страх в виде боязни предмета или места, связанного с его гибелью (Stevenson, 1990). В случае Генриетты Рус мы видим признаки фобии, которая, возможно, берёт начало в прошлой жизни.

Может быть, важнее всего в этом случае то, что в нём мы находим подтверждение постоянства другой эмоции, благодарности. Если полученные нами данные по этому случаю проще всего объяснить как свидетельство того, что Генриетта Рус была перерождённой Росарио Вейсс, то они же объясняют нам чувство благодарности, которое испытывал Гойя (возможно, уже за гранью смерти), сохранявшееся у него дольше века. (Он умер в 1828 году, а опыт Генриетты в Париже имел место ориентировочно в 1936 году.) Как мы увидели, Гойя был благодарен Леокадии и Росарио Вейсс при жизни; на смертном одре он, по-видимому, хотел ради них вписать какие-то условия в новое завещание, но его отговорили от этого. Таким образом, он, вероятно, умер с чувством благодарности, а также с чувством неоплаченного долга.

IV. Общее обсуждение

Никто из людей, прочитавших эту книгу, не станет отрицать, что случаи, указывающие на возможность перевоплощения, встречаются и в Европе. К сожалению, мы не знаем, насколько распространены подобные случаи, а очень хотелось бы это знать. Мы можем предполагать, что родители зачастую замалчивают некоторые такие случаи из-за своих традиционных религиозных убеждений, считая прошлые жизни и перерождение делом немыслимым. По этой причине они полагают, что ребёнок, заговаривающий о прошлой жизни, либо обманывает их, либо высказывает безумные фантазии. В других случаях ребёнок может держать это в себе, поскольку его родители не дают ему парадигму, в рамках которой он мог бы поместить и тем самым постичь образы событий из прошлой жизни. Случаи Джузеппе Косты и Георга Нейдхарта показывают растерянность маленьких детей, у которых возникают подобные образы. Иные случаи исследовать невозможно, поскольку их фигуранты не имеют сведений об опытных исследователях, не говоря уже об их адресах. Из 32 исследованных случаев этой книги сам я узнал только о семи, получив сведения от исследуемого или от кого-то из родителей исследуемого.

Три вышеупомянутые причины (замалчивание из-за родителей, замалчивание по собственной инициативе и незнание об исследователях, интересующихся этими явлениями) влияют на предание подобных случаев гласности; однако они ничего не скажут нам о подлинном масштабе этого явления. Не думаю, что крайняя малочисленность таких случаев, ставших известными нам, можно объяснить лишь тем, что для них не находится слушателей. В первой части я приводил результаты опросов 1990-х годов, показавшие, что в некоторых европейских странах более 25 % опрошенных верили в перевоплощение. Родители в этой группе, вероятно, были готовы внимательно выслушать любого ребёнка, пожелавшего заговорить о прошлой жизни. Что касается остальных 75 % родителей, то мы можем обратить внимание на то, что строгие внушения от них нередко получают и индийские дети, но они, очевидно, не могут поколебать желание ребёнка описать воспоминания о прошлой жизни (Stevenson and Chadha, 1990). Из этого я заключаю, что истинный масштаб таких случаев в Европе невелик – вероятно, он намного меньше, чем в Индии и в других странах. Если я прав в этом отношении, то я не могу объяснить различие в масштабе этих явлений между Европой и, скажем, Индией. В одной из своих более ранних книг я сделал предположение о том, что это различие может проистекать из глубоких и всё ещё малопонятных различий между культурами этих двух регионов (Stevenson, 1987/2001).

Теперь я оставлю эту трудноразрешимую проблему и обращусь к сходствам и различиям в том, что касается особенностей европейских случаев и случаев из других стран. Почти 20 лет назад я и мои коллеги исследовали главные особенности 856 случаев из шести разных стран: Бирмы (теперь Мьянмы), Индии, Ливана, Шри-Ланки, Таиланда и Соединённых Штатов Америки (в этом списке не представлены европейские случаи). Мы обнаружили четыре особенности, имевшие место во всех шести культурах: ранний возраст (обычно между двумя и четырьмя годами) исследуемого, когда он впервые заговорил о прошлой жизни; чуть более старший возраст (обычно между пятью и семью годами), когда исследуемый прекратил по собственной инициативе говорить о прошлой жизни; высокая вероятность насильственной смерти в прошлой жизни; частые упоминания в заявлениях ребёнка о том, как именно он умер в прошлом рождении (Cook et al., 1983). Эти особенности столь регулярно встречались в случаях из различных культур, что я иногда называл их универсальными. Процент других особенностей широко варьировал от одной культуры к другой. Примеры таких различных процентных соотношений особенностей между культурами встречаются в тех случаях, где заявлена перемена пола в следующей жизни, и в тех случаях, где исследуемый и предшествующая ему личность

принадлежали к одной семье. Вместе с тем словосочетание «универсальные особенности» указывает на мою чрезмерную уверенность, поскольку мы исследовали случаи только в нескольких странах. Нам нужно было изучить случаи и в других культурах. Мы располагаем сведениями о случаях, пусть и немногих, в Европе, что даёт нам возможность проведения подобных сравнений.

В таблице 4 приведены данные из 22 европейских случаев с детьми в сравнении с 668 случаями из Индии, Ливана, США (не индейцев) и Канады[101]. У каждой особенности в этих случаях отсутствуют какие-то данные, но и тех, которые были доступны, оказалось достаточно для достоверных результатов сравнений.

Таблица 4. Сопоставление четырёх параметров случаев, имевших место в Европе, и случаев, имевших место в других странах (в Индии, Ливане, США и Канаде)

	Другие страны N = 668	Европа N = 22
Средний возраст, когда было сделано первое упоминание (месяцы)	36,4 (N 571)	35,9 (N 21)
Средний возраст, когда упоминания по собственной инициативе прекратились (месяцы)	85,6 (N 222)	97,1 (N 15)
Упоминание исследуемым того, как именно он умер (проценты)	76,2 (N 581)	84,6 (N 13)
Гибель в результате насильственных действий в прошлой жизни (проценты)	68,8 (N 545)	73,7 (N 19)

Ознакомившись с особенностями в таблице 4, читатели, конечно, согласятся с тем, что в европейских случаях проявляются главным образом те четыре особенности, или параметра, которые мы уже нередко встречали и в случаях из других культур.

Европейские случаи также имеют некоторые другие особенности, часто наблюдаемые в случаях из других культур. У пяти детей была фобия, соответствующая событиям из заявленной предыдущей жизни. Шесть из них демонстрировали необычное поведение, отражающее заявления ребёнка. В четырёх случаях ребёнок говорил, что в прошлой жизни он был противоположного пола; речь идёт о двоих мужчинах и двух женщинах. В пяти случаях рождение исследуемого, по-видимому, предсказали сновидения, а в одном случае – голос. В шести случаях свидетели сообщали о том, что исследуемые демонстрировали окружающим определённые навыки, которые им не прививались, или другие неожиданные знания. У троих исследуемых были врождённые дефекты, проистекавшие, возможно, из жизней, на которые ссылались исследуемые. В целом складывается впечатление, что европейские случаи относятся к тому же типу, что и случаи из других культур, в которых я и мои коллеги изучали подобные случаи.

Затем мы должны рассмотреть степень, до которой европейские случаи свидетельствуют о неких сверхъестественных процессах. Если мы будем в своей оценке опираться исключительно на заявления детей, то не сможем избежать разочарования. Среди этих 22 случаев семь

[101] Эти страны были отобраны потому, что данные всех случаев из них в наших картотеках были маркированы и годились для сравнения.

неразрешённых, а среди оставшихся 15 случаев все, кроме трёх (Глэдис Декон, Вольфганг Нойрат и Гельмут Крауз), – из разряда «одна семья». В случаях одной семьи мы никогда не сможем получить достаточной гарантии того, что исследуемый не получил никаких сведений обычным способом об умершем члене семьи, имеющем отношение к делу. То же самое мы могли бы сказать и о случае Вольфганга Нойрата, в котором две фигурирующие в деле семьи были соседями. Я так и не добился независимой проверки в остальном весьма впечатляющего и внушающего доверие случая Глэдис Декон. Исключив его, мы получаем только случай Гельмута Крауза как единственный разрешённый и прошедший независимую проверку (среди случаев, где всё началось в раннем детстве), в котором семьи, имеющие отношение к делу, не были никак связаны друг с другом. К нему мы можем, пожалуй, добавить случай Рупрехта Шульца, отчасти берущий начало в раннем детстве.

Вдобавок к названным недостаткам в свидетельствах мы должны ещё помнить о том, что взрослые рассказчики, возможно, неправильно вспоминали или искажали то, что говорил ребёнок. Родители умершего ребёнка имеют особую склонность к таким ошибкам. В семи случаях мы можем признать возможное влияние страстного желания того, чтобы умерший член семьи возвратился. Однако в противоположность этим случаям мы можем учесть семь других случаев, в которых заявления детей удивляли и озадачивали их родителей. Я не вижу никаких причин думать, что они поощряли подобные заявления, не говоря уже о том, чтобы провоцировать их.

Мы не избежали бы разочарования в европейских случаях, если бы считали благоприятными для толкований в пользу сверхъестественности происходящего только те заявления, которые мало того что были проверены, так ещё и имели условием отсутствие у ребёнка возможности узнать что-либо о рассматриваемом умершем человеке обычным способом. Мы, однако, не настолько ограничены. Наша оценка этих случаев должна включать в себя и поведение детей, которое, во-первых, является необычным в семье ребёнка, а во-вторых, согласовывается с тем, что ребёнок говорит о прошлой жизни. Если мы учтём фобии, склонности, навыки, которые ребёнку не прививали, и другие знания, которые он не мог приобрести, то 16 из 22 детей продемонстрировали такое необычное поведение. Продолжая эти исследования, я пришёл к мысли о том, что необычное поведение, продемонстрированное большинством этих детей, должно иметь столь же большое значение в оценке сверхъестественности, как и заявления ребёнка и любые родинки или врождённые дефекты, какие только могут быть обнаружены. В некоторых европейских случаях – например, в случаях Карла Эдона, Дэвида Льювелина, Тару Ярви, Гедеона Хэйча и Теуво Койвисто – необычное поведение детей казалось даже более значимым, чем сделанные ими заявления. Оно было иногда чужеродным и противоречащим ожиданиям и ценностям семьи этого ребёнка. Не думаю, что такое поведение можно объяснить генетикой или влиянием семьи на ребёнка.

Тем не менее европейские случаи в целом значительно уступают в плане аргументации в пользу сверхъестественных явлений более обоснованным в этом смысле случаям, обнаруженным в Азии, особенно в Индии и на Шри-Ланке. Такер (2000) разработал шкалу сильных сторон случаев (Strength of Case Scale), которая определяет или отвергает пункты в соответствии с различными особенностями случая, что позволяет судить о сверхъестественности происходящего. Он исследовал 799 случаев из шести разных стран (три четверти случаев приходится на Индию, Турцию и США). Разброс оценок уместился в пределах от низкого значения – 3 до высокого 49. Общее среднее было 10,4, срединное значение – 8. Средний балл для европейских случаев (22 детских и случай Рупрехта Шульца) составлял только 6,4, срединное значение – 5. Только в 5 европейских случаях из 23 отметка превышала 10 (среднее значение для случаев из других стран). Случай Рупрехта Шульца получил отметку 23, что в европейских случаях бывает крайне редко.

В завершение я прокомментирую случаи с яркими и повторяющимися снами. Сновидения дают нам непреднамеренные наглядные образы, когда мы спим; какое-либо вербальное содержание присутствует в них нечасто. Усилия, которые мы иногда прикладываем для того, чтобы описать сцены сновидения словами, крайне редко могут дать абсолютную точность. Поэтому не стоит удивляться тому, что рассказ сновидца о его повторяющемся сне каждый раз звучит по-разному.

Мы также не должны придавать большого значения прилагательным, которые может использовать человек, рассказывающий о своём сновидении, – например, «яркий» и «реалистичный». Однажды я чисто для себя изучил 125 сновидений, считавшихся вещими (Stevenson, 1970b). В 45 % этих случаев сновидец при описании этих снов использовал слова «яркий» и «реалистичный». Вообще-то такие эпитеты могут указывать на сверхъестественность того, что происходит, но не могут быть доказательством оной. Подтверждение может иметь место лишь в том случае, если сновидение заключает в себе проверенные знания, которые сновидец не мог приобрести обычным способом. Если смотреть на вещи подобным образом, то немногие сновидения можно будет назвать яркими или реалистичными. Из семи сновидений я включил в эту работу два сна, Трауде фон Хуттен и Луиджи Джоберти, которые оказались почти ничего не стоящими после того, как были тщательно изучены. Сновидения двух других исследуемых, Томаса Эванса и Уильяма Хенса, не поддавались проверке. Однако остальные три сновидца оставили меня в уверенности в том, что их сновидения отчасти были сверхъестественной природы. Это Дженни Маклеод, Уинифред Уайли и Джон Ист. Они могли вспомнить о прошлой жизни во время сновидения. По меньшей мере у 13 исследованных в азиатских случаях были подтверждённые воспоминания прошлой жизни во время бодрствования, а также сны, обычные или кошмарные, отчасти заключавшие в себе содержание воспоминаний наяву [102]. Поэтому мы можем быть уверенными в том, что некоторые люди могут видеть сны о прошлой жизни, не вспоминая о ней в бодрствующем состоянии.

Я неоднократно использовал словосочетание «сверхъестественное явление» и теперь должен сказать о том, какого рода явлению я отдаю предпочтение в случаях, указывающих на перевоплощение. Альтернативой перевоплощению может быть восприятие ясновидцем сведений, доступных живым людям. Это предполагает способность к экстрасенсорному восприятию, которая детьми в этих случаях никоим образом не проявляется, если не считать заявления и необычное поведение, указывающие на прошлую жизнь. Этим также не объяснишь почти поголовную амнезию, стирающую предполагаемые воспоминания, которая возникает в более позднем детском возрасте. Сверхъестественное восприятие также не объясняет стремление детей выдать себя за кого-то другого через совершение тех или иных действий.

Второе возможное объяснение этих явлений чем-то сверхъестественным – «одержимость» исследуемого умершим человеком, способным влиять на живых людей из загробного царства. Я убеждён в том, что случаи, которые лучше всего объясняются как примеры одержимости, иногда имели место. Я отдаю предпочтение этому объяснению для живописи Генриетты Рус, образец которой приведён на рисунке 18. Другие примеры можно найти в случаях Джасбира и Сумитры Сингхов. Однако такие случаи заметно отличаются своими особенностями от случаев маленьких детей, которые, по-видимому, помнили прошлые жизни. Идея одержимости не объясняет амнезию в более позднем детском возрасте, которая почти всегда присутствует в случаях детей, утверждающих о том, что они помнят прошлые жизни. Она также не объясняет врождённые аномалии, соответствующие ранениям или другим телесным следам из предыдущей жизни. (Среди случаев этой работы таковых, по общему признанию, мало.)

Европейские случаи с детьми, которые, по всей видимости, ясно помнили прошлую жизнь, не дают самых веских из известных нам аргументов в пользу перевоплощения. И всё

[102] В другом месте я привёл частичный список этих исследованных (Stevenson, 1997, с. 1386–87).

же я делаю вывод о том, что для некоторых из этих случаев перерождение – наилучшее объяснение, хотя и не единственное.

Об авторе

Ян Претимэн Стивенсон (1918–2007) – канадско-американский биохимик и психиатр, посвятивший большую часть своей жизни изучению феномена перерождения, исследуя случаи наличия у детей и взрослых информации о жизни людей, живших и умерших до их рождения (что, по мнению Стивенсона, доказывало возможность реинкарнации, или перевоплощения).

Стивенсон полагал, что концепция реинкарнации, или перевоплощения, могла бы помочь современной медицине понять различные аспекты развития человека и его поведения, дополняя данные о наследственности в условиях внешней среды. Вплоть до своей отставки в 2002 г. профессор Стивенсон возглавлял Отдел перцептивных исследований в Медицинской школе Виргинского университета.

В 1960 году Стивенсон опубликовал первую работу, посвящённую этой теме, привлекшую внимание Честера Карлсона, изобретателя светокопировального аппарата и основателя всемирно известной компании Xerox, который изъявил готовность финансировать первую экспедицию Яна Стивенсона на Шри-Ланку. В 1968 году Честер Карлсон скоропостижно скончался. После оглашения его завещания Стивенсон был немало удивлён, узнав, что тот отдельно оговорил в нём выделение гранта в размере одного миллиона долларов на учреждение соответствующей профессорской должности в Виргинском университете и дополнительный грант в один миллион долларов лично Яну Стивенсону, чтобы он мог продолжить свои изыскания, исследуя случаи, свидетельствующие о возможном перерождении людей.

Щедрый дар Честера Карлсона позволил Яну Стивенсону основать Отдел перцептивных исследований в Медицинской школе Виргинского университета – единственную в мире научную кафедру, посвящённую изучению воспоминаний о прошлых жизнях, околосмертных переживаний и прочих паранормальных феноменов. Доктор Стивенсон много путешествовал по странам Юго-Восточной Азии, Южной Америки, Западной Африки и Ливану, в поисках достойных исследования случаев. В период с 1966 по 1971 год он проезжал в среднем по 88 тысяч километров в год. Большая часть описанных им случаев происходили из культур, так или иначе верящих в реинкарнацию.

Хотя большинство его маленьких пациентов родились в Индии и Шри Ланке, он также работал с детьми из Средней Азии, Европы, Африки и обеих Америк. К 1987 году в архивах доктора Стивенсона собралось около трёх тысяч описаний случаев подобного типа, и чуть больше половины этих случаев считаются «доказанными» (т. е. воспоминания ребенка о прошлой жизни получили вполне весомое подтверждение). Несмотря на изначальный скептицизм, Стивенсону удалось собрать детальные описания сотен случаев, объяснить которые могла только теория реинкарнации.

Исследования профессора Стивенсона основаны на тщательной проверке любых входных данных и строгих научных доказательствах взаимосвязей между конкретными фактами текущей и предполагаемой прошлой жизнями испытуемых. Все данные подтверждены, задокументированы и официально опубликованы. То, что они не получили широкой огласки, говорит о недостаточной разработке общей методологии исследований глубинной природы человека, о страхе религиозных институтов потерять власть над людьми, об инерции корпоративных интересов ведущих исследовательских центров и о редукционистской атомистической основе большинства программ обучения в мировой системе образования.

Другие книги Яна Стивенсона

• Двадцать случаев предполагаемой реинкарнации (*Twenty Cases Suggestive of Reincarnation,* 1974)

• Дети, которые помнят предыдущие жизни: поиск реинкарнаций (*Children Who Remember Previous Lives: A Quest of Reincarnation,* 1987)

• Реинкарнация и биология (*Reincarnation and Biology,* 1997)

Приложение

Список сообщений о случаях, упоминаемых в этой книге

Эти случаи приводятся в виде списка в алфавитном порядке (буквой, а не словом) имён исследуемых, а не их фамилий. Гоноративы, иногда используемые в тексте, особенно с фамилиями бирманцев, не применяются в этом списке, кроме нескольких случаев, когда гоноратив добавлен в круглых скобках, призванный помочь определить исследуемого в данном случае.

Следующие сокращения используются для опубликованных работ моего авторства:

R and B = *Reincarnation and Biology: A Contribution to the Birthmarks and Birth Defects* («Реинкарнация и биология: вклад в этиологию родимых пятен и врождённых дефектов»). Два тома. Westport, CT: Praeger, 1997.

Synopsis = *Where Reincarnation and Biology intersect* («Там, где пересекаются перевоплощение и биология»). Эта небольшая книга содержит краткие сообщения о многочисленных случаях, более подробно описанных в **R and B**. Westport, CT: Praeger, 1997.

Twenty Cases = *Twenty Cases Suggestive of Reincarnation* («Двадцать случаев, указывающих на перевоплощение»). Второе издание Charlottesville: University Press of Virginia, 1974.

CORT (с последующей арабской цифрой) = *Cases of the Reincarnation Type* («Случаи, указывающие на перевоплощение), тт. 1–4. Charlottesville: University Press of Virginia, 1975–1983.

CWRPLS = *Children Who Remember Previous Lives* («Дети, помнящие свои прошлые жизни»). Эта книга рассказывает о некоторых случаях, но без подробного их описания. Исправленное издание. Jefferson, NC: McFarland and Co, 2001.

Номера страниц можно узнать в алфавитных указателях оригинальных изданий этих книг.

Asha Rani	Подробно не публиковалось
Bajrang Bahadur (B. B.) Saxena	**R and B; Synopsis**
Bir Sahai	**R and B; Synopsis**
Bongkuch Promsin	**CORT 4**
Cemil Fahrici	**R and B; Synopsis**
Chanai Choomalaiwong	**R and B; Synopsis**
Chaokhun Rajsuthajarn: см. Rajsuthajarn (Ven. Chaokhun)	
Dolon Champa Mitra	**Synopsis**
Dorabeth Crosby	**R and B**
Dulcina Karasek	**R and B; Synopsis**
Erkan Kilic	**CORT 3**
Gnanatilleka Baddewithana	**Twenty Cases**

Henry Demmert III	**R and B; Synopsis**
Htay Win (Maung)	**R and B; Synopsis**
Htwe Win (Ma)	**R and B; Synopsis**
Htwe Yin (Ma)	**R and B**
Huriye Bugay	**R and B**
Indika and Kakshappa Ishwara	**R and B; Synopsis**
Indika Guneratne	**CORT 2**
Ismail Altinkilic	**CORT 3**
Izzat Shuhayyib	Подробно не публиковалось
Jasbir Singh	**Twenty Cases**
Kumkum Verma	**CORT 1**
Lalitha Abeyawardena	**CORT 2**
Lekh Pal Jatav	**R and B; Synopsis**
Mallika Aroumougam	**Twenty Cases**
Manju Bhargava	Подробно не публиковалось
Marta Lorenz	**Twenty Cases**
Mary Magruder	**CWRPLS**
Mounzer Haidar	**CORT 3**
Muhittin Yilmaz	**R and B; Synopsis**
Myint Myint Zaw (Ma)	**R and B; Synopsis**
Myint Thein (Ma)	**R and B; Synopsis**
Nasir Toksoz	**CORT 3**
Navalkishore Yadav	**R and B**
Nirankar Bhatnagar	**R and B; Synopsis**
Norman Despers	**Twenty Cases**
Par (Ma)	**R and B**
Parmod Sharma	**Twenty Cases**
Prakash Varshnay	**Twenty Cases**
Rabih Elawar	**CORT 3**

Rajani Sukla	**R and B**
Rajsuthajarn (Ven. Chaokhun)	**CORT 4**
Ramoo and Rajoo Sharma	**CORT 1**
Rani Saxena	**CWRPLS** (подробно не публиковалось)
Ravi Shankar Gupta	**Twenty Cases**
Salem Andary	**CORT 3**
Sanjeev Sharma	**R and B**
Savitri Devi Pathak	**R and B; Synopsis**
Semih Tutusmus	**R and B; Synopsis**
Shamlinie Prema	**CORT 2**
Smriti Kana Kunda	Подробно не публиковалось
Sudhir Rastogi	Подробно не публиковалось
Sujith Lakmal Jayaratne	**CORT 2**
Suleyman Andary	**CORT 3**
Sumitra Singh	**Stevenson, Pasricha and McClean-Rice, 1989**
Sunita Khandelwal	**R and B; Synopsis**
Suzanne Ghanem	Подробно не публиковалось
Swarnlata Mishra	**Twenty Cases**
Than Than Aye (Ma)	Подробно не публиковалось
Thiang San Kla	**R and B; Synopsis**
Tint Aung (U)	**R and B**
Tin Tin Myint (Ma)	**CORT 4**
Tin Yee (Ma)	**R and B**
William George, Jr.	**Twenty Cases**
Zaw Win Aung (U)	**R and B; Synopsis**

Библиография

Almeder, R. 1992. *Death and personal survival: The evidence for life after death.* Lanham, MD: Rowman and Littlefield.

–. 1997. A critique of arguments offered against reincarnation. Journal of Scientific Exploration 11: 499–526.

Ancelet-Hustache, J. 1963. *God tried by fire: St. Elizabeth of Hungary.* Translated by P. J. Oligny and V. O'Donnell. Chicago: Franciscan Herald Press.

Archbold, R. 1994. *Hindenburg: An illustrated history.* New York: Warner/Madison Press.

Arnold, E. 1911. *The light of Asia.* London: Kegan Paul, Trench, Triibner & Co. Ltd. (First published in 1879.)

Baker, R. A. 1982. *The effect of suggestion on past-lives regression.* American Journal of Clinical Hypnosis 25: 71–76.

Barker, D. R., and Pasricha, S. 1979. *Reincarnation cases in Fatehabad: A systematic survey in North India.* Journal of Asian and African Studies 14: 231–40.

Baticle, J. 1986. *Goya d'or et de sang.* Paris: Gallimard.

Battista, F. 1911. *Un caso di reincarnazione?* Ultra 5: 585–86.

Bergunder, M. 1994. *Wiedergeburt der Ahnen: Eine religionsethnographische und religions-phanomenologische Untersuchung zur Reinkarnationsvorstellung.* Munster: Lit Verlag.

Bernstein, M. 1965. *The search for Bridey Murphy.* New York: Doubleday. (First published in 1956.)

Bible. *Authorized King James Version.* New York: Thomas Nelson. (First published in 1611.)

Bigg, C. 1913. *The Christian Platonists of Alexandria.* Oxford: Clarendon Press.

Biundo, G. 1940. *Regesten der Reichsfeste Trifels.* Kaiserslauten: Saarpfalzisches Institut fur Landes-und Volkforschung.

Bjorkhem, J. 1961. *Hypnosis and personality change.* In Knut Lundmark and man's march into space: A memorial volume, edited by M. Johnson. Gothenburg: Varld och Vetande.

Bochinger, C. 1996. *Reinkarnationsidee und «New Age».* In Die Idee der Reinkarnation in Ost und West, edited by P. Schmidt-Leukel, pp. 115–30. Munich: Eugen Diedericks Verlag.

Bondon, G. 1947. *Augustin Lesage, le peintre mineur: Sa vie et sa mission.* Ans: Imprimerie Masset. (Pamphlet privately printed.)

Bordona, J. D. 1924. *Los ultimos momentos de Goya.* Revista de la Biblioteca, Archive y Museo. 1: 397–400.

Bozzano, E. 1940. *Indagini sulle manifestaziani supernormali.* Serie VI. Citta detla Pieve: Tipografia Dante. (Reprinted with the title «Reminiscenze di una vita anteriore» in Luce e Ombra 94: 314–27, 1994.)

Brazzini, P. 1952. *Dopo la Morte si Rinasce?* Milan: Fratelli Bocca Editori.

Broad, C. D. 1962. *Lectures on psychical research.* London: Routledge & Kegan Paul.

Browning, R. 1971. *Justinian and Theodora.* London; Weidenfeld and Nicolson.

Buchan, J. 1940. *Memory hold-the-door.* London: Hodder and Stoughton.

Burkert, W. 1972. *Lore and science in ancient Pythagoreanism.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Burton, R. F. 1987. *The book of the sword.* New York: Dover Publications. (First published in 1884.)

Butterworth, G. W. 1973. *Introduction. In On first principles by Origen.* Gloucester, MA: Peter Smith.

Caesar, Julius. 1917. *The Gallic war.* Translated by H. J. Edwards. London: William Heinemann.

Carbonelli, G. 1912. *Gli Ultimi Giorni del Conte Rosso e i Processi per la sua Morte.* Pavia: Pinerolo.

Catechisme de l'eglise Catholique. 1992. Paris: Mame-Librairie Editrice Vaticane. (English language edition. *Catechism of the Catholic Church.* 2d ed. Washington, DC: United States Catholic Conference, 1997.)

Chalfont, Lord. ed. 1979. *Waterloo: Battle of three armies.* London: Sidgwick and Jackson.

Chatterton, E. K. 1914. *The old East Indiamen.* London: T. Werner Lauri.

Cognasso, F. 1926. *Il Conte Verde.* Turin: G. B. Paravia.

–. 1931. *Il Conte Rosso.* Turin: G. B. Paravia.

Cook, E., Pasricha, S., Samararatne, G., Maung, W., and Stevenson, 1.1983. *A review and analysis of "unsolved" cases of the reincarnation type: II. Comparisons of features of solved and unsolved cases.* Journal of the American Society for Psychical Research 77: 115–35.

Cook, E. W., Greyson, B., and Stevenson, 1.1998. *Do any near-death experiences provide evidence for the survival of human personality after death? Relevant features and illustrative case reports.* Journal of Scientific Exploration 12: 377–406.

Corson, E. F. 1934. *Naevus flammeus nuchae; its occurrence and abnormalities.* American Journal of the Medical Sciences 187: 121–24.

Costa, G. 1923. *Di la dalla vita.* Turin: S. Lattes.

Cox, E. L. 1967. *The Green Count of Savoy*: *Amadeus VI and Transalpine Savoy in the fourteenth century.* Princeton: Princeton University Press.

Crehan, J. 1978. *Reincarnation.* London: Catholic Truth Society.

Danielou, J. 1955. *Origen.* Translated by Walter Mitchell. New York: Sheed and Ward.

Davidson, H. R. E. 1964. *Gods and myths of Northern Europe.* Harmondsworth, Middlesex: Penguin.

Davie, G. 1990. *Believing without belonging: Is this the future of religion in Britain?* Social Compass 37: 455–69.

Delanne, G. 1924. *Documents pour servir a Yetude de la reincarnation.* Paris: Editions de la B. P. S.

Delarrey, M. 1955. *Une reincarnation annoncee et verifiee.* Revue metapsychique 1(2): 41–44.

Dickens, C. 1877. *Pictures from Italy, Sketches by Boz, and American Notes.* New York: Harper and Brothers.

Diogenes Laertius. 1925. *Lives of eminent philosophers.* Vol. 2. Translated by R. D. Hicks. Cambridge, MA: Harvard University Press. (First published in c. 250.)

Dodds, E. R. 1951. *The Greeks and the irrational.* Berkeley: University of California Press.

Donat, A. 1963. *The Holocaust kingdom.* Washington, DC: Holocaust Library.

–. ed. 1979. *The death camp Treblinka: A documentary.* New York: Holocaust Library.

d'Ors, E. 1928. *La vie de Goya.* Translated by Marcel Carayon. Paris: Gallimard.

Doveton, F. B. 1852. *Reminiscences of the Burmese War in 1824–5–6*. London: Allen.

Dubuffet, J. ed. 1965. *Publications de la Compagnie de I'art brut.* Fascicule 3. Le Mineur Lesage. Paris: Compagnie de l'Art brut.

Ducasse, C. I. 1961. *A critical examination of the belief in a life after death.* Springfield, IL: Charles C Thomas.

Dunne, J. W. 1927. *An experiment with time.* London: Faber and Faber.

Dunning, R. W. ed. 1974. *A history of the County of Somerset.* Vol 3. Published for the Institute of Historical Research. Oxford: Oxford University Press.

–. 1984. *The Monmouth rebellion: A complete guide to the rebellion and bloody Assizes.* Wimborne: Dovecote Press.

Earle, P. 1977. *Monmouth's rebels: The road to Sedgemoor 1685.* London: Weidenfeld and Nicolson.

East, J. N. 1960a. *Eternal quest.* London: The Psychic Press.

–. 1960b. *Man the immortal.* London: The Psychic Press.

Eliade, M. 1982. *A history of religious ideas.* Volume 2. *From Gautama Buddha to the triumph of Christianity.* Translated by W. R. Trask. Chicago: University of Chicago Press.

Ellwood, G. F. 1971. *Psychic visits to the past.* New York: New American Library.

Evans-Wentz, W. Y. 1911. *The fairy-faith in Celtic countries.* New York: Oxford University Press.

Fauque, J., and Etcheverria, R. V. 1982. *Goya y Burdeos.* Zaragoza: Ediciones Oroel.

Flournoy, T. 1899. *Des Indes a la planete Mars. Etude sur un cas de somnambulisme avec glossolalie.* Paris: Lib. Fischbacher, 4th ed. (New American edition with introduction and concluding chapter by C. T. K. Chari. New Hyde Park, NY: University Books, Inc., 1963.)

Forbes, R. 1975. *The Lyon in Mourning or a collection of speeches letters journals etc. relative to the affairs of Prince Charles Edward Stuart.* 3 vols. Edited by Henry Paton. Edinburgh: Scottish Academic Press. (First published in 1895.)

Frankl, V. E. 1947. *Ein Psycholog erlebt das Konzentrationslager.* 2d ed. Vienna: Verlag fur Jugend und Volk.

Fraser, J. 1905. *Chronicles of the Erasers (The Wardlaw manuscript).* Edinburgh: Scottish History Society.

Freeman, J. 1996. *Job: The story of a Holocaust survivor.* Westport, CT: Praeger.

Gallup Opinion Index. 1969. *Special report on religion.* Princeton, NJ: American Institute of Public Opinion.

Geley, G. 1927. *Clairvoyance and materialisation.* Translated by S. de Barth. New York: George H. Doran Company.

George, M. I. 1996. *Aquinas on reincarnation.* The Thomist 60: 33–52.

Gilbert, M. 1986. *The Holocaust: A history of the Jews of Europe during the Second World War.* New York: Holt, Reinhart, and Winston.

Gill, A. 1988. *The journey back from Hell: An oral history.* Conversations with concentration camp survivors. New York: William Morrow.

Goya, F. de. 1981. *Diplomatorio.* Edited by A. C. Lopez. Zaragoza: Libreria General.

Grant, J. 1939. *Winged pharaoh.* London: Methuen.

Hackl, N. 1950. *Die Geschichte der Burgruine Weissenstein bei Regen.* Regen: Verlag Waldvereinsektion Regen.

Haich, E. 1960. *Einweihung. Thielle: Verlag Eduard Fankhauser.* (English edition: *Initiation.* London: George Allen and Unwin, 1965.)

Haikio, W. 1992. *A brief history of modern Finland.* Lahti: University of Helsinki.

Hamilton-Williams, D. 1993. *Waterloo: New perspectives.* London: Arms and Armour Press.

Harding, S., Phillips, D., and Fogarty, M. 1986. *Contrasting values in Western Europe.* London: Macmillan.

Harris, M. 1986 *Investigating the unexplained.* Buffalo, NY: Prometheus Books.

Hawkes, J. 1981. *A quest of love.* New York: George Braziller.

Head, J., and Cranston, S. L. eds. 1977. *Reincarnation: The Phoenix fire mystery.* New York: Crown Publishers.

Hermann, T. 1960. *Das deja vu Erlebnis.* Psyche 9: 60–76.

Heywood, R. 1960. *Review of Eternal quest by J. N. East.* Journal of the Society for Psychical Research 40: 370–71.

Hodgman, J. E., Freeman, R. I., and Levan, N. E. 1971. *Neonatal dermatology.* Medical Clinics of North America 18: 725–33.

Hodgson, F. C. 1910. *Venice in the thirteenth and fourteenth centuries.* London: George Allen.

Hornsby-Smith, M. R., and Lee, R. M. 1979. *Roman Catholic opinion: A study of Roman Catholics in England and Wales in the 1970s*. Guildford: University of Surrey.

Howarth, D. 1968. *Waterloo: Day of battle.* New York: Atheneum.

Hull, A. H. 1987. *Goya: Man among kings.* New York: Hamilton Press.

Huxley, T. H. 1905. *Evolution and ethics and other essays.* New York: D. Appleton.

Hyslop, J. H. 1909. *A case of veridical hallucinations.* Proceedings of the American Society for Psychical Research. 3: 1–469.

–. 1919. Contact with the other world. New York: The Century Co.

Iamblichus. 1965. *Life of Pythagoras.* Translated by Thomas Taylor. London: John M. Watkins. (First published in c. 310.)

Inge, W. R. 1941. *The philosophy of Plotinus.* 3d ed. 2 vols. London: Longmans, Green and Co.

Inglehart, R., Basanez, M., and Moreno, A. 1998. *Human values and beliefs: A cross-cultural sourcebook.* Ann Arbor: University of Michigan Press.

Johnson, P. 1976. *A history of Christianity.* Harmondsworth, Middlesex: Penguin.

Kampman, R. 1973. *Hypnotically induced multiple personality: An experimental study.* Acta Universitatis Ouluensis, series D, Medica no. 6. Psychiatrica no. 3, pp. 7–116.

–. 1975. *The dynamic relation of the secondary personality induced by hypnosis to the present personality.* Psychiatria Fennica (1975): 169–72.

–. 1976. *Hypnotically induced multiple personality: An experimental study.* International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis 24: 215–27.

–, and Hirvenoja, R. 1978. *Dynamic relation of the secondary personality induced by hypnosis to the present personality.* In Hypnosis at its bicentennial, edited by F. H. Frankel and H. S. Zamansky. New York: Plenum Press.

Kaspar, W. 1990. *Reincarnation et christianisme.* La documentation catholique. Number 2005, May 6, 1990, 453–55.

Keltie, J. S., ed. 1875. *A history of the Scottish highlands, highland clans and highland regiments.* Edinburgh: A. Fullerton.

Ker, W. P. 1904. *The dark ages.* New York: Charles Scribner's Sons.

Kraus, O., and Kulka, E. 1966. *The death factory: Document on Auschwitz.* Oxford: Pergamon Press.

Kruger, M. 1996. *Ichgeburt: Origenes und die Entstehung der christlichen Idee der Wiederverkor-perung in der Denkbewegung von Pythagoras bis Lessing.* Hildesheim: Georg Olms Verlag.

Lafond, P. 1907. *Les dernieres annees de Goya en France.* Gazette des beaux arts. 1: 114–31 and 241–57.

Lambert, Y. 1994. *La religion: Un paysage en profonde evolution.* In Les valeurs des francais, edited by H. Riffault. Paris: Presses Universitaires de France.

Lancelin, C. c. 1922. *La vie posthume.* Paris: Henri Durville.

Laurence, J. 1960. *A history of capital punishment.* New York: The Citadel Press.

Laurie, W. F. B. 1880. *Our Burmese wars and relations with Burma, being an abstract of military and political operations.* 1824–26 and 1852–53. London: W. H. Allen.

Leasor, J. 1957. *The millionth chance: The story of the R 101.* New York: Reynal and Company.

Lemmer, M., trans, and ed. 1981. *Das Leben der heiligen Elisabeth.* Vienna: Verlag Styria.

Lengyel, O. 1947. *Five chimneys: The story of Auschwitz.* Chicago: Ziff-Davis.

Le Roy Ladurie, E. 1975. *Montaillou, village occitan de 1294 a 1324.* Paris: Editions Gallimard. (American edition: Montaillou: The promised land of error. Translated by Barbara Bray. New York: George Braziller, 1978.)

Lockhart, L. 1958. *The fall of the Safavi dynasty and the Afghan occupation of Persia.* Cam bridge: Cambridge University Press.

–. 1960. *Persian cities.* London: Luzac and Company.

Lund, D. H. 1985. *Death and consciousness.* Jefferson, NC: McFarland and Company.

Lundin, C. L. 1957. *Finland in the Second World War.* Bloomington: Indiana University Press.

Macbride, M. ed. 1911. *With Napoleon at Waterloo.* London: G. Bell and Sons.

Macdonald, A. 1934. *The old Lords of Lovat and Beaufort.* Inverness: The Northern Counties Newspaper and Printing and Publishing Company.

MacGregor, G. 1978. *Reincarnation in Christianity.* Wheaton, IL: The Theosophical Publishing House.

McKellar, P. 1957. *Imagination and thinking.* New York: Basic Books.

Mackenzie, A. 1896. *A history of the Frasers of Lovat.* Inverness: A. and W. Mackenzie.

Mackie, R. L. 1962. *A short history of Scotland.* Edinburgh: Oliver and Boyd. (First published in 1930.)

McTaggart, J. M. E. 1906. *Some dogmas of religion.* London: Edward Arnold.

Madaule, J. 1961. *Le drame albigeois et le destin francais.* Paris: Bernard Grasset.

Mass-Observation. 1947. *Puzzled people: A study in popular attitudes to religion, ethics, progress and politics in a London Borough.* London: Victor Gollancz.

Mead, G. R. S. ed. 1921. *Pisfis Sophia: A gnostic miscellany.* 2d ed. London: John M. Watkins.

Mesquita, D. M. B. de. 1941. *Giangaleazzo Visconti.* Cambridge: Cambridge University Press.

Moncreiffe, I., and Hicks, D. 1967. *The highland clans.* London: Barrie and Rockliff.

Monumenta Boica. 1765. *Munich: Edidit Academia Scientiarum Maximilianea.* (Cited by G. Oswald in a letter to G. Neidhart of Fine 28, 1956.)

Mooney, M. M. 1972. *The Hindenburg.* New York: Dodd, Mead.

Moratin, L. F. de. 1929. *Epistolario de Leandro Fernandez de Moratin.* Madrid: Compania Ibero-Americano de Publicaciones.

Murphy, F.-X., and Sherwood, P. 1973. *Histoire des Conciles Oecumeniques: Constantinople II and Constantinople III.* Paris: Editions de l'Orante.

Neale, J. P. 1821. *Views of the seats of noblemen and gentlemen in England, Wales, Scotland and Ireland.* London: Sherwood, Neely and Jones. Vol. iv.

Neidhart, G. 1957. *Werden Wir Wiedergeboren?* Munich: Gesellschaft fur religiose und geistige Erneurung.

Neppe, V. 1983. *The psychology of deja vu: Have I been here before?* lohannesburg: Witwatersrand University Press.

Norwich, J. J. 1982. *A history of Venice.* New York: Alfred A. Knopf.

Nyiszli, M. 1993. *Auschwitz: A doctor's eyewitness account.* Translated by T. Kremer and R. Seaver. New York: Arcade Publishing. (First published in 1960.)

Origen. 1973. *On first principles.* Translated by G. W. Butterworth. Gloucester, MA: Peter Smith.

Orne, M. T. 1951. *The mechanisms of hypnotic age regression: An experimental study.* Journal of Abnormal and Social Psychology 46: 213–25.

Osty, E. 1923. *La connaissance supra-normale: Etude experimentale.* Paris: Felix Alcan. (English edition: Supernormal faculties in man. Translated by S. de Brath. London: Methuen and Company, 1923.)

–. 1928. *Augustin Lesage. Peintre sans avoir appris.* Revue metapsychique, Janfev 1–35.

Oswald, G. 1952. *Die Geschichte der Stadt Regen.* Regen: Verlag Wilhelm Dirmaier.

Paget, J. and Saunders, D. 1992. *Hougoumont: The key to victory at Waterloo.* London: Leo Cooper.

Palmer, J. 1979. *A community mail survey of psychic experiences.* Journal of the American Society for Psychical Research 73: 221–51.

Paterson, R. W. K. 1995. *Philosophy and the belief in a life after death.* London: Macmillan.

Philostratus. 1912. *The life of Apollonius of Tyana.* Translated by F. D. Conybeare. London: William Heinemann.

Plato. 1935. *The Republic.* Translated by A. D. Lindsay. London: J. M. Dent.

–. 1936. *Five Dialogues.* Translated by P. B. Shelley, F. Sydenham, H. Cary, and J. Wright. London: J. M. Dent.

Plotinus. 1909. *Select works of Plotinus.* Translated by T. Taylor. London: George Bell and Sons.

Prat, F. 1907. *Origene: he theologien et I'exegete.* Paris: Librairie Bloud.

Prebble, J. 1961. *Culloden.* London: Seeker and Warburg.

Prince, W. F. 1931. *Human experiences: Being a report on the results of a questionnaire and a discussion of them.* Bulletin of the Boston Society for Psychic Research, 14, 1–331.

Quaife, G. R. 1979. *Wanton wenches and wayward wives: Peasants and illicit sex in early seventeenth century Somerset.* London: Croom Helm.

Rautkallio, H. 1987. *Finland and the Holocaust: The rescue of Finland's Jews.* New York: The Holocaust Library.

Rivas, T. 1991. *Alfred Peacock? Reincarnation fantasies about the Titanic.* Journal of the Society for Psychical Research 58: 10–15.

Rochas, A. de. 1924. *Les vies successives.* Paris: Chacornac freres. (First published in 1911.)

Ruhe, B. 1982. Boomerang. Washington, DC: Minner Press.

Runciman, S. 1965. The fall of Constantinople 1453. Cambridge: Cambridge University Press.

–. 1969. *The medieval Manichee: A study of the Christian dualist heresy.* Cambridge: Cambridge University Press.

Ryall, E. W. 1974. *Second time round.* Jersey: Neville Spearman. (American edition published in 1974 under the title of Born Twice. New York: Harper and Row.)

Samona, C. 1911. *Un caso di rincarnazione?* Filosofia della scienza 3: 1–3.

–. 1913a. *Un caso di rincarnazione?* Filosofia della scienza 5: 30–33.

–. scienza 4: 230–33.

–. 1914. *Una breva risposta al professor Morselli del Dottor Carmelo Samona.* Filosofia della Scienza 6: 163–64.

Sanchez Canton, F. J. 1951. *Vida y obras de Goya.* Madrid: Editorial Peninsular.

Savoia, M. J. di. 1956. *Amedeo VI e Amedeo VII di Savoia.* Milan: Arnoldo Monadori Editore.

Scheffczyk, L. 1985. *Der Reinkarnationsgedanke in der altchristlichen Literatur.* Munich: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften.

Schonborn, C. 1990. *La reponse chretienne au defi de la reincarnation.* La documentation cathologue. Number 2005, May 6, 1990, 456–58.

Schopenhauer, A. 1891. *Parerga und Paralipomena.* In Arthur Schopenhauers sammtliche Werke. Vol. 2. Leipzig: F. U. Brockhaus. (First published in 1851.)

Secrest, M. 1986. *Salvador Dali.* New York: E. P. Dutton.

Segal, N. 1999. *Entwined lives: Twins and what they tell us about human behavior.* New York: Dutton.

Seton, B. G., and Arnot, J. G. 1928. *The prisoners of the Forty-five.'* Edinburgh: Scottish History Society. (Cited by I. C. Taylor in letter of December 5, 1967.)

Singer, D. W. 1950. *Giordano Bruno: His life and thought.* New York: Henry Schuman.

Smith, M. J. 1995. *Dachau: The harrowing of Hell.* Albany, NY: State University of New York Press.

Sno, H. N., and Linszen, D. H. 1990. *The deja vu experience: Remembrance of things past?* American Journal of Psychiatry 147: 1587–95.

Spanos, N. 1996. *Multiple identities and false memories: A sociocognitive perspective.* Washington: American Psychological Association.

Spanos, N. P., Menary, E., Gabora, N. J., DuBreuil, S. C, and Dewhirst, B. 1991. *Secondary identity enactments during hypnotic past-life regression: A sociocognitive perspective.* Journal of Personality and Social Psychology 61: 308–20.

Spears, E. 1967. *The picnic basket.* London: Seeker and Warburg.

Sprater, F., and Stein, G. 1971. *Der Trifels.* Speyer am Rhein: Verlag des historischen Museums der Pfalz.

Stanley, M. P. 1989. *Christianisme et reincarnation: Vers la reconciliation.* Saint-Martin-le-Vinoux: L'or du Temps.

–. 1998. *Reincarnation: La nouvelle affaire Galilee?* Paris: Editions Lanore.

Stevens, J. E. ed. 1986. *Coke's first 100 years.* Shepherdsville, KY: Keller International Publishing Corporation.

Stevenson, 1. 1960. *The evidence for survival from claimed memories of former incarnations.* Journal of the American Society for Psychical Research 54: 51–71 and 95–117.

–. 1970a. *Telepathic impressions: A review and report of thirty-five new cases.* Charlottesville: University Press of Virginia. (Also published as Volume 29 of the Proceedings of the American Society for Psychical Research.)

–. 1970 b. *Precognition of disasters.* Journal of the American Society for Psychical Research 64: 187–210.

–. 1974 a. *Some questions related to cases of the reincarnation type.* Journal of the American Society for Psychical Research 68: 395–416.

–. 1974b. Xenoglossy: *A review and report of a case.* Charlottesville: University Press of Virginia. (Also published as Volume 31 of the Proceedings of the American Society for Psychical Research.)

–. 1974c. *Introduction to Second Time Round by E. W. Ryall*. lersey: Neville Spearman.

–. 1983. *Cryptomnesia and parapsychology.* Journal of the Society for Psychical Research 52: 1–30.

–. 1984. *Unlearned language: New studies in xenoglossy.* Charlottesville: University Press of Virginia.

–. 1990. *Phobias in children who claim to remember previous lives.* Journal of Scientific Exploration 4: 243–54.

–. 1992. *A new look at maternal impressions: An analysis of 50 published cases and reports of two recent examples.* Journal of Scientific Exploration 6: 353–73.

–. 1994. *A case of the psychotherapist's fallacy: Hypnotic regression to «previous lives.»* American Journal of Clinical Hypnosis 36: 188–93.

–. 1997. *Reincarnation and biology: A contribution to the etiology of birthmarks and birth defects.* 2 vols. Westport, CT: Praeger.

–. 2001. *Children who remember previous lives: A question of reincarnation, rev. ed.* Jefferson, NC: McFarland & Company, Inc. (First published in 1987; Charlottesville: University Press of Virginia.)

–, and Chadha, N. K. 1990. *Can children be stopped from speaking about previous lives? Some further analyses of features in cases of the reincarnation type*. Journal of the Society for Psychical Research 56: 82–90.

–, and Cook, E. W. 1995. *Involuntary memories during severe physical illness or injury.* Journal of Nervous and Mental Disease 183: 452–58.

–, and Keil, J. 2000. *The stability of assessments of paranormal connections in reincarnation-type cases.* Journal of Scientific Exploration 14(3): 365–82.

–, Pasricha, S., and McClean-Rice, N. 1989. *A case of the possession type in India with evidence of paranormal knowledge.* Journal of Scientific Exploration 3: 81–101.

Stokes, H. 1914. *Francisco Goya.* New York: G. P. Putnam's Sons.

Story, F. 1975. *Rebirth as doctrine and experience.* Kandy, Sri Lanka: Buddhist Publication Society. (First published in 1959.)

Taylor, I. C. 1965. *Culloden: A guidebook to the battlefield with the story of the battle, the events leading to it and the aftermath.* Edinburgh: The National Trust for Scotland.

Tertullian. *Apologetical Works.* 1950. Translated by E. A. Quain. New York: Fathers of the Church.

Thomas Aquinas (Saint). 1984. *Questions on the soul.* Translated by J. R. Robb. Milwaukee, WI: Marquette University Press. (First published c. 1269.)

Thomas, J. 1991. *The boomerangs of a pharaoh*. Paris: Privately published.

Toland, J. 1972. *The great dirigibles: Their triumphs and disasters.* New York: Dover Publications.

Townend, P. 1963. *Burke's peerage, baronetage, and knightage.* 103d ed. London: Burke's Peerage Limited. (First published in 1826.)

Trant, T. A. 1827. *Two years in Ava from May 1824 to May 1826.* London: John Murray.

Tucker, J. B. 2000. *A scale to measure the strength of children's claims of previous lives: Methodology and initial findings.* Journal of Scientific Exploration 14: 571–81.

United States Government Printing Office. 1945. *Handbook on German military forces.* War Department Technical Manual TM-E 30–451 March 15, 1945.

Vaccarone, L. 1893.1 *Challant e low Questioni per la Successione ai Feudi dal XII al XIX Secolo.* Turin: F. Casanova Editore.

Vale, W. L. 1969. *History of the South Staffordshire Regiment.* Aldershot: Gale and Polden.

Venn, J. 1986. *Hypnosis and the reincarnation hypothesis: A critical review and intensive case study.* Journal of the American Society for Psychical Research 80: 409–25.

Von Muller, F. 1924. *Das Land der Abtei im alten Furstentum Passau.* Landshut: Sonderabdruck aus den Verhandlungen des historischen Vereins fur Niederbayern.

Wallis, R. T. 1972. *Neoplatonism.* London: Duckworth.

Walter, T., and Waterhouse, H. 1999. *A very private belief: Reincarnation in contemporary England.* Sociology of Religion 60: 187–97.

Waterhouse, H. 1999. *Reincarnation belief in Britain: New age orientation or mainstream option?* Journal of Contemporary Religion 14: 97–109.

Watters, P. 1978. *Coca-Cola: An illustrated history.* Garden City, NY: Doubleday and Company.

Wells, G. L., and Murray, D. M. 1984. *Eyewitness confidence.* In Eyewitness testimony, edited by G. L. Wells and E. F. Loftus. Cambridge: Cambridge University Press.

Wigfield, W. M. 1980. *The Monmouth rebellion: A social history.* Bradford-on-Avon: Moonraker Press.

–. (Compiler). 1985. *The Monmouth rebels 1685.* Gloucester: Alan Sutton.

Wilson, I. 1981. *Mind out of time?* London: Victor Gollancz.

Young, P., and Adair, I. 1964. *Hastings to Culloden.* London: G. Bell and Sons.

Zolik, E. S. 1958. *An experimental investigation of the psychodynamic implications of the hypnotic «previous existence» fantasy.* Journal of Clinical Psychology 14:179–83. (Also unpublished case reports presented at the meeting of the American Psychological Association, 1958.)

–. 1962. *«Reincarnation» phenomena in hypnotic states.* International Journal of Parapsychology 4(3): 66–78.